

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

И. В. Кряж

ПСИХОЛОГИЯ
ГЛОБАЛЬНЫХ
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ

Монография

Харьков – 2012

УДК 159.9:504.05
ББК 88.4
К 85

Рецензенты:

Е. Ф. Иванова – доктор психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

В. А. Скребец – доктор психол. наук, профессор, зав. кафедрой экологической психологии и психического здоровья Черниговского национального педагогического университета имени Т. Г. Шевченко

Ю. М. Швалб – доктор психол. наук, профессор, заведующий лабораторией экологической психологии Института психологии имени Г. С. Костюка НАПН Украины

*Утверждено к печати решением Ученого Совета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 7 от 27.06.2011 г.)*

Кряж И. В.

К 85 Психология глобальных экологических изменений: монография / И. В. Кряж. – Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. – 512 с.

ISBN 978-966-623-877-4

В монографии освещаются психологические аспекты антропогенных экологических изменений. Проводится анализ ценностных и мировоззренческих аспектов антропогенного экологического кризиса. Впервые в отечественной научной литературе дается обширный обзор психологических исследований по проблеме глобальных изменений, выполненных зарубежными психологами за последние 40 лет; проводится анализ работ в области психологии экосохранения. Приводятся результаты авторских эмпирических исследований, сосредоточенных вокруг проблемы смысловой регуляции экологически релевантного поведения. Обсуждаются психологические проблемы социального продвижения экологически ответственного поведения.

Адресуется специалистам в области экологической, социальной, общей психологии, практическим психологам, экологическим менеджерам, экологами, социологам, философам, педагогам, студентам и всем, кто задумывается о ближайшем будущем человечества.

УДК 159.9:504.05
ББК 88.4

ISBN 978-966-623-877-4

© Кряж И. В., 2012

© Будник О. В., макет обложки, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
Благодарности.....	9
РАЗДЕЛ I. ОСОЗНАНИЕ ПРОБЛЕМЫ «ЧЕЛОВЕК-ПРИРОДА» КАК ОТВЕТ НА АНТРОПОГЕННЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ.....	11
Глава 1. Движение за сохранение дикой природы.....	12
1.1. «Природа есть символ духа».....	12
1.2. Беспокойство о природе как жизненной среде человечества.....	15
1.3. Зарождение заповедного дела.....	17
1.4. Международное движение сохранения природы.....	19
1.5. Резюме: ценностные смыслы природы.....	22
Глава 2. Движение защиты животных.....	25
2.1. Охрана животных с позиций утилитаризма.....	25
2.2. Пересмотр отношения человека к другим животным в индустриально развитых странах.....	27
2.2.1. <i>Общества покровительства животным</i>	27
2.2.2. <i>Отношение к животным в научной среде XIX в.</i>	30
2.2.3. <i>Вегетарианство об отношении к животным</i>	31
2.2.4. <i>Защита животных в дикой природе</i>	32
2.2.5. <i>Концепция прав животных</i>	35
2.2.6. <i>Биоразнообразие как условие экологической безопасности</i>	38
2.3. Резюме: ценностные аспекты отношения к животным.....	40
Глава 3. Взаимодействие «человек-природа» как этическая проблема: этика благоговения перед жизнью	
А. Швейцера и этика земли О. Леопольда.....	43
3.1. Этика благоговения перед жизнью: основные положения.....	44
3.2. Этика земли: основные положения.....	46
3.3. Сравнительный анализ этических учений Швейцера и Леопольда.....	48
3.4. Этика за пределами человеческого социума: психологические аспекты.....	50
3.5. Резюме: значение этического анализа отношений «человек-природа» для психологических исследований.....	55
Заключение к разделу I.....	56
РАЗДЕЛ II. ТЕМА ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	59
Глава 4. «Путь к выживанию» – «Пределы роста» – «За пределами роста» (конец 1940-х – 2000-е гг.).....	59

4.1. Первые предупреждения о глобальных экологических изменениях (1940-е – начало 1970-х гг.).....	59
4.2. Психологические корни экологического кризиса (вторая половина 1960-х – начала 1970-х гг.).....	64
4.3. Глобальные проблемы развития человечества (конец 1960-х – 1972 г.).....	73
4.4. Колебания экологической озабоченности в обществе (1970-е – 2000-е гг.).....	79
4.5. Резюме: историческое развитие представлений о глобальных экологических угрозах.....	89
Глава 5. Проблема глобальных экологических изменений в международных документах.....	91
5.1. Проблемы окружающей человека среды.....	91
5.2. Проблемы охраны природы	93
5.3. Концепция устойчивого развития	96
5.4. Глобальные экологические угрозы	103
5.5. Резюме: пороги понимания экологических угроз.....	113
Заключение к разделу II.....	115
РАЗДЕЛ III. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТИЧЕСКИХ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ И ЦЕННОСТНЫХ АСПЕКТОВ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ.....	122
Глава 6. Узловые категории в обсуждении экологически устойчивых способов жизнедеятельности.....	122
6.1. Прогресс, технологии, качество жизни.....	122
6.1.1. Конфликтные смыслы в понимании прогресса.....	123
6.1.2. Вера в технологии как барьер для экосберегающего поведения.....	126
6.1.3. Маркетинг: технологии продвижения идеи потребления.....	130
6.1.4. Проблема самобытия технологии.....	136
6.1.5. Экологические смыслы качества жизни.....	140
6.2. Альтруизм и самоограничение	146
6.3. Права и ответственность: экологический контекст.....	155
6.3.1. Нравственные аспекты экологически значимого поведения.....	155
6.3.2. Экологическая ответственность: психологические аспекты этической проблемы.....	158
6.3.3. Экологическая этика о распределении прав в экообществе	163
6.3.4. Экологическое правосудие	164
6.3.5. Права будущих поколений: сохранение природы как инструментальной ценности	167
6.3.6. Права природного мира.....	170
6.4. Резюме: смысловые конфликты в понимании путей решения глобальных экологических проблем.....	185

Глава 7. Антропоцентризм как психологический феномен.....	190
7.1. Функциональное значение антропоцентризма: экологический контекст.....	191
7.2. Антропоцентризм и иерархическая картина мира.....	193
7.3. Антропоцентризм и система ценностей.....	197
7.4. Антропоцентризм и социоцентризм.....	201
7.5. Проэкологические альтернативы антропоцентризму.....	207
7.6. Субъектификация и координация	218
7.7. Антропоцентризм и эгоцентризм	228
7.8. Резюме: антропоцентризм как системная диспозиция.....	232
Глава 8. Проблема ценностей в экологическом контексте.....	234
8.1. Место природы в системе индивидуальных и культурных ценностей	235
8.2. Экологические ориентации в системе индивидуальных терминальных ценностей: эмпирическое исследование.....	248
8.3. Ценностные приоритеты и экологические установки личности.....	262
8.4. Ценностные параметры качества жизни: экологическая составляющая.....	268
8.5. Резюме: ценностные аспекты глобальных экологических изменений	278
Заключение к разделу III.....	281
РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ.....	286
Глава 9. Проблема глобальных экологических изменений в системе эколого-психологического знания.....	286
Глава 10. Экологическая озабоченность личности.....	297
10.1. Экологическая озабоченность (ЭО) как теоретический и измерительный конструкт.....	297
10.1.1. Методы исследования экологической озабоченности.....	299
10.1.2. Структура экологической озабоченности.....	304
10.2. Факторы, влияющие на экологическую озабоченность.....	310
10.3. Экологическая озабоченность как экзистенциальное переживание	316
10.4. Системная организация обыденных представлений о глобальных экологических изменениях: эмпирическое исследование.....	321
10.5. Резюме: экологическая озабоченность как динамическая смысловая система	344
Глава 11. Экологически релевантное поведение.....	346
11.1. Инвайронментализм и экологически релевантное поведение.....	346
11.2. Детерминанты экологически релевантного поведения.....	352
11.2.1. Внешние и внутренние факторы экологически релевантного поведения.....	352

11.2.2. Основные подходы к анализу индивидуального экологически релевантного поведения.....	355
11.3. Экологические установки и проэкологическое поведение.....	361
11.3.1. Методы изучения экологических установок.....	361
11.3.2. Влияние религиозности на экологические установки и проэкологическое поведение.....	365
11.3.3. Связь отношения к природе с проэкологическим поведением.....	368
11.3.4. Комплексный анализ отношения к глобальным экологическим изменениям и отношения к природе.....	371
11.4. Теории экологически релевантного поведения.....	382
11.5. Смысловая динамика экологически релевантных действий: эмпирическое исследование.....	392
11.5.1. Смыслы экологически релевантных действий в ситуации экологического выбора.....	393
11.5.2. Динамика представлений о мотивах экологически релевантных действий.....	404
11.6. Резюме: проблема смысловой регуляции экологически релевантного поведения.....	422
Глава 12. Социальное продвижение экологически ответственного поведения.....	423
12.1. Экологическое образование и экологическое просвещение.....	424
12.1.1. Экологически ответственное поведение как цель экологического образования.....	424
12.1.2. Студенческие социально-экологические проекты как образовательный и исследовательский ресурс.....	431
12.2. Социальный маркетинг как способ продвижения проэкологического поведения.....	441
12.3. Взаимодействие с природой как фактор экосберегающего поведения.....	462
12.3.1. Отдых на природе и проэкологическое поведение.....	463
12.3.2. Переживание связи с природой как фактор проэкологического поведения.....	466
12.4. Резюме: мыслить глобально, действовать локально?.....	476
Заключение к разделу IV.....	478
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	481
ЛИТЕРАТУРА.....	486

РАЗДЕЛ I

ОСОЗНАНИЕ ПРОБЛЕМЫ «ЧЕЛОВЕК-ПРИРОДА» КАК ОТВЕТ НА АНТРОПОГЕННЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Индустриальное развитие XVIII–XIX вв. привело к распространению урбанистических ландшафтов, разрушению сложившихся связей в природных экосистемах, загрязнению окружающей среды. Озабоченность естествоиспытателей наблюдаемой деградацией природной среды стала важным фактором в возникновении и развитии экологической науки [96; 159]. С другой стороны, развитие экологии вело к более глубокому пониманию опасных последствий системных изменений, вызванных средообразующей деятельностью человека. Но такое системное видение происходящих экологических изменений вплоть до 1970-х годов было скорее исключением даже в среде специалистов, не говоря уже о широкой общественности и политиках. Вместе с тем, благодаря усилиям тех, кого Пол Эрлих позже назовет «моральными предпринимателями» [316, с. 37], начиная с конца 1940-х годов экологические аспекты человеческой жизнедеятельности привлекают внимание всё большего числа исследователей из самых разных областей науки. А к концу 1960-х становятся предметом широкого общественного обсуждения.

К «моральным предпринимателям», оказавшим решающее влияние на «продвижение» проэкологического мировоззрения, Эрлих относит жившего в XIX в. Георга Марша и своих современников Олдо Леопольда, Уильяма Vogта, Рэйчел Карсон, Донеллу и Денниса Медоузов. Список может быть существенно расширен, но это не умаляет того значения, которое имели работы исследователей-первопроходцев для развития инвайронментализма. Уже в этих первых работах были обозначены основные «болевые точки» в системе взаимодействий «человек-природа» и подняты вопросы о значении и смыслах природной среды для человека, о психологических механизмах, отвечающих за регуляцию экологически значимого поведения. Поэтому ознакомление с направленностью и основным содержанием этих работ, по возможности учитывающее культурно-исторический и социальный контексты, будет не только оп-

равданным, но и необходимым для психологического анализа смыслов экологически значимых сторон жизнедеятельности.

Как будет показано ниже, в процессе исторического осмысления антропогенных экологических угроз выделяются две тематические линии. Началом их осознания в индустриальном обществе можно считать конец XVIII – начало XIX вв. Вплоть до середины XX в. экологическое беспокойство преимущественно связывалось с ущербом, наносимым природному окружению, т. е. с угрозами для природы. Но, начиная с конца 1940-х гг., экологическое беспокойство связывается с будущим вида *Homo sapiens*, т. е. с прямыми угрозами для существования человека.

Раздел I включает три главы, объединенные природоохранной проблематикой. Движение за сохранение природы, движение защиты животных и зарождение экологической этики рассматриваются здесь как формы проявления беспокойства, вызванного экологическими изменениями.

Глава 1. Движение за сохранение дикой природы

В конце XIX века получает свое развитие идея охраны природы. Хотя первым заповедником в современном понимании стал в 1861 г. лес Фонтенбло во Франции, «фактически мысль о создании заповедников на обширных земельных пространствах зародилась в Соединенных штатах Америки, что вполне закономерно как с исторической, так и с психологической точки зрения» [59, с. 102].

1.1. «Природа есть символ духа»

Зарождение природоохранного движения в США определялось в решающей степени нематериальной ценностью дикой природы. В XIX столетии дикая природа начинает приобретать для американцев значение национального атрибута и предмета гражданской гордости [158]. Как отмечает американский историк Родерик Нэш, известный своими работами в области экологической этики, после завоевания независимости «американцы хотели быть уникальными и достаточно ценными, чтобы превратиться из смущенных провинциалов в гордых и уверенных в себе граждан. ...по крайней мере, в одном американцы могли указать на неповторимую свою черту – дикую природу, не имевшую аналогов в Старом Свете» [там же, с. 37].

У первых европейских переселенцев, привыкших к преобра-

зованным, тесно заселенным ландшафтам Старого Света, природа Северной Америки вызывала отторжение. Вот один из их отзывов, датированный 1620 годом: «отвратительная, дикая природа, полная диких зверей и диких людей. Куда бы они [пуритане] ни обратили свой взор, не считая неба над головой, окружающее не несло им ни покоя, ни утешения» (цит. по: [61, с. 96]). Как пишет У. О. Дуглас, отношение к дикой природе как источнику опасности и нечистой силы, культивировалось в Северной Америке на протяжении долгого времени, и служило оправданием для масштабного уничтожения дикого мира [там же].

Импульс к изменению такого отношения был получен из Европы, в виде романтизма с его атакой на дымные города и тоской по жизни в гармонии с природой [158]. На фоне промышленно загрязненных районов и перенаселенных столиц сохранившиеся участки неосвоенной природы начинают восприниматься просвещенными европейцами как символ духовного освобождения и источник нравственного самосовершенствования. В среде состоятельных обывателей формируется мода на естественные ландшафты, на девственную природу. Если в Англии до XVIII столетия путешественникам, проезжающим в районе пика Дербишир, советовали задергивать шторы в экипажах (дабы избежать лицемерия уродливого и дикого пейзажа), то в XIX веке этот регион уже рекомендуется для посещения как одно из живописнейших мест (по: [14]).

Р. Нэш усматривает в романтизме реакцию на негативные изменения, вносимые в природное окружение в ходе ускоряющегося промышленного развития [158]. Однако европейский романтизм был также ответом и на другие – мировоззренческие – изменения, происходящие в обществе в результате распространения научно-механистических взглядов. На это обстоятельство обращал внимание А. Уайтхед в работе «Наука и современный мир», опубликованной в 1925 г. [207, с. 56–271]. Обращаясь к творчеству английских поэтов-романтиков XIX в., Уайтхед пишет о том, «сколь неестественно и парадоксально видение природы, которое современная наука навязывает нашему мышлению» [там же, с. 142]. На смену целостному рассмотрению приходит оперирование абсолютизируемыми абстракциями, вызывающими у автора скептицизм: «Не кажется ли вам, что унифицированные понятия науки имеют смысл лишь внутри узких ограничений, слишком узких, может быть, и для самой науки?» [там же].

«Литература XIX в., в особенности английская поэзия, свидетельствует о диссонансе между эстетическими интуициями человечества и механицизмом науки. Шелли живо представил нам неуловимость тех вечных объектов, которые заключают в себе чувство, и глуби-

ну их воздействия на более простые организмы. Вордсворт опозитивировал природу как сферу устойчивых длительностей, внутри себя несущих чрезвычайно важную идею. ...И Шелли, и Вордсворт представляют неотразимые доказательства того, что природа неотделима от ее эстетических смыслов, и что эти смыслы порождаются накоплением всеобъемлющего присутствия целого в составляющих его частях» [там же, с. 146]. Уайтхед заключает, что «натуралистская поэзия романтического возрождения была протестом против исключения ценности из сущности факта, протестом, заявляемым от лица органицистского видения природы... **Романтическая реакция была протестом от лица ценности** [выд. – И. К.]» [там же, с. 154].

В США дух и идеи романтизма подхватываются литераторами и философами. В 1836 г. в Бостоне основывается Трансцендентальный клуб, и тогда же выходит эссе Ральфа Эмерсона «Nature», которое стало манифестом нового философского и литературного течения – трансцендентализма. «Природа есть символ Духа» – утверждал Эмерсон [245]. Неисчерпаемая духовная сила природы открывает человеку путь к нравственному очищению, к преодолению границ чувственного восприятия и постижению подлинных смыслов мироздания.

В эссе Эмерсона повествование выстраивается с двух перебегающих точек зрения: человека, находящегося в единой *Природной смыслозадающей системе*, и человека, который принадлежит человеческому социуму, оценивающему *природное окружение* в ракурсе его способности удовлетворять человеческие нужды. В первом случае автор стремится доступными ему языковыми средствами описать общность всего существующего, выступающего для субъекта как природа: «С философской точки зрения вселенная состоит из Природы и Души. Отсюда, строго говоря, следует, что все, отделенное от нас, все, обозначенное в философии как “не-я”, иными словами, как природа, так и искусство, все прочие люди и собственное мое тело должны быть объединены под именем природы» [245, с. 24]. Во втором случае автор занимает антропоцентрическую позицию, раскрывая «полезные приложения мира». И отражающие эту точку зрения высказывания Эмерсона несут двойной смысл. В них отражаются представления о роли человека-господина, хозяина, благом которого измеряется ценность всего существующего. В частности, такая позиция прослеживается в следующих утверждениях: «Все в природе непрерывно трудятся рука об руку для блага человека» [там же, с. 28] или же «природа удовлетворяет и более высокую потребность человека – любовь к красоте» [там же, с. 29]. Однако за этими, ант-

ропоцентрическими по форме, высказываниями стоит стремление повернуть своих собратьев, сосредоточенных на идее материального обогащения, к иной – несводимой к материальной – ценности, воплощенной в Природе. Поэтому, как следует из общего контекста, Эмерсон хочет подчеркнуть, что благо человека зависит от природного мира в его целостности, и этот мир заслуживает доверия и бескорыстного отношения. Когда Эмерсон утверждает: «У нас всего в избытке – звезд и лесов, холмов, животных, людей» [там же, с. 108], в его «мы» («у нас») заложен смысл всеобъемлющего сообщества, которому принадлежит человеческий социум. И только человеческое тщеславие («мы полны тщеславия» [там же, с. 106]) мешает людям осмыслить свою принадлежность к этой изначальной общности и сделать тем самым необходимый шаг на пути к нравственному очищению.

Природа в прямом и символическом смыслах находится в оппозиции к городской жизни, где, по словам горожанина Эмерсона, «стяжательство в общественной и частной жизни создает атмосферу, в которой тяжело дышать» (цит. по: [8, с. 217]). Продолжая эту мысль, трансценденталист Генри Торо в своем известном произведении «Уолден или жизнь в лесу» пишет: «Я ушел в лес потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от нее научиться, чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе не жил. Я не хотел жить подделками вместо жизни» [245, с. 448].

Еще ранее, в 1851 г., одно из своих публичных выступлений Торо начал со слов: «В дикости находится сохранение мира» [158, с. 51]. Благодаря Торо за понятием дикой природы (буквально «дикость» – «wilderness») закрепляется значение нравственной сущности, красоты и неиспорченности. Такое понимание нашло выражение и в движении за сохранение дикой природы.

1.2. Беспокорство о природе как жизненной среде человечества

В Старом свете освоение и коренное преобразование природной среды осуществлялось локально на протяжении многих веков и даже тысячелетий, так что измененные ландшафты воспринимались как результат действия естественных процессов, независимых от человеческой активности. Однако в Северной Америке истребление на значительных территориях дикой природы происходило в считанные десятилетия, часто на протяжении жизни одного поколения, поэтому становилось очевидным влияние человека на изменение физико-географических условий жизни. Об этом влиянии

пишет в своей новаторской работе, изданной в 1863 г., американский географ, родоначальник геоэкологии Георг Марш [134]. Автор стремится «разъяснить истину, что проявляемая человеком сила и по роду и по степени принадлежит к высшему порядку, чем силы, проявляемые другими формами животной жизни, участвующими вместе с человеком на пиру щедрой природы» [там же, с. 7].

Марш обеспокоен стремительным уничтожением природных богатств страны и призывает к **«устойчивости во всех отраслях нашей промышленности, во всех наших занятиях и привычках жизни»** (выд. – И. К.) [там же]. Актуально с позиций настоящего времени звучит не только идея устойчивого развития, но и положения об изменении климата под влиянием человеческой деятельности. Как отмечает Марш, именно невежественное пренебрежение законами природы привело к истощению и опустыниванию некогда плодородных земель Северной Африки, Сирии, Месопотамии, Средиземноморья. В свете этих печальных уроков прошлого особую тревогу вызывает у Марша вырубка лесов в США, которая, по его мнению, достигла предельно допустимых размеров. «Человек слишком долго забывал, что земля дана ему для пользования ее плодами, а не для растраты ее и еще менее для безрассудного уничтожения ее производительности» [там же, с. 38].

Понадобились десятилетия, чтобы призыв Марша сохранить природные ресурсы был воспринят американцами, и почти столетие для осознания предупреждения Марша об угрожающих последствиях антропогенных изменений на Земле. Вот как Г. Пинчот, первый руководитель лесной службы США, характеризовал настроения в американском обществе конца 19 века: «Когда начались “веселые девяностые”, общим словом для обозначения наших лесов было “неистощимые”. Потратить древесину впустую было достоинством, а не преступлением. Здесь повсюду было обилие древесины... Лесопромышленники... расценивали опустошение лесов как совершенно нормальное, а возобновление леса как заблуждение дураков... А что касается длительного урожая, подобная идея никогда не посещала их головы. О немногих друзьях, которые были у леса, говорили, если о них говорили вообще, как о непрактичных теоретиках, фанатиках или как о более или менее “больных на голову”. То, что толковалось о защите леса, значило для среднего американца не более чем жужжание москита, и примерно так же раздражало» (цит. с официального сайта US Forest service).

В целом Марш убежден в том, что человеку отведена особая роль на Земле: «Человек принадлежит к высшему разряду существ, чем те существа, которые рождаются в утробе природы и покоряются ее велениям» [134, с. 38]. Установка Марша на разумное управление человеком природными территориями проявляет-

ся, в частности, в таких словах: «что же касается до завоеванных земель..., то естественные их условия не требуют значительных улучшений. Конечно, надо будет значительно уменьшить количество лесов, спустить излишние воды, проложить дороги..., но географическое и климатическое их качества должны быть, по мере возможности, охраняемы от всяких изменений» [там же, с. 28]. Вместе с тем, Марш напоминает об ограниченности человеческой способности к предвидению и предостерегает людей от самовозвеличения: «Баланс растительной и животной жизни – проблема слишком сложная для человеческого разума, и, возможно, нам не суждено узреть масштабы нашего вмешательства в гармонию природы, поскольку мы лишь суть мельчайшая галька на берегу океана жизни» [134].

1.3. Зарождение заповедного дела

В 1872 г. в США создается Йеллоустоунский национальный парк – первый «общественный парк на благо и радость народа» [59], а в 1890 г. охранный статус получает Йосемитская долина в Калифорнии. В 1892 году группа защитников природы учреждает Сьерра Клуб – неправительственную организацию по защите дикой природы, первым президентом которой стал Джон Мюир, последователь трансценденталистов и выдающийся активист американского заповедного дела. Несколько позже с целью рационального управления природными ресурсами организуется государственная лесная служба под руководством Гиффорда Пинчота. Благодаря его активным действиям и поддержке президента Рузвельта – заядлого охотника, стремящегося сохранить охотничьи угодья, площадь сохраняемых национальных лесов выросла в три раза с 1905 по 1910 г. (данные с официального сайта US Forest service).

Рассматривая такую форму охраны природы, как отведение участков под заповедники, французский исследователь Жак Дорст в своей работе 1965 г. отмечает, что это помогало частично сохранить природу, но не решало проблему. Более того, эта оформившаяся в конце XIX века концепция охраны природы базировалась на разделении земли на две части: малую «заповедную» и основную, отданную «на штурм и разграбление» [59].

На примере природоохранного движения в США можно выделить два подхода к защите природы, различные по своим побуждениям и целям. С позиций одного из них природа воспринималась в качестве ресурса – в том числе, охотничьего и рекреационного, а основной целью охраны природы было рачительное использование ее богатств для максимального блага наибольшего количества

людей в долговременной перспективе [247]. Такой позиции придерживались в США президент Теодор Рузвельт и первый главный лесничий Г. Пинчот. Отстаивая консервацию лесных участков, Пинчот использовал исключительно экономические аргументы и считал неразумным создание заповедников только ради сохранения живописных пейзажей. Представителем другого направления был Дж. Мюир, вслед за трансценденталистами признающий духовную и божественную ценность дикой природы. Мюир настаивал на сакральном значении объектов дикой природы и полагал, что битва за дикую природу есть битва между добром и злом, в которой помогает сам Бог [15]. Именно благодаря усилиям *почитателей* дикой природы создавались первые национальные парки и продвигалась идея сохранения дикой природы в ее целостности.

Но было нечто, что объединяло всех пионеров природоохранного дела, независимо от того, какими соображениями они руководствовались – утилитаристскими или духовно-эстетическими. Всех их характеризовала фрустрированная потребность в контактах с дикой природой. Как подчеркивает Р. Нэш, сторонники охраны природы были выходцами из «цивилизационных островов» – освоенных в промышленном отношении территорий, где в результате человеческой деятельности дикая природа попросту исчезла, и часто – в короткие сроки [158]. Мюир был родом из Англии, Торо и Рузвельт обучались в Гарварде, первые туристы и первые члены Сьерра Клуба были представителями элиты Сан-Франциско. Нэш отмечает «ироничность того факта, что цивилизационный процесс, ставящий под угрозу исчезновения дикую природу, как раз и создает потребность в ней» [там же, с. 173]. Нэш вводит термин «импорт природы» – для обозначения системы, при которой выходцы из стран, где дикая природа стала редкостью, удовлетворяют свою потребность в ней за счет регионов с еще сохранной дикой природой. Как потребители дикой природы, эти люди выступают за ее сохранение. Так, английский джентльмен-охотник Абель Чапмен совершал охотничьи туры по Норвегии и Испании, позже – переключился на сафари в Африке, а в 1899 г. издал книгу «О сафари» с отдельной главой о защите природы [там же].

Превращение природы в модный товар – один из решающих факторов в развитии природоохранного движения. Поскольку природа оказывается ресурсом, сосредоточенным за пределами промышленно развитых стран, именно эти страны – «импортеры природы» – выступают лидерами мирового движения по охране природы. В 1890-е годы Великобритания становится инициатором охраны природы в Африке, и в 1900 г. семь европейских стран под-

писывают ряд статей о защите природы Африки: введение сезонной охоты по охотничьим лицензиям, ограничение методов ловли животных, контроль за торговлей слоновой костью, полная охрана отдельных видов животных (гориллы, жирафы, шимпанзе и др.). Начиная с 1898 г. в Африке создаются охотничьи заповедники и национальные парки [59]. Эти охраняемые территории сохраняли природу как престижный товар, предназначенный для состоятельных туристов. Исключением для того времени стал национальный парк Альберта в бельгийском Конго, организованный для охраны и изучения горилл.

1.4. Международное движение сохранения природы

С начала XX века охрана природы выносятся на повестку дня в большинстве промышленно развитых стран, включая Россию, и становится темой международного обсуждения. На Восьмом Международном зоологическом конгрессе 1910 г. в докладе П. Саразина «Всемирная охрана природы» была поднята проблема масштабного истребления диких животных. Оживленная дискуссия вокруг этого доклада закончилась решением о необходимости объединить усилия ученых и правительств разных стран в деле защиты природы. В 1913 г. в Берне состоялось первое Международное совещание по вопросам природы с участием представителей 17 стран.

«На первом Международном совещании по охране природы П. Саразин говорил о новой китобойной технике, с помощью которой вскоре будут полностью истреблены самые крупные животные за всю историю Земли... Ученый специально отметил в своем докладе, что особенно губительным для целого ряда представителей животного мира является привлечение капиталов к эксплуатации природы и промыслу животных, образование акционерных компаний, которым надо заботиться о высоких доходах, какой бы ценой они ни добывались. Только с помощью капиталистических предприятий были возможны такие бойни, как массовое истребление бизонов в Соединенных Штатах в 70-х годах XIX века. Ежегодно истребляются десятки и сотни тысяч прекрасных гигантов слонов – ради бивней, из которых делают дорогие безделушки. Уничтожаются крупные птицы, имеющие красивое оперение.

Сообщая русскому читателю о прошедшем совещании, русский ученый Г. А. Кожевников подвел итог: "...повсюду развивается движение в пользу охраны природы... Быстрый рост промышленной культуры не считается с интересами природы, и промышленная жажда человека совершает нередко безрассудные опустошения в ее богатствах. Задача охраны природы заключается в том, чтобы класть, где нужно, предел этому опустошению"» [8, с. 315]. Позже, в 1928 г., профессор Кожевников заявил: «Охранять первобытную природу ради нее самой,

смотря на прикладные вопросы как на стоящие на втором плане, – вот основная идея охраны природы» (цит. по: [15, с. 105]). Близкие взгляды о священном праве всего природного на жизнь отстаивал А. П. Семенов-Тянь-Шанский [там же].

Принятые на совещании решения о создании международной комиссии и пропаганде защиты природы так и не были реализованы из-за Первой мировой войны. Позже, в период между двумя мировыми войнами, в ряде стран были созданы комитеты по международной защите природы, международный комитет по охране птиц, а в 1933 г. в Лондоне прошла конференция по защите африканской флоры и фауны, куда прибыли представители всех колониальных стран в Африке. Была подписана конвенция из 16 статей, в том числе о создании, наряду с открытыми для посещения национальными парками, строго охраняемых природных заказников, доступных только для специалистов. По замечанию Нэша, это означало признание самоценности дикой природы, а значит – отход от антропоцентризма, что было необычным для того времени [158]. Тем не менее, в качестве основного аргумента в пользу природоохранных действий называлось удовольствие, получаемое людьми.

Психологическое обоснование защиты природы приводил Р. Маршалл, известный американский поборник дикой природы (1930-е гг.):

- природа снимает отрицательное влияние городской жизни на дух человека,
- природа дает возможность удовлетворить психологическую тягу к преодолению трудностей, к «природной свободе»,
- природа удовлетворяет человеческое желание спокойствия, способствует созерцательности,
- природа удовлетворяет эстетические потребности (по: [158]).

Как видим, в аргументации Маршалла акцентируется нематериальная ценность природы для человека, прежде всего – рекреационная и эстетическая. Природа при этом выступает в качестве оппозиции городской, индустриальной среде и именно в таком качестве раскрывает свою ценность.

После Второй мировой войны организационное оформление международного движения защиты природы происходит стремительными темпами. В 1946 и 1947 годах швейцарцы созывают конференции, благодаря которым в 1948 г. создается организация, известная сейчас как Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП). Согласно уставу, цель этого союза – «сбережение биотической среды всего мира». В качестве главной причины для создания союза была названа зависимость человечества от возобновляемых ресурсов, и в этой утилитаристской

мотивировке звучит предостережение о потенциальной экологической угрозе. Вместе с тем, в уставе отмечено, что «природная красота является одним из высших знаменателей духовной жизни» (цит. по: [158, с. 183]). Там же говорится о ценности диких животных и природных мест, а помимо экономических причин охраны природы (возобновляемых ресурсов) указывались «общественные, образовательные и культурные причины» [там же].

Культурное, в частности эстетическое, значение природы стало решающим для ЮНЕСКО, и в 1962 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает «Рекомендации по охране красот природы, типичных ландшафтов и экосистем».

В 1961 г. в Швейцарии первый генеральный директор ЮНЕСКО сэр Хаксли инициирует создание неправительственной организации Всемирный фонд дикой природы (WWF). Этому предшествовала его поездка в Восточную Африку в 1960 г. и написанные под ее впечатлением статьи о том, что большая часть дикой природы этого региона может исчезнуть в ближайшие 20 лет. Первые значительные пожертвования в фонд, как замечает Р. Нэш, поступали от тех, кто совершал охотничьи сафари в Африке и был обеспокоен уменьшением количества дичи [158]. В 1971 г. новый президент WWF принц Голландии Бернард обратился к тысяче самых влиятельных и известных людей мира с просьбой передать в управление фондом по \$10 тысяч. Собранные \$10 млн составили основу трастового фонда, участие в котором стало знаком принадлежности к мировой элите.

Проблема охраны дикой природы в Африке обострилась после обретения в 1960 г. независимости колониальными странами. Национальные парки и охотничьи заповедники, ориентированные на состоятельных туристов-импортеров дикой природы, были недоступны для коренных жителей стран-экспортеров природы. Так, парк в Найроби, по словам создателей, – это «игровая площадка для цивилизованных людей», которую приходилось защищать от местного населения [158, с. 185].

Для поощрения природоохранной деятельности на африканском континенте в 1961 г. проводится Симпозиум по охране природы и природных ресурсов в современных государствах Африки, а в 1963 г. принимается Хартия по охране природы Африки. В этом документе руководители независимых африканских государств «торжественно заявили о своей приверженности принципам сохранения природных ресурсов континента и взяли на себя ответственность перед народами Африки по сохранению африканской природы путем ее рационального использования. ...После долгих и сложных переговоров 15 сентября 1968 г. главы 38 государств и правительств Африки подписали

новую Африканскую конвенцию по охране природы и природных ресурсов» [149].

Поддержание природных резерватов связывается с решением двух проблем: привлечение туристов из развитых стран и борьба с браконьерами-аборигенами. По словам Д. Фосси – выдающейся исследовательницы горилл, «пытаясь навязать мысль о том, что дикая фауна – бесценное достояние, иностранцы забывали, что для большей части местного обнищавшего и инертного населения дикие животные всего лишь неприятная помеха и их можно терпеть постольку, поскольку они сулят получение какой-либо экономической выгоды в виде бивней, мяса или шкур» [215, с. 253]. Чтобы убедить местное население в необходимости природных резерватов, на первый план выносятся их финансовая отдача. Поэтому используются такие аргументы: «Наши национальные парки приносят Танзании хорошие деньги – берегите их» или «Лев приносит парку Амбозели 515 тыс. долларов, а браконьер получает только 1150 долларов» [158, с. 174].

В 1970-х годах проблема сохранения дикой природы начинает рассматриваться в контексте проблемы глобальных экологических изменений как важный компонент проблемы экологической безопасности. Эта тенденция отражается во Всемирной стратегии охраны природы, подготовленной МСОП (IUCN) при сотрудничестве и финансовой поддержке Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и WWF и опубликованной в 1980 г. [31]. Это первый документ, где формулируются задачи устойчивого развития: «Цель сохранения – в обеспечении способности Земли к устойчивому развитию и поддержанию всего живого» [там же]. В процессе подготовки документа стало очевидным изменение отношения к охране природы. На смену чрезмерной уверенности в том, что природа может быть сохранена путем создания резерватов, пришло осознание глобального характера изменений и ограниченности возможностей такой стратегии [1]. Показательным в этом отношении является также изменение миссии WWF: от создания заповедников и спасения редких видов [59] к остановке нарастающей деградации естественной среды планеты.

1.5. Резюме: ценностные смыслы природы

Проведенный обзор развития природоохранного движения показывает, что первые проявления экологического беспокойства как реакции на негативные последствия индустриального развития, были связаны с осмыслением ценности природы. По мере промышленной разработки природных ресурсов, ведущей к разрушению естественных ландшафтов, истреблению целых видов животных и растений и загрязнению среды, природа становилась

ценностью барьерного типа, привлекательность которой «пропорциональна величине препятствий, мешающих удовлетворению соответствующей потребности» [233, с. 6].

Среди тех, кто первым отреагировал на экологические изменения, были романтически настроенные любители природы, ученые-натуралисты, дальновидные лесоводы, а также состязательно настроенные любители природы (любители спортивной охоты, рыбалки и приключений). Сохранение природы стало для этих людей значимой инструментальной ценностью, или, в понимании М. Рокича, – тем образом действий, который является предпочтительным в различных ситуациях [433]. Смысл такого образа действий раскрывается в общем контексте жизнедеятельности и определяется терминальными ценностями – конечными жизненными целями и устремлениями. Как показывает анализ аргументации, используемой лидерами природоохранного движения, в качестве основных ценностных смыслов защиты природы выделялись следующие:

- духовно-нравственная ценность природы: природа – место нахождения Бога, трансцендентный идеал; природа раскрывает лучшее, что есть в человеке, позволяет ему обрести внутреннюю гармонию; природа есть безусловная ценность. Такое понимание природы в промышленной цивилизации было заложено представителями романтизма в искусстве, развито трансценденталистами и впервые реализовано в практике защиты природы Дж. Мюиром;
- ценностные смыслы безопасности: природа как уязвимая жизненная среда, от состояния которой зависит выживание людей. Одним из первых, кто акцентировал смыслы природы как условия и индикатора экологической безопасности наций и человечества в целом, был Г. Марш, однако для того, чтобы эти смыслы реализовались в природоохранной деятельности, потребовалось почти столетие;
- долговременная экономическая ценность природы: природа – источник благосостояния для всех людей. В отличие от тех, кто хищнически истреблял природный мир, стремясь к личному обогащению, экономически ориентированные сторонники сохранения природы отстаивали принципы равных прав и социальной справедливости при пользовании общим природным ресурсом. Таким образом, экономические смыслы природы раскрываются как смыслы общественного достояния. Идею долговременного и справедливого природопользования отстаивал Г. Пинчот в США [247]; эта идея получила свое развитие в СССР, как отвечающая

задачам социалистического строительства [253]. Еще один аспект экономических смыслов охраны дикой природы – «экспорт дикой природы», превращение ее в источник дохода;

- эстетическая и символическая ценность природы: определяется красотой природных ландшафтов, отдельных уголков природы, красотой растений и животных; природа как символ высших ценностей и идеалов. Обращение к эстетической и символической ценности было одним из способов отстоять трансцендентную, духовную ценность природы;
- научно-исследовательская ценность природы: охраняемые природные территории рассматриваются как полигон для научных исследований и/или как образовательные площадки. Научно-образовательные цели преследовались при создании одного из первых национальных парков США – Йосемити, для научных исследований был открыт национальный парк Альберта в Бельгийском Конго, особый акцент на научной ценности заповедников делался в СССР;
- рекреационная ценность природы: природа как место отдыха, как «игровая площадка» для спортивной охоты и рыбалки, возможность проверить себя в единоборстве с природой, освободиться от социального давления. Именно эти ценностные смыслы оказались решающими для охраны природы на африканском континенте в первой половине XX века. В последние десятилетия рекреационные смыслы воплощены в концепции экотуризма на территории национальных парков и заповедников. Становясь способом продвижения дикой природы как товара, рекреационные смыслы объединяются с экономическими смыслами природы. Неизбежное следствие такого симбиоза – освоение дикой природы, развитие инфраструктуры для отдыха в ущерб дикой природе;
- участие в защите природы как подтверждение своего особого социального и финансового статуса: членство в элитных клубах (таких как «Трест 1001»), присвоение своего имени заповеднику, создание частных заповедников, «подарок Земле» (акция WWF, позволяющая элитам продемонстрировать свое природоохранное лидерство) и т. п. Парадокс такого покровительства природе состоит в том, что на финансирование охраны природы идут средства, получение которых связано с дальнейшей деградацией природного окружения.

С первых шагов природоохранное движение оказалось связанным со смысловой оппозицией, выразившейся в противоположных ценностных ориентациях сторонников сохранения природы.

Трансцендентные, духовные смыслы дикой природы, дополненные эстетическим и символическим ее значением, противопоставляются потребительским, товарным смыслам природных ресурсов. Рекреационные смыслы природы во многих случаях становятся подтверждением ее экономической ценности и психологической основой для импорта природы как модного товара.

Глава 2. Движение защиты животных

В истории движения защиты животных прослеживается несколько самостоятельных линий развития, с различной мотивацией и направленностью действий участников. Прежде всего, здесь можно выделить утилитаристский подход и подход, связанный с пересмотром отношения человека к другим животным.

2.1. Охрана животных с позиций утилитаризма

Утилитаристская позиция в охране животных наиболее ярко проявляется в отношении к животным как полезному ресурсу, непосредственно используемому человеком, что прямо связано с охотой и/или промышленной добычей животных.

В историческом ракурсе охрана природных территорий в Европе изначально преследовала цели сохранения исчезающей дичи. Так, в XIII веке мазовецкий князь Болеслав запретил охоту на зубра, столетием позже такой же запрет был наложен литовским князем Ягелло, а в 16 веке польский король Сигизмунд III объявил заповедной всю территорию, на которой жили зубры [59]. Однако во всех этих и подобных им эпизодах защита животных диктовалась утилитарными охотничьими интересами – желанием сохранить для себя, а по возможности и для потомков, ценную дичь. Сама же охота трансформировалась в спортивное развлечение для привилегированных слоев общества, во владении которых и находились места обитания диких животных. Как было отмечено ранее, многие современные природные резерваты были созданы в начале XX века по инициативе и при непосредственном участии любителей спортивной охоты, обеспокоенных сокращением ценной дичи и желающих взять отстрел оставшихся животных под контроль.

Отметим сразу, что природоохранные инициативы охотников были исключением на фоне безудержного стремления воспользоваться последней возможностью и заполучить ценную добычу. Ведь чем более редкой становилась дичь, тем большую ценность и притягательность обретала она как объект охоты. Более того, в действо истребления включались новые игроки – коллекционеры и ученые, стремящиеся

приобрести редкие экспонаты. Из печального множества примеров остановимся на одном, повествующем об исчезновении эскимосского кроншнепа: «Чем реже встречались в жизни кроншнепы, тем стремительнее росли цены на “образцы”, и орнитологи бешено соревновались друг с другом в приобретении нескольких оставшихся шкурок. Согласно данным известного американского натуралиста д-ра Чарльза Таунсенда, стая из восьми кроншнепов появилась осенью 1912 года над заливом Сандвич. Семь из них тут же подстрелили, и шкурки пяти птиц с благодарностью от науки приняты в Гарварде другим известным орнитологом, д-ром Уильямом Брустером... К 1919 году цена одной шкурки кроншнепа достигла 300 долларов, и, конечно, при такой цене за свою голову несколько уцелевших птиц имели мало шансов продлить собственное существование. В 1924 и 1925 годах два последних экземпляра кроншнепов, залетевших в район Буэнос-Айреса, дополнили коллекцию аргентинского Национального музея естественной истории» [151, с. 47–48].

В XIX–XX столетиях интенсивно развивалась промышленная добыча животных, приводя к резкому сокращению популяций, а в отдельных случаях – к истреблению видов в целом. Чтобы добиться регулирования подобных промыслов путем введения запретов и ограничений на государственном или межгосударственном уровне, требовалось обоснование практической пользы от сохранения тех или иных видов в долгосрочной перспективе. Практически во всех международных соглашениях по охране животных, принятых в конце XIX – начале XX столетий, речь идет о тех видах, экономическая польза от использования которых очевидна. Это Договор о регулировании лова лососей в бассейне Рейна (1886 г.), Конвенция о рыболовстве в водах Дуная и Прута (1907 г.), Конвенция по охране котиков в северной части Тихого океана (1911 г.), Конвенция по регулированию лова морской и речной камбалы в районе Балтийского моря (1929 г.) и др. [149]. В 1895 и 1902 гг. в Париже прошли международные совещания любителей птиц, благодаря которым был принят документ с показательным названием: Международная конвенция по охране птиц, *полезных в сельском хозяйстве* [59]. И хотя практически во всех культурах птицы имеют особое символическое значение, потребовалось дать обоснование *конкретной пользы, приносимой ими человеку*, чтобы отстоять ценность отдельных видов птиц и их право на жизнь.

Только в 1950 г. была подписана новая Конвенция по охране птиц, распространяющаяся на *все виды* диких птиц, включая перелетных, *в их естественной среде обитания* и защищающая их не только от полного истребления, но и *от уменьшения численности*. Изменения дискурса прослеживаются также в последующих

природоохранных документах второй половины XX века, что указывает на наметившиеся подвижки в отношении значительного числа людей к охране животных. На такой сдвиг оказали влияние два фактора: движение за права животных и заметное ухудшение экологической ситуации.

2.2. Пересмотр отношения человека к другим животным в индустриально развитых странах

В начале XIX века в Англии зарождается движение защиты животных. Требование изменить отношение к животным, озвученное одиночными представителями высшего сословия, получило со временем свое юридическое и организационное оформление и нашло поддержку в большинстве промышленно развитых стран. Психологической основой движения защиты животных были сострадание и стремление к опеке и покровительству. Длительное время это движение не было связано с идеями сохранения природы и держалось в стороне от происходящих в мире экологических изменений. Однако отстаиваемое его участниками сострадательное отношение к животным, находящимся рядом с людьми, стало поддержкой для защитников дикой природы. В XX веке защита животных начинает ассоциироваться с идеей права животных на жизнь и воспринимается как важный аспект природоохранного движения. В последней четверти столетия, перед лицом экологической угрозы, защита прав животных становится неотъемлемой частью инвайронментализма. Вместе с тем, в современном движении защиты животных можно выделить два направления в зависимости от доминирующего отношения к животным: как самостоятельным субъектам или как объектам опеки и покровительства.

Чтобы понять, каким образом движение, зародившееся почти два столетия назад, повлияло на осознание проблемы экологической безопасности, и было ли это влияние однозначным, следует обратиться к истории его возникновения и развития.

2.2.1. Общества покровительства животным

В 1809 году лорд-канцлер Эрскин, выступая в палате лордов, сказал: «Без сострадания к животным нет истинно хорошего воспитания, нет истинно доброго сердца» (цит. по: [15, с. 31]). В этих словах объединились пафос Просвещения и чувствительность романтизма. Обращение лорда Эрскина было реакцией на жестокое обращение с животными, распространенное не только в простонародье, но и среди высших сословий.

«В Итоне, известнейшей английской школе с XVII века, популярной забавой было забивать насмерть барана (этот вид спорта был запрещен лишь в 18 веке). Охота на утку, связанную с совой, травля быков, барсуков и кошек, бои собак – все эти развлечения были распространены в частных школах для мальчиков с полного одобрения начальства. К концу XVII века появилась новая форма мучений для животных – вивисекция (иначе “живосечение”, т. е. манипуляции на живых животных). Ею стали заниматься все: и ученые, и шарлатаны, и царедворцы, и лекари. Болезненные эксперименты на животных, такие, как вскрытие живых животных без наркоза и манипуляции на их органах, более двух веков считались нормой в биомедицинских исследованиях» [162, с. 45].

Своего рода научной индульгенцией на издевательство над животными стала рационалистическая доктрина Декарта, отказавшая животным в чувствах и сводившая все жизненные проявления животных к механическим процессам. Общепринятым является положение о том влиянии, которое оказали на Декарта достижения механики и теория Ньютона. Вместе с тем, можно сказать, что учение Декарта о животных как о машинах, представляет собой рационализацию пренебрежительного отношения к животным, характерного для его времени. (Под рационализацией здесь понимается собственно механизм психологической защиты.)

Благодаря настойчивости лорда Эрскина и члена парламента Ричарда Мартина в 1822 г. английский парламент принял первый в Европе закон, предусматривавший уголовное преследование за мучение животных – «Акт по предотвращению жестокого и недостойного обращения со скотом». Двумя годами позже в Лондоне было основано первое в мире общество покровительства животным – Королевское общество защиты животных от жестокости. Число подобных обществ быстро росло в Англии и в других странах Европы, а в 1856 г. общество по предотвращению жестокости к животным начало действовать в США [162]. В 1865 г. было создано Российское общество покровительства животным, поддерживаемое членами царской семьи. К началу 1890-х годов в мире действовало 780 обществ, и было проведено более десяти международных конгрессов покровителей животным.

Первоначальной идеей покровительства животным была защита от напрасных мучений домашних и сельскохозяйственных животных. В дальнейшем задачи обществ покровительства животным были расширены и стали включать в себя «устранение злоупотреблений» при использовании животных, в том числе при охоте, спортивных состязаниях, публичных зрелищах, научных исследованиях (вивисекциях), а также заботу о диких и домашних

животных [172]. В словаре Брокгауза и Ефрона отмечалось: «Идея покровительства животным основывается не только на сострадании, справедливости и благодарности, но также и на том соображении, что оно смягчает грубость нравов и содействует нравственному развитию» [там же].

Таким образом, основные смыслы покровительства животным определялись сопереживанием другим живым существам и заботой о нравственных качествах членов гражданского общества. Сострадание здесь противопоставляется не только жестокости обычая, но и равнодушию механицизма.

О том, как идеи защиты животных воспринимались широкой публикой, можно судить по публикации Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» за 1876 год. Признавая «вековечные» цели Общества, писатель упоминает, что «на почтенное “Общество” были и нападки; я слышал не раз и насмешки» [60, с. 31]. Сострадание животным осмысливается Достоевским как условие просвещения и «очеловечения» народа: «Научившись жалеть скотину, мужик станет жалеть и жену свою» [60, с. 31]. Сострадание может и должно быть противопоставлено ожесточению нравов, основную причину которого писатель видит в «материализме»:

«Материализмом я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь всё, заключает в себе всякую силу... Народ видит и дивится...: “Вот она где, значит, настоящая сила, вот она где всегда сидела; стань богат, и всё твое, и всё можешь.” Развратительнее этой мысли не может быть никакой другой» [60, с. 36]. Тем самым, ценностям социального доминирования Достоевский противопоставляет ценности духовного совершенствования, путь к которому проходит через сострадание к живым существам.

Оригинальная иллюстрация связи, существующей между стремлением к истреблению других живых существ и скрытой тягой к власти, была предложена в XVII веке китайским писателем Пу Сун-Лином (Ляо Чжай) в его сказочной новелле «Великий князь девяти гор» [128, с. 94–101]. Речь идет о некоем студенте Ли, который в нарушение традиций гостеприимства жестоким образом убил членов лисьего семейства, арендовавшего заброшенный сад в его имении. Сумевший уйти от этой бойни старший лис, потеряв своих потомков и желая истребить весь род обидчика, избирает сложный, но верный способ мести. Выдав себя за гадателя-астролога, он называет Ли будущим императором и помогает ему организовать восстание. После серии военных успехов лис покидает Ли, и тот не может противостоять мощному правительственному войску. «Ли захвачен, казнен, и весь его род уничтожен» [там же, с. 100]. В своем послесловии рассказчик

формулирует психологическую закономерность, объясняющую описанные события: «Что до Ли, то уже одно его злодейство с убийством лисиц свидетельствовало о том, что в его сердце имеется корень вора и мятежника. Вот почему лису и удалось вырастить из этого корня побег и затем основать на этом свою месть» [там же, с. 101].

2.2.2. Отношение к животным в научной среде XIX в.

Движение покровительства животным можно рассматривать как проявление более общей тенденции пересмотра отношения к животным. Работы Дарвина, утверждавшие общность человека и других видов животных, способствовали этому пересмотру, ведь «принятие дарвинизма само по себе может возбудить в нас чувство внутреннего родства со всем природным миром» [6, с. 231]. Вместе с тем, идея естественного отбора стала лакмусовой бумагой, проявляющей существующие в обществе установки.

Интерпретация естественного отбора как процесса выживания сильнейшего часто использовалась не только для оправдания социального неравенства, но и для подтверждения естественных прав человека на господствующее положение на Земле. Жестокость в отношении к животным выставлялась как проявление общей эволюционной тенденции, действующей, в том числе, и в животном царстве (см. об этом: [192]). На ошибочность такой интерпретации указывал П. Кропоткин, подчеркивая роль взаимопомощи – внутривидовой и даже межвидовой – в эволюционном процессе [94].

Труды Кропоткина демонстрировали иную установку на восприятие других животных – как товарищей и партнеров по жизни на Земле. Хотя такая установка была скорее исключением, она свидетельствует о процессе реальных изменений, происходящих во второй половине XIX ст. в научных представлениях о животных. Эти изменения подтверждаются ростом научного интереса к поведению и психической жизни животных, а также популярностью исследований, выполненных в русле энтомологии, зоопсихологии и сравнительной психологии. Исследования сообществ насекомых побудили по-новому взглянуть не только на животных, но и на человеческую историю. Вывод выдающегося энтомолога Ж. Фабра был неутешительным: «Человек погибнет, убитый непомерным ростом того, что он называет цивилизацией» (цит. по: [59, с. 226]).

Несмотря на сравнительно-психологические работы, раскрывающие общие черты в психической организации человека и других видов живых существ, в медицинских исследованиях живот-

ные по-прежнему подвергались вивисекции. Однако и среди медиков раздавались голоса в защиту животных [162]. При этом основной упор в обосновании отказа от вивисекции делался не столько на страданиях самих экспериментальных животных, сколько на дегуманизации студентов. В 1880-е годы во Франции создаются прецеденты подготовки дипломированных врачей без применения вивисекции. Один из первых случаев – получение степени доктора медицины англичанкой Анной Кингсфорд. Тем не менее, когда в Англии в 1876 г. был принят билль в защиту экспериментальных животных, 3000 медиков подписали петицию в Парламент о замене обязательной анестезии системой лицензий, позволяющих причинять животному боль [там же].

2.2.3. Вегетарианство об отношении к животным

В обыденной жизни изменение отношения к животным проявилось в вегетарианском движении второй половины XIX века. На развитие вегетарианства в Европе значительное влияние оказали английские поэты-романтики и их предшественники: Томас Трайон, Александр Поп, Перси Шелли, Джордж Байрон [209]. В 1847 г. создается английская ассоциация реформаторов пищи, а в последней четверти XX века общества вегетарианцев организуются в Америке, Германии, Франции, Швейцарии, Италии. В России Вегетарианское общество было создано в 1901 г. в Санкт-Петербурге, и в скором времени его отделения были открыты в Москве, Киеве, Кишиневе. В 1908 г. в Дрездене прошел Всемирный вегетарианский конгресс.

Принципы вегетарианского питания разделяли многие выдающиеся ученые и писатели того времени. В большинстве работ по вегетарианству отстаивались польза и естественность растительного рациона для человека [11; 90; 209 и др.]. Однако базовая идея вегетарианства была этической, и ведущим аргументом стало осуждение убийства животных, что проявлялось в самом дискурсе вегетарианцев: питание без мяса – «безубойное питание» [90], вегетарианство – «гуманитарянство» [209], использование в пищу мяса – «трупоедение» (см. [173]).

Во всех вегетарианских изданиях осуждается жестокость, «противная природе человека» [90], и звучит призыв к состраданию и справедливости по отношению к другим живым существам.

Л. Н. Толстой в статье «Первая ступень» выстраивает психологическую цепочку нравственного самосовершенствования: стремление к самообладанию – воздержание в пище, пост – «первое, от чего бу-

дет воздерживаться человек, будет всегда употребление животной пищи, потому что ...употребление ее прямо безнравственно, так как требует противного нравственному чувству поступка – убийства, и вызывается только жадностью, желанием лакомства» [203]. Со свойственной ему бескомпромиссностью пишет Толстой о тех, кто считает себя непричастным к страданиям животных: «нежная утонченная барыня будет пожирать трупы этих животных с полной уверенностью в своей правоте, утверждая два взаимно-исключающие друг друга положения:

Первое, что она, в чем уверяет ее доктор, так деликатна, что не может переносить одной растительной пищи и что для ее слабого организма ей необходима пища мясная; и второе, что она так чувствительна, что не может не только сама причинять страданий животным, но переносить и вида их.

А между тем слаба-то она ... потому, что ее приучили питаться несвойственной человеку пищей; не причинять же страданий животным она не может потому, что пожирает их» [там же].

В несколько ином ключе развивает подобную мысль англичанка Анна Кингсфорд: «Если бы всем нам, мужчинам и женщинам, пришлось отказаться от услуг профессиональных мясников и убивать животных собственными руками, то потребность в мясе недолго продержалась бы в просвещенном обществе» [90].

В жестоком отношении к животным вегетарианцы видели угрозу для самих людей: привыкая к страданиям животных и принимая их умерщвление как норму, человек становится жестоким по отношению к другим людям. «Человек с малолетства приучается к торжеству ложных софизмов против доводов разума и голоса сердца, черствеет ежедневно, сам не замечая того, и потом невольно переносит привычное отношение к животным и на окружающих его людей» [173]. Для подтверждения этой мысли проводится параллель между бойней и «военной бойней»: «эти две бойни находятся в несравненно более тесной связи, чем то думают обыкновенно; мясническое и пушечное мясо ...представляют два явления, друг друга определяющие или, по крайней мере, друг друга поддерживающие» [11].

С некоторой долей условности можно сказать, что за логикой вегетарианцев прослеживается своего рода экологическая озабоченность – озабоченность тем, что пренебрежение животным окружением разрушает нравственное здоровье человека и представляет опасность для человеческого общества в целом.

2.2.4. Защита животных в дикой природе

Забота о животных, рассматриваемая в ракурсе нравственного совершенствования общества, никоим образом не связывалась

с такими проблемами, как угроза сокращения популяций или исчезновение целых видов диких животных. Вместе с тем, идеи сострадания и защиты животных были близки многим активистам природоохранного движения. На первых этапах для продвижения сохранения природы требовались утилитаристские аргументы или же довольно абстрактные возвеличивания эстетической и символической ценности природы, поскольку отсылки к ценности живых существ как таковых оставались непонятыми, а призывы к сочувствию расценивались как проявления неуместной сентиментальности.

Однако факт юридического регулирования обращения с животными, достигнутого благодаря движению покровительства животным, означал сдвиг в представлениях о животных и формах взаимодействия с ними. Следующим шагом стало изменение в XX веке представлений о животных, обитающих в дикой природе, что было связано с развитием биоэкологии, а позже – этологии.

Осмысление существующих в природе связей, отразившееся в понятиях «биоценоз», «биосообщность» и «экосистема», побудило пересмотреть отношение к тем видам животных, за которыми традиционно было закреплено клеймо «вредных» и преследование которых поощрялось. В природоохранном движении появляются новые тенденции, связанные с защитой всех, а не только «полезных для человека» животных, с сохранением видовой разнообразия в целом.

Чтобы привлечь внимание общественности к положению вымирающих видов и формировать у людей чувство ответственности за жизнь на планете, в 1931 г. во Флоренции на международном конгрессе сторонников движения в защиту природы принято решение отмечать 4 октября (день рождения Франциска Ассизского) как День защиты животных. В США в 1935 г. было создано общество дикой природы, в задачи которого входила защита диких животных в их природной среде. В 1950-х гг. создаются сразу две международные организации защиты животных: Всемирная федерация защиты животных (1953 г.) и Международное общество защиты животных (1959 г.). Хотя эти организации продолжали традиции обществ покровительства животным (в 1981 г. они слились во Всемирное общество защиты животных), их деятельность во многом была связана с защитой диких животных. В 1966 г. вышло первое издание Международной Красной книги.

О расхождении во взглядах на цели защиты диких животных в те годы свидетельствует «Этика управления Дикой Жизнью» (1954 г.) Олауса Мури. «Он критиковал антропоцентрических “технарей” ди-

кой живности, единственной целью которых было поддержание популяций диких животных, и выражал надежду, что все-таки в будущем будет больше “вдумчивых” ученых, пытающихся “понять наше место в природе”. Собственный поиск этики, касающейся природы, заставил Мури высказаться о “чувстве всеобщего соседства в природе, частью которой мы являемся”. Указывая на Леопольда, Торо и Ральфа Эмерсона, Мури призывал к “великодушному кодексу этики”, позволяющему природе иметь “право на существование”» [159]. На внутреннюю непоследовательность автора указывает то, что «он не был против спортивной охоты в том случае, если она включала любовь ко всему контексту природы и уважение к жертве. ...Что касается “охотников за мясом”, убивавших всех животных без разбора, Мури осуждал их» [там же].

На 1960-е годы приходится начало систематических научных наблюдений за поведением диких животных в природе. Описания социальной жизни млекопитающих, выполненные такими исследователями, как Дж. Шалер, Дж. и Дж. Адамсоны, Дж. и Г. Ван Лавик-Гудолл, И. и О. Дуглас-Гамильтоны, Ф.Моуэт и др., не только стали вкладом в этологическую науку, но и вызвали интерес большого числа читателей во многих странах. (Эти работы отразили общую тенденцию в развитии наук о поведении – изучение поведения субъектов в естественных для них условиях жизни, учет средового контекста как ключевого фактора. В психологической науке эта тенденция ярко проявилась в экологической психологии Р. Баркера и экологическом подходе Дж. Гибсона.)

Полевые этологические исследования утверждали в науке взгляд на других живых существ не как на объект лабораторного экспериментирования, а как на самостоятельных субъектов (акторов), включенных в сложное экосистемное взаимодействие. Книги, написанные по материалам этих исследований и адресованные широкой аудитории, транслировали читателям сообщение о насыщенной внутренней – эмоциональной и познавательной – жизни других животных. Одновременно многие работы на конкретных и ярких примерах раскрывали читателям общие положения экологической теории, показывая место своих героев в экосистеме и определяющее значение среды для их жизненных историй (например, [150; 116] и др.). Многие из этих повествований включали страницы о разрушительном влиянии промышленной цивилизации на жизнь других животных, будь то хозяйственное освоение мест их обитания, или браконьерство, поощряемое спросом на предметы роскоши, или одобряемое правительством целе-

направленное преследование вида в целом [62; 150; 151; 215].

Как видим, аргументация в защиту диких животных изменялась на протяжении XIX–XX столетий: от обоснования их утилитарной пользы через раскрытие их значения для существования экосистемы к отстаиванию их внутренней ценности как самостоятельных субъектов. Решающее влияние на развитие в промышленном обществе представлений о диких животных оказала популяризация результатов экологических и этологических исследований.

2.2.5. Концепция прав животных

Первые законы, регламентирующие обращение с животными, были приняты благодаря деятельности обществ покровительства животным. Тем самым отношение к животным стало предметом юридического рассмотрения, а уже в конце XIX в. выходят книги, в которых рассматривается проблема юридических прав животных.

Надо заметить, что первые публикации на тему прав животных имеют сатирический характер и относятся к XVIII в. Так, «идея прав животных ... использовалась для того, чтобы пародировать доводы в защиту прав женщин. Когда Мэри Уолстонкрафт (Mary Wollstonecraft), предшественница сегодняшних феминисток, в 1792 году опубликовала свою книгу «Защита прав женщины» (Vindication of the Rights of Woman), многие сочли ее взгляды абсурдом. А через непродолжительное время появилась анонимная публикация под названием «Защита прав скотов» (A Vindication of the Rights of Brutes). Автор этой сатирической работы (сейчас известно, что им оказался Томас Тейлор, известный кембриджский философ) попытался опровергнуть аргументы Мэри Уолстонкрафт, показывая, какими бы они были, если бы их перенесли на одну степень вперед. Если аргумент, касающийся равенства, распространяется на женщин, то почему бы его не применить к собакам, кошкам и лошадям? Казалось, что эти рассуждения подходят и для животных; но признание того, что у животных есть права, выглядело откровенным абсурдом. Следовательно, рассуждение, с помощью которого был сделан вывод, должно быть ложным; а если оно неправомерно относительно животных, оно должно быть также неверно по отношению к женщинам, потому что в обоих случаях использовались одни и те же аргументы» [192, с. 15].

Однако спустя столетие появляются авторы, которым вопрос о правах животных представляется уместным и актуальным. Так, в 1892 г. в Великобритании была опубликована книга Генри Солта «Права животных» (по: [192]), а в России вышел в свет в 1899 г. труд С. Фишера «Человек и животные. Этико-юридический

очерк», в 1903 г. – книга историка П. В. Безобразова «О правах животных» (по: [15, с. 56]). В этих работах поднималась проблема юридических прав животных, признания их в качестве субъектов права. И хотя ни одно из этих изданий не вызвало интереса у широкой публики, их появление знаменовало начало нового этапа в развитии отношения к другим живым существам в промышленном обществе.

Итак, выдвинутая в конце XIX века идея прав животных не получила поддержки, а вскоре Первая и, особенно, Вторая мировая война, показали, что далеко не всеми принимается идея прав самого человека, включая его право на существование. Последовавшее после войны восстановление человеческой личности в ее естественных правах выразилось во Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН. В 1950-1960-х гг. ООН последовательно отстаивала права детей (1959), право колониальных народов на независимость (1960), ликвидацию расовой дискриминации в любых ее формах (1963), независимость и суверенитет государств (1965), ликвидацию дискриминации в отношении женщин (1967), права умственно отсталых (1971), права инвалидов (1975).

1960-е – начало 1970-х гг. стали эпохой подъема демократического движения – освобождение колоний, борьба с сегрегацией в США, студенческие революции, движение контркультуры. Как проявление этой общей тенденции можно охарактеризовать движение за освобождение животных, возродившее в 1970-х гг. идею о правах животных.

Вместе с тем, 1960-е годы стали временем, когда население планеты начало ощущать на себе негативные экологические последствия быстрого промышленного роста, обусловленного научно-технической революцией. Ухудшающееся состояние среды, в том числе и природного окружения, вызывает растущее беспокойство у жителей развитых стран. Создаются благоприятные условия для продвижения идей защиты природы на законодательном уровне. Так, в США принимаются Закон о дикой природе (1964 г.) и Закон об исчезающих видах (1973 г.). В подобной ситуации выглядит закономерным, что защитники животных использовали эпатажную тему юридических прав животных для привлечения внимания к проблеме игнорирования людьми других животных как субъектов нравственного права. (Проблема исключения других животных из сферы нравственной регуляции приобрела особую актуальность ввиду превращения животных в технологическое сырье для сельскохозяйственной и медицинской индустрии в результате научно-

технической революции.)

Во второй половине 1970-х гг. одна за другой выходят книги о правах животных: «Освобождение животных» Питера Сингера (1975), «Права животных» Эндру Линзи (1976), «Права животных и долг человека» под редакцией Тома Ригана и Питера Сингера (1976), «Биоэтика» Джорджа Кайфера (1979) и др. Авторы отстаивали нравственный статус других живых существ и признавали человека ответственным за нарушение интересов других животных, как одомашненных, так и обитающих в дикой природе [192].

Позже, в своей книге «Революция животных» Ричард Райдер напишет: «освобождение животных – может быть, единственное в своем роде движение среди других движений за освобождение с той точки зрения, что оно возглавлялось и вдохновлялось необычно большим числом профессиональных философов; редко какая-либо проблема так рационально аргументировалась и интеллектуально защищалась. ...современную революцию в мышлении, которая испытала необычайный подъем после 1969 года, возглавили сами философы» (цит. по: [162, с. 59–60]).

К каким же аргументам прибегали авторы для обоснования прав животных? П. Сингер предлагает биовидовую трактовку кантовского категорического императива: не делать по отношению к другим видам животных то, что считается плохим в отношении людей. Для него способность других животных страдать и получать удовольствие является достаточным основанием для признания их прав [192]. Сингер подчеркивает, что речь идет не о гражданских правах, а о признании равенства людей и *нечеловеческих (nonhuman)* животных. «Основной принцип равенства не требует равного или идентичного отношения, он требует равного рассмотрения. Равное рассмотрение различных существ может стать основой разного отношения и различных прав» [там же, с. 16]. Сингер вводит специальный термин «*спесицизм*» для обозначения внутреннего ощущения превосходства человека над всем живущим на Земле [там же, с. 40].

Т. Риган опирается на представление о том, что любому живому существу присуща внутренняя ценность, которая определяется «не его полезностью, а способностью к субъективному восприятию своей индивидуальной жизни и степени ее благополучия» [162]. Доктор теологии Э. Линзи рассматривает других животных как Божьи творения, созданные для Бога, а не для человека. (То, что «каждая часть и каждое существо мира имеют в глазах творца свою ценность и важность», отстаивалось Кратчем еще в 1956 г. в книге «Великая цель жизни», по: [159].) Человека же Бог наделяет

особым даром, чтобы он мог так же уважать и радоваться другим животным, как это делает Бог.

Во всех предлагаемых обоснованиях прав животных прослеживается общая внутренняя установка на восприятие психологической близости человека и других живых существ. Эта установка отрефлексирована в более поздней работе «Революция животных» Р. Райдера (1989), где утверждается принципиальное сходство человека с другими животными, составляющее основу эмоционального сопереживания и нравственного отношения.

Представление об интересах и правах животных позволило по-новому оценить значение происходящих экологических изменений. Негативные последствия экологического кризиса, вызванного человеческой деятельностью, не определяются влиянием на один вид *Homo sapiens*, в гораздо худшем положении оказалось по вине человека множество других биологических видов. Экологическая угроза, воспринимаемая с этих позиций, это в первую очередь угроза для других живых существ и для биосферы как единого целого. Поскольку причина катастрофических для других видов изменений связана с деятельностью человека, последний должен признать свою экологическую ответственность.

В целом, концепция прав животных задавала **общее смысловое поле** для трех относительно самостоятельных социальных движений: покровительства животным, защиты диких животных, вегетарианства, что привело к трансформации традиционных обществ защиты животных и появлению обществ нового типа – выступающих против потребительских форм взаимодействия с другими животными (включая употребление их в пищу).

2.2.6. Биоразнообразие как условие экологической безопасности

Один из аспектов защиты диких животных связан с поддержанием видового разнообразия в экосистемах.

Исчезновение видов на Земле происходило с момента зарождения жизни, однако сегодня скорость исчезновения видов, по разным оценкам, возросла в сотни или даже тысячи раз, и такое ускорение объясняется деятельностью человека [153].

Чем выше сложность любой системы, тем она более устойчива к изменениям и наоборот. Это положение, известное как закон Эшби, действует и в отношении региональных экосистем, и в отношении биосферы в целом. Сокращение видового разнообразия ведет к упрощению экосистемы и повышает вероятность ее перехода в неустойчивое состояние, что может повлечь за собой

разрушение экосистемы в результате незначительных ранее флуктуаций [96]. Из этого следует, что поддержание биоразнообразия является обязательным условием экологической безопасности. Такой подход к пониманию проблемы исчезновения видов начал оформляться в 1980-х гг.

В докладе МКОСР (Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию) «Наше общее будущее», опубликованном в 1987 г., утверждалось: «Первоочередная задача состоит в том, чтобы рассматривать проблему, связанную с исчезновением видов и находящимися под угрозой экосистемами, в качестве важнейшего политического вопроса, касающегося использования природных ресурсов» [153, с. 152]. В докладе даются разные обоснования актуальности этой проблемы – упоминается эстетическое, этическое, культурное значение видового разнообразия, детально раскрывается ее экономическое значение, – однако один аргумент стоит особняком. Здесь речь идет не о тех преимуществах или выгодах, которые могут быть упущены в результате сокращения *видового ресурса*, а о проблеме выживания человечества. «Вполне возможно, что в обозримом будущем произойдут существенные климатические изменения, связанные с проявлением в атмосфере тепличного эффекта, что в начале следующего столетия приведет к глобальному повышению температуры. Такие изменения весьма отрицательно скажутся на всех экосистемах и настоятельно потребуют сохранения естественного многообразия, как средства адаптации» [153, с. 143].

Учитывая специфику дипломатического дискурса – документ подготовлен комиссией в составе 22 человек, представляющих 21 страну, – за приведенной цитатой отчетливо прослеживается тревога авторов, вызванная растущей экологической угрозой. Эта же тревога скрывается за обоснованием экономической ценности других видов как генетического материала. Хотя здесь и указывается на финансовые выходы от использования «генов живой природы», речь идет в первую очередь о возможностях использования генной инженерии для борьбы с болезнями и голодом, иначе говоря – о технологиях выживания. «Эта технология вселяет надежду на то, что люди *в случае необходимости* [выделение – И. К.] будут собирать урожай в пустынях, морских глубинах и в других природных зонах, которые раньше не были пригодны для земледелия. Исследователи в области медицины уже видят свою собственную генетическую революцию» [153, с. 147]. Отметим, что технологическое развитие рассматривается здесь как способ совладания с глобальными экологическими изменениями.

Вера в технологии в сочетании с явным утилитаризмом звучит в ежегоднике за 1988 г., подготовленном Институтом всемирного наблюдения (A World Watch Institute): «По оценке биологов, для предотвращения вымирания видов в результате исчезновения и расчленения природных систем необходимо разводить в неволе около 2 тыс. видов млекопитающих, рептилий и птиц. Ключом к решению этой проблемы могут послужить зоопарки, ставшие чем-то вроде библейского ковчега, на котором животные, утратившие свои места обитания, укрылись до того времени, когда отношения человека с биосферой стабилизируются» [145, с. 293]. Речь здесь идет ни много, ни мало об отношениях человека и биосферы: с одной стороны – человек, с другой – биосфера, из которой на время куда-то «вывели» 2 тыс. видов животных.

Показателем осознания серьезности экологической угрозы, порождаемой разрушением экосистем, стало решение Мирового банка, принявшего в 1986 г. новую политику по отношению к неосвоенным землям, «впервые признав их важную роль в сохранении природных ресурсов» [там же, 291]. Ранее на природоохранные мероприятия отводилось менее одного процента проектов, хотя существенное влияние на среду оказывали все проекты, финансируемые банком. «Банк, длительное время не проявлявший интереса к проблемам охраны среды, ныне признал опасность, грозящую не освоенным прежде районам, и важность их сохранения, так как в своем естественном виде они могут в большей степени способствовать экономическому развитию в будущем» [там же].

Концепция биоразнообразия была принята многими природоохранными организациями. В частности, WWF был активным участником создания Конвенции по биологическому разнообразию (1992 г.), и сохранение биоразнообразия планеты рассматривается WWF как условие построения «будущего, в котором человек и природа будут жить в гармонии». (Однако существующие в настоящее время практические подходы к сохранению биоразнообразия оказываются несостоятельными, что будет рассмотрено в главе 5.)

2.3. Резюме: ценностные аспекты отношения к животным

Проведенный обзор дает основания для выделения нескольких типов ценностного отношения к животным, проявляющегося в их защите. Ценность других животных для субъекта может определяться их значением:

- (а) незаменимого важного ресурса,

- (б) условия биоразнообразия, необходимого для выживания человечества,
- (в) условия нравственного здоровья отдельных людей и общества в целом,
- (г) самостоятельного субъекта.

(а) Незаменимый важный ресурс. Речь идет об утилитарном отношении к другим видам животных. В каком случае утилитаризм будет сочетаться с защитой животных? Как показывает ход исторического развития, в случае, когда осознается угроза утраты ресурса, но при двух условиях – понимания значимости ресурса и его незаменимости. При условии низкой значимости, даже если ресурс является незаменимым, он может быть «походя, между делом» израсходован полностью, поскольку его потеря не является критичной. При условии высокой значимости ресурса, но отсутствии представления о незаменимости такового, субъект может не только игнорировать истощение ресурса, но, напротив, использовать ускоряющийся ресурс ускоренными темпами. Вероятность намеренного истребления ресурса возрастает по экспоненте вместе с растущей ценностью ресурса: чем меньше ресурса, тем выше его привлекательность, чем выше его привлекательность, тем скорее он вычерпывается. Исчезновение данного ресурса как такового не воспринимается как критичное, поскольку есть субъективная уверенность в возможности заменить его другими ресурсами.

Тех потребителей, для которых ценность животных определяется исключительно их утилитарной функцией, подтолкнуть к защите животных может только осознание значимости и незаменимости *животного ресурса*, находящегося в критическом состоянии.

Утилитарное отношение к другим животным вполне может иметь эстетическое или эмоциональное выражение. Например, можно любоваться крупной золотой рыбкой в крохотном круглом аквариуме и одновременно компенсировать фрустрированную потребность в бескорыстном общении, пока та еще жива. А после ее скоростной кончины, вызванной неприемлемыми условиями содержания, можно купить другую – ведь это всего лишь вопрос финансов.

Тревога о негативных экологических последствиях, к которым приведет уничтожение вида, может повышать субъективную ценность этого вида и побуждать к проэкологическому поведению.

(б) Другие животные как условие выживания человечества. Забота о животных, побуждаемая стремлением поддержать биоразнообразие в целях сохранения биосферы как среды обитания чело-

века, также имеет утилитаристские корни. В этом случае ценность других животных также определяется их функцией ресурса, только речь идет не об одном, а о многих видах. Отличие данного ценностного смысла в том, что он связан с экологической обеспокоенностью личности: чем сильнее беспокойство об экологической безопасности, тем большей ценностью наделяется биоразнообразие.

Как отмечалось в докладе МКОСР, биоразнообразие имеет и другие ценностные аспекты: эстетические, этические, культурные. Однако это скорее смыслы не биоразнообразия как такового, а тех живых существ, которые его обеспечивают.

(в) Забота о других животных как условие нравственного здоровья человека. Животные наделяются ценностью, поскольку в общении с ними человек может раскрыть свою нравственную сущность. В отношениях с другими людьми нравственные коллизии, возникающие в межличностных отношениях, зачастую усложняются и маскируются неоднозначным социальным контекстом, оставляющим лазейку для различных интерпретаций. В отличие от этого, в отношениях с животными человеку легче довериться своему естественному нравственному чувству, открыть в себе способность к состраданию. Это способствует нравственному совершенствованию человека, его психологическому благополучию. Наделяя животных такой этической ценностью, человек может удовлетворять потребность в близких эмоциональных контактах, реализовать стремление к опеке и покровительству, испытывать эстетическое удовольствие.

(г) Другие животные как самостоятельные субъекты. Другие живые существа воспринимаются как носители субъектности, имеющие свою внутреннюю ценность, так же как ее имеет любой человек. В основе такого ценностного отношения лежит переживание общности людей и других животных, которая может раскрываться как общность происхождения, общность психической организации, общность поведения, экологическая общность, общность предназначения и др.

Как отмечалось выше, переживание внутренней ценности других животных оказывает влияние на оценку экологической ситуации, побуждая взглянуть на происходящее с позиции других участников экологического процесса. Таким образом, ситуация, непосредственно не затрагивающая интересы людей, может вызывать беспокойство, поскольку она негативно влияет на других животных.

В контексте ключевой для нашей работы проблемы глобальных экологических изменений можно говорить о трех вариантах ценностного осмысления животных, побуждающего к их защите:

- ценностные смыслы, определяемые экологическим беспокойством личности (ценность ресурса и ценность экологической безопасности),
- ценностные смыслы, не связанные прямым образом с представлениями об экологической угрозе (этическая ценность),
- ценностные смыслы, влияющие на экологическую озабоченность личности (ценность субъектности или внутренняя ценность других животных).

В первом случае забота о животных относится к инструментальным ценностям, поскольку она однозначно является способом достижения значимых для человека целей. Также и этические смыслы заботы о животных определяются в значительной мере интересами самого человека. В отличие от этого, забота, базирующаяся на признании субъектности других животных, связана с переживанием внутренней, естественной ценности других животных.

Положение о внутренней ценности животных составляет основу концепции прав животных – одного из авторитетных направлений в современной экологической этике. Однако решающую роль в современном переосмыслении инструментального потребительского отношения к другим животным, закрепившегося в промышленной цивилизации, сыграли работы двух авторов – А. Швейцера и О. Леопольда.

Глава 3. Взаимодействие «человек-природа» как этическая проблема: этика благоговения перед жизнью А. Швейцера и этика земли О. Леопольда

Работы Альберта Швейцера и Олдо Леопольда были написаны в первой половине XX столетия, еще до того, как стали очевидными первые симптомы системных негативных последствий воздействия человека на природу, и пошатнулось представление о неисчерпаемости земных ресурсов. Однако поднятые А. Швейцером и О. Леопольдом этические вопросы были непосредственно связаны с экологическими аспектами человеческого бытия и выводили на рассмотрение психологических проблем в отношениях «человек – природа». В их работах предложено психологическое обоснование экологической этики, реализуемой, в том числе, в действиях по сохранению природы и защите других животных.

Можно назвать целый ряд книг и статей об А. Швейцере и О. Леопольде, обращающихся к жизненному пути и этическому учению каждого из них. Емкий анализ биографии и работ этих

двух авторов содержится в историческом исследовании экологической этики Р. Нэша [159]. Нэш называет Швейцера и Леопольда основоположниками экологической этики, отдавая при этом дань должного их предшественникам, таким как Д. Мюир, Э. Эванс и Д. Мур, Л. Х. Бейли, А. Уайтхед, П. Успенский. Однако именно в работах Швейцера и Леопольда предлагаются первые развернутые этические концепции, рассматривающие моральный статус других живых существ и природных систем в целом. Сравнительный анализ этих работ важен для нашего исследования в двух отношениях: во-первых, заслуживает рассмотрения то психологическое обоснование, которое давал своему этическому учению каждый из двух авторов; во-вторых, самостоятельный предмет для психологического исследования представляет связь личностных и жизненных стратегий этих авторов с этическими теориями, отражающими их мировоззрение.

3.1. Этика благоговения перед жизнью: основные положения

В середине 1910-х годов в тропическом лесу Экваториальной Африки Альберт Швейцер вынашивал идеи новой этики. Как писал в своих воспоминаниях сам Швейцер, после длительных размышлений о культуре и мировоззрении и месяцев внутреннего напряжения, связанных с поиском нового этического идеала, осенью 1915 г. он приходит к идее «благоговения перед жизнью» («Ehrfurcht vor dem Leben») [237]. В 1923 г. выходит в свет работа Швейцера «Культура и этика», в которой этика благоговения перед жизнью получает свое обоснование.

В учении Швейцера нравственное отношение прорывается за пределы человеческого сообщества, и его этика выступает регулятором не только действий, направленных на других людей, но и действий, затрагивающих других живых существ. Своему учению Швейцер дает рациональное обоснование, построенное на «элементарном мышлении»:

«Если познание будет давать только то, что оно может познать, то воля будет получать всегда одно и то же знание, а именно: во всем и во всех явлениях заложена воля к жизни.

...Истинная философия должна исходить из самого непосредственного и всеобъемлющего факта сознания...: “Я – жизнь, которая хочет жить, я – жизнь среди жизни, которая хочет жить”» [237, с. 217].

Однако, «развиваемая мышлением этика оказывается... не “сообразной разуму”, а иррациональной и энтузиастической. ...Рациональное мышление, погружаясь в глубину, с необходи-

мостью оканчивает иррациональной мистикой. Оно имеет дело с жизнью и миром, а они оба – иррациональные величины» [там же, с. 31]. Мистический опыт связан с переживанием осмысленности бытия, которое становится источником этической мотивации: «Я начинаю служить идеалам, которые пробуждаются во мне, становлюсь силой, подобной той, которая так загадочно действует в природе. Таким путем я придаю внутренний смысл своему существованию» [там же, с.203].

Этика благоговения перед жизнью «не подчеркивает различия между высшей и низшей, более ценной и менее ценной жизнью. ...Если последовательно проводить такое различие, то придется признать, будто имеется лишенная всякой ценности жизнь, которой можно нанести вред и даже уничтожить ее без всяких последствий. А потом к этой категории жизни можно будет причислить в зависимости от обстоятельств те или иные виды насекомых или примитивные народы.

Для истинно нравственного человека всякая жизнь священна... Различие он проводит только от случая к случаю и в силу необходимости, когда жизнь ставит его в ситуацию выбора, какую жизнь он должен сохранить, а какой – пожертвовать. При этом он должен сознавать, что решение его субъективно и произвольно, и это обязывает его нести ответственность за пожертвованную жизнь» [там же, с.30].

Нравственный субъект, таким образом, постоянно оказывается перед дилеммой, любое решение которой будет вести к злу. Ведь Швейцер, без каких бы то ни было компромиссов, проводит четкую грань между добром и злом: все, что сохраняет жизнь – добро, все, что ведет к уничтожению жизни – зло. «Этика благоговения перед жизнью не признает относительной этики. Она признает добрым только то, что служит сохранению и развитию жизни» [там же, с. 222].

Вместе с тем, Швейцер постулирует закон раздвоения воли к жизни, проявляющийся в том, что одна жизнь всегда утверждает себя за счет другой, и сохранение одной жизни неизбежно сопровождается уничтожением другой. Швейцер иллюстрирует это наглядными примерами: чтобы сохранить жизнь птенцу, он скармливает ему рыбок, прерывая их жизни; вводя пациенту с сонной болезнью спасительное лекарство, он убивает множество живых организмов – возбудителей болезни [там же, с. 30].

Поскольку логика благоговения перед жизнью приводит к решению, что ни одна жизнь не может быть более ценной, чем другая, и никакая сохраненная жизнь *не даст моральной компенсации* за жизнь уничтоженную, возникает вопрос – чем же действия нравственного человека отличаются от действий безнравственного, если результатом и тех и других будет зло? Швейцер определя-

ет это различие через **ответственность**. Принятая на себя ответственность за собственные действия, считает Швейцер, будет ограничивать зло, включая те случаи, когда оно оправдано либо даже поощряется традицией, общественным мнением, законом или же побуждается неэгоистическими мотивами. Принимая на себя ответственность, нравственный субъект осознанно принимает решение и тем самым подает нравственный пример, побуждающий других принять эстафету ответственного действия.

Итак, смыслообразующим мотивом жизнедеятельности, согласно Швейцеру, должна стать забота о сохранении жизни. Реализация таких смыслов требует внутренней дисциплины, ответственности и жертвенного самоограничения. Поддержание таких смыслов требует жизнелюбия и оптимизма, которые далеко не всегда созвучны действительности. Не удивительно, что сам Швейцер испытывал определенное раздвоение: «...мое познание пессимистично, а мои воля и надежда оптимистичны. Я пессимистичен, глубоко переживая бессмысленность – по нашим понятиям – всего происходящего в мире. Лишь в редчайшие мгновения я поистине радуюсь своему бытию. Я не могу не сопереживать всему тому страданию, которое вижу вокруг себя, бедствиям не только людей, но и всех вообще живых созданий» [237, с. 33].

На примере Швейцера мы видим, как доминирование смыслов сострадания ведет к внутренней раздвоенности и конфликту.

3.2. Этика земли: основные положения

К нравственно-этическим аспектам экологически значимого поведения обращался в своих публикациях 1930-40-х годов Олдо Леопольд (Aldo Leopold). Наиболее известная его книга «Календарь песчаного графства» вышла в свет в 1949 г., вскоре после его смерти.

Леопольд ставит под сомнение этические нормы, действие которых ограничивается человеческим сообществом. Этика земли («the land ethic»), необходимость которой он отстаивает, «увеличивает границы сообщества, чтобы включить почвы, воды, растения и животных, или все вместе: землю» [384, с. 204]. Как сотрудник Лесной службы США, отвечавшей за управление *лесными ресурсами*, Леопольд достаточно трезво смотрел на положение вещей. Он понимал, что «этика земли, конечно, не может предотвратить изменение, управление и использование этих “ресурсов”, но она утверждает их право на длительное существование, и, по крайней мере в некоторых местах, на их длительное существование в естественном состоянии» [там же]. Для описания такого «ес-

тественного состояния» Леопольд вслед за трансценденталистами использует термин «дикая природа» («wilderness»). Леопольд предлагает простой *критерий* для проведения различия между *правильным* и *неправильным*: «Нечто является правильным, когда оно имеет тенденцию сохранять целостность, стабильность и красоту биотического сообщества. Неправильно, когда оно имеет иную тенденцию» [там же, с. 240]. Тем самым для этической оценки действий вводится экологический критерий: влияние этих действий на состояние экосистемы.

Леопольд обращает внимание на существующий в современном индустриальном обществе разрыв между научным экологическим знанием и обыденными экологическими представлениями. Такой разрыв ведет к проблемам в процессе экологического образования. Это проблемы *психологического* характера, поскольку эколог, обнаруживающий, что «каждый живет в мире ран» [385, с. 165], и отчетливо видящий раны земли, попадает в психологическую изоляцию от остального населения, которое, не замечая этих ран и не желая ничего о них знать, продолжает их углублять и множить в своей повседневной жизни. Для нейтрализации возникающего психического напряжения может запуститься *механизм отрицания*, который, по сути, и описывает Леопольд, когда говорит об экологе, начинающем «укреплять свою раковину» и сводить на нет полученное знание [там же]. Другой путь – стать «доктором, который видит метки смерти в сообществе» [там же].

Анализируя мотивы, которые побуждают людей к действиям, разрушительным для биотического сообщества (а значит, и для самих людей как части этого сообщества), Леопольд выделяет мотив получения прибыли, который идет вразрез с задачами сохранения «дикой природы». Возникая как средство достижения этических и эстетических целей (таких, как забота о детях, семье или желание красоты, гармонии), стремление к прибыли становится частью экономических сил, которые «однажды принятые, ...имеют тенденцию приводить меньшие детали социальной организации в гармонию с ними» [385, с. 156]. Поскольку «никакие этические и эстетические предпосылки все же не действуют в отношении земли», уничтожение природы, в той мере, в какой оно приносит прибыль, нагружается дополнительно этическими и эстетическими смыслами. (Так, сведение лесов выдается за нравственное действие для улучшения/украшения мира.) Первоначально выступающие в опосредующей – вспомогательной роли, смыслы получения прибыли оказываются доминирующими и подавляют все множество актуальных смыслов сохранения природы. (В числе последних

Леопольд называет «ценность наших остатков дикой местности для национального характера и здоровья» [383, с. 161].)

Подчеркнем, что биоэтика Леопольда, описанная как этика земли (биотического сообщества), была, в конечном итоге, результатом профессионально-экологического осмысления процессов деградации и разрушения биогеоценозов в результате человеческой деятельности. Жертвами этих процессов становились животные, растения, почвы, биотопы в целом. Сопереживание и боль за уничтоженную жизнь подталкивали Леопольда к расширению сферы действия этических норм от человеческого социума к биообществу. При жизни Леопольда еще не стала очевидной губительность этих процессов для самого человеческого сообщества. Поэтому, хотя Леопольд высказывает и рационально обосновывает сомнения в собственно экономической эффективности тотального истребления природы, его основные аргументы апеллируют к нравственному и эстетическому чувствам. Таким образом, экологическая озабоченность Леопольда – это озабоченность сохранением биосообщества как самостоятельной ценности, что позволяет охарактеризовать его этику земли как *экоцентрическую* этику.

3.3. Сравнительный анализ этических учений Швейцера и Леопольда

Появление в одно время двух этических учений, расширяющих смысловое пространство традиционной этики промышленно развитых стран, не было случайным. Это время перехода промышленных стран к новому этапу в развитии, связанному с превышением несущей способности своих земель и с резко растущей зависимостью от невозобновимых ресурсов. Примечательно, что в те же годы в Европе развивается новая научная дисциплина этология, самостоятельный предмет которой составляет поведение животных (как фактор приспособления к среде обитания). А в США психологи-бихевиористы «по факту» «уравнивают в правах» человека и других животных, постулируя принципиальное сходство их поведения. (Ортодоксальных бихевиористов достаточно часто критиковали за пренебрежение эволюционным и экологическим фактором при анализе поведения других животных, и основная критика исходила именно от этологов (например, см.: [142]), однако можно отметить и прогрессивные с этико-правовой точки зрения аспекты такой поведенческой «уровнировки».)

Новаторство обоих этических учений определяется тем, что расширяется сфера действия этических норм: теперь они распространяются и на те действия человека, которые совершаются в

отношении других животных. Обе теории были разработаны фактически в одно время, оба автора выросли в сельской местности и писали о ярких детских переживаниях, связанных с природой и отдельными животными. Однако, на фоне определенного сходства, тем более заметны различия в жизненной ситуации, мировоззрении и подходах авторов (табл. 3.1).

Этика благоговения перед жизнью зарождается в годы Первой мировой войны в девственном африканском лесу французской колонии, куда автор – профессор теологии и известный музыкант – приехал, специально получив медицинское образование, чтобы лечить местных жителей, находящихся на грани выживания (по европейским меркам). Буйство местной растительной и животной жизни кажется несокрушимым: «Хотим мы этого или нет, мы попадаем под действие убеждения, которое все больше в нас утверждается с каждым днем: природа – это все, а человек – ничто» [236, с. 93]. Тропический лес становится для Швейцера настоящим полем сражения, которое он ведет за реализацию возможности оказывать медицинскую помощь страждущим людям. Недостаточно расчистить пространство от деревьев и построить больницу (что само по себе требует огромных организаторских и физических усилий); приходится также противостоять нашествиям муравьев, защищать постройки от термитов, а припасы от жуков, испытывать воздействие стихий, решать продовольственные проблемы, преодолевать недоверие и непонимание пациентов-африканцев. Это притом, что основное время уделяется врачебной работе [236]. Дикая природа оказывается для Швейцера той могучей силой, с которой он вынужден непрерывно бороться, чтобы иметь возможность облегчать страдания других людей.

Этика Швейцера – это этика помощи страдающему. Ее основа – «дар сочувствия» [237]. И наибольшее сочувствие у просвещенного доктора-европейца вызывают местные жители. Часто возникающее у Швейцера сочувствие к другим животным носит конкретно-ситуативный характер и не подкрепляется представлениями о сложных системных взаимодействиях в природе и об антропогенном разрушении экосистем.

Этика земли разрабатывалась Леопольдом в США, в годы экономических потрясений, сопровождавшихся активным освоением быстро сокращающихся участков дикой природы. Объектом беспокойства и профессиональной заботы для автора являются лесные биотопы, разрушающиеся под давлением хозяйственной деятельности человека. Как профессиональный охотовед, переболевший в юные годы охотничьей лихорадкой, Леопольд озабочен уничто-

жением мест обитания дичи и нарушением природного баланса, к которому привело повсеместное истребление хищников. Как человек, который «не может жить без дикой природы» [123, с. 15], Леопольд остро переживает разрушение мира гармонии и красоты. Как эколог, имеющий достаточно полную картину происходящих в экосистеме изменений, Леопольд встревожен тем, что стремление к все более высокому уровню жизни приведет человечество к опасной ситуации, когда со всей остротой станет вопрос о его выживании как биологического вида: «Для нас крайне важно, чтобы наше доминирование на Земле не привело к саморазрушению» [385, с. 641]. Поэтому он предлагает этику земли, как «эволюционную возможность и экологическую необходимость» [123, с. 201].

3.4. Этика за пределами человеческого социума: психологические аспекты

Обосновывая свои этические учения, А. Швейцер и О. Леопольд движутся в противоположных направлениях. Швейцер опирается на «дар сочувствия» и кладет его в основу рационально-логического обоснования и развития этики благоговения перед жизнью, как этики религиозного мировоззрения. Поэтому благоговение перед жизнью – это «осознанная во всей своей логической необходимости этика Иисуса» [там же, с. 29]. Это этика осознанного, требующего *самопожертвования*, преодоления диктата природы: «Дух призывает нас быть иными, чем мир» [там же, с. 507].

Леопольд опирается на системное видение взаимосвязи природных процессов. В своем обосновании этики земли Леопольд обращается к чувствам читателя: к сопереживанию, эмпатии, к переживанию гармонии, к эстетическому чувству, поскольку «понятие о земле, как о сообществе, составляет основу экологии, но любовь и уважение к земле принадлежат этике» [123, с. 16]. Он стремится, чтобы читатель вслед за ним пережил радость слияния с природой, ощутил внутреннее единство с другими живыми существами, испытал к ним уважение, почувствовал сложность и взаимозависимость происходящего в природе.

Этика земли – это чувственное «alter ego» экологического мировоззрения, побуждающее к проэкологическому, а значит – к правильному поведению. Леопольд подчеркивает, что изменения в этике связаны с изменениями в мышлении, привязанностях, убеждениях, чувстве долга. Леопольд не рассматривает отдельно вопрос о соотношении христианской этики и этики земли, но отмечает: «сохранение дикой природы остается пустым звуком, поскольку оно несовместимо с нашим библейским представлением о

Таблица 3.1

Сопоставление двух этических учений: этики благоговения перед жизнью А. Швейцера и биоэтики («этики земли») О. Леопольда

Параметр	Биоэтика (этика земли)	Этика благоговения перед жизнью
Социально-политический контекст	Демократическое общество, поддерживающее «дух свободы и предпринимательства» (США)	Колониальное управление «примитивными народами» (традиционными бесписьменными сообществами) (экваториальная Африка)
Экономический контекст	Промышленно развитое общество со сравнительно высоким уровнем жизни	Сочетание привнесенных извне торговых-промышленных отношений с традиционными охотой и собирательством/огородничеством, минимальный уровень средств существования
Экологический (природный) контекст	Повсеместное промышленное освоение и урбанизация природных территорий, разрушение экобиоценозов	Девственный тропический лес, большие пространства неосвоенных в промышленном отношении земель
Обоснование этики	Чувственное: через сопереживание и уважение к другому живому существу – к пониманию сложности «земного организма»	Рациональное: этика как результат интеллектуальной рефлексии сочувствия и христианской любви («Осознанная во всей своей логической необходимости этика Иисуса» [237, с. 29])
Предмет этического отношения	Биологическое сообщество	Жизнь (живые существа)
Форма этического отношения	Уважение	Благоговение
Мировоззрение	Экологическое (опирающееся на экологическое знание)	Религиозное (этическая мистика)
Критерий нравственного поведения	Сохранение биосообщества как системного целого	Сохранение и развитие жизни Ответственный выбор («ответственность за пожертвованную жизнь»)
Источник внутреннего конфликта	Разрыв между экологической озабоченностью субъекта и пренебрежительным отношением к природе в социуме	«Раздвоение воли к жизни» (одна жизнь утверждается за счет другой)
Направленность практической деятельности автора	Сохранение «дикой природы», поддержание стабильности экосистем	Оказание медицинской помощи местному населению. Поощрение африканцев к самостоятельному освоению природных ресурсов

земле» [там же].

Отметим, что в обосновании своего этического учения каждый из авторов стремится к объединению «аффекта и интеллекта», чувственного и рационального познания. При этом Швейцер видит свою задачу в рациональном осмыслении религиозно-мис-

тического чувства, в то время как Леопольд стремится раскрыть эмоционально-чувственную основу экологического мышления.

Оба автора пишут о психологических затруднениях, которые может испытывать нравственный субъект, однако трактуют их по-разному.

Для Швейцера внутренний конфликт неизбежен в силу раздвоения воли к жизни: одна жизнь существует за счет другой, поэтому добро, творимое при сохранении одной жизни, сопровождается злом уничтожения другой жизни. Осознание этого зла и принятие за него ответственности не будут его компенсировать, но должны, верит Швейцер, побуждать людей к избеганию зла, к самоограничению. По своему психологическому содержанию теорию Швейцера можно соотнести с более поздней экзистенциальной психологией с ее акцентом на феноменах переживания, смысла, свободы, ответственности.

Леопольд видит источник внутреннего конфликта в том, что экологические обязанности человека, распространившего свои нравственные обязательства на биологическое сообщество, не находят подкрепления в обществе, где доминирует традиционная этика. Этот конфликт должен ослабевать по мере распространения в обществе экологического знания и укрепления новой биоэтики. Уничтожение другой жизни для Леопольда не есть абсолютное зло. Проблема раздвоения воли к жизни снимается для него благодаря стереоскопической картине, которую дает экологический взгляд на биологическое сообщество. Критерий для оценки действий, совершаемых личностью, – их последствия для экосистемы в целом. Поскольку экологические знания не всегда позволяют однозначно определить оптимальный способ действия, в таких ситуациях человеку следует полагаться на нравственное экологическое чувство, неотъемлемой составляющей которого является сопереживание другому живому существу [123].

И Швейцер, и Леопольд рассматривали этику как регулятор человеческой деятельности, подчеркивая, что этическое отношение – не столько страдательное, сколько активное, деятельное. Каждый из них стремился следовать обозначенному этическому идеалу и доказать его жизнеспособность.

Поскольку в учениях обоих мыслителей утверждается равное право на жизнь для людей и других животных, правомерным будет вопрос о том, насколько это право отстаивалось ими, и какие последствия для других животных имела деятельность каждого из них? Поставленный более широко, это вопрос об экологическом значении их поступков и жизнедеятельности в целом.

В центре внимания Швейцера находились жители Французской Экваториальной Африки (ныне Габон) и их право на достойный уровень жизни. В соответствии с европейскими идеалами это предполагало, наряду с медицинским обслуживанием (которое стало непосредственной заботой Швейцера), получение образования и овладение полезной профессией, позволяющей включиться в систему социальных, правовых и экономических отношений колонии. Поэтому Швейцер приветствовал те случаи, когда предпринимательская деятельность местных жителей, связанная с поставками леса, вела к успеху. Особенно, если эта деятельность основывалась на долговременной групповой кооперации и становилась делом всего деревенского сообщества. В экологическом аспекте это означало сведение тропического леса и уменьшение ареалов обитания диких животных. Однако если учесть, что основным способом лесоразработок в африканских колониях было хищническое истребление леса силами временных туземных рабочих, оторванных от родных мест, то с *экологической* точки зрения самостоятельное проведение лесозаготовок африканцами в местах их постоянного проживания представляется более целесообразным и перспективным (хотя сам Швейцер скорее стремился к восстановлению социальной справедливости, игнорируя экологическую сторону вопроса).

Как уже отмечалось, бедственное положение отдельных животных вызывало у Швейцера участие и заботу, поэтому на территории его больницы в Ламбарене постоянно жили спасенные им звери и птицы. Даже выкорчевывая лес под больничные участки, Швейцер стремится сохранить отдельные деревья и, несмотря на непонимание африканцев, с помощью сотрудников-европейцев выкапывает и пересаживает по соседству зрелые масличные пальмы [236].

При постройке больницы и в организации ее работы Швейцер следует принципу *экологической целесообразности*, хотя и не называет его так. Его постройки максимально учитывают специфику природной среды, медицинские требования и особенности образа жизни местных пациентов. Поэтому родственники больного могут жить рядом с ним в больнице, и поэтому обычное явление в больничном барাকে – небольшие костры на полу рядом с кроватями [там же].

Пафос этики благоговения перед жизнью перекликается у Швейцера с эпическими зарисовками природы. Но в своих публичных выступлениях Швейцер не поднимает проблему сохранения дикой природы как таковой или проблему исчезновения отдельных видов животных в результате человеческой деятельности.

Зато с начала 1950-х годов вплоть до 1965 года – последнего, 91-го года в его жизни – Швейцер активно выступает против ядерных испытаний и ядерного оружия в целом, поскольку оно несет потенциальную угрозу для существования человечества и для жизни на планете. Швейцер и здесь ратует за сохранение каждой жизни и, по сути, предостерегает против экологических последствий ядерного вооружения. И хотя Швейцер не говорит о проблеме именно *экологической* безопасности, своими выступлениями он стимулирует процесс осознания широкой общественностью экологической угрозы [237].

После присвоения Швейцеру в 1953 г. Нобелевской премии мира, его имя приобретает мировую известность. Благодаря этому у Швейцера появляется возможность донести до широкой аудитории идеи этики благоговения перед жизнью и тем самым внести значительный вклад в формирование инвайронментализма и экологической этики.

В целом можно заключить, что этические смыслы, определившие жизненный путь Швейцера, проявили себя как смыслы проэкологического поведения. Это этика внешнего – материального – самоограничения и внутреннего – духовного – самораспространения. Однако для реализации своих этических принципов Швейцеру понадобился целый больничный городок на другом континенте и постоянный приток финансирования для поддержания его жизнеспособности.

О. Леопольд, сформулировав основные положения этики земли, дал эксплицитное описание собственно экологических смыслов жизнедеятельности и предложил четкий экологический критерий для оценки действий. Во второй половине своей жизни он осознанно стремился действовать в соответствии с этим критерием. Однако чтобы верно руководствоваться экологическим критерием, необходимы соответствующие экологические знания.

В юные годы влечение к природе было для Леопольда неразрывно связано с восторгом охотничьей удачи. Охотничий азарт в значительной мере подкреплялся типичными для того времени экологическими представлениями: «В те дни нам еще не доводилось слышать, что можно увидеть волка и не убить его» [123, с. 127]. Отстрел хищников – волков, медведей, пум – стал профессиональной обязанностью Леопольда после назначения на должность помощника лесничего в Нью-Мексико. Но именно опыт работы в лесной службе побуждает его переосмыслить суть этического действия и приводит к идее научного – основанного на экологическом знании – управления дикой природой.

В качестве основных причин сокращения дичи Леопольд называет уничтожение мест обитания диких животных и целенаправленное истребление хищников. Задачи управления дикой природой он видит не в создании излишка дичи для отстрела, как это было принято, а в восстановлении и поддержании *биоразнообразия*. Эти идеи он продвигает в своем учебном пособии по управлению охотой и, став профессором охотоведения в Висконсинском университете, строит на них подготовку специалистов. При поддержке Леопольда создается первый в системе лесной службы США национальный заповедник дикой природы Гила. В 1935 г. при его активном участии учреждается Общество охраны дикой природы, в задачи которого входит расширение и защита национальных заповедников.

В своей «домашней» жизни Леопольд также руководствовался экологическим критерием. Как уже упоминалось, Леопольд относил себя к людям, которые не могут жить без дикой природы. «Однако сохранение дикой природы несет в себе зародыш собственно крушения – чтобы лелеять, необходимо видеть и ласкать, а когда поглядевших и поласкавших набирается достаточно много, уже не остается дикой природы, чтобы ее лелеять» [123, с. 101]. Поэтому Леопольд стремится создать уголок дикой природы на купленной им ферме. Это не ботанический или зоосад, а естественная экосистема, частью которой является сам Леопольд и его семья. Образ жизни Леопольда может показаться аскетичным, но это не столько следствие самоограничения, сколько предпочтение близости природного окружения комфорту, в его привычных для современного потребителя проявлениях.

В целом, способ жизни Леопольда имел проэкологическую направленность, которая определяла как отдельные его действия, непосредственно затрагивающие жизнь экосистемы, так и его профессиональную, общественную и литературную активность в целом. Его этическое учение стало вкладом в формирование новой экологической парадигмы [311; 83]. Однако следует помнить, что путь к этому новому видению был усеян охотничьими трофеями.

3.5. Резюме: значение этического анализа отношений «человек-природа» для психологических исследований

Ни Швейцер, ни Леопольд не были психологами, но психологические проблемы, поднятые ими при анализе этических вопросов, стали предметом многих исследований в области психологии экосохранения (психологии устойчивого развития). Эти исследования будут рассмотрены в других главах, здесь же коротко обозначены.

начим основные проблемы:

- связь этической и эстетической мотивации;
- мотив прибыли в контексте экологически значимого поведения;
- связь религиозных установок и экологически значимого поведения;
- проблема ответственности человека за экологически значимые действия (экологическая ответственность);
- альтруизм как фактор проэкологического поведения;
- механизмы психологической защиты в контексте экологически значимого поведения;
- связь экологических установок и этических норм с экологическим знанием;
- экологическая озабоченность, экологическое знание, убеждения и этические нормы как факторы проэкологического поведения;
- активность в условиях дикой природы (в том числе – спортивная охота и рыбалка) как фактор проэкологического поведения.

Этические учения А. Швейцера и О. Леопольда можно отнести к числу тех, что опередили свое время. Прижизненное признание Швейцера скорее было связано с его многолетней гуманистической миссией в Африке, с романтическим ореолом успешного европейца, «доброего доктора», отказавшегося от карьеры ради помощи слабым. Основной его труд «Культура и этика» был принят читателями сразу, не только в Европе, но и в США, и все же это была весьма узкая высокообразованная аудитория. Что касается наиболее известной книги Леопольда «Календарь песчаного графства», то, изданная после его смерти, она получила популярность как образец высококачественных записок натуралиста. И только в 1960-1970-е годы началось подлинное осмысление этических идей Швейцера и Леопольда. Именно их идеи легли в основу концепции прав животных и стали базовыми для современной экологической этики. Причиной, побудившей новое поколение к поиску новых этических основ, стало осознание того факта, что антропогенные экологические изменения несут угрозу для жизни на Земле.

Заключение к разделу I

Новые возможности в использовании и преобразовании окружающей среды, обусловленные произошедшим в XIX ст. объединением науки и техники, вызывали иллюзию независимости человека от природного окружения и побуждали к дальнейшей эколо-

гической экспансии. Вместе с тем, бурное промышленное освоение природного мира стало причиной его быстрой деградации и разрушения, порождая тем самым экологические угрозы. Поэтому определенная часть общества реагировала на происходящие изменения ростом беспокойства, эксплицируемого в разной форме и получавшим различное обоснование.

К первоначальным формам проявления такого экологического в своей основе беспокойства можно отнести поэтико-романтическое проникновение в сущностные смыслы Природы, философское осмысление Природы как Трансцендентного и научные предупреждения об угрожающих последствиях хищнического разрушения природных систем. Одновременно получало развитие движение защиты животных, ознаменовавшее начало переосмысления в рамках индустриальной цивилизации отношения к другим живым существам. Также экологическое беспокойство проявилось в создании природных резерватов.

В движении за сохранение природы, как и в движении защиты животных, прослеживаются два подхода, представители которых различаются своими установками на восприятие отношений «человек – природа». Это две установки: установка на управление природой и установка на принадлежность человека природному миру, которые проявляются в используемой аргументации и реализуются в конкретных экологически значимых действиях. В зависимости от доминирующей установки изменяются смыслы антропогенных экологических угроз.

Установка на управление природой позволяет рассматривать экологические изменения как следствие недостаточно разумного или недостаточно ответственного управления, упускающего некоторые, хотя и важные, но вполне поддающиеся учету показатели. Основные проблемы, с этой точки зрения, определяются ориентацией людей на максимально быстрое получение максимальной прибыли, что ведет к неумеренному расходу природных ресурсов, делающему невозможным их естественное восстановление. Поэтому для разумного, «просвещенного» управления необходимо учитывать не только сиюминутные, но и будущие интересы ныне живущих людей. По мере нарастания экологических изменений ставится вопрос о сохранении ценных природных ресурсов для будущих поколений. Конкретное содержание природоохранных действий определяется представлениями об инструментальной ценности природы. Как правило, основные аргументы, используемые «менеджерами природы», отсылают к утилитарной ценности природы. Такие ценности, как эстетическая, научная, духовная и др., чаще всего

упоминаются в качестве дополнительных и нередко подкрепляются аргументами об их потенциальном финансовом значении.

Установка на восприятие человека, как принадлежащего природному миру, усиливает чувствительность к антропогенным негативным экологическим изменениям, поскольку деградация природного мира означает деградацию и человека, как его составляющей. И вместе с тем, установка на принадлежность человека природному миру опирается на переживание своей общности с этим миром и действующими в нем *субъектами*. Вследствие этого, действия, совершаемые в отношении других природных субъектов, получают нравственную оценку, а сами субъекты наделяются внутренней ценностью. Поэтому, как показывает исторический анализ, первоначально проблема «человек – природа» («человек – другие живые существа») осмыслялась в индустриальном обществе в ракурсе угроз для человеческой нравственности, и лишь затем – как угроза инвайронментальная (экологическая). Природозащитные действия обосновываются внутренней ценностью природы (как субъекта) и ее значением для человеческой нравственности, для духовной жизни человека. Последнее подкрепляется аргументами об эстетической, символической, познавательной и т. п. ценности природы.

Установка на принадлежность природному миру может проявляться в разных формах, в зависимости от того, с кем выстраивает субъект свое взаимодействие, как это взаимодействие представлено в его жизненном пространстве (субъективном образе мира). Воспринимаемыми субъектом партнерами по взаимодействию могут быть отдельные живые существа или целостные природные системы, в их конкретно-практическом или обобщенно-символическом значении. Однако во всех случаях за установкой на принадлежность природному миру прослеживается переживание субъектом своей общности с другой жизнью. Рефлексивной формой такого переживания является экологическая этика, требующая включить в сферу нравственной регуляции человека отношения с другими живыми существами и/или природными системами.

Проведенный анализ показывает, что условиями, при которых переживание природной общности может выразиться в конкретных действиях по защите природы, являются понимание угрозы для существования значимого природного субъекта и, соответственно, беспокойство и стремление устранить эту угрозу. Таким образом, можно говорить об экологической озабоченности, включающей когнитивный компонент – экологические представления и компонент аффективный – экологическое беспокойство.

РАЗДЕЛ II

ТЕМА ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В НАУЧНОМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Начиная с середины XX ст. в результате стремительного роста промышленного и сельскохозяйственного производства, обусловленного научно-технической революцией, антропогенные экологические изменения приобретают глобальный характер и проявляются в осязаемом ухудшении жизненно важных параметров окружающей среды. Такие перемены стали причиной инвайронментального беспокойства и тревоги о будущем человечества. Если на первых порах инвайронментальная проблематика была предметом обсуждения в научных кругах, то по мере углубления экологического кризиса и роста экологического беспокойства населения она вышла в плоскость общественно-политического обсуждения. Переломным можно считать 1972 г. – год Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде, подтвердившей актуальность экологических проблем и способствовавшей формированию социального заказа на соответствующие научные исследования.

Раздел II объединяет две главы. В главе 4 развитие представлений о глобальных экологических изменениях рассматривается на основе анализа научной публицистики, в главе 5 исследуется, какое отражение научные представления о глобальных экологических угрозах получают в международных документах и политических решениях.

Глава 4. «Путь к выживанию» – «Пределы роста» – «За пределами роста» (конец 1940-х – 2000-е гг.)

4.1. Первые предупреждения о глобальных экологических изменениях (1940-е – начало 1970-х гг.)

В 1948 г. вышла в свет книга Уильяма Вогта «Путь к выживанию», где была поставлена проблема уменьшения несущей способности земли вследствие растущего демографического и техно-

логического давления со стороны человечества. Согласно Вогту, «из-за чрезмерного размножения и насилия над землей человечество очутилось в экологической западне. Используя одностороннюю науку, оно давно уже живет в долг. Но пришло время платить по счетам» (цит. по: [83, с. 61]). К основным факторам экологической угрозы Вогт относит катастрофический рост численности людей на планете, сопряженный с не менее катастрофическим ростом потребления ресурсов в расчете на одного представителя вида *Homo sapiens*.

Вогт отмечает, что объем ресурсов, потребляемых жителями промышленно развитых стран, определяется уже не задачами жизнеобеспечения, а тем, что мы бы назвали психологической зависимостью от самого процесса потребления: «...стресс мы пытаемся снять... повышая скорость на дорогах, но это делает наши машины неэффективными. Они слишком большой мощности и слишком много потребляют бензина. Мы используем прессу и радио ради рекламы машин. Каждый год мы наезжаем миллионы миль ради удовольствия. Предвидя скорое опустошение наших нефтяных скважин, мы посылаем военные корабли в Средиземное море, противодействуем СССР, стремимся захватить азиатскую нефть – и все для того, чтобы выбрасывать ее на воздух у себя дома» [там же]. В силу указанных *психологических* аспектов проблемы экологической угрозы, путь к ее преодолению Вогт связывает с изменениями в образе жизни и в *мышлении*: «К счастью, мы еще можем выбирать между платой по счетам или полным банкротством мирового масштаба. Разумнее всего было бы затянуть пояса и пройти длительный период жесточайшей экономии и перестройки, чем ожидать катастрофического краха нашей цивилизации. ...Нам не избежать радикальных мер. Прежде всего, надо изменить мышление. Если мы хотим избежать катастрофы, следует забыть о себе» [там же].

Таким образом, Вогт призывает своих соотечественников жертвовать привычным образом жизни ради выживания будущих, а возможно, и нынешних поколений. Одна из таких жертв предполагала ограничение уровня рождаемости, в первую очередь – за счет тех слоев населения, которые традиционно ориентировались на многодетность (латиноамериканцы, азиаты и африканцы). Столь категоричный призыв позволил оппонентам Вогта обвинить его в некритичном мальтузианстве, покушении на гражданские свободы и, более того, в демографическом расизме, а тем са-

мым скомпрометировать его идею самоограничения как таковую.

Работа Вогта указывала на роль социальных и экономических факторов в экологических нарушениях. Двумя годами позже, в 1950 г. экономист К. У. Капп опубликовал книгу «Социальная стоимость частного предпринимательства», в которой показал, что проблемы загрязнения окружающей среды неизбежны при существующей экономической системе. В условиях современной рыночной экономики затраты, которые потребовались бы для устранения негативных экологических последствий, не входят в издержки производства, приведшего к экологическим нарушениям. По словам Каппа: «Стоит только ... рассмотреть не учитывающиеся аспекты неоплаченных социальных затрат – становится очевидно, что ... прибыльность размещения средств в условиях частного предпринимательства – это сплошная иллюзия. Потому что если затратами предпринимателей нельзя измерять действительную стоимость продукции, поскольку часть ее перекладывается на плечи других, то традиционные расчеты рентабельности – это не просто заблуждение, но узаконенная маскировка крупномасштабного грабежа, который превосходит все то, о чем говорили ранние социалисты-утописты и даже их последователи-марксисты, когда они осуждали эксплуатацию человека человеком, которую несла с собой нарождавшаяся система частного предпринимательства» (цит. по: [92, с. 186]).

Заметим, что еще в 1876 г Ф.Энгельс в «Диалектике природы» писал о капиталистах, которые заботятся лишь о «наиболее непосредственных полезных эффектах своих действий. Более того, даже сам этот полезный эффект ... совершенно отступает на задний план, и единственной движущей пружиной становится получение прибыли при продаже» [246, с. 155]. Поэтому и классическая политическая экономика занимается лишь теми общественными последствиями рыночной деятельности, «достижение которых непосредственно имеется в виду. ... Так как отдельные капиталисты занимаются производством и обменом ради непосредственной прибыли, то во внимание могут приниматься в первую очередь лишь ближайшие, наиболее непосредственные результаты. ... Какое было дело испанским плантаторам на Кубе, выжигавшим леса на склонах гор и получавшим в золе от пожара удобрение, которого хватало на *одно* поколение очень доходных кофейных деревьев, – какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный отныне верхний слой почвы, оставляя после себя лишь обнаженные скалы!» [246, с. 156].

Капп показал в своей работе, что такого рода экологические последствия могут быть представлены в виде *социальных издержек*,

которые со временем ложатся на плечи тех, кто не имел выгод ни от производства продукции, ни от ее использования. Ценность окружающей среды, полагал Капп, должна измеряться не деньгами, а ее воздействием на жизнь человека, поэтому должны быть установлены «стандарты среды», достигаемые общественным регулированием (по: [42, с. 147]).

В целом, хотя Капп подчеркивал серьезность проблемы загрязнения среды, основной упор он делал на социальных последствиях экологически разрушительной предпринимательской деятельности.

Тема экологической угрозы поднимается в 1950-х годах в ряде публикаций, акцентирующих внимание на отдельных специфических аспектах проблемы экологической безопасности. А уже в 1960-х «во многих книгах и статьях высказывались опасения по поводу безудержного роста населения и удвоения темпов добычи нефти и других ресурсов каждые n лет» [83, с. 48]. В частности, Пол Эрлих в 1968 г. обращается в своей книге «Демографическая бомба» к проблеме перенаселенности [318], а тремя годами позже в качестве главных причин разрушения природы называет рост населения, сверхпотребление и использование вредных технологий [317].

Несмотря на растущее число подобных публикаций, их содержание оставляло для читателя лазейку, позволявшую оценивать проблему «человек–природа» как узко специфическую (например, связанную с конкретным загрязнением или уменьшением определенного ресурса) либо как отвлеченную и слабо соответствующую запросам реальной жизни. Так, практически не замеченной не только широкой публикой, но и специалистами оказалась книга Фреда Коттрелла (Fred Cottrell) «Энергия и общество» 1955 г., где обосновывалась необходимость поддержания баланса между объемами энергии, затрачиваемой людьми в процессе жизнедеятельности, и энергии, которую человек способен *восстанавливать* на *долгосрочной* основе (по: [83]). Проблема, положенная в основу книги, не показалась читателям достаточно актуальной.

Противоположный пример – книги Рэйчел Карсон (Rachel Carson) «Море вокруг нас» («The Sea Around Us», 1951) и широко известная «Молчаливая весна» («Silent Spring», 1962). Последняя публикация, посвященная угрозам использования ДДТ и других пестицидов, вызвала у читателей беспокойство и, несомненно, имела важное эколого-пропагандистское значение. В «Молчаливой весне» Карсон выразила свою глубокую тревогу за жизнь на

Земле. Нэш отмечает, что «когда она начала писать “Молчаливую весну”, то сказала своему издателю, что хотя “она всегда в первую очередь выделяла угрозу человеческому здоровью”, теперь она все больше склоняется к той мысли, что вред, приносимый пестицидами “базовой экологии всей жизни, значительно перевешивает какие либо иные аспекты проблемы»» [159]. Эти слова не вошли в книгу, так как Карсон «хотела быть эффективной на политической арене и знала, что если слишком “оторвется” от общественного мнения, она лишится своей аудитории» [там же]. Поэтому основным в ее книге стало сообщение о том, что пестициды несут реальную угрозу здоровью людей.

Злободневность и убедительность «Молчаливой весны» косвенно подтверждается теми усилиями и финансовыми затратами (свыше четверти миллиона долларов), на которые пошли производители химикатов для дискредитации книги средствами массовой рекламы и PR (данные приведены по: [196]). Вместе с тем, даже обеспокоенный читатель мог утешить себя надеждой, что речь идет об *отдельных* (хотя и опасных) негативных последствиях хозяйственной деятельности человека.

Но тогда же в 1960-х появляются работы, авторы которых стремятся к стереоскопическому изображению экологического кризиса. Так, например, в 1965 г. выходит на французском языке книга Ж. Дорста «До того как умрет природа», где показываются многочисленные, связанные между собой экологические проблемы: истощение почв, уничтожение лесов, разрушение водных биотопов, химическое загрязнение атмосферы и мирового океана, скопление отходов, радиоактивное заражение, замена естественных биоценозов искусственными, демографический взрыв, «рахищение морских богатств» [59]. В целом книга посвящена охране природы, и автор приходит к выводу: «Может быть, это звучит парадоксом, но самая насущная современная проблема в области охраны природы – это защита нашего вида от нас самих. Homo sapiens нужно защитить от Homo faber» [59, с. 128]. В книге другого европейца – основателя Римского клуба итальянца А. Печчеи – с выразительным названием «Перед бездной» (1969) также поднимается проблема выживания человечества, в еще более широком контексте мировой проблематики. Однако эта публикация почти не привлекла к себе внимания [166].

С позиций системного анализа пытался рассматривать экологический кризис Б. Коммонер, обращаясь к экономическим, социаль-

ным, политическим причинам. Его книга «Замыкающийся круг» («The closing circle») вышла в 1971 г. и была адресована широкой аудитории [92]. Хотя главную «угрозу экологическому выживанию» Коммонер связывает с загрязнением, на многих примерах он раскрывает нелинейный характер связи между промышленно-технологическим развитием и его экологическими последствиями, между кризисом окружающей среды и социальными системами.

Автор пишет о необходимости *экологического императива*, и выражает сомнения в том, что такой императив может быть реализован в рамках современной экономической системы частного предпринимательства. Обнадеживающие признаки Коммонер видит в стремлении простых граждан сообща отстаивать свои права на здоровую окружающую среду, в готовности фермеров отказаться от вредных технологий землепользования, даже если это требует самоограничений. Однако для того, чтобы такие побуждения возникли и реализовались в проэкологических действиях, люди должны знать о серьезности экологических угроз и способах их устранения.

Коммонер заключает: «Неопределенность настолько велика, что нам остается только строить догадки. Можно попытаться угадать, когда мы достигнем той точки, откуда нет возврата, момента, когда процесс экологической деградации может стать необратимым. По моему собственному мнению, разумно было бы предполагать, что в индустриальных районах мира это произойдет через 25–50 лет, но это только догадка» [92, с. 168]. Такая оценка экологической ситуации «на глазок» была дана практически в одно время с первыми прогнозами на основе моделей мирового развития (и оказалась очень близка к результатам количественного моделирования).

4.2. Психологические корни экологического кризиса (вторая половина 1960-х – начала 1970-х гг.)

Стремительные экологические ухудшения, вызванные внедрением новых промышленных технологий, начинают осмысливаться в 1960-х гг. как проявления антропогенного экологического кризиса. То, что деятельность человека может приводить к кардинальным преобразованиям среды, вплоть до изменений климата на значительных территориях, не являлось новым – эта проблема была обозначена в науке столетием ранее и получила освещение в целом ряде работ ученых XIX века (см. [96]). Однако по своей ско-

рости и масштабности экологические события из исторического прошлого человечества были несопоставимы с результатами нынешнего воздействия человека на окружающую среду. С другой стороны, можно было предполагать, что за экологическими кризисами прошлого и современным кризисом стоят общие причины, связанные с особенностями человеческой ментальности и поведения. Анализ этих причин позволил бы не только лучше понять текущие события, но, что самое главное, помог бы определить пути к преодолению сложившейся ситуации.

Особенности человеческого сознания и поведения, которые могли бы объяснить разрушающее воздействие человека на среду его обитания, стали в конце 1960-х гг. предметом анализа для представителей различных научных дисциплин (кроме психологии).

В 1967 г. в «Science» публикуется статья историка Линна Уайта «Исторические корни нашего экологического кризиса» [206]. Автор писал:

«При нынешнем состоянии экологических исследований мы не способны точно установить, где и когда человек осуществил решающие изменения в жизни природы, какой вклад он внес в формирование нынешней ситуации. Ясно лишь, что именно люди сыграли здесь главную роль. И в последней трети XX века мы столкнулись со страшно обостряющейся проблемой, как избежать ответного экологического удара. ...Что же мы должны делать? Этого пока еще никто не знает. Нам нужно обратиться к вещам фундаментальным, ибо, если мы ограничимся неглубокими и недальновидными решениями, мы будем получать лишь новые и новые ответные удары природы со все более усугубляющимися последствиями, которые сведут на нет успешность таких решений.

Мы должны начать со своего мышления и обрести ясность понимания, а для этого нужно дать глубокий исторический анализ всего, что легло в основание современной науки и техники» [206, с. 189–191].

Свою преамбулу автор заканчивал выводом, что современный мир не сможет выжить, если не переосмыслит свои собственные догмы. Основной такой догмой Уайт считал антропоцентрическое убеждение в господстве человека над природой, закрепленное в христианстве.

На то, что «бессмысленное и противоестественное представление» о противоположности между человеком и природой «получило наивысшее развитие в христианстве», указывал почти столетием раньше Энгельс [246, с. 154]. Однако Уайт пошел дальше, усмотрев в христианстве *источник* такого представления: «Разрушив языческий анимизм, Христианство открыло психологическую возможность

эксплуатировать природу в духе безразличия к самочувствию естественных объектов» [там же, с. 197]. Автор заключает: «Экспансию науки и техники невозможно понять исторически, если оставить без внимания специфику отношения к природе, глубоко укорененного в христианской догматике. ...мы и дальше будем идти по пути углубления экологического кризиса, пока не отвергнем христианскую догму, согласно которой у природы нет никакого другого предназначения, кроме как служить человеку» [там же, с. 202].

Статья Л. Уайта стала одной из тех работ, которые обозначают дискуссионное пространство на десятилетия вперед. Наиболее спорным было положение об обусловленности современного антропоцентризма христианской религией и, соответственно, вина, возлагаемая за нынешний экологический кризис на христианскую церковь. Это положение стало предметом для теоретического обсуждения и эмпирической проверки во многих последующих психологических исследованиях (в частности, [303; 438; 455]). Вместе с тем, другой тезис, скорее пунктирно заданный автором и используемый как пресуппозиция, не только не вызвал возражения, но был быстро подхвачен другими исследователями. Это тезис о роли **антропоцентризма** в развитии экологического кризиса. Также нашел поддержку утверждение о связи экологических проблем человечества с доминированием идеи **прогресса** (напр., [6; 83; 80]).

Другой, не менее резонансной и широко цитируемой работой, стала статья «Трагедия общинных выгонов» эколога Гарретта Хардина, опубликованная в «Science» в 1968 г. [347]. Вслед за Вогтом, Эрлихом и другими исследователями, Хардин обратился к проблеме численности человеческой популяции. Однако широкую известность его исследованию принесли не демографические выкладки, а рассматриваемые автором психологические феномены. В качестве модели демографического роста Хардин использовал пример из брошюры малоизвестного математика У. Ллойда за 1833 г., в котором рассматривается участь общественного выгона, открытого для использования всеми членами общины. Пока внешние ограничители в виде болезней, междоусобиц, браконьерства и т. п. поддерживают численность людей и животных на уровне, соответствующем несущей возможности пастбища (в данном случае – его возможности сохраняться в виде плодородного пастбища при том количестве животных, которое на нем кормится), и выгон и община могут «благополучно существовать веками» [там же]. Используя определение «благополучно», Хардин подразумевает *экологическое благополучие*, которое заканчивается с приходом

социальной стабильности. Болезни, войны, преступность побеждены, и «наступает день расплаты».

«С этого дня извечная логика пастбищ ведет к трагедии. ...Как всякий рациональный человек, скотовод стремится к максимальной выгоде. ...Рациональный скотовод заключит, что единственно разумный путь – это добавить к стаду еще одно животное. А потом – еще одно, и еще... Но это то заключение, которое доступно для каждого, и каждый разумный скотовод использует таким же образом свою долю пастбища. А это означает трагедию. Каждый человек находится в тисках системы, которая понуждает его увеличивать свое стадо беспредельно, – в мире, возможности которого имеют предел. Крах – вот та перспектива, к которой спешит все человечество, ибо каждый стремится как можно лучше удовлетворить свои собственные интересы в этом обществе, которое утверждает свободу пастбищ. Свобода общинных владений ведет к всеобщему краху» [347, с. 1245].

Хардин делает вывод, что при ограниченных ресурсах Земли свобода размножения в условиях социальных гарантий низкой смертности приведет к всеобщему краху. «Объединять концепцию свободы размножения с верой, что каждый рожденный имеет равное право на общественный ресурс, означает обречь мир на трагический исход» [там же, с. 1247]. Выход из тупика он видит в социальном контроле над рождаемостью («взаимное принуждение при взаимном согласии»). Хардин отрицает возможности технологического решения проблемы ресурсов, поскольку существуют экологические ограничения для роста несущей способности Земли.

Помимо проблемы исчерпаемости ресурсов, включая так называемые возобновимые ресурсы, Хардин привлек внимание к другой, собственно психологической проблеме поведения людей в ситуации с общим конечным ресурсом. По мнению Хардина, при отсутствии внешних ограничений (в том числе социального регулирования) каждый человек будет стараться присвоить себе как можно большую часть общего ресурса, поскольку каждый *рациональный* человек стремится к максимальной выгоде. Скотоводы Хардина выбирали между выгодой от увеличения стада на еще одно животное и ущербом, который это животное может принести общему выгону. Выгода, которую получал один скотовод, оказывалась больше ущерба, т. к. последний распределялся между всеми скотоводами общины. Такая же логика, говорит Хардин, приводит к истощению мировых рыбных ресурсов, истреблению китов, промышленному загрязнению среды и т. д.

«Национальные парки представляют другой пример трагедии общин. В настоящее время они открыты для всех, без ограничений.

Сами парки ограничены в пространстве – здесь есть только одна Йосемитская долина – тогда как население, похоже, растет без ограничений. Ценности, которые посетители ищут в парке, необратимо разрушаются. Очевидно, мы должны скоро прекратить рассматривать парки как открытые для общего доступа, или же они вообще не будут иметь никакой ценности» [там же, с. 1247].

Хардин отрицает возможность урегулировать пагубную ситуацию путем призывов к совести и ответственности людей. В частности, «будет ошибкой считать, что мы сможем управлять размножением человечества обращением к совести» [там же]. (Заметим, что у самого Хардина было пятеро детей.) Более того, Хардин полагает, что любое такое обращение несет в себе двойной посыл (по Бейтсону).

«Рано или поздно, сознательно или подсознательно, человек почувствует, что получил две коммуникации, и что они являются противоречивыми: (i) (намеренная коммуникация) “Если ты не сделаешь то, о чем мы просим, мы открыто осудим тебя, что ты не действуешь как ответственный гражданин”; (ii) (непреднамеренная коммуникация) “Если Вы действительно действуете так, как Вам говорят, мы тайно осудим тебя как простака, которого стыд заставляет держаться в стороне, в то время как остальные из нас используют общественное достояние”» [там же, с. 1248]. Возникающий «двойной зажим» оказывает разрушительное действие на психику, но что еще важнее – чувство вины побуждает человека сосредоточиться не на объекте, а на себе и своих страхах. Поэтому Хардин требует жесткого регулирования, которое не позволит людям безнаказанно расходовать общий ресурс, так же, как не позволяется грабить государственные банки только на том основании, что там находятся общие деньги.

Статья Хардина стала вызовом этике либерального общества, продемонстрировав экологическую несостоятельность существующей системы ценностей. Возникал вопрос о необходимости изменений в общественных ценностях. Один из первых ответов был предложен в 1969 г. в статье Томаса Б. Колуэлла (Т.В. Colwell) «The balance of nature: a ground for human values». Рассматривая природный баланс в качестве исходной и высшей человеческой ценности, Колуэлл предлагал нормативно-этическое решение «трагедии общин» (по: [181]).

Всегда ли экологический выбор осмысливается в терминах сиюминутной экономической эффективности? Может ли «разумный человек» руководствоваться экологическим критерием? Как изменить соотношение «выигрыши – затраты»? Действительно ли конкурентная стратегия неизбежна? – эти вопросы определили

для многих психологов выбор экологических дилемм в качестве предмета исследования. Однако психологические исследования в этой области начались позже, во второй половине 1970-х, когда проблема ограниченных ресурсов, в ее экологическом ракурсе, приобрела в развитых странах зримые черты.

На рубеже 1960–70-х гг. наиболее глубокий подход к анализу психологических причин, в силу которых человек разрушает саму основу человеческого существования, был предложен Грегори Бейтсоном. Антрополог с мировым именем, известный своими работами в области психиатрии и теории научения, использовал кибернетические концепции для рассмотрения человеческого мышления как системы с обратными связями. В июле 1968 г. в Австрии прошла конференция «Effects of Conscious Purpose on Human Adaptation», на которой Бейтсон сделал доклад с тем же названием (в русском переводе «Сознательная цель против природы» [10]). Текст этого выступления вошел в книгу Бейтсона «Steps to an Ecology of Mind. Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution and Epistemology», изданную в 1972 г. [10, с. 391–404].

Рассматривая мышление человека как саморегулирующуюся систему, Бейтсон останавливается на двух его особенностях: «способности сохранять мнения и компоненты status quo» и его подчиненности *сознательной цели*, определяющей избирательное отношение к информации [10, с. 391–398]. Чтобы описать регуляцию человеческой деятельности, Бейтсон использует понятия «совокупный разум» и «сознание». Хотя совокупный разум владеет всей информацией о взаимосвязях организма и среды, сознание выбирает из этого массива только ту его часть, которая отвечает поставленным им же краткосрочным целям. В силу такого избирательного восприятия, негативные экологические эффекты целенаправленной деятельности будут игнорироваться, пока не станут серьезным препятствием, но и тогда их проявления будут интерпретироваться, как результат неких иных, независимых от субъекта процессов.

Именно целевая регуляция человеческой деятельности объясняет использование и развитие человеком таких технологий, которые последовательно разрушают экологическую основу его жизни. Однако послевоенный скачок в технологическом развитии обусловил настолько быстрые экологические изменения, что стало очевидно: «сознательная цель теперь обладает достаточной мощностью для нарушения балансов тела, общества и окружающего

биологического мира. Патология – потеря баланса – приобрела угрожающий характер» [там же].

В логике Бейтсона, осознание экологической угрозы должно побудить людей отказаться от мнимой целесообразности действий и искать системное долговременное решение. Психологическими условиями для такого решения, по Бейтсону, являются смирение и обращение к совокупному разуму. Смирение, не как моральный принцип, а как установка целеполагания, должно опираться на видение человека в рамках общей системы, которую он не может контролировать, так как является всего лишь ее частью. Развитие саморегуляции на уровне совокупного разума (интегрирующего сознание и бессознательное) Бейтсон связывает не с популярным в те годы «расширением сознания» с помощью психоделиков, а с творческим переживанием.

Экологические взгляды Бейтсона получили развитие в документе «Корни экологического кризиса», подготовленном в 1970 г. Комиссией по проблемам экологии и человека университета штата Гавайи в защиту законопроекта об организации в штате Бюро контроля качества окружающей среды [10, с. 454–459]. Здесь называются три взаимосвязанные базовые причины «нынешней лавины проблем окружающей среды»: технологический прогресс, рост человеческой популяции и традиционные идеи, касающиеся природы человека и его отношений с окружающей средой (гордыня) [там же, с. 456]. Петли положительной обратной связи между всеми тремя факторами делают каждый процесс самоподдерживающимся и обуславливают экспоненциальный рост каждой подсистемы (рис. 4.1). В документе утверждается, что коррекция любого из трех процессов могла бы предотвратить «разрушение нашего мира». В поисках ключевого звена в этом порочном круге авторы останавливаются на традиционных подходах к окружающей среде, закрепленных в человеческой ментальности.

«Идеи, которыми в настоящее время заражена наша цивилизация, в своей самой вирулентной форме относятся к периоду индустриальной революции» [там же, с. 458]. К этим ложным идеям авторы относят: установку на *конкуренцию* со средой и с другими людьми («мы *против* окружающей среды» и «мы *против* других людей» [там же]), индивидуализм, экономический детерминизм, вера в человеческий контроль над средой, вера в неограниченный рост, вера в технологии. На ошибочность этих установок и убеждений указывают «разрушительные достижения нашей техноло-

гии за последние 150 лет» и современная экологическая теория.

Авторы полагали, что изменения в мышлении уже начались и что они так же неизбежны, как технологический прогресс. Однако

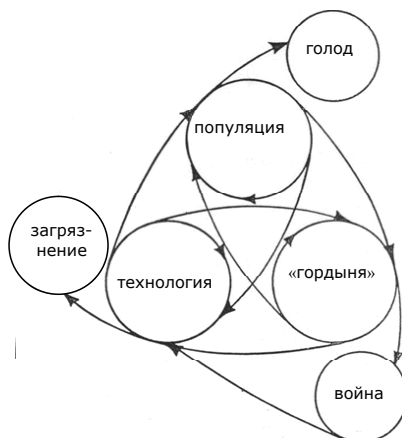

Рис. 4.1. Схема развития экологического кризиса (по Бейтсону [10])

утверждение, что «эти изменения мышления окажут воздействие на наше правительство, экономическую структуру, философию образования и военную политику, поскольку старые предпосылки глубоко укорены во всех аспектах нашего общества» [там же, с. 459], вызывает вопрос – на чем же базируется уверенность в неизбежности изменений? Документ содержит один имплицитный ответ: изменения **должны** произойти, потому что иначе люди не справятся с растущей лавиной экологических проблем. Кроме того, «изменение мышления уже началось среди ученых, философов и среди молодежи» [там же, с. 459].

Действительно, в 1960-е гг. в США и европейских странах множились альтернативные субкультуры, представители которых считали неизбежным «изменение индивидуального сознания и освобождение его от устаревших норм и ценностей материалистического общества» [29]. Но в большей своей части движение контркультуры было продуктом послевоенного экономического расцвета.

«Товары в огромных количествах и разнообразии казались вытекающими из неиссякаемого рога изобилия. ...бодрое чувство перспективы наполняло эру. ...Контркультурный отказ от материальных благ не вступил в конфликт с собственным потреблением стереомагнитофонов, телевизоров, “расширяющей сознание” фармацевтикой, экзотической одеждой, а также экзотической едой. ...То, что обще-

ство может быть приспособлено для того, чтобы брать все преимущества материальных и социальных благ, не вызывая сомнений, что подкреплялось верой в возможность создать хорошую жизнь, структурированную с этических позиций. ...Контркультура и ее требования становились все более утопическими до такой степени, что комфортабельная жизнь для всех стала казаться даже более реальной. Молодежь, знаменитые “отбросы” 60-х сделали этический призыв из того факта, что они могут жить хорошо везде, начиная от мусорного бака общества и с “маленькой помощью от одних друзей” [22].

Обратной стороной товарного изобилия стали проявления экологической деградации, которые оценивались левым движением как следствие несовершенного капиталистического способа хозяйствования. Мало кто давал себе отчет в том, что рост благосостояния и свободы (в том ее аспекте, который критиковал Хардин), достигаемый за счет необратимого истощения ресурсов, может привести к экологической катастрофе.

Характеризуя экологическую несостоятельность левого молодежного движения, Каттон пишет: «революционеры 60-х воображали, что радикальное перераспределение власти и влияний, принятие “нового” образа жизни, смягчение социальной напряженности и создание новой “этики любви” помогут привести людей в мир, свободный от конкуренции и гораздо более совершенный, чем мир, построенный на избыточной несущей способности. Революционеры, к сожалению, забыли о существовании “экологических пределов оптимизма”.

В этом отношении следует отметить особую популярность книги Чарльза Рейха “Позеленение Америки” (1970). Эту популярность можно объяснить искренней верой живущих в сумерках изобилия молодых людей в “новый взгляд на мир”, способный отменить законы природы и устранить последствия демографического взрыва. Рейх и преданные ему читатели, по-видимому, не заметили, что рост конкуренции среди представителей человеческого рода является естественным следствием неумолимо изменяющейся экологической ситуации» [83, с. 169].

Книга Ч. Рейха была еще одним ответом на происходящие социальные и экологические изменения, ответом, выдержанным в духе «либертатного» движения (движения за равные права и свободы [22]). Психологические корни общественных изъянов виделись в том, что доминирующие в социуме ценности придают непомерно большое значение власти и социальному статусу. Призывом Рейха был возврат к подлинным ценностям простой жизни, близкой к природе. «“Мы должны начать с того, на чем зиждется человеческая жизнь и вся остальная природа”, – говорил он. Но

природа у Рейха так и осталась “идолом”; он ничего не говорил о влиянии ограниченности ресурсов, биогеохимических процессов, симбиоза, экологического антагонизма и т. п. на человеческие отношения» [83, с. 169].

Таким образом, в последней трети 1960-х гг. в научных инвайронментальных представлениях намечается сдвиг в направлении учета психологического фактора при анализе причин экологического кризиса и поиске путей выхода из него. В качестве психологической основы для экоразрушающей деятельности людей называются антропоцентризм; вера в прогресс; установка на конкуренцию, закреплённая в доминирующих ценностях; линейная направленность мыслительных процессов, обеспечиваемая избирательностью восприятия в пользу сознательной цели.

Вера в непрерывный прогресс объединена с двумя взаимосвязанными установками: на неисчерпаемость ресурсов и на технологическое решение любых инвайронментальных проблем. Указывая на принципиальные ограничения промышленных технологий, исследователи, по сути, связывают выход из экологического кризиса с коррективами самого процесса регуляции экологически значимого поведения – внешними, на уровне социального регулирования (Хардин) или внутренними, в результате внутренней трансформации установок, ценностей, смыслов (Бейтсон, Уайт). Тем самым, хотя и непрямо, подразумевается необходимость психологических технологий – от технологий социального влияния до технологий саморазвития.

4.3. Глобальные проблемы развития человечества (конец 1960-х – 1972 г.)

В конце 1960-х общественные ожидания и настроение в развитых странах несли в себе внутреннее противоречие. С одной стороны, как отмечалось в 1990 г. в отчете Римского клуба, «мания экономического роста была в зените» [89], также на подъеме находилось либертатное движение [22]. С другой стороны, все более очевидной становилась потенциальная угроза неконтролируемого разрушения человеком собственной жизненной среды. Прежде всего – из-за возможности применения атомного оружия в политическом конфликте, но также и в силу катастрофически растущего промышленного загрязнения среды.

В 1969 г. английский романист и физик Ч. П. Сноу после путешествия по миру написал в своей книге «Состояние осады» (The

state of siege), что везде люди чувствуют безысходность и тревогу [83, с. 84]. Вспоминая об этом периоде спустя 20 лет, Александр Кинг сказал: «Индустриальный мир переживал пик послевоенного ускоренного развития, но уже тогда появились тревожные признаки дисгармонии. Это был год “парижских событий” и начала студенческих волнений во многих странах, о неблагоприятии свидетельствовало появление хиппи, возникли и другие формы отчуждения людей от традиционного порядка; именно тогда широкая общественность стала осознавать опасность деградации окружающей среды, и мы начали понимать, что на горизонте маячили глобальные проблемы, которые нельзя решить изолированными усилиями отдельной страны» (цит. по: [166, с. 32]).

Поэтому, хотя в целом для большинства публикаций 1960-х годов было характерно акцентирование внимания на отдельных аспектах экологического кризиса [83], в конце 1960-х – начале 1970-х гг. появляются работы, направленные на осмысление системного характера происходящих изменений.

Первой такой работой можно назвать «Прогнозирование научно-технического прогресса» Э. Янча, изданную в 1967 г. в Париже. Рассматривая развитие системы «природа–человек–общество–технология», Э. Янч приходит к выводу о необходимости установить контроль над технологическим и экономическим развитием в мире. По мнению автора, рост технологий можно уподобить раковой опухоли, мешающей здоровому развитию всего остального [254, с. 460]. Несмотря на актуальность поднятых проблем и их глубокий анализ, многостраничный труд Янча был замечен и оценен преимущественно узкими специалистами. Почти не привлекли к себе внимания и две другие книги на тему мировой проблематики: выполненная в философском ключе работа А. Печчеи «Перед бездной», вышедшая в 1969 г., и книга Дж. У. Форрестера «Мировая динамика» 1971 г., предлагающая математическую модель мирового развития. Ни провокационное название, использованное Печчеи, ни тревожные выводы, следующие из расчетов Форрестера, не смогли в достаточной мере заинтересовать широкую аудиторию.

Настоящим прорывом стал доклад Римскому клубу «Пределы роста» (The limits to growth), подготовленный так называемой «группой Медоуза», в которую кроме Денниса Медоуза вошли Донелла Медоуз, Йорген Рэндерс, Вильям Беренс и другие молодые исследователи [141]. «Пределы роста» объединили в себе вызывающее название, злободневное содержание на двухстах страницах, математические выкладки с предельно доступным комментарием и понятными графиками, недвусмысленное предупреждение об опас-

ности и призыв к безотлагательному решению острых проблем.

Доклад был опубликован отдельной книгой в 1972 г. и сразу стал бестселлером. В короткое время книга разошлась тиражом около 4 млн экземпляров, спровоцировав широкую общественную дискуссию. Такая реакция полностью отвечала чаяниям Римского клуба, выступившего организатором исследования. Ведь цели Римского клуба, созданного в 1968 г. по инициативе Аурелио Печчеи, заключались «в формировании нового понимания глобальной системы, в которой мы все живем, как системы, состоящей из различных, но взаимозависимых составных частей – экономических, политических, природных и социальных; в распространении этого нового понимания среди людей, ответственных за принятие решений, а также среди общественности всего мира; в содействии, таким образом, новым инициативам в области принятия решений и деятельности по их организации» [141, с. 14].

В комментарии к «Пределам роста», говоря об ускоряющемся росте как тенденции мирового развития, члены Римского клуба отмечают: «человек слепо полагает, что окружающая среда не будет препятствовать такому росту, что другие группы населения уступят ему, или что наука и техника устранят все препятствия на его пути. Мы хотели определить, в какой степени тенденция роста может быть совместима с конечными размерами нашей планеты и с основными устремлениями нашего развивающегося общества» [141, с. 198]. И далее: «Мы ставили своей целью предупредить мир о потенциальной угрозе наступления мирового кризиса... и, таким образом, открыть возможность для изменения политической, экономической и социальной систем в таком направлении, которое могло бы предотвратить этот кризис» [там же].

Когда в 1969 году в Римском клубе обсуждался вопрос, каким должен быть проект «Сложное положение человечества», Э. Пестель предложил использовать математическую количественную модель для исследования глобальной проблематики, поскольку только строгий расчет дает шанс повлиять на людей, принимающих решения в сфере политики и экономики [166]. По рекомендации профессора Массачусетского технологического института Дж. У. Форрестера Римский клуб предложил ассистенту МТИ Деннису Медоузу возглавить группу, средний возраст участников которой составил 30 лет.

Молодыми исследователями была разработана математическая модель «Мир-3» (прототипом стала модель Форрестера «Мир»),

позволяющая экстраполировать мировое развитие по восьми показателям: общая численность населения, выпуск промышленной продукции на душу населения, производство продуктов питания на душу населения, загрязнение окружающей среды, невозобновимые ресурсы, общий темп рождаемости, общий темп смертности, производство услуг на душу населения. Основной вывод был таким: «Если существующие на настоящий момент тенденции роста населения мира, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продуктов питания и истощения ресурсов сохранятся неизменными, то уже в течение следующего столетия человечество подойдет к пределам роста. Наиболее вероятным результатом будет резкое и неуправляемое падение как численности населения, так и промышленного производства» [141, с. 25–26].

В «Пределах роста» однозначно заявляется о принципиальной невозможности неограниченного роста и о том, что у человечества остаются две альтернативы: дожидаться, пока рост не будет остановлен естественно возникающими ограничениями, или попытаться преднамеренно остановить рост, вводя контролируемые ограничения. Второй вариант дает человечеству шансы обеспечить «экологически и экономически стабильное состояние, которое может поддерживаться и в далеком будущем» [там же]. Чем скорее люди перейдут к конструктивным действиям по стабилизации развития, тем выше шансы на успех.

Для описания стабильного равновесия вводится характеристика «устойчивое» – это динамическое равновесие, которое оставляет место для изменений, инициатив и инноваций, творчества. Авторы хотели убедить читателя, что ограничение роста не означает отказ от технократических и демократических идеалов: «Мы действительно уверены, что такая эволюция общества, при которой высоко ценятся новые идеи и технический прогресс, при которой в основе общества лежат равенство и справедливость, осуществима со значительно большей вероятностью в состоянии глобального равновесия, чем в том состоянии роста, в котором мы пребываем сегодня» [там же, с. 181].

Из «Пределов роста» следовала необходимость кардинальных мировоззренческих и поведенческих изменений, и это отмечалось в комментарии к докладу, написанном группой из пяти членов Римского клуба. «Необходимой отправной точкой для возникновения новых форм мышления, которые приведут к основательному пересмотру существующих образцов человеческого поведения»

авторы комментария считали «осознание количественных ограничений возможностей окружающей природной среды и *трагических последствий* превышения их предельного уровня» [там же, с. 196] (курсив здесь и далее – И. К.). «Только *действительное осознание того бедственного состояния*, в котором находится человечество в этот поворотный момент своей истории, сможет обеспечить достаточную мотивацию для людей, чтобы они *пошли на личные уступки* и согласились с изменением политических и экономических структур власти, которое необходимо для выхода в состояние равновесия» [там же, с. 200].

«Пределы роста» позволили привлечь к глобальной проблематике внимание очень широкой аудитории, включая научные и политические круги. Анализируя такой успех, вызванный докладом, и сравнивая его со скромным эффектом, если не провалом, предшествующих изданий, Э. Пестель пишет о концепции «нулевого роста», закрепившейся в представлениях многих за «Пределами роста» [166]. Примечательно, что слова «нулевой рост» отсутствуют в докладе, только на одной его странице идет речь о мире «без роста», что далее поясняется как «состояние равновесия», «стабильное состояние», «динамическое равновесие», «баланс противоборствующих сил». Более того, отдельный параграф озаглавлен «Рост в состоянии равновесия».

Само словосочетание «Пределы роста» было еще ранее использовано в «Мировой динамике» Форрестера как название главы, но, напомним, эта работа почти не привлекла к себе внимания. Вынеся это словосочетание на обложку, авторы доклада сделали грамотный маркетинговый ход, т. к. четко выделили наиболее важное содержание своей работы – не абстрактные глобальные проблемы или мировая динамика, а вполне конкретные естественные ограничения для роста, как экономики, так и населения. Помимо этого, по своим «жанровым особенностям» «Пределы роста» оказались в маргинальном положении: работа имела черты академического научного исследования, но при этом была выдержана в публицистическом ключе. Авторы указывали на неизбежные ограничения используемой модели, однако отстаивали универсальный характер полученных на ее основе результатов. Вместо осторожных выводов, оговаривающих неоднозначность изучаемых процессов, в книге заявлялось о необходимости срочных согласованных действий людей, если те хотят предотвратить неизбежный при сохранении существующих темпов роста коллапс мировой

системы. Такими решительными заявлениями авторы нарушили негласные границы этики академических исследований и поставили себя под удар научной критики.

«Доклад критиковали с двух сторон — за то, что модель, лежащая в основе анализа, недостаточно адекватна, не учитывает множества факторов, которые существенно повлияли бы на окончательные выводы, за чрезмерный уровень абстракции и агрегации и за то, что основной вывод книги — невозможность сохранять прежние темпы интенсивного роста, если питающие этот рост ресурсы ограничены, — очевиден и не нуждается в каких-либо формальных моделях, даже таких простых, как у группы Медоуза» [166, с. 16].

Спустя 30 лет авторы так характеризовали общественную реакцию на выход «Пределов роста»: «раздались гневные отклики экономистов, а с ними и промышленных производителей, политиков и защитников стран третьего мира — их возмущало само наличие пределов роста» [140, с. 23]. В докладе ставилась под сомнение ценность прогресса, выраженного в материальном росте. Авторы покусились сразу на двух «священных коров» промышленной цивилизации: материальный прогресс и рост материального потребления. По словам Э. Пестеля: «“Пределы роста” появились вóвремя, когда надежды на непрерывный рост и процветание, которое рано или поздно настанет на Земле, были омрачены первыми сомнениями. Я твердо убежден, что разгоревшиеся в мире после публикации первого доклада Римскому клубу дискуссии принесли пользу, обратив внимание миллионов людей на “мировую проблематику”, заставив их сердцем и умом признать неотложную *необходимость радикального пересмотра ценностей, подавленных сегодня материальными интересами*» [166, с. 238].

Ценность прогресса и вера в неограниченный рост присущи промышленной цивилизации независимо от общественного строя в стране, капиталистического или социалистического. Косвенным доказательством тому стала ожесточенная критика, которую вызвали «Пределы роста» в СССР, несмотря на личные контакты Римского клуба с научной и политической советской элитой (например, [42]). По словам Д. М. Гвишиани, «в то время считали, что болезни роста, о которых шла речь в докладе Медоуза, присущи лишь капиталистическому миру, что авторы не учли возможных революционных перемен в общественном и политическом строе различных стран мира, а значит, их утверждения несостоятельны» [166, с. 8].

Советские исследователи, не говоря уже о широкой публике, могли судить о «Пределах роста» только по односторонней крити-

ке, подкрепленной немногими вырванными из контекста цитатами. И хотя книги Э. Янча и Дж. Форрестера по проблемам мирового развития были изданы в Советском Союзе в середине 1970-х, с лагом в 5–6 лет после их публикации на западе, а в 1988 г. советскому читателю стал доступен на русском языке отчет Э. Пестеля Римскому клубу под названием «За пределами роста» – всего через год после выхода его в оригинале, – «Пределы роста» опубликовали только в 1991 г. накануне распада СССР, спустя 29 лет после их первого издания. Но, несмотря на это, в Советском Союзе даже в начале 1970-х гг. «было немало людей, глубоко озабоченных очевидными пределами экстенсивного роста, преобладавшего в то время в нашем развитии, экологическими последствиями непродуманных научно-технических решений, влиянием демографической ситуации на социально-экономическую жизнь и многими другими факторами» [там же].

Таким образом, начало 1970-х гг. стало временем, когда впервые была четко сформулирована проблема экологических пределов современному способу развития человечества, основанному на идее материального прогресса, на убежденности в неисчерпаемости ресурсов и в возможности технологического решения любых инвайронментальных проблем.

4.4. Колебания экологической озабоченности в обществе (1970-е – 2000-е гг.)

На развитие инвайронментального движения в развитых странах, и в первую очередь в США, значительное влияние оказал нефтяной кризис 1970-х гг. В 1973 г. арабские страны – основные поставщики нефти – наложили эмбарго на поставки нефти в страны, поддерживающие агрессивную политику Израиля на Ближнем Востоке. Это привело к дефициту нефти и нефтепродуктов на рынках развитых стран. «Экономия энергии и другие экологические проблемы внезапно стали злободневными» [70, с. 358]. Зимбардо и Ляйпе отмечают, что одновременно для американцев стали очевидными и последствия деградации окружающей среды, происходившей в течение предыдущих десятилетий. «Все эти однонаправленные факторы положили начало движению в защиту окружающей среды» [там же].

Рост инвайронментального движения способствовал оформлению в 1970-х годах в американской науке инвайронментализма как междисциплинарного направления исследований, объединя-

ющего представителей естественных, точных и общественных наук. Изменения в общественном мнении привлекают внимание представителей социальных и поведенческих наук. Для изучения этих изменений в социальной психологии в 1970-х разрабатываются новые понятия и новые инструменты: новая экологическая парадигма (НЭП) – как новый тип мировоззрения и шкала для его исследования [311; 282], понятия экологическая озабоченность [309] и экологические установки, тест экологических установок и знаний (ЕАКТ) [389].

Тогда же начинают действовать международные программы и проекты, связанные с глобальной экологической проблематикой, такие как программа ЮНЕСКО МАН (Man an Biosphere) и Международный институт прикладного системного анализа, организованный по инициативе СССР и США для совместной разработки методов исследования глобальных проблем [166].

В публицистических и научных изданиях оформляется новый круг тем, лежащих в плоскости человеческого поведения и человеческой ментальности, как источников экологического кризиса. С позиций этологического подхода анализирует «восемь смертных грехов человечества» К. Лоренц [124]. О необходимости выработки новых человеческих качеств для преодоления глобальных проблем пишет А. Печчеи [169]. В числе таких качеств, определяющих содержание нового гуманизма, он называет чувство глобальности, любовь к справедливости, нетерпимость к насилию. Формулируя свое нравственное кредо, Печчеи расширяет кантовский императив и говорит о принципе «никогда не поступать с другими людьми и вообще с *живыми существами* так, как я не хотел бы, чтобы они поступили со мной» [169, с. 19]. Э. Фромм считает основными причинами кризиса стремление людей к обладанию, потребительство, самоотчуждение, которым он противопоставляет переживание собственного бытия и здоровое потребление [219]. Поиск нового гуманизма, новых смысловых ориентиров, как ответ на витающее в обществе ощущение угрозы, обусловил растущую популярность гуманистической и экзистенциальной психологии и психотерапии.

Общественное внимание в 1970-х привлекается к проблемам отношения человека к природе и другим животным: на философских кафедрах читаются курсы по экологической этике (зачинателем стал в 1971 г. университет штата Висконсин, продолживший дело О. Леопольда [77]), в 1973 г. R. Routley ставит вопрос о новой

неантропоцентрической этике в статье «Is there a need for a new, an environmental ethic?» (по: [299]). В следующие годы выходит в свет программная статья Х. Ролстона III «Существует ли экологическая этика» (1974), оформляются этика дикой природы (Л. Грэбер, 1976), биоэтика (Дж. Кайфер, 1979), теория ответственности человека перед природой (Дж. Пассмор, 1974), теория прав животных (П. Сингер, 1975; П. Сингер, Т. Риган, 1976), глубинная экология (А. Нейсс, 1973); начинается издание первого журнала по экологической этике (Environmental Ethics, 1979) [15]. Курс на пересмотр отношения людей к природному миру подхватывается природоохранными организациями и приводит к принятию в начале 1980-х Всемирной хартии природы и Всемирной стратегии охраны природы.

Вместе с тем, в те же годы идея изменения отношения человека к природе преломляется в ряде работ в идею управления и социализации природы. Р. Дюбо объединяет положения о внутренней ценности природы и об управлении ею, когда пишет об эффективном управлении землей, условием которого является любовь к природе ради нее самой [159]. Для описания такого управления он вводит понятие **«просвещенного антропоцентризма»**, согласно которому «в итоге мировое благо совпадает с собственным благом человека» [там же]. Еще одну альтернативу разрушающему использованию природы предлагает Ф. Сен-Марк [190]. В своем объемном труде он отстаивает необходимость экономики природы, которая брала бы в расчет биологические, эстетические и научные ценности природы. Благосостояние должно определяться наряду с уровнем жизни еще и качеством жизненной среды, ведь основная цель прогресса – счастье человека. Преодолеть разрушение природы позволит, по мнению автора, социализация природы – признание ее общечеловеческим благом. Управленческий пафос предельно выражен в словах: «Именно человек придает смысл природе, природа существует для человека. Но и он обретает свою ценность только в ней» [190, с. 297].

Было бы преувеличением считать, что призывы изменить отношение к природе вдохновили политиков и подавляющее большинство жителей развитых стран. Так, зимой 1976–77 гг., когда отсутствие импортной нефти наиболее остро сказалось на экономике США, гражданам разрешили самостоятельно рубить деревья в заповедниках для отопления частных владений [83]. (И граждане охотно воспользовались такой возможностью.) Тем не менее,

столкновение с проблемой ресурсов вкупе с озабоченностью населения качеством среды подтолкнули политиков к проэкологическим действиям. В США был взят курс на снижение экологической нагрузки на окружающую среду (поощрялась экономия ресурсов, внедрялись технологии очистки выбросов и т. д.) [83]. Этот новый курс был озвучен весной 1977 г. в выступлении президента Картера, призвавшего граждан к политике энергосбережения. В ответ «летом того же года американцы израсходовали больше бензина, чем когда бы то ни было» [129, с. 641]. Но все же в целом такая политика, закрепленная на законодательном уровне, сделала выгодным применение энергосберегающих технологий.

После стабилизации, а затем и падения цены на нефть в 1980-х, в ведущих развитых странах вновь был взят курс на экономический рост и рост потребления. В 1980 г. в США был подготовлен «Глобальный отчет президенту – 2000», результаты и выводы которого были близки к «Пределам роста». Администрация Рейгана отвергла отчет как «алармистский» и урезала финансирование подготовившим его агентствам [83, с. 197]. Тогда же в США «налоговые отсрочки за экономию энергии были отменены, зато корпорации получили отсрочки по предельным срокам достижения экологической чистоты производства... Когда защита окружающей среды вышла из моды и о ней перестали упоминать в каждом выпуске вечерних новостей, общество как бы забыло об экологических проблемах» [70, с. 137]. А ученые, по замечанию Ю. Харгроува, стремясь сохранять научную объективность, стали применять доктрину морального нейтралитета в отношении защиты природы (по: [15]).

«Можно ли сегодня, через 15 лет после выхода в свет “Пределов роста”, сказать, что выводы этой работы повлияли на стратегию развития мира? Нет, катастрофа, которую они обещали, кажется нам сегодня такой же далекой, как и в 70-е годы. На заседании Круглого стола ... в августе 1987 г. ... Деннис Медоуз с грустью сказал, что, с одной стороны, пионеры глобального моделирования не могли и мечтать о таком притоке серьезных ученых в их зарождающуюся область науки, а с другой не могли предвидеть такого падения интереса широкой общественности к результатам исследований» [166, с. 18].

В результате, во второй половине 1980-х человечеством были впервые превышены пределы роста, и глобальные экологические угрозы стали очевидными.

«Экологические изменения называют “глобальными”, когда их воздействия не могут быть ограничены. Этот признак отличает гло-

бальное изменение от более знакомых, локальных экологических проблем, типа вывоза отходов, загрязнения рек... Человеческие действия могут приводить к глобальным экологическим последствиям двумя путями. Они могут изменить системы, которые охватывают всю Землю, например, океаны или атмосферу. Или же накопление локальных изменений может приобрести глобальный характер, как в тех случаях, когда сведение лесов, являющихся средой обитания для большого количества видов, приводит к значительному сокращению всего биоразнообразия на Земле» [462, с. 200].

Ответом международного сообщества на обострение проблемы экологической безопасности стала концепция устойчивого развития (более подробно о глобальных угрозах и концепции устойчивого развития – в гл. 5).

Первый отчет Римского клуба (1990) следующим образом характеризует концепцию устойчивого развития: «Такая концепция безоговорочно подразумевает общество, основанное на долгосрочном предвидении последствий своей деятельности, чтобы обеспечить неразрывность циклов обновления. Такое общество должно избегать несовместимых целей, а также быть обществом социальной справедливости, поскольку огромные различия в благосостоянии и привилегиях породят разрушительную дисгармонию. Другими словами, концепция утопична, но к ней стоит стремиться» [89].

В первом отчете Римского клуба, подводящего в 1990 г. итоги 20-летней работы этой организации, рассматривались основные тенденции мирового развития. Подчеркивалось значение передовых технологий в области микроэлектроники (компьютеризация, электронная связь, информационные сети) и молекулярной биологии (создание ГМО, приведшее к «зеленой революции») для формирования нового типа мирового общества. Вместе с тем, в отчете выражается тревога в связи с множеством негативных проявлений глобализации, в частности:

«С середины – конца 1980-х гг. мировые рынки были охвачены финансовым безумием. Валютно-финансовые биржевые спекуляции с помощью компьютеризированной связи стали игрой, абсолютно вышедшей за рамки экономической действительности» [89].

«Никогда прежде ценности не были предметом такого количества симпозиумов, дискуссий и исследовательских проектов, как сейчас. Это доказывает, что наряду с разрушением старой системы ценностей возникает осознание необходимости в новой системе ценностей, которая обеспечит основу стабильности общественной и личной жизни» [89].

«Общество замечает только текущие события, возникшие опасности, а правительства перед лицом кризиса пытаются бороться с симптомами неустановленных болезней. Так можно лишь подготовить сцену

для смертельной схватки человечества с собственной планетой» [89].

В научной среде вызывает понимание угрозы, определяемой задержкой ответа глобальной экосистемы на человеческое воздействие [422]. Даже при условии, что люди смогут выявить ключевой фактор, обусловивший антропогенную глобальную угрозу (будь то истощение озонового слоя, тепловое загрязнение, гибель коралловых рифов, перенаселенность), и примут все возможные меры для устранения этого фактора, положительные изменения в экосистеме будут отмечены только спустя многие десятилетия, а для возвращения экосистемы к исходному состоянию понадобится гораздо большее время (как показывает «озоновая история», см. гл. 5).

В 1986 г. ЮНЕСКО запускает программу «Человеческие измерения глобальных изменений в окружающей среде» – первую программу по глобальным изменениям, предполагающую участие представителей социальных наук [242]. С 1988 г. к реализации исследовательских программ и проектов в области глобальных изменений подключается Международный совет по социальным наукам, поощряя междисциплинарные исследования с участием представителей политических наук, антропологии, социологии, экономики, демографии, психологии, системных исследований.

В социальных науках разрабатывается проблема экологической ответственности человека (Ю. Харгроув, Р. Атфилд, Х. Йонас, В. Хёсле и др.). Растет число психологических исследований, изучающих экологически ответственное поведение (E. S. Geller, 1987 [341, с. 361–88], J. M. Hines, H. R. Hungerford, A. N. Tomera, 1987 [353]; H. Hungerford, T. Volk, 1990 [359]; P. S. Stern, S. Oskamp, 1987 [341, с. 1043–88] и др.). В научный обиход вводится понятие экологического сознания [378; 493]. Появляются исследования социально-экологических дилемм как моделей для анализа экологически значимого поведения (см. обзор у Д. Майерса [129, с. 637–644], а также [451]; [458]; [262] и мн.др.). Разрабатываются модели про-экологического поведения [468; 461; 466], новые инструменты для исследования экологических установок: экологической озабоченности [468; 442], антропоцентризма и экоцентризма [478].

На сообщения о глобальных экологических угрозах общество отреагировало новым подъемом инвайронментального движения в 1990-х. Согласно S. Oskamp, 2000 [422], Krause, 1993 [378] и др., в эти годы в развитых странах наблюдался рост экологического беспокойства населения и подъем в инвайронментальном движении. В это же время была начата активная разработка и внедрение

программ экосбережения (рециркуляция отходов, экономия электроэнергии, воды), ориентированных на население. Развивается социальный маркетинг, как система продвижения экосберегающего поведения [394; 395; 270].

Исследования показывали, что в начале 1990-х американские граждане чаще, чем когда-либо прежде характеризовали себя как защитников окружающей среды, и вместе с тем именно тогда в США были отменены или ослаблены многие законодательные экологические ограничения [422]. Положительные эффекты, произведенные усилиями активистов и последовавших за ними граждан, были обесценены политическими решениями, лоббирующими интересы крупного капитала.

В СССР резкий подъем озабоченности населения экологическими проблемами был связан с Чернобыльской атомной катастрофой (ЧАК) и ее последствиями. Чернобыльские события привели к ослаблению давления официальной идеологии на научные исследования в сфере отношений человека и природного окружения. Как уже упоминалось, в 1970-х официально признанной в советской науке была точка зрения, согласно которой инвайронментальные проблемы неотъемлемо присущи только капиталистическим государствам (в частности, такая позиция отстаивается в [42]). Более того, тема экологических изменений активно использовалась в идеологической борьбе, благодаря чему многие публицистические и научные работы западных исследователей были переведены на русский язык и изданы в СССР.

В первой половине 1980-х появляются публикации в области глобальной экологии. Глобальный экологический кризис признается как общечеловеческая проблема, и рассматриваются пути его преодоления, которые связываются с изменениями в ценностной сфере и формированием экологического сознания, вводится понятие экологической этики [231; 49; 36; 25]. При разработке задач экологического воспитания и обучения указывается на необходимость формирования системного видения экологических проблем, включения природы в систему личностных ценностей, умения экстраполировать последствия своих действий [161; 243; 28 и др.]. Однако доминирующим фоном для этих положений оставалась уверенность в необходимости человеческого управления природой, безусловное признание роли человека – рачительного хозяина, совершенствующего биосферу [231; 161; 243; 28].

После аварии на ЧАЭС появляются публикации, вносящие из-

менения в экологический дискурс. Авторы этих работ не ослепляет уверенность в человеческом превосходстве над природой и в способности человеческого вида управлять экологическими процессами и биосферой в целом. В поиске ответов на вопросы о причинах и сущности нынешних экологических изменений они обращаются к истории отношений человека с природным окружением, к развитию представлений об этих отношениях, к экологическим аспектам этногенеза, к динамической взаимосвязи социальных и экологических процессов [96; 8; 44; 114]. Формируется новый междисциплинарный подход к анализу системы «природа – общество», за которым закрепилась аббревиатура СЕИ – «социоестественная история» (работы Э. С. Кульпина и его последователей [114; 175; 232]). Анализируется роль научных представлений и установок в развитии противостояния человека природе [80]. Этические аспекты экологического кризиса находят отражение в понятиях «экологического императива», «социально-экологической ответственности», «экоэкологического сознания» [148; 82; 238]. Звучит вопрос о психологической готовности населения к увеличению общественных расходов на охрану среды своего обитания [72]. Но в целом проблема субъективного измерения глобальных антропогенных экологических изменений все еще остается за пределами психологической науки.

Вместе с тем, в советской, а затем постсоветской практически ориентированной психологии одной из наиболее актуальных проблем на конец 1980-х – начало 1990-х гг. становятся психологические измерения последствий ЧАК. Также Чернобыльская катастрофа во многом определила для людей, живущих в Украине, Беларуси и европейской части России, представления об экологических угрозах.

Конец 1980-х – 1991 г. в СССР можно охарактеризовать как короткий период массовой поддержки экодвижения студенчеством и интеллигенцией [253], массовой мобилизации и консолидации проэкологически настроенной общественности [9]. С распадом Советского Союза экологическая активность общества резко падает, «зеленое» движение сосредоточивается в НПО (неправительственных экологических организациях). В 1990-х гг. на постсоветском пространстве наблюдалось то, что О. Н. Яницкий называет «культурой экологического распада»: массовый эокутилитаризм, экологический криминал, «критическая экология» – жизнь в зонах экологического бедствия [253]. Экологическое движение в Украи-

не в эти годы также переживало кризис, обусловленный расхождением в политической направленности разных экологических организаций, отсутствием общепризнанного лидера, конъюнктурными ориентациями представителей «новой волны» в экодвижении [9].

С середины 1990-х в психологической науке европейских стран СНГ оформляется новое направление, за которым закрепляется название «экологическая психология». Центральной проблемой этого направления становится формирование и развитие экологического сознания, изучаемое в контексте отношений «человек – природа» (см. гл. 9). Развитие экологической психологии на постсоветском пространстве определялось общей логикой научного развития, и в значительной степени было обусловлено продолжающимся углублением глобального экологического кризиса.

Несмотря на рост глобальных изменений и развитие экологического дискурса в мире, информированность населения разных стран о реальном масштабе экологической угрозы оставалась к началу 2000-х гг. низкой.

«Большинству грамотных граждан по крайней мере отчасти сообщают о них [текущих неотложных угрозах для Земли как среды проживания], и растет их освещение в печати и популярное понимание, но в основном люди не знают об их потенциально катастрофической природе» [422, с. 374].

«Но серьезность положения человечества в экологическом измерении все еще неизвестна подавляющему большинству широкой публики и лиц, принимающих решения во всем мире» [316, с. 31].

Не только обычные граждане, но и значительное число ученых склонны недооценивать экологическую угрозу. Иллюстрацией тому – междисциплинарный сборник «Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет», посвященный актуальным задачам науки [21]. В эту книгу вошли статьи, подготовленные авторитетными учеными из ведущих университетов мира. Только в одной статье содержится упоминание о глобальных изменениях, и ни один автор не рассматривает глобальные проблемы как значимые для определения направлений развития науки в ближайшие полвека.

В ситуации, когда глобальные экологические угрозы игнорируются или намеренно замалчиваются в обществе, становится особенно важным объединение усилий тех, кто хорошо понимает всю степень опасности изменений, происходящих сейчас в биосфере. Каждый год ситуация становится все более угрожающей, «поэтому есть острая необходимость в том, чтобы мы делали намного больше для ее изменения» [422, с. 375]. Критическая роль в

разработке способов преодоления глобальных проблем принадлежит социальным наукам, поскольку все эти проблемы «вызваны человеческим поведением и могут быть изменены вместе с человеческим поведением» [там же].

Особое значение получает психология, о чем пишет П. Эрлих: «Хотя ученые понимают общее направление, в котором должно двигаться человечество, чтобы решить свои экологические проблемы, политический отклик общества остается патетическим. В результате передовой рубеж инвайронментальных наук теперь перемещается от экологических и физических наук к наукам о поведении, у которых, кажется, есть потенциал для развития способов, улучшающих этот отклик» [316, с. 31].

Подтверждением социальной и научной значимости психологических исследований, имеющих прямой выход на глобальные экологические проблемы, стал выход в 2000 г. специализированных выпусков в журналах «Journal of social issues» и «American Psychologist». Составители спецвыпуска «Journal of social issues» основной задачей номера назвали продвижение инвайронментализма [501], а один из авторов номера Stuart Oskamp в качестве объединяющей идеи назвал вклад психологии в устойчивое (жизнеспособное) будущее [422]. Проблемы, обсуждаемые в спецвыпуске «Американского психолога», были отнесены авторами к психологии сохранения (conservation psychology) [463] или психологии устойчивости (sustainable psychology, psychology of sustainable behavior) [420; 394]. Авторы номера подчеркивали ответственность психологов за сокращение экологических угроз, изменение экоразрушительного образа жизни [358], рассматривали окружающую среду как сферу профессиональной ответственности психолога [494]. В том же 2000 г. в рамках научного симпозиума прошло обсуждение ряда проблем под общей темой «**психология сохранения» (conservation psychology)**.

Эти события стали первым шагом к оформлению новой предметной области в психологии. Идея психологии устойчивого развития была воспринята психологами разных стран на всех континентах, нашла отражение в отечественной психологии [379; 242; 196; 133]. Обозначение психологии устойчивого развития как самостоятельной проблемной области должно способствовать профессиональной идентификации психологов, работающих в данном направлении, более четко определить зону их профессиональной ответственности и круг решаемых задач [277]. Основную задачу

можно описать здесь как продвижение проэкологического (или экосберегающего) поведения. «Продвижение поведения» объединяет формирующие, образовательные, воспитательные, пропагандистские, отчасти психокоррекционные задачи, решаемые в работе со всеми слоями населения и всеми возрастными группами.

К сожалению, с каждым годом эти задачи приобретают все большую актуальность. В начале 2000-х годов люди по-прежнему плохо представляли себе степень экологических нарушений и в большей степени были озабочены экономическими и социальными проблемами. Начавшийся в 2008 г. мировой экономический кризис еще больше усугубил ситуацию, выдвинув на первый план текущие экономические угрозы.

Оценка ситуации, данная авторами «Пределов роста. 30 лет спустя» по состоянию на 2004 г., верна и для настоящего времени: «К сожалению, нагрузка со стороны человека на окружающую среду продолжает расти, несмотря на развитие технологий и усилия общественных организаций. Положение осложняется тем, что человечество уже вышло за пределы и находится в неустойчивой области. Однако понимание этой проблемы во всем мире удручающе слабое. Чтобы снизить воздействие на окружающую среду и вернуться к допустимому уровню, необходимо изменить личностные и общественные ценности, а чтобы добиться у политиков поддержки в этой области, времени нужно очень много» [140, с. 21].

4.5. Резюме: историческое развитие представлений о глобальных экологических угрозах

Тема глобальных экологических угроз оформляется в научном дискурсе в индустриально развитых странах в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Первые тревожные предупреждения были связаны с высокими темпами демографического роста в мире и быстрым ростом потребления в индустриально развитых странах Запада.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. экологические угрозы начинают также связываться с загрязнением окружающей среды, опасным для здоровья и снижающим качество жизни.

Во второй половине 1960-х – начале 1970-х оформляются научные представления об экологических изменениях как глобальных: затрагивающих биосферу в целом и проявляющихся комплексно. В те же годы появляются первые публикации, посвященные теоретическому анализу психологических корней экологического кризиса. В этих работах, выполненных специалистами разных, непсихологических, дисциплин, указывается на связь экоразру-

шительного поведения с антропоцентризмом, верой в прогресс и технологии, установкой на конкуренцию.

В 1970-х инвайронментализм оформляется в представительное движение в общественно-политической и научной жизни. Основное экологическое беспокойство в этот период обусловлено проблемой дефицита ресурсов. Проблема пределов роста становится одной из наиболее острых в экологическом дискурсе.

Начиная с середины 1980-х, проблема глобальных экологических изменений выходит за пределы научного дискурса и становится фактором экологического беспокойства у широких слоев населения.

В целом, сознание глобальных экологических угроз было сопряжено с развитием и распространением научных представлений:

- о несущей способности Земли и соответствующих естественных ограничениях для промышленного и демографического роста;
- о биосфере как единой самоорганизующейся системе, уровень сложности которой несопоставим с возможностями человеческого предвидения.

Проведенный анализ показывает, что в научно-публицистическом дискурсе проблема глобальных экологических изменений устойчиво связывалась с проблемой культурных и индивидуальных ценностей. Во всех рассмотренных нами публикациях, авторы которых выражали личное экологическое беспокойство, подчеркивается связь экоразрушительного способа жизнедеятельности с доминированием в социуме ценностей индивидуализма. Именно эти ценности поддерживают рост материального потребления и установку на конкуренцию, реализуемую в отношениях с социальным и природным окружением.

Как условие для перехода к альтернативному – проэкологическому – способу жизнедеятельности называются изменения в культурных и индивидуальных ценностях. Приоритет отдается ориентациям: на ограничение потребления (Вогт, Хардин) или осмотнительное/здоровое потребление (Эрлих, Медоуз с соавт., Фромм), равенство/сотрудничество/коллективизм (Капп, Эрлих, Бейтсон, Рейх, Печчеи, Медоуз с соавт., Фромм), экологический баланс/экологическую устойчивость (Котрелл, Карсон, Дорст, Коммонер, Хардин), общность человека с природой (Дорст, Уайт, Рейх), творчество (Бейтсон).

Глава 5. Проблема глобальных экологических изменений в международных документах

5.1. Проблемы окружающей человека среды

Начиная с 1970-х гг. проблемы окружающей среды становятся предметом обсуждения на различных всемирных форумах под эгидой ООН и других международных организаций, в результате чего принимается ряд международных соглашений, направленных на уменьшение антропогенных экологических угроз. Характеризуя меры, предпринимаемые политиками в этой сфере, Д. Медоуз и соавт. отмечали: «Лучшие результаты достигнуты в борьбе с теми загрязнителями, воздействие которых человек ощущает на себе непосредственно, и тогда проблема привлекает к себе политическое внимание» [140, с. 138]

Первые международные соглашения экологической направленности были связаны с проблемой загрязнения среды – это Лондонская конвенция 1954 г. по предотвращению загрязнения моря нефтью, Брюссельская конвенция 1969 г. о вмешательстве в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению нефтью, Бернская конвенция 1963 г. о защите Рейна от загрязнений. По инициативе СССР в 1971 г. в Женеве прошло первое общеевропейское совещание по вопросам охраны окружающей среды, где рассматривались проблемы безотходной технологии, переноса загрязнителей воздуха через национальные границы, охраны и рационального использования водных ресурсов, защиты флоры и фауны. В ходе Женевского совещания государства-участники заключили Конвенцию о трансграничном загрязнении воздуха и приняли декларацию по вопросам безотходной технологии [149].

В 1972 г. в Стокгольме прошла Конференция ООН по проблемам окружающей человека среды, основным итогом которой стала соответствующая Декларация. В ходе трехгодичной подготовки конференции стал очевидным значительный разброс в мнениях экспертов по проблемам среды. Но, несмотря на расхождения в объяснении и толковании происходящих экологических изменений, специалисты были убеждены в актуальности этих проблем. Как было зафиксировано в одном из принятых на конференции документов: «Болезни окружающей среды, представляющие собой более чем дорогую цену за прогресс, являются, по-видимому, симптомами глубокого кризиса в развитии общества» (цит. по: [42, с. 163]).

Особое внимание в ходе конференции было обращено на косвенные и непредсказуемые ответы экосистем на технологические воздействия [210]. Принятая по итогам конференции Декларация отразила нарастающую в мире озабоченность негативными эффектами, которые оказывает на развитие человечества деградация окружающей среды: «Сохранение и улучшение качества окружающей человека среды является важной проблемой, влияющей на благосостояние народов и экономическое развитие всех стран мира» [48].

Декларация выразила убежденность участников Конференции в ответственности человека за происходящие экологические изменения: «Мы видим вокруг себя все большее число случаев, когда человек наносит ущерб во многих районах земли: опасные уровни загрязнения воды, воздуха, земли и живых организмов; серьезные и нежелательные нарушения экологического баланса биосферы; разрушение и истощение невозполняемых природных ресурсов и огромные изъяды в физическом, умственном и общественном состоянии человека, в созданной человеком окружающей среде. ...потребуется признание ответственности со стороны граждан и обществ, а также со стороны предприятий и учреждений на всех уровнях и равное участие всех в общих усилиях» [там же]. Приоритетом для развивающихся стран должна стать ликвидация бедности путем такого развития, которое позволяет сохранять и улучшать качество среды. Развитым странам следует «приложить усилия для сокращения разрыва между ними и развивающимися странами» [там же].

Декларация проникнута пафосом социального и материального прогресса и научно-технических преобразований и утверждает высшую ценность человека на земле: «Самым ценным на земле являются люди. Именно люди являются движущей силой социального прогресса, люди создают благосостояние общества, развивают науку и технику и своим упорным трудом постоянно преобразуют окружающую человека среду. С каждым днем вместе с социальным прогрессом и развитием производства, науки и техники повышается способность человека улучшать качество окружающей среды. ...Перед нами широкие перспективы улучшения качества окружающей среды и создания хороших условий для жизни. В целях достижения свободы в мире природы человек должен использовать свои знания для создания в соответствии с законами природы лучшей окружающей среды» [там же]. Вместе с тем, в Декларации выражается опасение, что «из-за неведения или безразличного отношения мы можем нанести огромный и непоправимый ущерб земной среде, от которой зависят наша жизнь и благополучие» [там же]. В целом делается вывод: «Охрана и улучшение окружающей человека среды для нынешнего и

будущих поколений стали важнейшей целью человечества – целью, которая *должна достигаться совместно и в соответствии с установленными и основными целями мира и международного экономического и социального развития* [там же].

В Декларации нет прямых упоминаний о естественных пределах материального роста, а ее формулировки оставляют широкое поле для их толкования. Необходимость охраны природы мотивируется исключительно интересами человека, значением природы как ресурса и *окружающей человека среды*. Слово «среда» (и его производные) встречается в тексте Декларации 60 раз, в 58 случаях речь идет об *окружающей (человека) среде*, и только один раз говорится о «живой природе и ее среде». Слова, производные от «природа», используются почти на порядок реже – всего 7 раз, при этом в пяти случаях – в контексте управления природными ресурсами и средой.

Отнеся охрану окружающей среды к важнейшим целям человечества, Стокгольмская Конференция ООН закрепила за инвентаризацией проблем статус высокозначимых на государственном и международном уровнях. С 1972 г. в системе ООН действует ЮНЕП – Программа по окружающей среде. На протяжении следующих десяти лет последовательно принимаются международные документы в защиту природной среды: об охране культурного и природного наследия, о международной торговле исчезающими видами дикой фауны и флоры, о запрете военного воздействия на природную среду, об охране мигрирующих видов диких животных, об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для настоящего и будущего поколений. Если в Стокгольмской декларации природа рассматривалась как окружающая человека среда и источник ресурсов для человека, то в последующих документах прослеживается тенденция рассматривать природу, наряду с ее ресурсным значением, как представляющую самостоятельную ценность. В наиболее явном виде такой подход к природе отразился в двух документах начала 1980-х гг.: Всемирной стратегии охраны природы и Всемирной хартии природы.

5.2. Проблемы охраны природы

Во Всемирной хартии природы, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1982 г., прямо утверждается, что «любая форма жизни является уникальной и заслуживает уважения, какой бы ни была ее полезность для человека, и для признания этой неотъем-

лемой ценности других живых существ человек должен руководствоваться моральным кодексом поведения» [32]. Подчеркивается, что человечество является частью природы, и что «именно жизнь в гармоничном согласии с природой предоставляет человеку наилучшие возможности для развития его творческих начал, отдыха и организации досуга» [там же].

Всемирная стратегия охраны природы, разработанная в 1980 г. МСОП при участии ряда других международных организаций, опиралась на положения об ограниченности ресурсов Земли и несущей емкости экосистем как на реалии, с которыми человечество должно согласовывать свое стремление к экономическому развитию и наслаждению природными богатствами [31]. В документе обосновывается необходимость охраны природы на основе глобальной стратегии. Она определяется такими особенностями человеческой деятельности, как «почти безграничная способность человеческого общества к строительству и созиданию, уравниваемая такими же величайшими силами разрушения и уничтожения» и «глобальная взаимозависимость деятельности, естественным следствием которой является глобальная ответственность» [там же]. Расплатой за эксплуатацию природы на основе краткосрочной тактики уже стал «длинный список опасностей и разрушений». Речь идет о глобальных экологических угрозах и выживании человечества. Стратегия охраны природы, с одной стороны, поддерживает курс на развитие, обозначенный на Стокгольмской конференции, с другой – вводит понятие устойчивого развития, учитывающего **пределы** допустимого воздействия на экосистемы.

Вводя положение о необходимости соотносить планы экономического и социального развития с несущей емкостью экосистем, авторы Стратегии могли опираться на уже существующие прецеденты, в частности, на опыт Канады в этой сфере. Еще в 1961 г. в Канаде ввиду появления признаков истощения природных ресурсов была созвана национальная конференция «Ресурсы для будущего». Была дана оценка запасов отдельных видов ресурсов и рассмотрены перспективы их использования на десятилетия вперед. Специально созданная служба инвентаризации земель провела ресурсную оценку земель, на основе которой в 1970-е гг. была сделана попытка оценить общую потенциальную емкость территории как способность поддерживать жизнь населения на определенном уровне технологии и комфорта. Расчеты показали, что уровень населения 30,7 млн человек соответствует верхнему

пределу потенциальной продуктивности земель, и этот показатель стал ключевым при определении стратегии управления ростом населения [2, с. 16–18].

Вместе с тем, Канада демонстрировала, как экологически выверенный подход к оценке ресурсов и планированию социально-экономического развития может без помех сочетаться с целенаправленным и жестоким истреблением целых видов животных. Речь идет о поощряемой канадским правительством в 1960–1980-е гг. охоте на взрослых тюленей и бельков – детенышей до трехнедельного возраста.

Уже в начале 1960-х ученые предупреждали о катастрофе, грозившей популяциям нескольких видов тюленей. Первым отреагировал СССР, запретив судовой промысел тюленей в Белом море и предложив правительствам Канады и Норвегии последовать его примеру. На это представитель канадского министерства рыболовства и морской среды заявил, что численность тюленей только увеличивается, и что «недопустимо даже думать о каком-либо покушении на право свободного предпринимательства извлекать законную прибыль из “рационального использования природных ресурсов страны, чрезвычайно важных для канадской экономики”» [151, с. 299]. (Ответ Норвегии был, что она «не потерпит никаких посягательств на ее право промыслять тюленей в открытом море» [там же, с. 300].) Даже когда в середине 1960-х в мире стало известно о жесточайших способах добычи шкурок бельков, и была организована всемирная акция протеста, представители канадского министерства рыболовства утверждали, что тюлений промысел, жизненно необходимый канадской экономике, ведется «на разумных и гуманных началах».

Несмотря на неухающие протесты защитников природы и связанное с этим резкое сокращение спроса на мех тюленей и наложенное ЕЭС эмбарго, канадское правительство на протяжении более чем двух десятилетий продолжало «отбраковку» тюленей, выделяя государственные субсидии для их уничтожения. Такая политика пояснялась тем, что питающиеся рыбой тюлени являются конкурентами канадских рыболовов и одной из причин сокращения мировых рыбных ресурсов, – утверждение, идущее вразрез и с экологической теорией, и с реальными фактами [151]. Однако такое утверждение отвечало обыденным экологическим представлениям рыболовов, и этим определялась его политическая целесообразность.

Пример Канады показал разрыв между декларируемой стратегией охраны природы, опирающейся преимущественно на научные экологические и экономические оценки, и реальными процессами выработки экологически значимых политических решений.

Обозначившиеся в 1980-х гг. глобальные экологические изме-

нения – истощение озонового слоя, парниковый эффект, – а также Чернобыльская катастрофа подтвердили недостаточность первой Стратегии охраны природы для проэкологической регуляции человеческой деятельности на глобальном уровне. В октябре 1991 г. (меньше чем за два месяца до распада СССР) была оглашена новая Всемирная стратегия охраны природы «Забота о Земле – стратегия устойчивого существования» [156]. Первая часть этого документа провозглашает принципы устойчивого развития, среди которых можно выделить принципы психологического содержания. К таковым следует отнести принципы «уважения и заботы обо всем сущем на Земле» и «изменение сознания человека и стереотипов его поведения». Среди других принципов можно отметить повышение качества жизни, поощрение социальной заинтересованности общества в сохранении среды обитания, достижение единства действий на мировом уровне – реализация этих принципов также предполагает учет психологических аспектов социального поведения. Положение о необходимости изменений в сознании и поведении людей означало признание того, что антропогенные экологические угрозы не могут быть устранены исключительно технологическим путем.

5.3. Концепция устойчивого развития

Сразу после принятия Всемирной хартии природы в ООН было принято решение о создании специальной независимой Комиссии для разработки «глобальной программы изменений», предлагающей долгосрочные стратегии в области окружающей среды [153, с. 7]. Результаты работы Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКСОР) под руководством премьер-министра Норвегии Гро Харлем Брундтланд были представлены в 1987 г. в виде доклада «Наше общее будущее» [153]. Название доклада должно было подчеркнуть необходимость объединения усилий всех групп населения для решения глобальных проблем: «Земля одна, а мир многообразен. Мы все зависим от биосферы, без которой не может сохраниться наша жизнь. Тем не менее, каждое сообщество, каждая страна борются за выживание и процветание, мало заботясь о последствиях этой борьбы для других» [там же, с. 36].

Именно в этом докладе общая идея устойчивого развития, высказываемая в той или иной форме разными авторами и отраженная в ряде предшествующих документов, приобретает вид завершенной концепции.

«Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно включает два ключевых понятия:

– понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного приоритета;

– понятие ограничений, обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности» [там же, с. 50].

О будущих поколениях говорилось еще на Стокгольмской конференции, однако если ранее речь шла об «улучшении среды для нынешнего и будущих поколений», то теперь поднимается вопрос, как *избежать* таких изменений, которые несут **угрозу** будущим поколениям. Также в цитируемом отрывке зафиксировано изменение в понимании задач и сути развития: приоритетной задачей объявляется удовлетворение базовых потребностей беднейшего населения (в отличие от стокгольмских решений, утверждающих необходимость удовлетворения растущих потребностей всех); вводится понятие ограничений для удовлетворения растущих потребностей.

Устойчивое развитие рассматривается, как способ сохранить способность среды поддерживать жизнь человеческого вида: «Неспособность обеспечить устойчивое развитие и сохранить жизнеспособной окружающую среду угрожает всем странам» [там же, с. 45]. Говоря предельно ясно, устойчивое развитие необходимо для выживания человечества. Однако антропогенные изменения в биосфере достигли такого уровня, что даже при устойчивом развитии прогнозируется нарастание экологических угроз:

«Будущее – даже на основе устойчивого развития – будет сопряжено с увеличением риска. Растет риск, который несут с собой новые технологии. Увеличивается количество, размеры, частота и масштабы воздействия стихийных бедствий природного и антропогенного происхождения. Становится значительным риск непоправимого ущерба природным системам регионального (например, в результате подкисления, опустынивания или обезлесения) и глобального характера (в результате истощения озонового слоя, изменения климата)» [153, с. 289].

В докладе отмечается «глубокая озабоченность населения состоянием окружающей среды», которая «приводит не только к протестам, но часто конструктивным изменениям в поведении людей» [там же, с. 37]. Подчеркивается, что к прежней тревоге, обусловленной последствиями экономического роста для окружа-

ющей среды, добавилось беспокойство о негативном влиянии экологических изменений на экономическое развитие [там же, с. 16].

Концепция устойчивого развития опирается на положение о взаимообусловленности проблем окружающей среды, экономического и социального развития:

«Развитие не может осуществляться, когда экологическая база ресурсов ухудшается. Невозможно обеспечить охрану окружающей среды, когда экономический рост не учитывает финансовые убытки, связанные с разрушением окружающей среды. Эти проблемы не могут решаться в отрыве одна от другой разрозненными учреждениями и политическими мероприятиями. Они взаимосвязаны в рамках сложной системы причин и следствий. ...экологические и экономические проблемы связаны со многими социальными и политическими факторами» [там же, с. 45–46].

Однако в качестве общего знаменателя для трех факторов устойчивого развития в докладе используется денежный критерий, что, в частности, прослеживается в подходе к проблемам дикой природы:

«Живой природе Земли угрожает исчезновение. ...Многообразие видов живой природы необходимо для нормального функционирования экосистем и биосферы в целом. Генетический материал этих видов ежегодно приносит миллиарды долларов мировой экономике... Однако помимо экономической полезности имеются также моральные, этические, культурные, эстетические и чисто научные основания для сохранения дикой живой природы.

Первоочередной задачей является включение проблемы исчезающих видов живой природы и находящихся под угрозой экосистем в повестки дня политических органов в качестве важного вопроса экономики и ресурсов» [153, с. 24].

Если в 1960-х – начале 1970-х гг. экологические проблемы (на тот момент – преимущественно проблемы загрязнения) воспринимались как проблемы, актуальные для развитых стран, в 1980-х стало очевидным, что негативные последствия экологических изменений бьют, прежде всего, по развивающимся странам. Бедность побуждает население развивающихся стран к использованию отсталых, экологически разрушительных технологий для того, чтобы выжить здесь и сейчас. Разрушение среды означает уничтожение источника средств существования, а значит – еще большую бедность. Чтобы прервать это движение по нисходящей спирали, переориентировав свою экономическую и социальную политику, развивающиеся страны нуждаются в помощи развитых стран. В докладе МКОСР в качестве главной экологической про-

блемы и главной проблемы развития называется углубляющееся неравенство между развивающимися и промышленно развитыми государствами [153, с. 17].

Концепция устойчивого развития была поддержана на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, прошедшей в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. В Рио-де-Жанейрской декларации подчеркивается, что люди «имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой» [179]. Там же декларируется необходимость «глобального партнерства в целях сохранения, защиты и восстановления здорового состояния и целостности экосистемы Земли» и ответственность государств за свой вклад в ухудшение состояния глобальной окружающей среды:

«Развитые страны признают ответственность, которую они несут в контексте международных усилий по обеспечению устойчивого развития с учетом стресса, который создают их общества для глобальной окружающей среды, и технологий и финансовых ресурсов, которыми они обладают» [179].

Достижение более высокого качества жизни людей связывается с ликвидацией нежизнеспособных моделей производства и потребления и с поощрением соответствующей демографической политики.

Основным документом, принятым в Рио-де-Жанейро, стала программа «Повестка дня на XXI век» (далее – Повестка 21), наметившая основные цели и мероприятия, которые необходимо осуществить в XXI веке для устойчивого развития: «Повестка дня на XXI век посвящена актуальным проблемам сегодняшнего дня, а также имеет целью подготовить мир к решению проблем, с которыми он столкнется в следующем столетии» [171]. Комплексный подход к решению проблем, стоящих перед человечеством, призван был способствовать, наряду с другими приоритетами, обеспечению более безопасного будущего.

«Вместе с тем нельзя не сказать и о той неудовлетворенности, что оставили некоторые итоговые документы этого эпохального форума. Так, наряду с констатацией глобальных изменений окружающей среды – уничтожения лесов, сокращения биоразнообразия, опасных климатических сдвигов и т. д., – ни в одном из них не был признан тот факт, что планета практически уже вступила в фазу полномасштабного экологического кризиса и что кризис этот требует радикального пересмотра существующих принципов мирового развития. ... большинство участников конференции исходило в своем восприятии обсуждаемых проблем не столько из какой-то научно обоснованной концепции, сколько из эмпирического опыта прошлого. А опыт этот, казалось,

уже продемонстрировал широчайшие возможности человечества в развязывании всевозможных тугих узлов на путях реформирования социально-экономических институтов при опоре на достижения научно-технического прогресса. И в расчете на такие уже не однажды проверенные инструменты участники конференции, видимо, и “опрокидывали” этот оправдавший себя опыт прошлого в сегодняшний день, положившись на решение принципиально новой для цивилизации задачи за счет структурной и технологической перестройки промышленности, или внедрения малоотходных технологий и т. п.» [47].

Курс на устойчивое развитие был подтвержден в принятых в 2001 г. «Целях развития тысячелетия» и в ходе Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в 2002 г. в Йоханнесбурге.

GEO-3. К Йоханнесбургскому саммиту был подготовлен третий доклад ЮНЕП «Глобальная экологическая перспектива» (GEO-3), содержащий описание основных проблем «в деле охраны окружающей среды и на пути к более устойчивому будущему» (как сформулировано в предисловии за подписью Генерального секретаря ООН Кофи Аннана [326]). В докладе рассматривались четыре сценария, предлагающие различные варианты мирового развития на 30 лет (до 2032 г.) в зависимости от базовых ценностных приоритетов.

«Четыре... глобальных сюжета были разработаны ведущей группой глобальных и региональных экспертов по разработке сценариев на основе результатов работы Экспертной группы по анализу сценариев глобального развития (Raskin and Kemp-Benedict 2002). На первом этапе разрабатывался комплекс из небольшого числа количественных показателей для уровня субрегионов ГЕО-3. Затем, уже на уровне семи главных регионов ГЕО, группы экспертов во всех деталях разрабатывали сюжетные линии региональных сценариев с привлечением необходимой количественной информации и с акцентом на анализе ключевых движущих сил. Результаты этого этапа легли в основу разработки сценариев глобального уровня, которая также сопровождалась количественным анализом тенденций и воздействий. Для окончательной доработки описательной части сценариев и результатов количественного анализа данных была организована специальная итеративная процедура с участием ведущей экспертной группы и групп моделирования. Процесс подготовки сценариев предусматривал проведение двух промежуточных аналитических обзоров и итогового обсуждения результатов в ходе специально организованного рабочего совещания с участием экспертов по применению метода сценариев со всего мира» [326, гл. 4].

В описательной части сценариев содержится значительное

число прямых и косвенных указаний на доминирующие ценности, как на уровне социума в целом, так и на уровне отдельных субъектов (групп и индивидов). Нами был проведен анализ текстовых описаний с целью выделения в рамках каждого сценария ценностей, доминирующих на уровне культуры (ценности общества) и на уровне индивида (индивидуальные ценностные ориентации). Результаты этого анализа вместе с предельно общей характеристикой приоритетов и прогнозируемых итогов для каждого сюжета представлены в табл. 5.1.

Как видим, наиболее благоприятный (или же, если изменить акценты, наименее удручающий) для человечества итог предлагает сценарий «Приоритет – устойчивость». Это один из двух сценариев, в которых экологические аспекты жизнедеятельности выведены на уровень ценностного осмысления. Но если в другом сценарии – «Приоритет – стратегия» – подразумевается ценность экологической безопасности (значимость экологических проблем диктуется их негативным влиянием на жизнь социума), то в сценарии «Приоритет – устойчивость» экологическая стабильность начинает обретать самостоятельную значимость, что проявляется в «новой парадигме устойчивого развития». «Эта новая парадигма объединяет мощное личностное и философское измерение с проблемами, связанными с экономическим ростом, технологическим потенциалом и политическими возможностями» [326]. Именно мировоззренческие изменения в обществе, сопряженные с отказом от потребительского образа жизни, выступают в сценарии «Приоритет – устойчивость» движущими силами устойчивого развития.

В докладе GEO-3 было наглядно продемонстрировано, что ценностные императивы рынка, в любом его варианте («либерально-просвещенном», государственно регулируемом, свободном), ведут общество к росту социальной напряженности и экологической деградации. Отдельно в докладе подчеркивалась ключевая роль экологически релевантной информации:

«Обеспечение и поддержание своевременного доступа к необходимой информации – это важнейшее условие не только для адекватного представления о текущем состоянии и тенденциях в изменении окружающей среды и общества, но также для координирования деятельности по решению назревающих и существующих проблем. Должны быть приняты специальные меры, чтобы гарантировать общедоступность всей официальной информации и создать возможно большее число каналов по ее распространению. ... информация может стимулировать инициативную деятельность и повышать эффективность ме-

Таблица 5.1

Доминирующие ценности в сценариях мирового развития до 2032 г.
(по материалам доклада ЮНЕП GEO-3 [326])

Приоритет развития	Доминирующие ценности общества	Доминирующие индивидуальные ценности
Рынок	Ценности либеральной рыночной экономики: Растущее материальное потребление, свобода, независимость. Ценности достижения. (Для социального меньшинства: равенство, справедливость, сохранение живой природы, будущие поколения)	Власть, деньги; Независимость, самостоятельность, ценности достижения. (Для социального меньшинства: общее благо, экологический баланс, живая природа)
<p><u>Общая характеристика:</u> сохраняется экономический императив, индивидуализм намного выше альтруистических ценностей в гражданской и общественной жизни. <u>Прогнозируемый итог:</u> возникновение новых и активизация старых социальных и экологических проблем. «Социальные и экологические цели, осознаваемые многими людьми, с каждым годом кажутся все более недостижимыми» [326].</p>		
Стратегия	Социальная справедливость и экологическая безопасность; Власть (как инструмент управления), социальный порядок	В развитых странах: Высокий уровень жизни, комфорт, экологическая безопасность (ресурсная), социальный порядок, «доверие и терпимость к лидерам» В развивающихся странах: материальное благополучие, безопасность (ввиду роста прямых экологических угроз)
<p><u>Общая характеристика:</u> Политическое стратегическое управление, проэкологические решения «спускаются сверху». «Высоко технократический подход к решению проблем без массового сдвига в базовых позициях и поведении» [326]. <u>Прогнозируемый итог:</u> Конфликт между ростом потребления и сохранением экосистем. Снижение экологических стандартов, рост давления на ресурсы, экономическая неопределенность и социальные конфликты, ослабление международной безопасности.</p>		
Безопасность	Доминирование, индивидуализм, материальное благополучие Безопасность	Безопасность; Власть, деньги; Ценности достижения
<p><u>Общая характеристика:</u> Без фундаментальных изменений в потребностях и поведении. Этика «спасательной шлюпки» (см. п. 6.3.5.). Нетерпимость и насилие. <u>Прогнозируемый итог:</u> Социально-экономические и экологические стрессы, неравенство и конфликты.</p>		
Устойчивость	Экологический баланс Равенство Социальный порядок Будущие поколения. Доброжелательность, Бережливость.	Экологический баланс, социальный порядок, ответственность; Ценности коллективизма (солидарность, взаимопомощь, альтруизм), сдержанность в потребностях, бережливость, образованность.
<p><u>Общая характеристика:</u> Проэкологические изменения образа жизни происходят «снизу», новая парадигма устойчивого развития: новое мышление и новые технологии, социальный маркетинг, рефлексия, давление гражданского общества на политиков, «потребители голосуют кошельком», возрождение идеализма. <u>Прогнозируемый итог:</u> «Хотя никто еще не может утверждать, что устойчивость в развитии достигнута, чувствуется, что мир движется в правильном направлении, и здесь нет пути назад» [326]</p>		

роприятий. Распространение точных данных способно благоприятно отразиться на результатах предпринимаемых мер. ...сценарий *Приоритет – безопасность* наиболее ярко демонстрирует, насколько эффективным инструментом власти может стать контроль над информационным пространством» [326, гл. 4]. Особо в докладе оговаривается необходимость «представления комплексных данных и информации в доходчивой и наглядной форме» [326, гл. 5].

В целом ГЕО-3 указывает на необходимость экологической рефлексии в обществе, не только на уровне исследователей и руководителей, но и рядовых граждан.

Йоханнесбургская декларация констатировала продолжающееся ухудшение экологической ситуации, дипломатически уходя от прямых слов о глобальном экологическом кризисе:

«Глобальной окружающей среде до сих пор наносится ущерб. Продолжается потеря биологического разнообразия и истощение рыбных запасов, опустынивание поглощает все больше плодородных земель, пагубные последствия изменения климата уже очевидны, стихийные бедствия становятся все более частыми и все более разрушительными, развивающиеся страны становятся все более уязвимыми, а загрязнение воздуха, воды и морской среды продолжает лишать миллионы людей достойной жизни» [74].

Отчасти актуальность проблемы экологической безопасности была подтверждена Целями развития тысячелетия, включившими отдельным пунктом достижение экологической стабильности.

По мнению многих наблюдателей из неправительственных организаций, йоханнесбургские решения стали шагом назад после Рио-де-Жанейро, так как некоторые обязательства 1992 года были нарушены, а часть из них отозвана в новых документах [140, с. 315–316]. «Вся работа была практически парализована дискуссиями на идеологические и экономические темы, которые велись в узких национальных, корпоративных, а то и просто в личных интересах» [140, с. 19]. Экономические ценности и ценности доминирования оказались превалирующими, а уровень экологической рефлексии у политических лидеров – недостаточным для экологически адекватных действий.

5.4. Глобальные экологические угрозы

Осознание проблемы экологической безопасности было обусловлено появлением и ростом глобальных экологических угроз, таких как угроза ядерной катастрофы, беспрецедентно быстрые климатические изменения, истощение озонового слоя, сведение

лесов, стремительное вымирание видов животных и растений.

Угроза ядерной катастрофы. Начиная с 1950-х гг., военное противостояние СССР – США стало источником страха перед военной ядерной катастрофой. На этом фоне в 1953 г. независимая научная общественность развернула агитационную кампанию за то, чтобы были рассекречены данные о радиоактивных осадках в результате ядерных испытаний [92]. Воззвания ученых за прекращение ядерных испытаний и просочившиеся в СМИ данные о том, какое влияние оказывает на здоровье людей радиоактивное загрязнение окружающей среды, вызвали широкую общественную реакцию, что привело к соответствующим политическим решениям в виде договоров, ограничивших и регламентировавших ядерные испытания.

Угроза радиоактивного загрязнения была отражена в ряде договоров и конвенций по предотвращению трансграничного загрязнения воздушной и морской среды. Эта угроза стала одной из наиболее актуальных для населения развитых стран в связи с развитием атомной энергетики и соответствующими проблемами хранения радиоактивных отходов и безопасности работы действующих атомных станций [196, с. 303]. Выработка норм и рекомендаций по ядерной безопасности была возложена на МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) и МКРО (Международная комиссия по радиологической охране). Насколько актуальна проблема ядерной безопасности, показала Чернобыльская атомная катастрофа. Для жителей европейской части СССР авария на ЧАЭС стала первым масштабным экологическим бедствием антропогенного характера. В обыденных представлениях экологические проблемы надолго связались с угрозой радиоактивного заражения (см., например: [251; 194; 302; 397; 487]).

После аварии на ЧАЭС были приняты Конвенции о своевременном уведомлении о ядерных авариях и об оказании помощи в случае ядерной аварии или радиологической чрезвычайной ситуации, и разработан механизм для осуществления международного контроля и инспекции атомных реакторов. Проблема безопасного и экологически обоснованного удаления радиоактивных отходов вошла отдельным пунктом в Повестку дня 21.

Разрушение озонового слоя. В середине 1980-х гг. быстрое нарастание парниковых газов в атмосфере и разрушение озонового слоя Земли стали восприниматься как реальная экологическая угроза. Еще в 1974 г. были опубликованы независимо одна от

другой две научные статьи, предупреждавшие об опасности разрушения озонового слоя под действием хлорфторуглеродов (ХФУ) (в 1995 г. их авторы Роулэнд и Молина стали Нобелевскими лауреатами [37]). Благодаря усилиям и личным связям авторов, информация удалось донести до Национальной академии наук и Конгресса США [140, с. 211]. Тогда же информация попала в природоохранные организации, которые довели ее до потребителей аэрозольных баллончиков, содержащих ХФУ. Продажи баллончиков упали более чем на 60%, а в 1978 г. в США (крупнейшем производителе аэрозолей) был принят закон, запрещающий использование ХФУ в аэрозольных баллончиках.

Принятые меры позволили несколько снизить производство ХФУ, но поскольку этот запрет действовал только в США, а ХФУ широко применялись также в других целях (в том числе в США), в 1980 г. использование ХФУ в мире вернулось к уровню 1975 г. и снова стало быстро расти [там же]. Однако научное и общественное внимание к озоновой проблеме уже снизилось, и в 1983 г. «истончение озонового слоя не вызывало даже сугубо академического интереса» [145, с. 12].

Ситуация изменилась в 1984 г., когда была обнаружена огромная «озоновая дыра» над Антарктидой (зафиксировано уменьшение озона в стратосфере **на 40%**). Активно обсуждаемая в СМИ угроза ультрафиолетового облучения вызвала тревогу у широкой публики во всем мире. Ответом политиков стала принятая в Вене в 1985 г. Конвенция по защите озонового слоя, в которой речь шла о контроле за его состоянием и о сотрудничестве в целях его защиты, однако документ не предусматривал ни временных рамок, ни санкций за неисполнение. Такая ситуация вполне устраивала производителей ХФУ. Усугублялась она тем, что, хотя многие ученые считали ХФУ причиной озоновой дыры, полного согласия по этому вопросу не было. Только в сентябре 1987 г. было получено эмпирическое доказательство зависимости состояния озонового слоя от продуктов распада ХФУ [140, с. 214]. Тогда же, в сентябре 1987 г. на встрече в Монреале был создан первый международный протокол по озоновому слою, который подписали представители 27 стран (к 2004 г. число подписавших достигло 183 [37]).

Медоуз с соавт. [140], анализируя факторы, объясняющие политический рывок от «беспечного» соглашения в Вене к конкретным Монреальским обязательствам, подчеркивают ключевую роль ЮНЕП (Программы ООН по окружающей среде). Несмотря на то, что дыра над Антарктидой имела психологический эффект, и были

научные предположения о конкретном «разрушителе озона» (ХФУ), а экологическое движение в Европе и США оказывало давление на свои правительства, существовал ряд факторов, тормозящих принятие необходимых политических решений:

- отсутствие в научных кругах единства представлений о конкретных причинах и механизмах наблюдаемых явлений;
- отсутствие на тот момент видимого ущерба здоровью людей или экономике в результате глобальной «озоновой проблемы»;
- защита производителями ХФУ своих экономических интересов;
- защита своих внутренних и внешних интересов странами – основными производителями ХФУ (по: [140]).

В этой сложной ситуации «сотрудники ЮНЕП собрали научные данные, сделали из них правильные выводы и представили правительствам, создав основу для обсуждения проблемы на самом высоком уровне. ...Директор ЮНЕП Мустафа Толба ...терпеливо напоминал всем участникам переговоров, что никакие краткосрочные эгоистические соображения не могут сравниться по важности с поддержанием целостности озонового слоя планеты» [140, с. 216]. Действия ЮНЕП отвечали условиям, при которых последовательное меньшинство может изменить мнение большинства: устойчивость отстаиваемой позиции, последовательность поведения, уверенность и компетентность лидера (исследования С. Московичи и др., 1969, 1980, 1984 [202]).

По Монреальскому протоколу производство ХФУ следовало заморозить на уровне 1986 г., затем к 1993 г. снизить на 20%, а к 1998 г. – еще на 30%. В 1990-х гг. были приняты дополнительные соглашения, направленные на полное прекращение к 2010 г. производства веществ, разрушающих озоновый слой. Необходимость таких жестких мер диктовалась тем, что состояние озонового слоя продолжало ухудшаться. В 1991 г. истощение озонового слоя было зафиксировано над населенными областями Северной Америки, Европы и Центральной Азии, а в конце девяностых годов – над Испанией. В 2000 и 2003 годах озоновая дыра над Антарктидой по своим размерам и глубине превысила прежние максимумы.

По прогнозам специальной комиссии к 2010 г. концентрация озона должна стабилизироваться, и только к 2050 г. можно ожидать восстановление озонового слоя до уровня 1980 г. – при условии, что принятые соглашения будут соблюдены, и не появятся новые вещества-«разрушители» (по: [140]).

Запрет производства и импорта ХФУ в развитых странах (разрешено только использование переработанных ХФУ), привел к тому, что многие граждане этих стран в целях экономии стали покупать

контрабандные – более дешевые – новые ХФУ для эксплуатации своих бытовых приборов (работающих на фреоне). Таким образом, поддерживаемый рядовыми потребителями спрос стимулировал производство веществ, разрушающих озоновый слой [там же].

«Озоновая история завораживает, ведь это был самый первый явный случай выхода за глобальные пределы. ...Большинство ученых, а сейчас еще и многие экономисты, полагают, что следующим глобальным пределом, с которым мы столкнемся, будет парниковый эффект и проблема климата» [140, с. 139].

Климатические изменения. То, что углекислый газ (СО₂) задерживает тепловое излучение и вызывает увеличение температуры Земли, было обнаружено еще в XIX столетии. Исследования атмосферы, начатые в 1958 г. в обсерватории Мауна-Лоа, показывали неуклонный рост содержания СО₂ в атмосфере [37]. Одно из первых представительных научных обсуждений проблемы парниковых газов прошло в 1967 г., когда в комитете НАТО по науке были проведены дебаты, связанные с концентрацией СО₂ и последствиями этого для глобального климата [166]. В решениях Стокгольмской конференции ООН рекомендовалось продолжить выполнение Программы глобального исследования атмосферы в контексте возможного изменения климата, а в 1979 г. прошла первая Всемирная конференция по проблемам мирового климата, после чего была принята Программа исследований глобального изменения климата [326].

В 1980-е гг. «сформировались новые взгляды на вероятность климатических изменений, вызванных деятельностью человека» [145, с. 26]. Как отмечается в отчетах Института всемирного наблюдения, стало ясно, что потепление, прогнозировавшееся на будущее, уже началось, и что связано это с ростом содержания в атмосфере целого ряда парниковых газов, а не только СО₂, и, наконец, что характер климата может измениться внезапно, с губительными последствиями для хозяйственной деятельности человека [там же].

В 1992 г. была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК), определившая общие положения и основные направления международного сотрудничества. Констатировалась общая ответственность государств, в которой должны учитываться различия в экономическом потенциале стран и, соответственно, их вкладе в тепловое загрязнение. Акцентировались интересы развивающихся стран, как наиболее уязвимых к отрицательным последствиям климатических изменений и имеющих наименьшие возмож-

ности для противостояния им. В дополнение к РКИК в 1997 г. был принят так называемый Киотский протокол, который обязал развитые страны и страны с переходной экономикой сократить или стабилизировать выбросы парниковых газов в 2008–2012 годах на уровне 1990 года. Киотский протокол стал первым глобальным соглашением об охране окружающей среды, основанным *на рыночных механизмах* регулирования, в частности механизме международной торговли квотами на выбросы парниковых газов. Эти рыночные механизмы должны обеспечить решение ряда задач:

- предоставить развивающимся странам, имеющим низкие выбросы CO₂, возможность получить компенсацию от развитых стран – основных «производителей» парниковых газов;
- дать возможность развитым странам смягчить переход к новым нормам эмиссии CO₂, сохраняя за собой роль экологических лидеров;
- стимулировать внедрение «зеленых» технологий;
- значительно снизить общий уровень выбросов парниковых газов.

Собственно, последняя задача является главной, т. к. именно рост концентрации парниковых газов в атмосфере может привести к глобальной климатической катастрофе. Однако решение этой задачи определяется обязательствами, которые готовы взять на себя страны. А как показывает опыт Киотского протокола и других соглашений, «правительства будут жестко отстаивать свои интересы и позволят “надавить” на свою экономику и частный бизнес ровно настолько, насколько они сами хотят использовать международные рычаги для подталкивания деятельности компаний своей страны в нужном направлении» [91]. Большинство стран оценивают свое участие в Киотском протоколе в ракурсе возможных экономических выгод, а проблемы климатических изменений отодвигаются на задний план.

Из развитых стран отказались ратифицировать Киотский протокол США и Австралия (в 2008 г. после нескольких чрезвычайно засушливых лет Австралия все же приняла Киотский протокол). Отказ США мотивировался тем, что выполнение Киотских обязательств нанесет ущерб экономике страны, а также тем, что «Киотский протокол является не научным документом, а политическим» (по заявлению главы американской делегации на конференции ООН по изменению климата в 2004 г. [137]). Однако именно США занимают первое место по выбросам CO₂, «обеспечивая» около

25% общемировой эмиссии. (Как пишет А. Гор, ряд американских городов по собственной инициативе «ратифицировали» Киотский протокол, приступив к реализации мер, направленных на снижение «парникового загрязнения» до уровня, предусмотренного Киотским протоколом [37]. Но даже развитое экологическое движение в США не смогло повлиять на политические решения по климатической проблеме.)

Результаты работы МГЭИК (Межправительственной группы экспертов по изменению климата) подтвердили, что причинами быстрого изменения климата являются антропогенные выбросы парниковых газов [www.ipcc.ch]. С 2005 г. Киотский протокол был «запущен в действие» и началась выработка нового соглашения на период после 2012 г. Проблема антропогенных климатических изменений стала одним из постоянных пунктов обсуждения на международных форумах, включая тематические конференции ООН и встречи на высшем уровне.

Однако, несмотря на единодушие специалистов в признании роли человеческой деятельности в климатических изменениях, СМИ искусственно «создают представление о том, что научное сообщество увязло в дискуссиях на тему, влияет ли деятельность человека на глобальное потепление» [37, с. 262]. Как показал сравнительный анализ публикаций в научных и популярных изданиях за 14 лет, причины глобального потепления подвергаются сомнению в **53%** популярных статей и ни в одной (**0%!)** из научных публикаций по этой тематике [37].

Позитивную роль в понимании последствий глобального потепления сыграл доклад известного британского экономиста Н. Стерна «Экономика изменения климата», вышедший в 2006 г. (по: [91]). По оценке Стерна, игнорирование проблемы приведет к тому, что уже в близком будущем около 20 % мирового объема ВВП будет идти на борьбу с природными катаклизмами. Зато принятие своевременных мер позволит ограничиться затратами почти на порядок ниже.

Вместе с тем, ход переговорного процесса по посткиотскому соглашению мало обнадеживает. Экономический кризис 2008 г. в очередной раз подтвердил, что в сложных экономических условиях «экология становится статьей сокращения расходов» [137]. Конференция в Мексике в декабре 2010 г. показала расхождения в позициях развитых и развивающихся стран. В то время как развивающиеся страны уверены, что развитые страны должны принять обязательства и на следующий период (что даст возможность развивающимся странам и в дальнейшем продавать свои квоты),

развитые страны не согласны участвовать во втором периоде на том основании, что развивающиеся страны уже производят больше выбросов, чем развитые. Те цели по сокращению выбросов парниковых газов к 2020 г., относительно которых между странами есть определенное согласие, значительно слабее рекомендаций ученых, хотя страны и признают возможность резкого ухудшения климатической ситуации, которое может потребовать чрезвычайных мер для срочного снижения выбросов парниковых газов.

Еще ранее, в 2007 г. страны-участницы Киотского протокола предусмотрели в «Балийском плане действий» (по итогам совещания в Бали) разработку и принятие мер по адаптации к прогнозируемым климатическим изменениям. Если будущие катастрофические последствия принимаются как неизбежность, смысловые акценты легко могут сместиться с проблемы предотвращения угрозы на проблему подготовки к ней. В последнем случае на первый план будут выходить краткосрочные эгоистические задачи, и будет наблюдаться «трагедия общинных выпасов» (реализуется сценарий «Приоритет – безопасность», описанный в отчетах ЮНЕП [326; 327]).

В развитии событий, связанных с глобальными угрозами, проявляются общие закономерности, связанные с «длительным запаздыванием отклика» [140]. Речь идет о том, что проблему начинают замечать, когда сигналы от экосистемы приобретают форму явной угрозы. А это происходит после выхода за экологические пределы, когда в экосистеме уже накопились значительные негативные изменения, обладающие большой инерцией.

Помимо такого физически обусловленного запаздывания ответа, существуют также значительные временные разрывы между обнаружением первых тревожных сигналов и признанием их – вначале специалистами, а затем общественностью и, наконец, политиками; между политическим признанием необходимости ответных действий и принятием конкретных мер. В «озоновой истории» прошло 13 лет между первым научным предупреждением и подписанием Монреальского протокола, «еще 13 лет прошло между подписанием первого документа и заключением дополнительного соглашения» [140, с. 224] и, по оценкам специалистов, еще от 50 до 150 лет потребуется для полного восстановления озонового слоя.

Значительно больший временной лаг отмечается в отношении восприятия и реагирования на климатические изменения, и еще больший – в отношении сокращения видового разнообразия и де-

градации экосистем. Если ХФУ были впервые получены в 1928 г., активный же рост их производства (и соответственно, рост выбросов и поступления их в атмосферу) начался в 1950-х, то антропогенный рост парниковых газов связан с началом индустриальной революции (в качестве расчетной точки используется 1750 г.), а процесс антропогенного сокращения видов был запущен аграрной революцией (около 10 тыс. лет назад).

Снижение биологического разнообразия. Скорость исчезновения биологических видов резко возросла в XIX в., но только во второй половине XX в. началось осмысление масштабов человеческого воздействия на природные системы [59]. Проблема вымирания популяций и целых видов растений и животных, как результата человеческой деятельности, трансформировалась в 1980-х гг. в проблему сокращения биоразнообразия. Около 10 лет понадобилось, чтобы ученые пришли к согласию о том, что действительно существует проблема антропогенного сокращения биоразнообразия на планете (однако и после этого многие вполне осведомленные ученые по-прежнему опираются на старые подходы и оспаривают актуальность проблемы) [316].

Изменения в научном дискурсе получили отражение в международных соглашениях. В Стокгольмских решениях еще говорилось о животных и растениях, их ресурсной и экономической ценности и охране, а также о негативных последствиях загрязнения для животного и растительного мира. Спустя двадцать лет на Рио-де-Жанейрской конференции речь идет исключительно о биоразнообразии и генетических ресурсах как условии выживания человечества (слова «животные» и «растения» уже не упоминаются в основных документах). В Повестку дня 21 в раздел «Сохранение и рациональное использование ресурсов в целях развития» была включена отдельная глава «Сохранение биологического разнообразия», где отмечалось: «Наблюдаемое в настоящее время уменьшение биологического разнообразия является в значительной степени результатом деятельности человека и представляет **серьезную угрозу для развития человечества**» [171]. Соответственно, за животными и растениями закрепляется значение биологических ресурсов (слова «растения» и «животные» используются здесь всего три раза – для обозначения носителей генетического материала).

В Рио-де-Жанейро была открыта для подписания Конвенция о биологическом разнообразии – международный договор о со-

хранении и устойчивом использовании биоразнообразия и совместном использовании на справедливой основе *выгод от применения генетических ресурсов*. В 1993 г. Конвенция, подписанная 193 странами, вступила в силу. В дополнение к Конвенции действует Картахенский протокол по биобезопасности, направленный на защиту естественных генетических ресурсов от генномодифицированных.

В Целях развития тысячелетия в начале 2000-х была поставлена цель «обеспечить экологическую стабильность», одна из задач которой – «сократить потерю биологического разнообразия, достигнув к 2010 г. существенного понижения коэффициента убыли». Однако в 2010 году, объявленном Международным годом биоразнообразия, стало ясно, что «утрата биоразнообразия продолжает идти беспрецедентными темпами, причем тенденции, согласно прогнозам, будут ускоряться» (www.cbd.int/2010). Основными причинами утраты биоразнообразия являются последствия загрязнения окружающей среды (включая климатические изменения) и продолжающаяся интенсивная вырубка тропических лесов. Уничтожение тропических лесов считается наибольшей угрозой для сохранения тропических экосистем как основы разнообразия жизни на планете. За последние сто лет площадь лесов сократилась на Земле вдвое. Если скорость сведения лесов сохранится на нынешнем уровне (20 млн га в год), то леса за пределами заповедников полностью исчезнут к 2094 г.

По мнению исполнительного секретаря Конвенции о биологическом разнообразии, срочно необходима новая концепция биоразнообразия. Это свидетельствует о несостоятельности нынешней концепции, которая связывает проблему сокращения биоразнообразия с устойчивостью экосистем, но при этом рассматривает другие виды живых существ исключительно как генетические ресурсы, необходимые для человеческого выживания и благополучия. Если последовательно проводить точку зрения, сосредоточивающую внимание на потребностях людей в генетических ресурсах, концепция биоразнообразия может быть трансформирована в концепцию отбора и хранения генетического материала, своего рода концепцию «Ноева ковчега». (Как уже упоминалось выше, подобные возможности рассматривались отдельными учеными еще в 1980-х [145].) Психологическое основание для такой трансформации заложено в самом рассмотрении экосистем как ресурсов. Закрепление за экосистемами значения источника ресурсов, по сути, подкреп-

ляет уже существующую практику использования «природных ресурсов», которая и породила экологические угрозы, в том числе, угрозу утраты видового разнообразия биосферы планеты.

Психологической альтернативой узкому ресурсному подходу к пониманию ценности природных экосистем может быть взгляд на их сохранение как обязательное условие для обеспечения безопасности людей. Именно природные экосистемы составляют основу устойчивости биосферы Земли, единственно известного местообитания человека. Такое понимание может быть подкреплено сопереживанием обитателям дикой природы. Ведь помимо своего утилитарного значения основы человеческой безопасности, экосистемы являются основой для жизни других живых существ, которые могут восприниматься в качестве субъектов, имеющих право на жизнь и развитие (а не в качестве ресурсов). Такой подход к проблеме сохранения биоразнообразия закрепляет за природными экосистемами (за дикой природой) не только инструментальную ценность (условия безопасности и устойчивого развития), но и терминальную – внутреннюю ценность экосистем, как дома для других живых существ – наших соседей по планете. Отчасти такой подход уже прослеживается в последнем Отчете Конвенции ООН о биологическом разнообразии:

«Последствия коллективной деятельности человека, если они не будут исправлены в ближайшее время, будут жестокими для всех нас. Биологическое разнообразие видов составляет основу функционирования экосистем, от которых зависит наше пропитание и доступ к воде, здоровье и возможности для отдыха, а также защита от природных стихий. Его потеря также влияет на нас в культурном и психологическом плане. Это воздействие просчитать сложнее, но оно также чрезвычайно важно для нашего благополучия» (цит. по: <http://facepla.net/index.php/content-info/502>).

5.5. Резюме: пороги понимания экологических угроз

Вся практика принятия международных соглашений в сфере, непосредственно связанной с глобальными экологическими проблемами, свидетельствует о неизбежном запаздывании общественного и политического ответа на экологические изменения. Для объяснения этого феномена можно использовать термин «пороги понимания» (Харвей Бруно). «Чтобы принять действенные меры, достаточное количество людей должны осознать размеры и неотвратимость угрозы. Информация играет ключевую роль в преодолении этих порогов. Когда в мировом сообществе вызреет

озабоченность, тогда политики смогут и, более того, будут вынуждены действовать» [145, с. 10].

Перелом в изменении общественного отношения к инвайронментальным проблемам был связан с конкретными проявлениями глобальных экологических угроз во второй половине 1980-х гг. По словам Ван Стинбергена, «подлинное понимание того, что экологическая проблематика имеет глобальную природу ... получено после нескольких угрожающих событий, известных как “Чернобыль”, “озоновый слой”, “дождевой тропический лес”» [198, с. 49]. Эти события привели не только к признанию глобального характера экологических изменений, но и к пониманию **необходимости конкретных действий** всего международного сообщества для предотвращения экологической катастрофы.

Согласно исследованиям Матиса Вакернагеля и его коллег, именно в конце 1980-х экологическая нагрузка, оказываемая людьми, вышла за пределы несущей способности Земли. Это означает, что экосистема планеты больше не в состоянии обеспечивать человечество нужным количеством ресурсов и утилизировать выбросы, производимые мировым сообществом [140]. Дальнейшая эксплуатация экосистемы планеты в таком режиме может непредсказуемо быстро привести к катастрофическим последствиям, когда будет разрушена экологическая основа существования человечества.

События последних десятилетий показывают, что переход от признания глобальной угрозы к отказу от порождающих ее способов деятельности происходит только тогда, когда стремление устранить экологическую угрозу перевешивает стремление к получению краткосрочных выгод от продолжения экологически разрушительных действий. Однако на сегодняшний день краткосрочные интересы, как правило, оказываются более весомыми, чем соображения глобальной экологической безопасности. Слова о том, что «экологическая безопасность становится наиболее фундаментальным критерием эффективности общественного развития, отодвигая на второй план экономические показатели» [51, с. 280], на данный момент описывают то, что должно быть, а не реальную действительность. Экологические угрозы недооцениваются, и в значительной мере, как показывает анализ документов, такая недооценка сопряжена с верой в технологии как способ решения любых инвайронментальных проблем.

«К сожалению, пока что получается так: чтобы предпринять действия в правильном направлении, человек всегда сначала выходит за пределы и лишь потом (самостоятельным волевым усилием или под

давлением природных факторов) пытается вернуться в область устойчивости» [140, с. 148].

Проведенный анализ международных документов, выработанных для согласования международных усилий по осознанию и преодолению глобальных экологических изменений, указывает на устойчивую тенденцию к рассмотрению экологических проблем в рамках той ценностно-смысловой парадигмы, которая привела к их появлению и развитию. Признание значимости экологических проблем в целом не сопровождалось пересмотром ценностного отношения к природному миру и закрепляло значение природной среды как инструментальной, преимущественно экономической ценности. (Попытки перевести экологическую и нематериальную ценность в финансово-экономический эквивалент приводят к парадоксальным утверждениям о товарах и услугах, которые предоставляют людям экосистемы [327].) Для согласования национальных и индивидуальных экономических интересов с общечеловеческими правами на «здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой» [179] декларируются права будущих поколений, ответственность субъектов и глобальное партнерство как форма совместного достижения единых интересов.

Заклучение к разделу II

В «Пределах роста» в качестве примера экспоненциального роста приводится задача о лилиях в пруду [141]. Каждый день количество лилий удваивается, и через некоторое время весь пруд, если темпы роста лилий не изменятся, полностью зарастет. Представим, что человек, живущий на берегу пруда, решает заняться «проблемой лилий», когда озеро зарастет наполовину. Вопрос: сколько времени будет у этого человека для решения проблемы?

Можно выйти за пределы этой простой математической модели, и задуматься, а успеет ли человек что-то изменить в ситуации за один последний день, когда лилий будет уже не полпруда, а куда больше? (Поскольку только вечером накануне этого последнего дня человек увидит, что пруд зарос наполовину). Можно сделать вывод, что все зависит от размеров пруда и возможностей человека: интеллектуальных, функциональных и технических. Можно также заметить, что задача экологически недостоверна. Можно сказать, что в ее формулировке отражается установка на управление природой.

Но можно переформулировать задачу: если допустить, что ли-

лии обладают высоко развитым психическим отражением и способны к произвольной регуляции своей активности, на какой день они начнут замечать, что пора умерить экспансию? (Если у кого-то такое допущение вызывает сопротивление, можно предложить другой – поэтический – образ «мыслящего тростника».)

Попробуем от этой метафоры вернуться к нашему анализу представлений о глобальных экологических изменениях и в качестве «дня» как единицы измерения времени использовать продолжительность взросления одного поколения (около 25 лет), а днем полного зарастания пруда считать середину 1980-х, когда была превышена несущая способность Земли. Так вот, первые научные предупреждения прозвучали где-то «за неделю» – в конце XVIII в. (демографические расчеты Т. Мальтуса) и второй половине XIX в. (негативная оценка антропогенных географических и биологических изменений). Осознание актуальности и масштабности антропогенных экологических угроз началось на рубеже 1940-х – 1950-х, а осмысление происходящих экологических изменений как глобальных – в 1960-х, т. е. в «предпоследний день». И чем более отчетливым было предупреждение, тем большее оно встречало сопротивление.

В наиболее наглядной и емкой форме процесс развития антропогенного экологического кризиса был описан Г. Бейтсоном. Предложенная им схема включила в себя основные «проблемы окружающей среды» и определяющие их развитие факторы: рост популяции, технология, гордыня (рис. 4.1). Г. Бейтсон отметил наличие петель обратной положительной связи между этими факторами, что обуславливает их экспоненциальное развитие и, соответственно, ведет к кризису. Вместе с тем, в схеме Бейтсона недостаточно учитывается, какое обратное влияние могут оказывать на систему «популяция–технологии–гордыня» запущенные ею изменения (в ней предусматривается только стимулирующее влияние войн на технологическое развитие). Схема разрабатывалась на рубеже 1960–70-х гг., а с тех пор произошли значительные изменения, как в самой экологической ситуации, так и в уровне ее научного осмысления, что дает основания для пересмотра схемы и ее уточнения (см. рис. 5.1).

В качестве одной из базовых причин инвайронментального кризиса Г. Бейтсон называл рост человеческой популяции, ведущий к голоду из-за нехватки ресурсов. Такая постановка проблемы акцентировала внимание на развивающихся странах и позволяла

игнорировать тот факт, что основное давление на ресурсы планеты оказывают развитые страны, где, несмотря на стабилизацию численности населения, продолжается рост потребления. Если же рассматривать проблему роста населения в свете более общей проблемы снижения несущей способности Земли, обусловленной ростом потребления ресурсов, то в центре внимания оказываются развитые страны, чья роль в этом процессе является определяющей. Поэтому представляется обоснованным ввести в схему Бейтсона фактор «рост потребления», объединив его с «ростом популяции». Соответственно, основным негативным эффектом будет сокращение ресурсов в абсолютном (в масштабах планеты) и относительном (на душу населения) выражении (рис. 5.1).

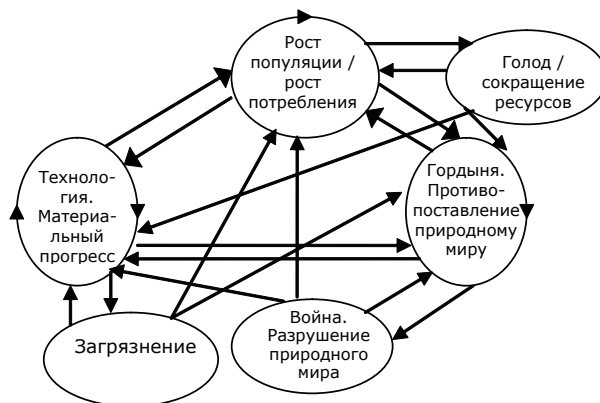

Рис. 5.1. Дополненная схема развития экологического кризиса (на основе схемы Г. Бейтсона)

Как показывает анализ литературы, проблема сокращения ресурсов усугубляется ростом населения в развивающихся странах. Обнищание населения ведет к тому, что высокая рождаемость становится единственным способом обеспечить собственное будущее [153; 326 и др.]. С другой стороны, для состоятельного населения сокращающийся ресурс приобретает большую притягательность, что побуждает, в свою очередь, к росту потребления. Таким образом, можно говорить о замкнутом контуре положительной обратной связи «рост потребления – сокращение ресурсов». Но кроме этого, сокращение ресурсов ведет к обострению конкуренции, как с другими людьми, так и с природным миром, а также становится стимулом к изысканию новых ресурсов и разработке новых техно-

логий. В схеме 5.1. влияние проблемы ресурсов на факторы «технология» и «гордыня» обозначено стрелками.

Другая фундаментальная причина экологических угроз, включенная Бейтсоном в схему, это технологический прогресс («технология»). Недальновидное использование новых технологий приводит к загрязнению окружающей среды, которое в 1960-х было основной причиной экологического беспокойства жителей развитых стран и оценивалось ими как прямая угроза качеству жизни. Однако загрязнение, в свою очередь, усиливает потребность в новых технологиях, позволяющих нейтрализовать негативные последствия от использования технологий-предшественников. Вместе с тем, загрязнение подталкивает к росту потребления (загрязнение воды – потребление фильтров, бутилированной воды, тепловое загрязнение – потребление вентиляторов, кондиционеров и т. п.), а также усиливает отчуждение от враждебного природного окружения, что отражено на схеме 5.1.

Наконец, третий базовый компонент в схеме Бейтсона – «гордыня», высокомерие по отношению к природной среде, в основе которого лежит установка на конкуренцию – с природной средой и с другими людьми («мы против...»). Бейтсон называет это ошибками в мышлении и культурных ценностях, т. е. речь идет о социально-психологическом феномене. Если два других компонента выражаются в форме *внешней активности*, то здесь подразумеваются *отношения* или *диспозиции*, регулирующие использование технологий, репродуктивную активность и потребление, а также взаимодействие с природным и социальным окружением. В последнем случае «гордыня» приводит к войне (в узком и широком значении), разрушающей природный мир. Именно разрушение природы представляет собой экологическую угрозу в прямом ее смысле. Война создает потребность в технологиях, но помимо того она может подкреплять «гордыню», вести к росту потребления ресурсов и усиливать репродуктивную активность. Эти связи включены в схему 5.1.

Но в отношении компонентов «война», «технология» и «потребление» можно также говорить о замкнутом контуре обратной связи, поскольку растущая плотность населения усиливает социальную напряженность и провоцирует территориальные конфликты, а технологическая мощь может подталкивать к экспансии. Сам же компонент «война» в схеме Бейтсона подразумевает одновременно вид человеческой активности (война/противостояние/

экспансия) и ее экологические последствия (разрушение природного мира). Нам представляется правомерным развести эти две составляющие и говорить об «экспансии» как факторе развития экологических изменений и о разрушении природного окружения как экологической угрозе. В этом случае «экспансия» представляет собой форму внешней активности, такую же, как «технология» (создание и использование технологий материального прогресса) и растущее материальное потребление. Объединенные контурами положительной обратной связи эти три фактора (технология, потребление, экспансия) обуславливают экспоненциальный рост антропогенного давления на мир природы, что приводит к глобальным экологическим изменениям. Последние проявляются в загрязнении, разрушении, истощении природного окружения, синергическим эффектом которых является переход глобальной экосистемы из устойчивого в неустойчивое неравновесное состояние, что суть основная угроза для существования человечества.

Описанная выше модель развития антропогенных экологических изменений представлена на рис. 5.2. В качестве основных процессов, приводящих к глобальным экологическим угрозам, здесь рассматриваются рост материального потребления, развитие материальных технологий, человеческая экспансия (расшире-

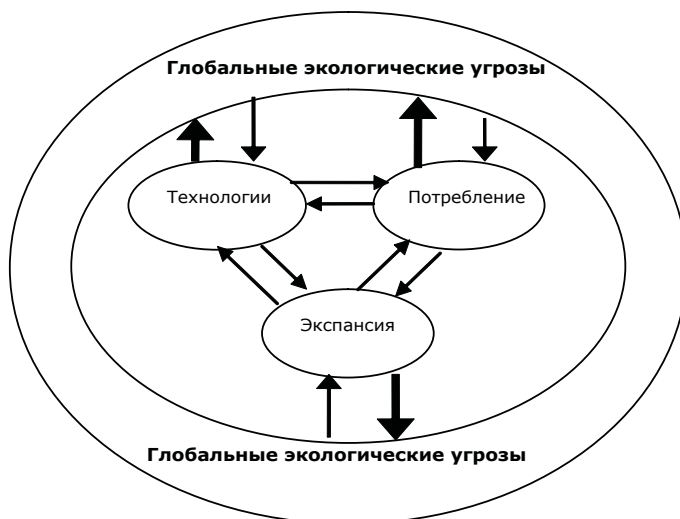

Рис. 5.2. Модель развития антропогенных глобальных экологических изменений

ние своего жизненного пространства за счет его отъема у других субъектов). Взятые вместе, эти процессы образуют подсистему влияния человека на экосистему Земли, вызывая в конечном итоге глобальные экологические изменения. Экспоненциальный рост обеспечивается за счет контуров положительной обратной связи внутри подсистемы, как это было описано Г. Бейтсоном, а также под влиянием проблем, порождаемых изменениями в экосистеме. Т. е. сигналы, получаемые от экосистемы, усиливают экоразрушающую активность человека.

Предлагаемая модель описывает уровень внешней активности человеческого субъекта и, как легко заметить, базируется на имплицитных допущениях, относящихся к уровню регуляции этой активности. Можно говорить о двух основных предположениях: регуляция трех форм экоразрушительной активности осуществляется таким образом, что усиление одной из этих форм сопряжено с усилением двух других; экологические угрозы (изменения в экосистеме) оцениваются таким образом, что подкрепляют, а не тормозят деятельность, ведущую к экоразрушению. В схеме Бейтсона (рис. 4.1) такие регуляторные особенности определялись «гордыней», поэтому, по его мнению, изменения в системе должны начинаться именно с этого центрального компонента. В этом случае прекращается «раскрутка» системы, а угрожающие изменения в окружении будут оцениваться как сигналы о необходимости снижения давления на среду.

Переходя от схемы Бейтсона к модели 5.2, мы опирались на анализ динамики глобальных экологических изменений в зависимости от человеческой активности, проведенный за последние 40 лет многими учеными и исследовательскими коллективами (в частности, [141; 115; 153; 145; 462; 140; 327; 37; 47]). Предложенная нами модель описывает взаимосвязь разных форм поведенческой активности человека как на макро-, так и микроуровне. Можно заметить, что эта модель соответствует образу жизни, активно продвигаемому «обществом потребления» и опирающемуся на определенные ценности, установки, убеждения, связанные с понятиями «прогресс», «технология», «качество жизни», «потребление».

Как показывает проведенный обзор, возможности перехода от такого экоразрушительного способа существования к экологически устойчивому (жизнеспособному) образу жизни связываются с экологическим беспокойством, альтруизмом, ответственностью, а также с изменением нравственных норм в сторону расширения

границ морального сообщества. Значительное число исследователей соглашается с необходимостью экологической этики, опровергающей антропоцентрические представления и признающей права нечеловеческих субъектов. (Однако в общественно-политическом дискурсе фигурируют лишь права будущих поколений, тема же прав в природном сообществе тщательно обходится, так же, как и тема антропоцентризма.) Одновременно, практически во всех публикациях и документах, обращающихся к проблеме глобальных экологических изменений, в качестве ключевого фактора в определении путей преодоления глобального социально-экологического кризиса называются ценности (культурные и индивидуальные). Психологическому анализу экологической этики, экологических аспектов образа мира и личностных ценностей посвящен следующий раздел.

РАЗДЕЛ III

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТИЧЕСКИХ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ И ЦЕННОСТНЫХ АСПЕКТОВ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Данный раздел объединяет три главы, посвященные основным темам, вокруг которых выстраивается обсуждение антропогенных экологических изменений и релевантного им поведения. Мы выделяем три тематические линии: способы жизнедеятельности и образ жизни; видение природного мира и отношение к нему; система ценностной регуляции жизнедеятельности.

Глава 6. Узловые категории в обсуждении экологически устойчивых способов жизнедеятельности

Проведенный анализ развития представлений о глобальных экологических изменениях позволяет обозначить основные смысловые оппозиции, в пространстве которых выстраивается обсуждение экологически устойчивых способов жизнедеятельности человека. Эти основные смысловые измерения связаны с интерпретацией следующих тематических областей: прогресс, технологии, качество жизни, альтруизм, ответственность человека, права будущих поколений, права природного мира. Каждая из этих тем, так или иначе, звучит при разработке проблемы экологической безопасности и порождает зону смысловой эрозии, которая может быть использована: оппонентами – для психологических спекуляций, а колеблющимися – для психологической защиты.

6.1. Прогресс, технологии, качество жизни

Все три термина, вынесенные в название этого параграфа, могут быть объединены общей смысловой шкалой, определяющей диапазон их возможных интерпретаций. Это шкала, заданная оппозицией «иметь – быть».

В одной из последних работ Э. Фромма «Иметь или быть?» (1976 г.) категории обладания и бытия выводятся на уровень базовых диспозиций, определяющих способ жизни человека [219]:

«Под обладанием и бытием я понимаю не некие отдельные качества субъекта, примером которых могут быть такие утверждения, как “у меня есть автомобиль” или “я белый”, или “я счастлив”, а два основных способа существования, два разных вида самоориентации и ориентации в мире, две различные структуры характера, преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает» [219].

Способ жизни, ориентированный на обладание, закрепляет невротическую зависимость личности от материального потребления, требует все большего расхода ресурсов и может быть охарактеризован как экологически разрушительный:

«Потреблению присущи противоречивые свойства: с одной стороны, оно ослабляет ощущение тревоги и беспокойства, поскольку то, чем человек обладает, не может быть у него отобрано; но, с другой стороны, оно вынуждает его потреблять все больше и больше, так как всякое потребление вскоре перестает приносить удовлетворение. Современные потребители могут определять себя с помощью следующей формулы: *я есть то, чем я обладаю и что я потребляю*» [там же].

Способ жизни, ориентированный на бытие, обеспечивает здоровое переживание позитивных жизненных смыслов, реализуемых в экологически целесообразных формах взаимодействия с природным окружением.

Оба образа жизни связаны с понятием прогресса, но если в жизни, реализуемой по типу «иметь», прогресс связывается с материальным потреблением и установлением контроля над окружением, то при образе жизни «быть» идея прогресса может быть интерпретирована в терминах процесса, становления, развития, духовного роста человека.

6.1.1. Конфликтные смыслы в понимании прогресса

Оформление современной идеи прогресса, как «постоянного роста и неуклонного увеличения человеческих сил и счастья» [6, с. 220], было обусловлено развитием науки Нового времени и достижениями промышленной революции. Исторический анализ указывает на две смысловые линии в развитии идеи прогресса: как роста материального благосостояния и как социального и морального совершенствования [219; 6]. Подчеркнем также, что вера в прогресс исходно опиралась на перспективы развития науки и включала установку на контроль над природой. Требование

взаимодополнительности двух измерений прогресса было сформулировано И. Кантом, что отмечает А. П. Назаретян: «Различая культуру простых умений и культуру дисциплины, он [Кант] отметил, что первая способна проложить дорогу злу, если вторая не составит ей надежного противовеса» [152].

Идея материального прогресса прослеживается в работах Ф. Бэкона и Декарта, в дальнейшем она получает развитие в философии Просвещения, классической немецкой философии, первых экономических теориях [там же]. Некоторые авторы делали акцент на моральном прогрессе человечества (например, Локк, аббат де Сен-Пьер). В частности, Дж. С. Милль в 1848 г. отстаивал мнение, что социальный прогресс возможен и при низких темпах экономического роста: «Я не могу... рассматривать стационарное состояние капитала и богатства с тем искренним отвращением, которое столь свойственно политэкономистам старой школы... Едва ли нужно уточнять, что стационарное состояние капитала и населения вовсе не означает застой в человеческом совершенствовании. Возможностей для развития духовной культуры, морального и социального прогресса, а также для совершенствования Искусства Жизни будет ничуть не меньше, чем сейчас, а скорей всего – гораздо больше» (цит. по: [140, с. 280]). В те же годы О. Конт выделял нравственное измерение прогресса, обнаруживая фундаментальный закон истории «в росте преобладания альтруизма над эгоизмом благодаря слиянию ума и сочувствия» (цит. по: [6, с. 229]). Но для многих западных мыслителей материальный прогресс виделся единственной основой для социального и духовного прогресса человечества. Так Спенсер полагал, что «конечная цель всего сотворения мира состоит в достижении наибольшего счастья, а чтобы решить эту задачу, необходимо, чтобы каждый человек обрел все необходимое, дабы испытать высочайшее наслаждение жизнью» (цит. по: [6, с. 232]). Согласно Марксу и Энгельсу, развитие крупного машинного производства должно было составить материальную основу для всестороннего развития индивида, для развития духовной культуры в бесклассовом коммунистическом обществе.

На фоне достижений бурного развивающегося промышленного производства, закреплявших в обыденных представлениях веру в неуклонный прогресс, только немногие могли счесть уместными слова, написанные Г. Торо в середине XIX в.: «Единственный выход для людей и для страны заключается в строжайшей экономии, в более чем спартанской простоте жизни и стремлении к высшей

цели» [245, с. 449]. Торо поддерживал идею развития и совершенствования человека, но полагал, что такое развитие должно быть независимым от материального потребления: «Когда человек нашел себе дело, ему не требуется для этого новый костюм... Я советую вам остерегаться всех дел, требующих нового костюма, а не нового человека... Надо думать не о том, *что нам еще требуется*, а о том, чтобы что-то *сделать*, или, вернее, чем-то *быть*» [там же, с. 400].

В XX ст. идея материального прогресса была подкреплена беспрецедентным развитием технологий и дополнилась идеей научно-технического прогресса. Развитие новых технологий привело к резкому росту благосостояния жителей развитых стран и оформлению постиндустриального «общества потребления». Показательно, что в соревновании двух альтернативных политических систем – социализма и капитализма – акцент обеими сторонами делался на производстве товаров на душу населения. Результатом такой «гонки потребления» стал глобальный экологический кризис. В 1960–70-х гг. звучат призывы остановить технический прогресс (Г. Маркузе, 1964), перейти к экономике равновесного состояния, отказаться от понимания прогресса как неуклонного роста материального потребления (К. Е. Боулдинг, 1966; Е. Дж. Мишан, 1967; Г. Дали, 1971; Д. Медоуз и др., 1972). В 1980-х гг. стремление к материальному прогрессу рассматривается как главная причина экологического кризиса, о чем свидетельствует категоричное утверждение Атфилда: «За деградацию окружающей среды... несет ответственность вера в вечно неувядаемый материальный прогресс, унаследованная от Просвещения и немецких метафизиков, модифицированная на Западе классической политэкономией и социологией, либеральным индивидуализмом и социальным дарвинизмом, а в Восточной Европе – неоспоримо почтительным отношением к предписаниям Маркса и Энгельса» [6, с. 240]. В те же годы звучит признание, что зависимость человечества от технического прогресса настолько велика, что люди неспособны не только остановить его, но «хотя бы оценить его отрицательно и тем самым ему воспрепятствовать» [121, с. 390].

В общественно-политическом дискурсе на смену понятию «прогресс» приходит понятие «устойчивое развитие». В соответствии с рيو-де-жанейрскими документами, концепция устойчивого развития включает требование сократить разрыв в уровне жизни населения развивающихся и развитых стран, определяя в качестве приоритета искоренение бедности [179]. Еще одним приоритетом

должны стать «потребности будущих поколений в областях развития и окружающей среды», что требует сохранения, как минимум, значительной части природных ресурсов и существующих экосистем. Последовательное соблюдение двух указанных приоритетов возможно при условии материального прогресса в развивающихся странах и одновременного снижения роста материального потребления в развитых странах. Однако почти за два десятилетия, прошедшие после Конференции ООН в Рио-де-Жанейро, разрыв между «Севером» и «Югом» (развитыми и развивающимися странами) не только не сократился, но увеличился и продолжает расти. Следует признать, что пока прогресс отождествляется с развитием и при этом оценивается как источник все новых материальных благ, требование остановить рост материального потребления будет восприниматься как призыв к регрессу и вызывать сопротивление.

Вместе с тем, прогресс может означать не только материальное, но и социальное, духовное, ментальное, нравственное развитие. Также и потребление может иметь как материальное, так и нематериальное измерение. Переосмысление прогресса как нематериального роста открывает широкие возможности для реализации устремлений к изменениям и развитию экологически неразрушительными способами. С ориентацией на нематериальный рост связывают позитивный вариант развития человечества авторы «Пределов роста. 30 лет спустя»: «Цель жизни состоит не только в накоплении вещей и материальных благ. Люди заслуживают лучшей судьбы» [140, с. 295].

Однако в обществе, сформировавшемся как общество материального потребления и продвигающем соответствующий способ жизни «иметь», идея нематериального прогресса «быть» остается утопичной и маргинальной. И если идеал «материального прогресса» в определенной мере утратил свои позиции в научном и общественно-политическом дискурсе, то «научно-технический прогресс» сохраняет свою привлекательность и рассматривается как возможность решить все глобальные проблемы с помощью научно разработанных технологий без существенных изменений в образе жизни.

6.1.2. Вера в технологии как барьер для экосберегающего поведения

Вера в научно разработанные технологии как универсальный способ решения проблем поддерживает установку на рост материального потребления [422; 118]. Такая вера в науку и технологии

остаётся незыблемой, несмотря на то, что накоплено значительное количество фактов, когда технологии, казавшиеся решением проблемы, в реальности приводили к непредвиденным негативным масштабным экологическим последствиям (ДДТ, оружие массового уничтожения, хлорфторуглеводороды и мн. др.). Рассмотрим несколько цитат из работ, выполненных в разные годы:

В 1975 г. советский исследователь Г. С. Гудожник констатировал: «Когда в ходе НТР в мире обострились эколого-кризисные ситуации, оказалось, что современная наука не готова дать обоснованные рекомендации для практического решения вставших задач» [42, с. 185].

Столетием ранее, в 1876 г. Ф. Энгельс писал в «Диалектике природы»: «не будем слишком обольщаться относительно побед над природой. За каждую такую победу она мстит нам. Это верно, что, во-первых, каждая такая победа приносит ожидаемые результаты, но также верно, что, во-вторых и в-третьих, она оказывает различные непредсказуемые эффекты, перечеркивающие зачастую все положительное» [246, с. 153] (Атфилд называет Энгельса первым критиком технологического оптимизма, замечая, что «ценные экологические прозрения Энгельса принесли довольно скромные плоды, если сравнить их с тем, что они могли бы дать, потому что они соединились с верой в неизбежность материального и технологического прогресса» [6, с. 240]).

В ежегодном обзоре, подготовленном Институтом всемирного наблюдения (США) в 1987 г., дается следующее заключение: «Никакой другой вид человеческой деятельности не развивался так бурно в нашем столетии, как наука. Численность ученых и инженеров росла в 3 раза быстрее, чем население мира, и в 2 раза быстрее, чем мировая экономика; соответственно возрастала и интенсивность научных исследований. Несмотря на этот впечатляющий прогресс, неожиданные и неприятные открытия последних лет поставили вопрос об адекватности современных научных усилий. Существующие научные исследования недостаточны для оценки воздействия человека на окружающую среду» [145, с. 401].

Вопреки имеющейся в широком доступе научной информации о существующих экологических ограничениях и разрушительных эффектах научно-технического прогресса, многие ученые продолжают разделять слепую веру в технологическое решение проблем, связанных с ростом человеческой популяции. На это, в частности, обращал внимание П. Эрлих в своем выступлении в 2001 г.:

«Несмотря на близость консенсуса среди ученых по большинству экологических проблем, некоторые неспециалисты [в области экологии], зная о таком согласии, упорствуют в вере, что бесконечный рост человечества не будет угрожать нашим системам жизнеобеспечения.

Возможно, самым драматическим подтверждением тому служат утверждения покойного экономиста Дж. Саймона, который объявлял, что человеческое население может расти на протяжении “следующих 7 миллиардов лет” (1994) или “вечно” (1995); прежде, более явное суждение предполагало рост до маловероятного уровня, при котором масса людей превышает массу вселенной. Саймон был образован и имел полный доступ к экологической литературе» [316, с. 34].

Пока технологии воспринимаются как способ решения любых проблем, связанных с экологическими ограничениями, субъект не испытывает необходимости в изменении привычного способа жизни. Более того, как показывают исследования Gonzales и др. (1988), использование ресурсосберегающих технологий часто приводит к разрушению тех установок на экосбережение, которые уже были сформированы у потребителей (по: [381]). Так, после переоборудования домов с целью снижения энергопотребления (замена электрооборудования, теплоизоляция стен и проемов и т. п.), жильцы, намеревавшиеся существенно снизить использование электроэнергии, расходовали ее в том же количестве, что и раньше, до использования энергосберегающих технологий. Это означает, что *потреблять* они *стали больше*, поскольку использование более эффективных технологий стало основанием для отказа от внутренних установок на экосохранение. Трансформируются личностные смыслы новых технологий: из средства снижения энергопотребления они преобразуются в средство повышения потребления. Вместо того, чтобы максимизировать эффект новых экологически ответственных действий, технологии используются для возврата к старому, ориентированному на рост потребления способу жизни.

Основная «психологическая ловушка» такой субъективной установки на технологические решения состоит в том, что в субъективной картине мира ответственность за экологические эффекты действий субъекта переносится на технологии. (В экологической экономике говорят о парадоксе Джевонса (Jevons W. S.), сформулированном в 1865 г. Согласно Джевонсу, внедрение технологий, увеличивающих эффективность использования ресурса, дает тенденцию к увеличению, а не снижению нормы потребления этого ресурса. Такая экономическая закономерность обусловлена психологическими факторами, определяющими поведение потребителей.)

Вместе с тем, если пользователи в значительной мере обеспокоены экологической ситуацией и стремятся снизить свою нагрузку на среду, вспомогательные технологические решения помогут им реализовать свою экосберегающую поведенческую стратегию.

Как показало исследование немецких психологов Sauer и Rüttinger (2004), использование электрочайников со специально разработанным дизайном, позволяющим легко контролировать количество воды в чайнике, давало значительный энергосберегающий эффект только для тех пользователей, у которых отмечалась высокая экологическая озабоченность [436].

Результаты описанных выше исследований подтверждают, что эффективность использования технических средств с целью снижения потребления определяется мотивами и установками самих пользователей. Соответственно, на первый план при рассмотрении путей выхода из экологического кризиса, выходит необходимость ментальных, а не одних только технологических изменений. Так пишет об этом Э. Ласло (в работе 1991 г.): «нам необходимы фундаментальные изменения в том, как мы мыслим – о себе, окружающей нас среде, нашем обществе и нашем будущем. Если мы изменим нашу политику и наши технологии, но не изменимся сами, наше состояние от этого не изменится: мы создадим лишь некую временную ситуацию без сколько-нибудь длительных эффектов. Только фундаментальные изменения ценностей и убеждений, лежащих в основе нашего мышления и наших действий, влекут за собой длительные последствия. Однако такое преобразование сводится к преобразованию культуры – к скачку в культурной эволюции» [118, с. 66].

В отчете Римского клуба (1990 г.) также акцент делается на необходимости личностных изменений, но возможность таких трансформаций авторы связывают с развитием нематериальных технологий: «Основанный на технологии материальный подход к развитию проник в общества и культуры всех типов. Недостаток науки заключается в том, что, хотя она и вносит свой вклад в наше материальное благосостояние, способствует улучшению здравоохранения, увеличению продолжительности жизни, она мало сделала для обогащения человеческого существования, так сказать, вне материальных показателей. Сегодняшний императив – так повлиять на технологию, чтобы она работала на общее и устойчивое благополучие всех людей как настоящего, так и последующих поколений. Причем в рамках цельного глобального и даже космического восприятия, сбалансированного по материальным достижениям и социальным, моральным, духовным качествам. Пока такого баланса нет: эмоциональные, духовные и даже интеллектуальные факторы явно уступают нашим физическим триумфам. Установление равновесия возможно через глубокое понимание личности, полное осознание мотивов нашего поведения» [89].

Различная оценка влияния/роли технологий связана с тем, что термин «технология» может использоваться в разных значениях, от узкого отождествления с техникой до выделения системы правил

и методов выработки определенного продукта и даже до широкого рассмотрения технологии в качестве «фундаментальной человеческой характеристики», в описании Норманна Вига (по: [204]). Предпосылки для столь широкого понимания в том, что «технология стала играть центральную роль для нашего существования и образа жизни» [там же]. При таком подходе термин «технология» используется для философской рефлексии изменений, вносимых в человеческую жизнь достижениями научно-технического прогресса. На первый план в подобном анализе выносятся не материальные преобразования, а их роль в формировании субъективной картины мира, о которой, в частности, пишет Дж. Грант: «В каждый переживаемый нами момент бодрствования или сна мы теперь по справедливости можем называться носителями технологической цивилизации, и в возрастающей мере будем повсюду жить внутри сжимающегося кольца ее власти... “Технология” — не столько машины и инструменты, сколько то представление о мире, которое руководит нашим восприятием всего существующего» [там же]. Вместе с тем, следует помнить, что представление о мире в значительной своей части есть продукт целенаправленного применения технологий в сфере социальных коммуникаций.

6.1.3. Маркетинг: технологии продвижения идеи потребления

Существуют различные классификации технологий – по отраслям промышленности, по этапам жизненного цикла и т. д. В контексте рассматриваемой нами проблемы роста материального потребления целесообразно выделить две группы технологий: обеспечивающих производство товара и обеспечивающих продвижение товара. Уточним, что товар в данном случае рассматривается в широком его значении: это то, что может удовлетворять потребность или нужду и предлагается рынку [93].

Технологии продвижения товара – это маркетинговые технологии, или, иначе, технологии работы на рынке, позволяющие превратить нужды потенциальных покупателей в прибыль продавца товара. Следует признать, что предложенное определение расширяет понятие продвижения товара и, по сути, отождествляет его с маркетинговой деятельностью в целом, вместо того, чтобы рассматривать продвижение как один из этапов/компонентов маркетинга, наряду с изучением рынка, созданием товара, организацией продаж. Это делается для того, чтобы подчеркнуть единую

нацеленность всех компонентов маркетинга – на максимизацию прибыли, достигаемую за счет привязки товара к мотивационно-потребностной сфере потенциальных покупателей.

Оформление маркетинга как научно-практической деятельности, опирающейся на теоретическое знание, началось во второй половине 1950-х гг. К этому же времени можно отнести переход от использования отдельных приемов и методов работы на рынке к теоретическому осмыслению технологий воздействия на покупателей. Необходимость интенсификации маркетинговой деятельности диктовалась ростом товарного производства, обусловленного НТР, что, в свою очередь, вело к ускорению темпов протекания экономических процессов, обострению конкуренции, росту дифференцированности товарного предложения. Эти процессы были охарактеризованы Питером Друкером как проявления новой «постиндустриальной эпохи», «не имеющей закономерностей».

Утверждение, что развитие маркетинговых технологий позволяло более успешно работать в условиях непредсказуемого «постиндустриального рынка», стало общим местом в литературе по маркетингу. Однако следует обратить внимание, что развитие маркетинга происходило параллельно с ухудшением экологической ситуации, и обеспечивало своего рода утилизацию экологического беспокойства покупателей. (Как правило, этот аспект упускается при анализе маркетинговых теорий и их развития.)

Экологическое беспокойство покупателей обусловлено непредсказуемым воздействием на окружающую среду поспешно внедряемых новых технологий и истощением ресурсной базы в результате стремительного роста потребления. Понимание такой связи неосмотрительного внедрения новых технологий и роста потребления с ухудшением качества жизни могло бы подтолкнуть людей к изменению образа жизни от «иметь» к «быть». Однако, если материальный прогресс (выраженный в экономическом росте и новых технологических достижениях) воспринимается как эффективный способ компенсировать вред от экологических изменений и улучшить качество жизни, беспокойство, обусловленное экологическими факторами, перестает быть барьером для дальнейшего роста материального потребления. Формированию именно такого восприятия у растущего числа потребителей способствовали развивающиеся маркетинговые технологии.

В 1950-е гг. получает распространение «маркетинг стиля образа жизни», практикующий сегментирование рынка [191]. Теория

рыночного сегментирования, предложенная У. Смитом в 1956 г., предлагала выделение однородных групп покупателей, которые одинаково понимают назначение товара и выгоду от его использования. Прежде сегментирование рынка происходило ненамеренно, и конкурентные маркетинговые обращения адресовались преимущественно одной, наиболее привлекательной группе покупателей. Теперь же, вооруженные новой технологией, компании-конкуренты получили возможность привлекать новые группы покупателей, связывая их образ жизни со своими товарами. Тем самым в гонку потребления целенаправленно вовлекались новые слои населения. Именно в 1950-х «реклама впервые занялась тщательным культивированием независимого рынка богатых юнцов... Продажи радиоприемников, журналов для подростков, косметики и одежды стремительно росли, поскольку рекламные объявления этих товаров были рассчитаны именно на них... Подобные рекламные кампании преследовали цель “пленить” молодежь рынком» [191, с. 328–329]. В это же время инструменты маркетинга стали использовать для формирования новых целевых рынков: представителей молодежных субкультур (бит-поколения), афро-американцев и др.

После издания в 1958 г. книги известного экономиста Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия», в США, а вскоре и в других развитых странах в обиход входит термин «качество жизни». Не имевшее на первых этапах четкого научного содержания, качество жизни подразумевало «все блага, которые может предоставить потребителю “развитое индустриальное общество”» [12, с. 143]. Представление о качестве жизни в его товарно-материализованном воплощении также стало использоваться в целях маркетинга.

Когда в 1960-х в развитых странах сформировалось движение контркультуры, наработанные маркетинговые технологии позволили использовать его для новых рыночных завоеваний.

Термин контркультура был введен Т. Росзаком в 1968 г. и подразумевал восстание против индустриального общества с его одухотворением технологий и социальным доминированием промышленных корпораций [434]. А. Маслоу в 1967 г. говорил о гуманистической революции в науке и обществе в целом: «Идущая ныне философская революция становится все более очевидной. Она подобна дереву, все ветви которого стали плодоносить одновременно. Ее влияние ощущается во всех областях науки, во всех сферах человеческой деятельности... Новый Zeitgeist [дух времени] гуманистической переориентации влияет не только на науку, философию и религию, но также на общественные институты, производство, досуг и образование.

Происходящее может быть названо Гуманистической Революцией, обращением к потребностям человека. Именно они становятся сегодня новым стержнем человеческих дум и забот. Познание, эпистемология, метафизика, наука, все интересы человека сосредотачиваются вокруг человеческих потребностей и человеческого опыта» [135]. Можно добавить, что вокруг потребностей и связанных с ними рыночных возможностей сосредоточились и усилия маркетинга.

Отрицание практицизма, ориентация на идеалы любви и мира, увлечение нетрадиционными духовными и религиозными течениями использовались в маркетинге для создания новой моды: «Функцию распространения моды выполняли маркетинг и средства массовой информации. Цветные рекламные объявления, журналы, телевидение и магазины продвигали последние модные тенденции и принадлежности образа жизни» [191, с. 376]. Позже, в условиях нефтяного кризиса 1970-х мода андерграунда использовалась для стимулирования потребления: «...мебель и электронное оборудование украшали модные элементы, подчеркивавшие, что эти вещи покупают не “раз и навсегда”» [191, с. 376–377].

Достигнутый в 1960-е гг. уровень развития маркетинговых технологий побудил Гэлбрейта (1967) поднять вопрос об угрозах для свободы в новом индустриальном обществе: «Опасность, угрожающая свободе, заключается в подчинении общественного мышления нуждам индустриальной системы» [45, с. 462]. Гэлбрейт предлагает свое психолого-экономическое обоснование эффективности рыночных технологий, объясняя, что индустриальная система способна управлять человеческими нуждами «только потому, что удовлетворяет их в изобилии. Она нуждается в механизме, с помощью которого можно было бы заставить людей желать того, что она поставляет. Но этот механизм не действовал бы, если бы потребности не поддавались управлению, если бы эти потребности не были притуплены недостатком» [45, с. 450].

Добавим, что уже в 1970 г. в своем интервью “*Observer*” Гэлбрейт высказался против экономического роста и расширения потребления, поскольку потребительство происходит от того, что «огромное число людей потребляет то, что им внушили» (цит. по: [12, с. 149]). Одновременно он полагал, что люди, осознав воздействующее на них внушение, не захотят больше ему подчиняться. «Цель в этом мире не потребление, а польза и наслаждение жизнью» [там же]. В этом контексте уместно вспомнить, что конец 1950-х – 1960-е гг. были временем активного использования при разработке рекламных продуктов концепции УТП (уникального торгового предложения) Р. Ривса [178]. Концепция УТП предла-

гает выстраивать рекламное обращение вокруг основных отличий товара, обеспечивающих его преимущества перед товарами-конкурентами. Ключевая информация многократно повторяющимся рефреном пронизывает весь рекламный продукт, прямо и косвенно, а в целом весьма назойливо убеждая покупателя в необходимости приобретения рекламируемого товара. Такие попытки прямого внушения при желании могли быть опознаны и, в ряде случаев, блокированы покупателем. Ответом на возможное общественное сопротивление рекламе, формирующей «обусловленного покупателя», стали обращения рекламистов к мотивационным теориям и попытки использования методов непрямого внушения, а главное – развитие маркетинговой теории и технологий.

К началу 1980-х гг. маркетинг обогатился технологией позиционирования, описанной Траутом и Райсом в их публикациях конца 1970-х и книге 1981 г. «Positioning: the battle for your mind» («Позиционирование: битва за умы») [205]. Благодаря позиционированию, товар, согласно Трауту и Райсу, должен занять самое выгодное «место в головах» покупателей. Научное определение позиционирования предлагает Котлер: «Действия компании по разработке своего предложения и имиджа таким образом, чтобы они заняли значимое и особое по отношению к конкурентам место в представлении целевых клиентов» (цит. по: [229, с. 336]). Целенаправленное формирование представлений позволяет охарактеризовать позиционирование как психотехнологию.

Следует заметить, что научные психологические знания стали применяться для продвижения товара значительно раньше, еще в 1920-х гг. Однако прежде речь шла преимущественно о том, как лучше учесть особенности психической деятельности покупателя при оформлении и передаче маркетингового сообщения. Начиная с 1960-х гг. психотехнологии в маркетинге нацеливаются на активное формирование образа мира у покупателя, стремятся управлять его ценностно-смысловой сферой и его идентичностью, чтобы стимулировать потребление. Эта тенденция получает свое наиболее полное развитие в технологиях брендинга и позиционирования бренда.

Концепция брендинга позволила объединить «рациональный» и «эмоциональный» подходы в рекламе. Брендинг направлен на то, чтобы путем персонификации товара создать психологические условия для самоидентификации потребителя с брендом. Поэтому в работах, посвященных брендингу, используются такие термины,

как «индивидуальность бренда», «личность бренда», «идентичность бренда», «ценности бренда», «имидж бренда» [58; 67 и др.]. Приобщение к бренду (марке) путем покупки соответствующего товара преподносится как способ реализации сущностных возможностей человека: «Мысль о марке – новый способ выражения, описывающий антропологические корни наших поисков связанности. Марка всегда больше, чем ее знак. Марка – это воля, создаваемая из представлений, которой мы дарим свое доверие. ... В обращении с марками мы формируемся как индивиды. Без них мы бы были лишены представлений, пластичности и фантазии» [46, с. 127].

Показательно, что оформление новых маркетинговых технологий совпадало с периодами обострения в обществе беспокойства, вызываемого экологической ситуацией. Оформление теории рыночного сегментирования и развитие представлений о качестве жизни приходятся на тот период, когда население начало замечать первые признаки загрязнения окружающей среды в глобальном масштабе. (Символично, что, начиная с 1957 г., рост уровня материального благосостояния в США стал сопровождаться снижением уровня удовлетворенности жизнью [3].)

Технология позиционирования была разработана в 1970-х, когда экологическое движение в развитых странах становилось влиятельной общественной силой. Развитие технологий брендинга приходится на 1990-е годы, сопровождавшиеся ростом экологической озабоченности и подъемом инвайронментализма в развитых странах. Именно в это время в развитых странах разрабатываются и внедряются экосберегающие программы для населения и поднимается вопрос о социальном маркетинге, как системе социального продвижения проэкологического поведения. Однако, как справедливо замечает Марта Монро (Martha Monroe, 2003), «изменения форм поведения, особенно связанных с западными культурными ценностями, типа независимости, свободы, социальной подвижности или безопасности, трудны. Сообщения об экосберегающем поведении конкурируют с подавляющей массой рекламных объявлений о действиях потребления, которые обещают экономическую жизнеспособность, статус и удовольствие» [401, с. 123].

И хотя маркетинговые технологии используются игроками на рынке для передачи конкурирующих сообщений, в целом они продвигают одну общую идею, объединяющую всех игроков рынка – идею материального потребления.

6.1.4. Проблема самобытия технологии

Обращаясь к вопросу о смысловых оппозициях, определяющих содержательный диапазон термина «технология», отметим многозначность представлений о связи технологий с экологическим кризисом. В технологиях, включая психотехнологии, могут усматриваться как причины экологического кризиса, так и способы его преодоления. Эта двойственность определяется тем, что технологии являются инструментом, который создается и используется людьми. Вместе с тем, усложнившиеся технологии играют столь значимую роль в жизни современного человека, что начинают восприниматься как самостоятельная сила, интегрирующая в себе человека и природу в целом. Отчасти об этом писал в середине XX в. Хайдеггер:

«Новоевропейская “механическая экономика” ... в своей безусловной форме требует нового человечества, выходящего за пределы прежнего человека. Недостаточно обладать танками, самолетами и аппаратурой связи; недостаточно и располагать людьми, способными такие вещи обслуживать; недостаточно даже просто овладеть техникой, словно она есть нечто в себе безразличное, потустороннее пользе и вреду, строительству и разрушению, применимое кем угодно для любых целей. Требуется человечество, которое ... даст существу новоевропейской техники и ее метафизической истине овладеть собою, чтобы так непосредственно самому направлять и использовать все отдельные технические процессы и возможности. Безусловно, такой “механической экономике” соразмерен, в смысле ницшевской метафизики, только сверх-человек, и наоборот: такой человек нуждается в машине для учреждения безусловного господства над Землей» [221, с. 285–286].

Возвращаясь к словам Гранта о том, что «“технология” – не столько машины и инструменты, сколько то представление о мире, которое руководит нашим восприятием всего существующего», добавим, что представление о мире формируется в рамках определенного образа жизни, одновременно отражая и поддерживая этот образ жизни. Образ жизни определяется объективными возможностями и субъективными приоритетами, при этом последние играют решающую роль, но только в пределах наличных возможностей. Технологии позволяют в значительной мере (но не бесконечно) расширить сферу возможного, однако реализация этих возможностей происходит в рамках образа жизни.

Поэтому проблемы, порождаемые образом жизни, не могут быть решены исключительно за счет использования новых технологий. Более того, внедрение новых технологий, определяемое

прежними приоритетами, может дать дополнительные возможности для продолжения привычного образа жизни и, соответственно, углубления порождаемых им проблем. В отношении антропогенных экологических угроз это означает, что они не могут быть преодолены технологическим путем при сохранении образа жизни «иметь» [141; 140; 83 и др.].

Развитие этого положения находим у Э. Ласло (1991): «В конечном счете, требуемое усилие [для снижения концентрации CO₂ в атмосфере] предполагает глубокий и радикальный сдвиг в ценностях и мотивациях, которыми руководствуются люди. До тех пор, пока обитатели пригородов будут настаивать на своем праве ездить на личных машинах на работу, за покупками или в поисках развлечений, содержание CO₂ в атмосфере будет расти; до тех пор, пока люди будут отдавать предпочтение овощам без единого пятнышка, фермеры будут использовать на своих полях пестициды; до тех пор, пока средний потребитель будет предпочитать жареное мясо и требовать мебель из красного дерева, лесные массивы во всем мире будут сокращаться» [118, с. 21].

Но если разработка и внедрение технологий будут определяться проэкологическими приоритетами, тогда технологии могут стать адекватным средством для решения экологических проблем и поддержания проэкологического образа жизни «быть». Однако и в этом случае остается проблема *самобытия* технологии в жизненном пространстве субъекта, когда субъект относится к технологии как к инстанции, продуцирующей его собственные жизненные смыслы и, тем самым, делегирует ей ответственность за свои решения. Иначе, это проблема «управления технологией и обретения свободы в условиях тотальной технологической обусловленности» [180], которую наиболее четко сформулировал Хайдеггер.

Хайдеггер использовал специальный термин «постав» для обозначения ментальной установки, побуждающей субъекта «выводить действительное из его потаенности способом поставления его как состоящего в наличии» [221, с. 536]. Согласно Хайдеггеру, чтобы реализовать возможность управления техникой, человеку следует обратиться к своим сущностным смыслам: «существо человека должно сперва открыться существу техники, что по смыслу события есть нечто совсем другое, чем процесс принятия и развития людьми техники и ее средств. И чтобы человек стал внимателен к существу техники, чтобы между техникой и человеком в их сущностной глубине окрепло неповерхностное отношение, для этого человек, каким он стал с Нового времени, должен сперва, опомнившись, снова ощутить широту своего сущностного

пространства» (цит. по: [204]).

Об этом же пишет В. М. Розин (1999): «Технология в широком понимании является сверхсложной органической системой. Хотя в нее встроены искусственные механизмы (например, формы осознания и системы социального воздействия), думать, что с их помощью можно управлять или просто контролируемо влиять на технологическое развитие, было бы наивным. По сути, решение состояло бы в том, чтобы поменять наш тип цивилизации на другой, более осмысленный и безопасный. Но цивилизация не объект демиургических действий, да и где взять нужного демиурга? Проблематичными являются даже более простые усилия, например, направленные на преобразование отдельных социальных институтов. Выход один – начать с себя, единственная надежда – на думающую личность» [204].

Слова Хайдеггера о «сущностном пространстве» В. М. Розин связывает с «высшими ценностями», которым должны быть подчинены ценности «менее значимые – комфорта, власти над природой, власти над миром» [204]. Понять, что представляют собой, по мнению автора, высшие ценности, позволит следующий отрывок:

«Рано или поздно кризис техногенной цивилизации станет всеобщим, игнорировать его уже не удастся в силу катастрофических последствий и техногенных разрушений. Здесь личность и скажет свое слово. Ради сохранения жизни на земле, спасения природы и животных, ради себя и своих близких люди (сначала немногие, а затем постепенно тысячи и миллионы остальных) пойдут на отказ от многих ценностей и привычек прошлой жизни и, напротив, вновь откроют ценности простой здоровой жизни, разумных ограничений, необходимости отслеживать результаты своей деятельности и прочее. Человеку, чтобы сначала выжить, а затем жить и развиваться нормально, придется создать новую мораль, например, отказаться от всех проектов, угрожающих природе или культуре, научиться по-новому использовать технику и технологию (не теряя над ней контроль), полностью перестроить свои интересы и характер деятельности. Главным станет не рост благосостояния, комфорта, силы на основе техники и технологии, а безопасное развитие, контроль над собственными средствами, поиск необходимых условий и ограничений. В их число, судя по всему, войдет контроль над рождаемостью, поддержание только тех стандартов потребления, которые обеспечивают здоровый образ жизни, разумное использование технических средств и изделий» [там же].

Автор полагает, что подобно тому, как распад Римской империи сопровождался оформлением и распространением раннехристианской ценностной парадигмы, так и в обозримом будущем катастрофические события и техногенные разрушения, сделав актуальной проблему выживания, подтолкнут людей к принятию новой системы ценностей, основанной на принципах рациональности.

Еще в 1972 г. авторы «Пределов роста» призвали пересмотреть приоритеты, прежде чем объективная ситуация вынудит человечество отказаться от прежнего образа жизни [141]. Такая сознательная инвентаризация жизненных смыслов должна была повысить шансы на то, что процесс перехода к иному образу жизни будет контролируемым и более успешным, поскольку, чем раньше люди инициируют изменения, тем выше эти шансы, и наоборот:

«В 1972 г. казалось, что население и мировая экономика с большим запасом вписываются в пределы емкости планеты. Мы считали, что еще достаточно времени для безопасного продолжения роста и одновременного анализа долгосрочных перспектив. Наверное, в 1972 г. так оно и было, но к 1992 г. все изменилось» [140, с. 18].

По мере углубления экологического кризиса, призывы отказаться от ценностей потребления и перейти «в режим экосбережения» звучат все чаще.

В расстановке акцентов при подборе аргументов в пользу изменения образа жизни прослеживаются две тенденции: подчеркивание негативных последствий образа жизни «иметь» и акцентирование позитивных смыслов образа жизни «быть». При этом используются методы рационального и эмоционального воздействия.

Притом, что многие авторы стараются одновременно раскрыть негативные смыслы гонки потребления и указать на позитивные смыслы ценностей бытия, как правило, одна из мотивировок занимает доминирующее положение, отражая смысловые диспозиции самих авторов. Так, в «Пределах роста», представлявших результаты компьютерного моделирования процессов мирового развития, основным лейтмотивом звучала тема неизбежных ограничений, поскольку математическая экстраполяция существующих тенденций предвещала системный коллапс. Даже стремясь показать возможности плавного управляемого перехода к новому пути развития, авторы использовали *рациональную* аргументацию, чтобы убедить читателя в гибельности продолжения прежнего образа жизни.

Установка на методы рационального воздействия отрефлексирована в комментарии членов Римского клуба к докладу «Пределы роста»: «Мы убеждены, что осознание количественных ограничений возможностей окружающей природной среды и трагических последствий превышения их предельного уровня является необходимой отправной точкой для возникновения новых форм мышления, которые приведут к основательному пересмотру существующих образцов человеческого поведения и как следствие всего существующего на сегодняшний день общественного устройства» [141, с. 196].

Альтернативный подход, опирающийся на обращение к эмоциональной сфере собеседника, доминирует в глубинной экологии и экопсихологии. В 1973 г. Арне Нейсс формулирует концепцию глубинной экологии, в которой предлагается путь к изменению образа жизни современного человека через осмысление собственного «Я» и идентификацию с природным миром, что ведет к избавлению от понятий «объект» и «субъект» (по: [242; 196]). Потребительское отношение к природному миру, разрыв энергетической (смысловой) связи человеческой личности с Землей приводят к духовному опустошению личности. Желая заполнить этот смысловой вакуум, человек обращается к тем средствам, которые услужливо предлагает рынок: «Боль и экзистенциальные устремления становятся предпосылками для новых иллюзий улучшения жизни в результате роста материальной культуры. Часто по этой причине именно могущественные экономические интересы поддерживают у нас ощущение неудовлетворенности» [155]. Восстановление глубинной связи с Землей должно привести к постижению внутренней ценности нечеловеческих существ и побудить к новому образу жизни в гармонии с природой, к снижению материальных потребностей, сохранению дикой природы. Нейсс делает акцент на позитивных эффектах, связанных с переходом к новому образу жизни, и использует для этого понятие «качество жизни».

6.1.5. Экологические смыслы качества жизни

Термин «качество жизни» стал синонимом прогресса в индустриально развитых странах в 1960-х гг. благодаря книге Дж. Гэлбрейта «Общество изобилия». Одной из первых работ, выводящих это понятие на операциональный уровень, была «Политика и стадии роста» У. Ростоу (W. W. Rostow, 1971). По мнению Ростоу, вслед за достигнутой к тому времени стадией массового потребления последует новая стадия, определяемая как «поиск качества» (по: [42]). Особенности этой новой стадии должны стать, на взгляд автора, экономический рост, социальное благосостояние, законность и порядок, безопасность и благоприятная среда.

В 1970-х понятие «качество жизни» стали широко использовать политики, представители общественных движений, публицисты. В инвайронментальной литературе разрабатывалась концепция «экологического качества жизни». О качестве жизни и его зависимости от качества окружающей среды говорилось в Декларации Стокгольмской конференции ООН 1972 г. [48]. Благодаря

инвайронментальному движению и международным документам, в те годы качество окружающей среды стало одним из важных критериев при оценке общего качества жизни.

Значение экологических показателей в оценке качества жизни подчеркивали также экономисты. Так, по оценке К. Каппа на 1972 г., угрозы, связанные с ухудшением окружающей среды, значительно превосходили те выгоды, которые проявлялись в росте валового дохода и в росте продолжительности жизни [370]. Считая, что деградация окружающей среды опережает рост уровня жизни населения в развитых странах, автора делал вывод об ухудшении качества жизни в целом. Таким образом, именно состояние окружающей среды рассматривалось Каппом как ключевой фактор, определяющий качество жизни. (В конце XX века благодаря работам Н. Daly (1999) и др. в экологической экономике оформилось специальное понятие «неэкономный рост» (*uneconomic growth*) для описания экономического роста, ведущего к снижению качества жизни в результате «социальных и экологических жертв».)

Поскольку ухудшение природной среды было «побочным» результатом экономического роста, обеспечивающего рост материального потребления, формулировалась проблема выбора между качеством среды и уровнем жизни [42]. Тем самым качество жизни приобретало амбивалентное значение, связываясь с ценностно-смысловым конфликтом: благополучное состояние окружающего мира – материальный комфорт и благополучие самого субъекта. Легко заметить, что основу такого конфликта составляет субъективное отождествление эмоционального и материального благополучия. Развитие технологий и стимулирование потребления способствовали решению этого внутреннего конфликта путем сведения экологических проблем к проблеме создания комфортного (в материальном аспекте) окружения за счет приобретения товаров, позволяющих нейтрализовать экологические угрозы. Качество жизни и удовлетворенность жизнью сводились, таким образом, к качеству потребления. Объективные результаты такого решения проблемы качества жизни проявлялись в углублении экологического кризиса, общем ухудшении состояния окружающей среды и росте социально-экономической напряженности, а значит – в снижении показателей качества жизни в целом. Вместе с ними снижалась и субъективная удовлетворенность жизнью (как уже упоминалось, начиная с конца 1950-х, рост уровня жизни в США сопровождался падением удовлетворения от жизни [3]).

Однако возможен другой вариант решения смыслового конфликта «благополучное состояние окружающего мира – материальный комфорт и благополучие самого субъекта». Описанная смысловая оппозиция может трансформироваться в проблему психологического благополучия личности, как переживания полноты и радости жизни. При таком подходе становится актуальным вопрос о сущности и подлинных источниках подобных переживаний. (Неслучайно в последние десятилетия в психологии оформилось самостоятельное направление – психология субъективного благополучия (well-being), предметом изучения для которой являются переживание счастья, психологическое здоровье, самодетерминация личности.) Обращение к природе как источнику жизненного благополучия позволяет объединить смыслы внешнего и внутреннего благополучия субъекта и выстроить перспективы экологически ориентированного развития личности. Этот подход получил развитие в экофилософии, экопсихологии, а также в ряде работ, выполненных в рамках психологии экосохранения (устойчивого развития). Также на этот путь вышли авторы «Пределов роста» в работах, выполненных спустя 20 и 30 лет после рубежного 1972 г. [140].

Экологические смыслы качества жизни заняли одно из центральных мест в глубинной экологии. В одном из своих поздних обращений к читателям, 95-летний А. Нейсс подчеркивает, что приоритетным для понимания человека в глубинной экологии является его стремление к лучшему, обретение им радости жизни [155].

Стремление к лучшему раскрывается как желание лучшей жизни для всех людей и всех живых существ: «Мы верим, что переворот в сознании с последующим ограничением человеческой деятельности не обязательно означает ухудшение качества жизни. Побудительным мотивом такого “глубинного” мышления является вера в то, что люди не находятся в конце своего эволюционного пути... Качество жизни – основополагающее понятие глубинной экологии. Что такое качество жизни? Какого рода переживания дают жизни наивысшее качество? Как соотносится качество нашей жизни с качеством жизни других существ?.. Мы полагаем, что качество жизни и радость жизни взаимосвязаны. Лучшее качество жизни может привести к большей радости жизни и благополучию. И наоборот. В данный момент качество жизни находится под угрозой. Прежде всего, ему противодействует ненасытная жажда обладания материальными вещами и дорогими удовольствиями. Мы называем жажду «ненасытной», потому что она в большой степени является продуктом индустриального развития, и потому что она уводит от простых, жизненно важных и наиболее щадящих окружающую среду желаний и потребностей» [там же].

Качество жизни Нейсс связывает с образом жизни, реализующим те или иные ценностные устремления людей: «Общая скудость ума и жажда выгоды жестко связаны с ухудшением качества жизни людей. В самом худшем случае нас ожидает полный коллапс и истребление жизни на Земле... Понятие “качество жизни” требует, чтобы наше мышление и эволюция ориентировались на качественное улучшение жизни на Земле» [там же].

В контексте отношений человека с природным миром рассматривается проблема психологического здоровья и субъективного благополучия в экopsихологии [434; 314].

Сверхпотребление, злоупотребление окружающей средой в индустриальном обществе оцениваются как очевидные проявления коллективного невроза. Это следствия того, что баланс между человеческим и нечеловеческим миром, обеспечивающий душевное здоровье в традиционных обществах, игнорируется в индустриальном обществе. Игнорирование экологических аспектов бытия порождает смысловой вакуум, заполнить который можно через восстановление «экологической Самости», через обращение к экологическому бессознательному. Росзак полагает, что для преодоления отчуждения между человеком и природным окружением следует возродить врожденное чувство экологической взаимосвязанности. В этом поможет опора на детские переживания, на «анимистический опыт» (мистика, искусство, опыт приобщения к дикой природе, откровения глубинной экологии).

К огромному восстановительному и творческому потенциалу, реализуемому благодаря приобщению человека к природному миру, обращаются не только представители неклассических направлений и психотерапии, но также и психологи академической ориентации. В частности, Р. Де Янг (2010), говоря о предстоящей неизбежной перемене образа жизни в результате климатических изменений, рассматривает способы поддержания у людей эмоциональной стабильности и способности саморегуляции в этот непростой период [297]. По сути, речь идет о способах поддержания психологического здоровья и субъективного благополучия, а значит – обеспечения необходимого качества жизни. В этом контексте Де Янг пишет о восстановлении утраченной (в перегруженном массовыми коммуникациями «обществе изобилия») способности управлять вниманием – с помощью такого простого средства, как прогулка на открытом воздухе: следить за естественным природным окружением, наблюдать, запоминать, отслеживать изменения.

Д. Медоуз и соавт. также останавливаются на «способах, которые помогут перейти к устойчивости – не единственно возмож-

ных, но действенных» [140, с. 292]. Когда ход событий показал, что методы рационального воздействия – рациональный анализ ситуации, сбор данных, системное мышление, компьютерное моделирование и максимально четкое изложение информации – мало эффективны для продвижения изменений в образе жизни, встал вопрос о других инструментах влияния. Поиск таких средств привел авторов – представителей точных и естественных наук – к неожиданным для них результатам:

«В 1992 г. мы отмечали, что испытываем сомнения, обсуждать ли их, поскольку не были экспертами в их применении и поскольку не так-то легко подбирать слова, которые нужно при этом использовать, ведь профессорам и ученым свойственна академическая манера изложения. Эти слова казались слишком “ненаучными”, чтобы циничная публика приняла их всерьез.

Так что же это за пять способов, из-за которых нам пришлось преодолевать нерешительность? Вот они: **умение видеть, создание групп единомышленников, правдивость, обучение и любовь** [выд. – И. К.].

Этот список выглядит наивно, особенно в сравнении со сложностью изменений, которые предстоит осуществить. Однако каждый из пяти пунктов участвует в целой сети из контуров положительной обратной связи. Поэтому их последовательное сознательное применение, пусть даже все начнется с относительно маленькой группки людей, в конце концов может привести к огромным изменениям, в том числе и к глубинному изменению существующей системы» [там же].

*Заметим, что о «корректорах», позволяющих восстановить контуры обратной связи, в конце 1960-х писал Г. Бейтсон, относя к таковым **любовь, искусство, контакты между человеком и животными, человеком и природой, а также религию** [10].*

Раскрывая суть названных пяти способов, Медоуз и соавт. предлагают свою визуализацию будущего, вскрывают ложность распространенных стереотипов и выстраивают альтернативные им представления. Их модель желаемого будущего предполагает среди прочего гармоничное включение людей в экосистемы; соотношение материального потребления с несущей способностью экосистемы; братскую любовь – к человечеству, к природе и к планете, открытость людей новому опыту, самостоятельность в суждениях. Авторы во многом воспроизводят описание *способа жизни «быть»* (Э. Фромм) и взгляды представителей гуманистической психологии на «полноценно функционирующую»/саморазвивающуюся личность (или же взгляды позитивной психологии на психологически здорового самодетерминирующегося субъекта). В целом авторы стремятся выстроить позитивный образ *качест-*

венной жизни, привлекающий гармонией отношений, творческим напряжением и здоровым окружением.

Д. Медоуз с соавт. стремятся показать, что изменения в образе жизни не могут ограничиться, хотя и необходимыми, но недостаточными действиями по борьбе с загрязнением среды, повторной переработке, защите дикой природы и т. п. Более важными им представляются внутренние личностные изменения, формирование нового отношения и нового качества жизни. Описывая свои 5 средств для формирования контуров положительной обратной связи (позволяющих максимально быстро реагировать на изменения в окружающей среде и вносить коррективы в свои действия), авторы опираются на имплицитное представление о нравственной и ответственной личности. (Как подчеркивал Ролстон, «предписание осуществлять рециркуляцию имеет технический характер, если оно делается в рамках экологической необходимости, но оно же становится нравственным, как только вводится предпосылка нравственного долга» [181, с. 71].) Однако Медоуз и соавт. последовательно избегают использования терминов «нравственность», «долг» и т. п.

Медоуз и соавт. многократно подчеркивают: выстраивая образ будущего, каждый человек и человечество в целом делают свой выбор. Авторы рассматривают три возможные ментальные модели, организующие представления субъекта о происходящих в мире процессах и определяющие направленность его усилий. Останавливаясь на модели мира с неограниченными для людей возможностями, позволяющими сколь угодно долго продолжать образ жизни «иметь», субъект включается в гонку потребления и поддерживает такое развитие событий, при котором «результатом будет катастрофа» [140, с. 303]. «Другая мысленная модель предполагает, что пределы существуют, что они совсем рядом, что времени нет, что люди не смогут умерить свои аппетиты, проявить ответственность и сочувствие. Или смогут, но будет уже поздно. Эту модель легко воплотить в жизнь – она даже может воплотиться сама, если в нее поверить. Результатом тоже будет катастрофа» [там же]. Таким образом, вторая модель включает представления сразу о двух непреодолимых препятствиях для дальнейшего развития, связанных с нехваткой ресурсов: внешних природных ограничениях для продолжения образа жизни «иметь» и внутренних психологических барьерах на пути к новому образу жизни «быть». Третья модель базируется на двух положениях: об экологических ограничениях для материального роста и о наличии значительных психологических ресурсов у людей для своевременного изменения ими образа жизни. Именно такой моделью мира руководствуются сами авторы:

«у нас достаточно человеческих качеств, чтобы претворить в жизнь плановое сокращение нагрузки на окружающую среду со стороны человека, чтобы осуществить переход к устойчивому развитию и миру, который для большинства людей будет лучше, чем сегодняшняя действительность».

Такой сценарий тоже может оказаться неосуществимым. Однако... такой переход возможен. Чтобы проверить это, у нас нет другого способа, кроме как попытаться претворить его в жизнь» [там же, с. 304].

Говоря о выборе ментальной модели, авторы подразумевают субъекта, делающего свой выбор и, тем самым, принимающего на себя ответственность за последствия своих действий или бездействия. Тема экологической ответственности субъекта – это еще одна зона потенциального смыслового конфликта, которая выделяется в сфере нравственной регуляции поведения.

Подводя итог обсуждению темы прогресса и его связи с образом жизни, обратимся к словам Э. Фромма, написанным в конце 1970-х:

«Расцвет культуры позднего средневековья связан с тем, что людей вдохновлял образ *Града Божьего*. Расцвет современного общества связан с тем, что людей вдохновлял образ *земного Града Прогресса*. Однако в наш век этот образ превратился в образ Вавилонской башни, которая уже начинает рушиться и под руинами которой в конце концов погибнут все и вся. И если Град Божий и Град Земной – это *тезис* и *антитезис*, то единственной альтернативой хаосу является новый *синтез*: синтез духовных устремлений позднего средневековья с достижениями постренессансной рациональной мысли и науки. Имя этому синтезу *Град Бытия*» [219].

6.2. Альтруизм и самоограничение

Альтруизм рассматривается многими авторами как необходимое условие преодоления экологических проблем и ведущий мотив экологически ответственного поведения. При этом «альтруизм» используется преимущественно как этическая категория, содержание которой раскрывается в оппозиции «эгоизм – альтруизм». Такая оппозиция предполагает конфликт интересов: индивидуальных/личных и общих (интересов группы, сообщества, вида). Как отмечают Де Янг (2000) и Каплан (2000), альтруизм устойчиво связывается с необходимостью самоограничений, самопожертвования, ущемления собственных интересов и с заботой о нуждающихся в помощи [296; 369]. То есть выстраивается система бинарных оппозиций (в терминологии Леви-Стросса [119]): эгоизм – альтруизм, личные – общественные интересы, удовольствие – самопожерт-

вание/самоограничение, забота о себе – забота о других/самоотречение. При такой односторонней интерпретации альтруистические действия переводятся в разряд хотя и высоконравственных, но исключительных, нетипичных для повседневности поступков. Соответственно, тот, кто готов к постоянному самопожертвованию и ожидает того же от окружающих, попадает в число маргиналов, пренебрегающих интересами этих окружающих. Формируется стереотип «сурового защитника окружающей среды», а экологически ответственное поведение ассоциируется с ухудшением жизненных условий, снижением общего качества жизни [369].

Можно говорить о своего рода смысловой ловушке: предлагаемые смыслы проэкологичного поведения, как альтруистичной заботы об абстрактных общих интересах, инвертируются в смыслы игнорирования личных интересов конкретных людей. Тем самым нейтрализуется «моральное давление» альтруизма. (Ради абстрактных других от тебя требуют пожертвовать собственными интересами, демонстрируя пренебрежение твоими собственными интересами и правами.) Соответственно, представления об экологическом движении могут связываться с представлениями о нарушении гражданских свобод. В связи с этим ставится вопрос: может ли альтруизм служить достаточно действенной основой для массового перехода к экологичному образу жизни? Или же следует искать другие основания, в большей степени соответствующие жизненным реалиям?

Двойственное отношение к альтруизму наглядно прослеживается в первом отчете Римского клуба [89]. А. Кинг и Б. Шнайдер, связывая альтруизм с жертвенностью и ростом мудрости, вынуждены отнести его к числу неординарных личностных и общественных проявлений, а поиск иных побудительных сил для изменения направления общественного развития приводит их к эгоизму:

«Развитие требует жертв от всех нас, а его результаты увидят только будущие поколения. Надо не только призывать к альтруизму, но и поддерживать равновесие между экономическим ростом и состоянием природной среды, между развитием и справедливым мировым порядком. Сама жизнь показывает, что мир надо изменить, иначе он погибнет. А чтобы немедленно начать работу, мы должны полностью перестроить свое поведение и мышление...

Наше стремление создать общество устойчивого развития сопровождается требованием, чтобы мы изменили образ жизни в промышленно развитых странах в сторону уменьшения потребления... Мы должны подчеркнуть важность личной позиции, которая определяет

характер самого общества, его функционирование и его этику. Существенный рост мудрости достигается только путем внутреннего развития личности. Все великие религии пытались реализовать это в течение веков, но, увы, с малым успехом. Мы, следовательно, не должны уповать на чудо. Для формирования солидарности мы должны взять в потенциальные союзники нашу биологическую природу и наш эгоизм. Для большинства людей эгоизм на самом деле не сводится к их личной судьбе, а распространяется на судьбу их детей и внуков, так что на этой основе можно строить заботу о будущих поколениях. Однако это должна быть позиция просвещенного и разумного эгоизма, проникнутого не только пониманием предназначения человека, связанных с этим надежд, но и представлением об угрозах» [89].

Эгоизм рассматривается здесь как первичная, эволюционно закрепленная, поведенческая характеристика человека, обеспечивающая реализацию видовых (популяционных, семейных) интересов. По сути, речь идет о видовом эгоизме, который авторы и предлагают считать просвещенным и разумным, в отличие от эгоизма индивидуального:

«Эгоизм присущ всем биологическим видам, он обеспечивает выживание, размножение, процветание и превосходство вида. Он служит также движущей силой нововведений и прогресса. Но в то же время он может проявляться в виде алчности и антисоциального поведения, жестокости, страсти к власти, эксплуатации и подавления других. Борьба между положительными и отрицательными аспектами эгоизма есть суть той Фаустовой драмы, которую мы все переживаем. ...табу надо снять и честно признать существование и силу как положительных, так и отрицательных аспектов индивидуального и коллективного поведения. А для утверждения подхода, основанного на просвещенном и разумном эгоизме каждого жителя этой маленькой планеты, надо обеспечить устойчивое физическое и социальное окружение для нас и наших потомков» [89].

Из заключительного пассажа в приведенной выше цитате следует только то, что для реализации эгоистических интересов людей как биологического вида необходима экологическая устойчивость, однако вопрос о путях достижения этой устойчивости остается открытым. Сами же авторы признают, что индивидуальный эгоизм – неподходящее средство для решения этой проблемы, и полагаются на то, что осознание нависших над человечеством угроз поможет видовому эгоизму взять верх над эгоизмом индивидуальным. Что касается понятия видового эгоизма, проникнутого «пониманием предназначения человека, связанных с этим надежд» и ориентированного на интересы будущих поколений, можно заметить, что

оно приближается к тому, что в эволюционной и социальной психологии принято обозначать термином «альтруизм» [129].

Не останавливаясь здесь на соотношении понятий видового эгоизма как поведения, реализующего видоые интересы, и альтруизма как поведения, реализующего интересы сообщества, рассмотрим, действительно ли описанная выше система бинарных оппозиций раскрывает психологическое содержание экологически ответственного поведения? Или иначе, действительно ли ориентация на общественные проэкологические интересы неизбежно связана с отказом от собственных интересов, забота о других означает отказ от собственного благополучия, а самоограничение/самопожертвование не позволяет радоваться жизни? Требуется ли экологичный образ жизни отказа от личных интересов и, наоборот, означает ли *неэкологичный* образ жизни, ориентированный на рост потребления, реализацию личных интересов?

Проблема личного интереса в контексте соотношения эгоизма и альтруизма была рассмотрена Э. Фроммом [220]. Анализируя развитие представлений о личном интересе, начиная от Реформации и заканчивая второй половиной XX в., Фромм показывает, что образ жизни в современном индустриальном обществе опирается на искаженное понятие личного интереса. Требование кальвинизма об отказе от собственных влечений и следовании высшей воле лишилось духовного содержания и, смешавшись с представлением о добродетели как о поиске полезного для себя, привело к превращению индивида в инструмент промышленного прогресса. «Результатом явилось то, что современный человек *живет* в соответствии с принципом самоотрицания, а *мыслит* в терминах своекорыстия. Он полагает, что действует ради *своих* интересов, когда на самом деле его первостепенная забота – это деньги и успех; он обманывает сам себя в том смысле, что его наиболее важные, значительные возможности остаются нереализованными, и он теряет себя в поисках того, что, как он считает, является для него наилучшим» [220, с. 95]. Однако, добавим, человек теряет не только себя; он теряет саму основу человеческого существования, участвуя своим образом жизни в уничтожении природного мира. Таким образом, и на психологическом, и на экологическом уровнях *неэкологичный* образ жизни препятствует реализации подлинных интересов личности.

Экологичный образ жизни по определению отвечает объективным «экологическим интересам» личности (хотя можно спорить о

том, насколько реализуем этот образ жизни и какими должны быть его конкретные проявления). Что касается субъективного аспекта личного интереса, то практически все авторы, «проповедовавшие» проэкологическое поведение, подчеркивали эмоциональные и духовные «дивиденды» отстаиваемого ими образа жизни. Так, А. Лепольд акцентирует именно позитивные эмоциональные аспекты жизни, отвечающей принципам этики земли, такие как чувство общности, переживание полноты и гармоничности бытия. Также А. Швейцер, хотя и не в эксплицированном экологическом контексте, дает эмоциональное обоснование заботы об общем благе: «Как деятельное существо, человек вступает в духовные отношения к миру, проживая жизнь не для себя, но вместе со всей жизнью, которая его окружает, чувствуя себя единым целым с нею, соучаствуя в ней и помогая ей, насколько он может. Он ощущает подобное содействие жизни, ее спасению и сохранению как глубочайшее счастье, к которому он может оказаться причастен» [237, с. 28]. Здесь же можно вспомнить Ж.-Ж. Руссо, дающего яркое описание своих переживаний: «Я испытываю неизъяснимые восторги, взлеты, растворяясь, так сказать, в системе живых существ, отождествляясь со всей природой» (цит. по: [119, с. 27]). В последнем примере, также как и в глубинной экологии, экпсихологии, экотерапии и близких им направлениях, источником мощных положительных переживаний служит природный мир и непосредственные контакты с ним. Однако в контексте глобальных экологических проблем *экологизация* образа жизни в индустриальном обществе проходит не только (и не столько) по линии непосредственного взаимодействия с природным миром, сколько в направлении сокращения потребления и ресурсосбережения. Поэтому позитивных эмоциональных сдвигов, обусловленных прямыми контактами с природным окружением, может оказаться недостаточно для поддержания регулярных экосберегающих действий, требующих от субъекта определенных самоограничений и самоконтроля.

Чтобы противостоять негативным ожиданиям в отношении альтруизма, связываемого с самоограничениями, Де Янг предлагает такую его трактовку, которая позволяет объединить мотив заботы о других со стремлением к удовольствию: «Если мы исходим из более традиционного определения альтруизма, как бескорыстной заботы о других, часто требующей личных жертв, а внутреннее удовлетворение связываем с действиями, выполненными из непосредственных личных и, можно сказать, корыстных побужде-

ний, тогда очевидно, что речь идет о совершенно разных мотивах. Если, однако, используется альтернативное определение, а именно, что альтруизм включает получение удовольствия от заботливого поведения, тогда это будут связанные мотивы» [296, с. 516].

Однако забота о других может не только приносить удовлетворение, но также порождать сомнения и требовать самоограничений. Счастье, основанное на самопожертвовании, может быть сопряженным с негативными переживаниями, которые оказываются не всегда по силам даже для таких великих энтузиастов, как А. Швейцер: «С трудом несу я свой груз усталости и ответственности, годами сгибающий мои плечи. Мало что из моей жизни могу я уделить для себя самого. ... Но мне даровано счастье служить милосердию, видеть плоды своего труда, ощущать любовь и доброту людей, иметь рядом верных помощников... И я считаю также подарком судьбы, что мне дано осознать все то счастье, что выпало на мою долю, и не сетовать на жизнь за те жертвы, что я вынужден приносить во имя его» [237, с. 34]. Таким образом, одно только стремление к получению удовольствия может оказаться слабым мотиватором для преодоления барьеров, препятствующих в реальной жизни достижению общих проэкологических интересов. Возможность обращения к другим источникам мотивации рассматривают С. Каплан с соавторами [369; 368] и Р. Де Янг [296].

Каплан предлагает «модель разумного (reasonable) человека», полагая, что это позволит избежать ограничений, изначально свойственных альтруистическому подходу, связывающему альтруизм с самоотречением и самоограничениями. К таким ограничениям, помимо акцента на самопожертвовании, Каплан относит «разъедающие смыслы беспомощности», которые двояким образом могут быть связаны с экологически ответственным поведением. Во-первых, альтруистическая забота об общественных экологических интересах может вызвать ощущение беспомощности и закрепить экологически негативные способы действий у пассивных членов сообщества. (Аналогично тому, как чрезмерная социальная помощь престарелым людям может дать негативные эффекты в виде полного отказа реципиентов от самообслуживания.) Во-вторых, буквально воспринятое требование заботиться об общественных интересах на глобальном уровне неизбежно ведет к ощущению тщетности собственных усилий и тоже приводит к переживанию беспомощности.

Переживание беспомощности запускает в действие механизмы психологической защиты, такие как искажение, отрицание, рационализация (информации экологического содержания), проекция (собственных экологически деструктивных побуждений на других участников экологического процесса, не только людей, но и других животных и экосистемы в целом) и т. п. Действие защитных механизмов может временно ослабить напряжение, но, как отмечает В. Хёсле, возможно вторичное чувство вины из-за отсутствия непосредственного чувства вины [225, с. 83]. В целом же итогом переживания беспомощности становится закрепление экологически деструктивных форм поведения и, соответственно, усугубление существующих проблем. И напротив, ощущение своей способности оказывать воздействие на экологическую ситуацию повышает вероятность экологически ответственного поведения [260].

Выдвигая модель «обладающего разумом человека», Каплан преследует три цели: обеспечить длительный источник побуждения, нейтрализовать разъедающий смысл беспомощности, генерировать инновационные решения, которые не будут ассоциироваться с угрозами для качества жизни [369, с. 491]. Решения, предлагаемые автором, предполагают:

- разумное планирование изменений в экологически значимом поведении населения (на уровне государственных учреждений и общественных организаций);
- привлечение населения к выработке экологически значимых решений; делегирование группам населения экологической ответственности;
- создание условий, при которых преимущества экологически ответственного выбора будут для людей очевидными.

Собственно, речь идет о том, чтобы люди пережили и осмыслили связь, существующую между их личными интересами и экологическими интересами сообщества, и поняли, что позитивные экологические сдвиги означают повышение качества жизни. При этом людям необходимо видеть возможность реализовать эти «экологические интересы» в конкретных доступных действиях и видеть, что другие люди также присоединяются к этим действиям. Мощными мотивами, на которые можно опереться в продвижении экологически ответственного поведения, Каплан считает стремление к компетентности, потребность быть необходимым для других, быть неповторимым, а также желание улучшить качество жизни [369]. В свою очередь, Де Янг называет четыре источника внутреннего удовлетворения, которые могут быть использованы

для поддержки экологически ответственного поведения: поведенческая компетентность; скромное, вдумчивое потребление; участие в действиях, важных для сообщества; а также наслаждение некоторыми из «излишеств» нашего общества [296].

Перечисленные мотивы, так же как ряд других мотивов, несомненно, могут включаться в альтруистическую регуляцию проэкологической деятельности. Однако все они могут быть реализованы и в других формах активности, вплоть до экоразрушительных.

Существуют ли специфические мотивы альтруистического поведения? Согласно одному из современных подходов, «истинный альтруизм – это любовь, совмещенная с опытом жизни, это внимательное и понимающее отношение к тем, по отношению к кому мы хотим быть альтруистами, это установка на совершение добра, которая должна быть осознана и отрефлексирована» [85]. Более широкую трактовку собственно альтруистических побуждений дал более века назад Петр Кропоткин: «Любовь, симпатия и самопожертвование, конечно, играют громадную роль в прогрессивном развитии наших нравственных чувств. Но общество ... жидется вовсе не на любви и даже не на симпатии. Оно жидется на сознании – хотя бы инстинктивном – человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно жидется на бессознательном или полусознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех и на чувстве справедливости или беспристрастия, которое вынуждает индивидуума рассматривать права каждого другого, как равные его собственным правам» (цит. по: [8, с. 299]).

Заметим, что в целом понятие альтруизма, в силу закрепившихся за ним разнообразных этических, этологических, эволюционных, социально-психологических смысловых переплетений, нелегко поддается операционализации. Как мы увидели, одно из уязвимых мест концепции альтруизма, рассмотренной в контексте психологии экосохранения, это требование самопожертвования. Однако именно самопожертвование чаще всего выдвигается в качестве существенного признака альтруистического поведения. В частности, В. Р. Кейсельман предлагает такое определение: «Альтруизм – поведение особи, направленное на собратьев по виду и связанное со значительной уступкой ресурса в пользу более ценного с точки зрения самой особи объекта» [85]. Далее автор подчеркивает: «Альтруизм всегда связан со значительной уступкой

ресурса, предусматривает значительное эмоциональное, физическое или психическое напряжение и ситуативно дезадаптирует альтруиста» [там же]. Обратим внимание на связь альтруистического поведения и распределения ресурса, поскольку, как показывает проведенный выше обзор, ресурс есть ключевое слово для понимания причин, развития и последствий антропогенного глобального экологического кризиса. Еще один значимый момент – это ограничение альтруистического поведения рамками биологического вида: альтруизм направляется только на «собратьев по виду».

Приведенное определение альтруизма базируется на трех допущениях: особь воспринимает и оценивает ресурс как свой собственный; особь имплицитно противопоставляет себя другому, более ценному «объекту» (другой особи, семейной группе, сообществу, Эго-Идеалу и т. п. [там же]); альтруизм направляется только на собратьев по биологическому виду. Однако в основу анализа альтруистического поведения можно положить другие допущения:

- субъект воспринимает и оценивает ресурс как общий;
- субъект идентифицирует свои интересы с групповыми;
- группа может объединять представителей разных видов.

В таком случае анализ альтруизма переносится из контекста конкуренции интересов (двух различных особей, особи и группы и т. п.) в контекст кооперации субъектов для реализации общих интересов. Возможно, при этом мы отнеснем на второй план драматическую героиню альтруизма – например, когда субъект жертвует своей жизнью ради спасения жизни другого/других. Но, во-первых, даже экстремальный альтруизм вполне объясним в контексте сотрудничества. А во-вторых, для решения глобальной проблемы экологической безопасности, затрагивающей интересы всех, требуются не отдельные вспышки самопожертвования, а последовательная, долговременная кооперация усилий всех членов сообщества. При этом границы сообщества, интересы которого субъект оценивает как свои собственные, могут расширяться далеко за пределы собственного вида: «когда Я расширяется до масштабов природной системы как целого, их интересы сходятся воедино. ... Эгоизм и альтруизм сливаются в своеобразное планетарное братство. Не сказать ли лучше, что эгоизм превращается в экоизм?» [181, с. 279].

Для психологического анализа проблемы экологической безопасности и неразрывно связанных с ней проблем проэкологического образа жизни нам представляется более продуктивным

оперировать понятиями «сотрудничество» и «конкуренция», а не «альтруизм» и «эгоизм». Вместе с тем, когда в центр рассмотрения выносятся нравственно-этические и/или ценностно-смысловые аспекты экологически значимого поведения, для создания более полной картины требуется обращение к смысловому спектру, задаваемому оппозицией «альтруизм – эгоизм».

6.3. Права и ответственность: экологический контекст

Как показывает проведенный обзор, тема ответственности устойчиво проходит через публикации, обращающиеся к антропогенным экологическим изменениям и поискам выхода из глобального экологического кризиса. Ответственность людей за происходящие изменения констатируется в международных документах. Само определение инвайронментализма предполагает ответственного субъекта, направляющего свои усилия на защиту окружающей среды [351, с. 198].

Проблема экологической ответственности сопряжена с проблемой соблюдения прав субъектов, интересы которых нарушаются в результате антропогенных экологических изменений. В литературе отмечается, что, поскольку эти изменения, в частности климатические изменения, касаются общего ограниченного ресурса, они могут и должны быть рассмотрены как этические проблемы [457; 491]. В целом решение глобальных экологических проблем связывается с формированием в социуме новых морально-этических норм, с активацией механизмов нравственной регуляции экологически значимого поведения людей:

«Наше сложное и гибкое поведение в значительной степени определено нашими окружающими средами, и особенно экстрагенетической информацией, воплощенной в наших культурах... Некоторые из самых важных продуктов человеческого культурного развития – этические проблемы, включая проблемы относительно нечеловеческих организмов и окружающей среды в целом. Культуры уже развились в направлении более широкой экологической этики, и этот процесс должен быть ускорен» [316, с. 32].

6.3.1. Нравственные аспекты экологически значимого поведения

Согласно разработанной в 1970-е гг. модели активации моральной нормы Ш. Шварца [447], люди будут с большей вероятностью делать выбор в пользу проэкологических действий, когда они знают об отрицательных последствиях действий противополо-

ложной направленности и при этом полагают, что они несут определенную ответственность за изменение проблемной ситуации. Вместе с тем, результаты психологических исследований указывают на связь между общими (лишенными экологической специфики) нравственными представлениями людей и их экологически значимым поведением. В качестве примера коротко остановимся на исследовании, проведенном в Мексике на выборке из 114 городских жителей (Corral-Verdugo et al, 2003 [291]). С помощью специального опросника выявлялась терпимость респондентов к антиобщественному поведению (таким действиям, как ударить, украсть, обмануть и т. д.); параллельно велось наблюдение за тем, насколько бережно (или расточительно) используют эти респонденты водные ресурсы (учитывались мытье автомобилей, дорожек двора, полив улицы перед домом и т. п.). В отличие от большинства исследований, где в качестве показателей поведения выступают самооценки испытуемых, в данном случае изучалось поведение в реальной повседневной жизни. Исследование показало, что терпимость к антиобщественному поведению прямо связана с антиэкологическим поведением, проявляющимся в трате водных ресурсов.

Анализ британского дискурса об изменении климата показал, что определенные виды индивидуального экологически значимого поведения определяются как ответственные/хорошие или безответственные/плохие (Catherine Butler, 2010 [279]). Это означает, что включение таких действий в контекст нравственного выбора позволяет сформировать точку зрения, важную для уменьшения климатических изменений.

(В качестве одной из форм экологически значимого поведения рассматривались привычные действия по выключению электроприборов: оставляют люди приборы на ждущем режиме или же обесточивают полностью. Экологическая значимость действий в данном случае определяется лишним расходом электроэнергии на поддержание «ждущего режима» – в некоторых приборах на это расходуется до 20–50% от «рабочего» энергопотребления.)

Закрепление личной ответственности за «экологически опасное поведение» влечет за собой его *морализацию*, выраженную в нравственной оценке действия. Моральный долг рассматривается как форма специфической мотивации, необходимой для восстановления экологической стабильности, поскольку прагматические побуждения не могут поддержать проэкологическую направленность действий (John Basl, 2010 [269]).

Проблема нравственной регуляции экологически значимого поведения обостряется в ситуации, когда экологические изменения (особенно изменения климата) конвергируют с глобальными проблемами и ставят на повестку дня вопрос о выживании младших поколений. По оценке С. Гарднера (Stephen M. Gardner, 2006), такая конвергенция вызывает *абсолютный моральный шторм* и способствует *моральной коррупции*, при которой этическое знание не реализуется в конкретных действиях [323]. С темой моральной коррупции перекликается вопрос о том, какой должна быть позиция ученого, знающего о глобальных угрозах, – заинтересованной или беспристрастной, ориентированной на широкую публику или на узкий круг? [37; 316; 155; 121 и др.]

Нравственная сторона современных глобальных проблем побуждает многих исследователей вспомнить о событиях в фашистской Германии, а также о настроениях в канун второй мировой войны (пример последнего – интервью Лавлока в «The Guardian» за 1 марта 2008 г.). Х. Ленк, говоря об ответственности ученого, цитирует отрывок из письма А. Эйнштейна, написанного в 1930-х годах: «Я не разделяю... точки зрения, что человек науки в политических, т. е. в человеческих, делах в широком смысле должен хранить молчание. Как раз в условиях Германии ты видишь, куда ведет такое самоограничение. Это значит предоставить управление слепым и безответственным. Не содержится ли в этом недостаток чувства ответственности?» (цит. по: [121, с. 377]).

Моральная коррупция распространяется и на сферу экологического образования, подталкивая преподавателя направлять внимание учеников на локальные проблемы и избегать таких аспектов экологических проблем, которые могут иметь политический оттенок и вызывать беспокойство учебной администрации и других чиновников [456, с. 13].

Идея ответственности, как уже обсуждалось выше, занимает одно из ключевых мест в этике благоговения перед жизнью А. Швейцера. Чувство ответственности перед другой жизнью, согласно Швейцеру, должно побуждать человека к осознанию негативных последствий своих действий и тем самым ограничивать его экспансию. Таким образом, ответственность перед жизнью приобретает здесь экзистенциально-трагический оттенок.

В ином ключе раскрывает смыслы ответственности Т. Росзак (1979), рассматривающий этическую ответственность перед планетой как результат развития экологического Эго. Росзак высту-

пают против ответственности, базирующейся на чувствах вины и стыда перед природой, и предлагает опереться на экологическое бессознательное, в котором звучит голос Земли – голос любви, уважения и доверия (из беседы Dr. Jeffrey Mishlove и Theodore Roszak, 1998). На первый план выносятся не отношение человека к отдельной жизни, а баланс в его отношениях с природным миром в целом. Такой подход к пониманию ответственности согласуется с представлением О. Леопольда о нравственном долге, требующем сохранять экосистемы в их лучших качествах [123]. Еще более четкое развитие этика земли Леопольда получает в экологической этике Х. Ролстона (1974), который вводит специальный термин «*экосистемный долг*» [181, с. 279].

Обращаясь к экологической этике, как учению о нравственных основах экологически значимого поведения, Калликотт (1987) останавливается на двух ее аспектах: прикладной этике, определяемой сферой профессиональных задач (генная инженерия, СМИ и т. п.) и неприкладной, требующей пересмотра мировоззренческой парадигмы в свете кризисной экологической ситуации [77]. Экологическую этику, оформление которой в самостоятельное направление началось в середине 1970-х гг., можно оценить как вынужденный ответ современной культуры на «экологические вызовы», спровоцированные индустриальной цивилизацией. Ролстон в своей статье 1974 г. писал о первично и вторично экологической этике, и если в первом случае человека ведет по жизни страх перед окружающим миром, то вторично экологическая этика предлагает последовать зову любви [181, с. 287]. Современная экологическая этика, на наш взгляд, двойственна по своей природе: призывает к любви, будучи вызвана к жизни экологическими угрозами; заботится о природном окружении, имея в виду выживание человечества. Отчасти эта двойственность отражена в характеристике, которую дал экологической этике Ролстон: «прежде всего антропологична и лишь во вторую очередь экологична» [181, с. 268].

6.3.2. Экологическая ответственность: психологические аспекты этической проблемы

Экологическая ответственность человека обусловлена его деструктивными возможностями, что подчеркивает немецкий философ Ханс Ленк (1984): «Никогда еще прежде на человека не возлагалась столь большая ответственность, как сегодня, ибо еще никогда он не обладал столь большой – многократно возросшей

благодаря технике – властью над другими людьми, а также над другими природными существами и видами, над своей окружающей средой и даже над всем живым на Земле» [121, с. 372]. При этом ущерб может быть нанесен в результате действий, предпринятых с благими намерениями; кроме того, ущерб может объясняться кумулятивным и синергетическим эффектом действий многих субъектов. Специфика экологически значимых действий, определяемая их зачастую неочевидными экологическими эффектами, их включенностью в коллективные формы деятельности, расхождением между реальными результатами действий и целевыми намерениями и др., обуславливает смысловую неопределенность в понимании экологической ответственности.

Об ответственности можно говорить в тех случаях, когда один субъект принимает на себя обязательство перед другим субъектом действовать определенным образом. Таким образом, ответственность предполагает, что существуют: действующий субъект А; субъект Б, чьи интересы могут быть затронуты действиями субъекта А; обязательство, принимаемое субъектом А по отношению к субъекту Б (и основанное на явных или неявных требованиях субъекта Б). Когда речь заходит об экологически ответственном поведении и экологической ответственности, возникают проблемы с определением того, кто является субъектом А, кого считать субъектом Б, какие требования могут стать основой для обязательств, принимаемых субъектом А? Все эти проблемы и порождают конфликтные смыслы экологической ответственности, что находит отражение в работах разных исследователей.

Вопрос о субъекте экологической ответственности поднимается в связи с тем, что современные антропогенные экологические изменения не являются результатом действий отдельных конкретных людей. Более того, как уже упоминалось, в ряде случаев проблемы возникают вследствие синергетического и кумулятивного эффекта действий разных субъектов. Все это может использоваться для того, чтобы поставить под вопрос саму возможность экологической ответственности индивида. Так, Хардин выражал уверенность в несостоятельности ответственности и совести как механизмов регуляции экологически значимого поведения [347]. По его мнению, в отсутствие четкой правовой регуляции у индивида всегда остается возможность переадресовать ответственность. (Ответственность может быть переложена на общество, технологии, эволюционный процесс, высшие силы. По мнению П. Кууси, «религиозная доктрина

на, подавляя естественное, эволюционное представление о мире, устанавливает человеческому разуму узкие границы... Религиозно настроенный человек...перекладывает всю ответственность на бога и отдает свою судьбу в его руки» [115, с. 88].)

Возражая против доводов о возможной переадресации или коллективном распределении ответственности, Ленк подчеркивает, что моральная ответственность – всегда индивидуальна, и если индивиды несут коллективную ответственность, то это «ни на йоту не убавляет соответствующую индивидуальную ответственность» [121, с. 374]. То есть следует различать актуальную в правовом отношении проблему приписывания ответственности и общеэтическую ответственность, принимаемую субъектом.

Специфика глобальных экологических проблем проявляется еще и в том, что негативные последствия происходящих изменений затрагивают всех людей, поэтому каждый человек может воспринимать себя в качестве стороны, пострадавшей от действий другого человека. Фиксация на своей роли пострадавшего может препятствовать осознанию собственной ответственности.

Рассматривая экологические конфликты, связанные с загрязнением среды, Сюзен Опотов и Линн Вайсс (Susan Opotov, Lean Weiss, 2000) подчеркивают: «Во-первых, мы все – жертвы в том, что мы все являемся получателями загрязнения, произведенного другими. Во вторых, мы все – нарушители, которые создают загрязнение, воздействующее на других. В-третьих, все мы должны работать над перспективным, конструктивным решением проблемы и диалогом. Действие на этих принципах требует постоянства, но оно может минимизировать экологический ущерб и способствовать экологическим выгодам для всех» [418, с. 488]. Об этом же говорит Ленелиз Крузе (Kruse, 2006), отмечая тройную роль людей – причинных агентов, жертв и агентов изменения [379]. Осознание *своей* роли активного субъекта, влияющего на развитие событий, является важным фактором принятия экологической ответственности.

Предложенные принципы, однако, имеют и другой аспект: диктуют «уровнировку» в определении «вклада» разных людей и сообществ в экологическую деградацию, в то время как есть основные «причинные агенты», чья ответственность должна быть выше: развитые страны, международные корпорации [457] (и можно добавить – конкретные лица, определяющие их политику). Поэтому, пока экологическая ответственность будет связываться с

интересами только людей и человеческого сообщества, вопросы о том, чей ущерб больше и чья вина выше, будут препятствовать осознанию себя в роли агентов изменения.

С. Клейтон (S. Clayton, 2000) отмечает: «Хотя мы, оказавшись в некоей ситуации, склонны полагать, что одно решение является явно лучшим и самым справедливым, другие участники могут считать однозначно лучшим альтернативное решение. Таким образом, есть поле для разногласий, и в умах участников это разногласие может быть выражено не как “мои интересы” против “их интересов”, но как “отстаивание права и добра” против “отстаивания целесообразности, жадности, и безразличности”. Это имеет явные последствия для готовности людей идти на компромисс» [287, с. 460].

Но если роль людей как «виновников ущерба» и «получателей ущерба» всегда относительна, можно задать другой вопрос: а есть ли в нынешней экологической ситуации те, кто выступает только в одной роли – безусловной жертвы активности вида *homo sapiens*? Есть ли те, чьи интересы нарушаются в большей степени, чем интересы людей, те, кому люди уже нанесли непоправимый ущерб? Как рассматривать вред, причиняемый другим видам живых существ?

Если для субъекта значение такого вреда – затрагивающего природный мир – определяется интересами людей, то мы снова возвращаемся к проблеме соотношения вины и ущерба. Если же в жизненном пространстве человека другие живые существа являются значимыми как таковые, то представление об их интересах включается в регуляцию экологически значимого поведения. В этом случае человек принимает на себя ответственность и стремится минимизировать вред, причиняемый им в одностороннем порядке значимым другим.

Описанный процесс легко прояснить через метафору семьи, в которой дети страдают из-за того, что родители конфликтуют между собой. Пока родители сосредоточены на выяснении того, кто прав, а кто виноват, и кому из них хуже, семейный конфликт не может быть разрешен, и семья не может жить полноценной здоровой жизнью. Осознание родителями вреда, который наносится детям в результате поддерживаемого ими конфликта, помогает им переключить внимание на интересы детей, принять конструктивную позицию и скорректировать свое поведение в семье. Вместо того чтобы перекладывать ответственность на другого, каждый родитель берет на себя ответственность за свои действия.

«Человеческому достоинству присуще брать на себя ответс-

твенность, поскольку человек является действующим и относительно свободным в своей способности оказывать воздействие» [121, с. 376]. Поэтому ответственность должна возрастать вместе с растущей способностью понимать и вмещиваться. Х. Йонас в работе «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации» (1979) пишет, что ввиду неизмеримо выросшей технологической мощи человека и перед лицом угроз природе и живому надо расширить концепцию моральной ответственности: перейти от концепции ответственного виновного к ответственности человека-хранителя, т. е. от ответственности «после того» к предупреждающей ответственности, изменить ориентацию ответственности – с прошлого на будущее (по: [121]). «Парадокс ситуации: человек несет большую ответственность, чем объем того, что он в состоянии обозреть» [121, с. 385]. Тем самым подчеркивается еще один смысловой конфликт: можно ли говорить об ответственности субъекта в условиях неопределенности его обязательств?

Для ответственности требуется не столько *свобода* выбора, сколько свобода *сознательного* выбора. Поэтому Р. Хиггинс (1978) настаивает на том, что для преодоления глобального кризиса требуется этика осознанного действия: «первая и важнейшая наша обязанность – это знать то, что мы делаем, и это даже важнее, чем действовать справедливо. Самое большое зло для нас – это действовать неосознанно» [226, с. 61].

Этим словам созвучна гуманистическая идея о том, что самопознание – это главный путь к самоулучшению, и бегство от знания – бегство от ответственности [136]. Но знание само по себе не гарантирует проэкологического поведения. Пример этической коллизии приводит Gifford (2001), обращаясь к встрече 120 ведущих ученых-климатологов в 2000 г. в Китае [330]. С одной стороны, благодаря этому форуму была выработана общая позиция по проблеме изменений климата, и мировая общественность получила сообщение, что ведущие специалисты убеждены: происходят существенные климатические изменения, и эти изменения вызваны повышением в атмосфере концентрации парниковых газов в результате деятельности людей. С другой стороны, прилетев в Китай из разных стран, эти ученые внесли свой дополнительный вклад в глобальное потепление (за один трансатлантический перелет самолет сжигает от 35 до 50 тонн кислорода) и передали тем самым еще одно сообщение: нет необходимости думать о своей ответственности и изменять личные установки и привычки, чтобы уменьшить эмиссию CO₂.

Осознанному ответственному действию, в логике Хиггинса, предшествует рациональный страх, который должен прийти на смену «бездумной надежде». Приведенные слова были написаны более 30 лет назад, но проблема осознания серьезности экологических угроз не менее актуальна и сегодня, когда ставится вопрос не о дальнейшем процветании «поколения наркоманов индустриального развития» [226, с. 29], а о выживании людей в условиях быстрых экологических изменений [140; 155; 422; 462 и др.].

Однако большинство людей отвечает на тему экологической катастрофы, которая все чаще всплывает в СМИ, не «рациональным страхом», а активацией механизмов психологической защиты. Это позволяет временно ослабить тревогу, вызываемую экологическими угрозами, но вместе с тем закрепляет отношение к ним как фатальным, неизбежным и блокирует поступающие извне сообщения об экологическом значении совершаемых человеком действий. Осмысление экологической значимости своих действий является условием для понимания необходимости взять на себя экологические обязательства. Когда такое понимание есть, перед субъектом встает вопрос о содержании этих экологических обязательств и о конкретных действиях, необходимых для их выполнения. Это и есть принятие ответственной позиции, означающее переосмысление экологической угрозы. Иррациональный страх экологического апокалипсиса трансформируется в «рациональный страх», побуждающий к продуктивным действиям.

Вопрос о содержании экологических обязательств связан с вопросом о том, чьи требования будут учитываться субъектом как экологически значимые. Иными словами, кто обладает правом на то, чтобы соблюдались его «экологические интересы»? Это вопрос о правах: людей, будущих поколений, других живых существ, экосистем и т. д.

6.3.3. Экологическая этика о распределении прав в экосообществе

Нравственная регуляция поведения связана с представлениями о правах других субъектов, чьи интересы следует учитывать. Наиболее часто в экологическом дискурсе упоминаются права будущих поколений. Также, в качестве субъектов, имеющих собственные интересы, предлагается рассматривать других живых существ и природные сообщества.

Распространение этических норм за пределы человеческого

сообщества, необходимость которого обосновывали А. Швейцер и А. Леопольд, стало задачей современной экологической этики. В настоящее время существует значительное число различных теорий в русле экологической этики, объединяемых общей идеей «прав природы» [159]. Однако идея прав природы идет вразрез с устоявшимися в индустриальном обществе этическими воззрениями, и многие исследователи оспаривают возможность прав природы, рассматривая в качестве субъектов права исключительно людей и считая абсурдом саму идею межвидового конфликта интересов (см. об этом [256]).

6.3.4. Экологическое правосудие

Дж. Пассмор (1974), обосновывая ответственность человека за природу и вызываемые им в ней изменения, считал идею о правах применимой только к людям и их интересам, поскольку другие существа неспособны признавать взаимные обязательства: «идея о правах просто не применима к тому, что является нечеловеческим» (цит. по: [159]). На его взгляд, для урегулирования проблем, связанных с окружающей средой, специальная экологическая этика не требуется, вполне достаточно позиции «просвещенного антропоцентризма» (Р. Дюбо). По замечанию Р. Атфилда, Пассмор считает общепризнанным представление, согласно которому справедливость возможна только для тех, кто способен ее выторговать [6, с. 247]. При таком понимании справедливости преимущество в случае конфликта интересов получают те, кто может использовать соответствующие экономические и политические рычаги для защиты своих прав [287; 278].

Субъективная уверенность в справедливости силовых способов экологического регулирования поддерживается путем *морального исключения* конкурента [418]. Opatov & Weiss (2000) рассматривают три формы отрицания, как механизма психологической защиты, позволяющего оправдать свою позицию и морально дискредитировать конкурента в экологическом конфликте: • отрицание значимости экологического ущерба; • отрицание собственной экологической ответственности; • отрицание прав истца (или представляющих его сторон) как таковых [там же] (более подробно об этом – см. § 7.4, табл. 7.1).

Выведенная на уровень психологического анализа, проблема прав в ее экологическом контексте может быть рассмотрена как проблема представлений о том, каким образом и в каких целях следует распределять в сообществе природный ресурс. В ракурсе социальной психологии – это социальные представления о том, кто

и как может распоряжаться ресурсом в сообществе, каким должно быть предназначение ресурса. В ракурсе общепсихологическом – индивидуальные представления о том, на какую часть ресурса, имеющегося в сообществе в целом, может претендовать субъект, как и при каких условиях он может им распоряжаться, какие выгоды он может получить из использования этого ресурса, как разные способы использования ресурсов отвечают его интересам.

Зоной наиболее вероятного смыслового конфликта являются представления о *выгодах* от использования ресурса. («Выгоды» в данном контексте определяются тем, какие потребности могут быть удовлетворены; это не экономические, а собственно *психологические выгоды*, именно в таком значении этот термин активно используется в современном маркетинге, например [229].) Так, например, лес может рассматриваться как источник продуктов питания, как место для рекреации, как источник топлива, как сакральный объект, как эстетический объект, как промышленное сырье, как место для свалки отходов, как территория, на которой должны быть расположены сельскохозяйственные или промышленные объекты и мн. др. Конфликт интересов может разворачиваться в форме и внутриличностного, и социального конфликта. Однако можно отметить, что почва для конфликта в понимании предназначения леса (или другой природной системы) возникает, когда его начинают рассматривать как ресурс. Будучи разложенным на отдельные компоненты, выполняющие разные функции, **лес как целое** перестает быть необходимым условием для удовлетворения тех или иных потребностей, если человеку предлагают альтернативный вариант. Ведь каждая из потребностей может быть удовлетворена иным образом. Или же сами эти потребности могут быть поставлены под сомнение, например, когда за лесом закреплена функция сакрального объекта.

Анализ приведенного выше примера легко может быть переведен с уровня индивидуальных потребностей и *выгод* на уровень ценностных ориентаций личности и уровень общественных ценностей. Соответственно, можно говорить о внутриличностных, межличностных и межгрупповых экологических конфликтах.

Сюзан Клейтон (Susan Clayton, 2000) приводит результаты анализа аргументов, которые используют антиэкологические организации в США, выступающие против законодательных экологических ограничений [287]. «Прежде всего, главными являются права собственности. Во-вторых, инструкции незаконно приняты правительством, поощряемым экологическими экстремистами, которые действуют во вред

ослабленному среднему американцу... В-третьих, механизмы рынка – самый справедливый способ защитить окружающую среду. Типы правосудия, упоминаемые этими антиэкологическими группами, отражают философию индивидуализма, а не взаимозависимости» [там же, с. 462]. Экологические организации чаще апеллируют к ответственности и необходимости «расширить наше моральное сообщество (чтобы включить природу или будущие поколения)... В целом, исследования позволяют предположить, что рыночное правосудие, скорее всего, представляет антиэкологическую позицию, и что темы равенства и ответственности более обычны в экологической аргументации... Одно из различий между разными моделями правосудия состоит в том, заботятся ли они о правосудии для человека (микроправосудие) или о правосудии для большего общества (макроправосудие)» [там же, с. 463].

Анализ представлений об экологическом правосудии подводит С. Клейтон к выводу: «Пожалуй, самый важный или самый обсуждаемый вопрос экологического правосудия – это вопрос о том, для кого правосудие: Как определено моральное сообщество? Мы включаем в него другие виды, будущие поколения, такие нечеткие концепты, как экосистемы? Будут ли индивидуальные проблемы автоматически отвергнутыми потребностями большего общества или же есть способ сохранить правосудие на обоих уровнях? Границы релевантного сообщества будут влиять на определение всех других проблем [правосудия], включая распределение [ресурса], процедуру [правосудия], права и ответственность ([вставка] – И. К.)» [287, с. 472].

Обратим внимание на две смысловые оппозиции: «интересы индивида – интересы сообщества» и «интересы сообщества ныне живущих людей – интересы широко понимаемого сообщества, включая интересы будущих поколений, других биологических видов, экосистем в целом». Объединяя их на одной смысловой оси, получаем «интересы индивида – интересы сообщества ныне живущих людей – интересы широко понимаемого сообщества». Антиэкологическая позиция микроправосудия в экологическом конфликте определяется фиксацией на интересах индивида, которым присваивается статус приоритетных. Такая позиция находит опору в максиме, сформулированной Адамом Смитом, согласно которой индивидуальные и социальные интересы автоматически гармонизируются: если я извлекаю выгоду для себя, то я приношу выгоду и своему сообществу (по: [118, с. 62]). Тем самым нужды сообщества сводятся к своим личным интересам. Альтернативная «проэкологическая» позиция предлагает рассматривать челове-

чество как часть более широкого сообщества, нуждами которого и определяются интересы людей.

Таким образом, основная проблема экологического правосудия связана с конфликтом ценностных представлений. Пока речь идет о ценности природы как средства, вопрос о предназначении природы решается в пользу ценности-цели, которая принимается как более значимая. Когда природа определяется как самостоятельная ценность высокого уровня, вопрос об использовании природы трансформируется в вопрос о ее благополучии, как условия благополучия человеческого сообщества.

6.3.5. Права будущих поколений: сохранение природы как инструментальной ценности

Рассмотрение интересов человечества в перспективе его будущего приводит к вопросу о правах будущих поколений, декларируемых во многих официальных документах (включая международные) и играющих ключевую роль в понимании устойчивого развития.

В первой половине XX в. быстрый промышленный рост воспринимался как гарантия процветания будущих поколений, на что, в частности, указывают слова Швейцера: «Неверно думать, будто европейца нового времени только потому вдохновляет прогресс, что последний обещает ему личные выгоды. Больше, чем собой, он занят счастьем, которого должны достигнуть будущие поколения... С уверенностью смотрит он на новые, лучшие времена, которые должны наступить для человечества» [237, с. 532]. Но уже в 1970-х такая уверенность разрушается представлением об экологических пределах для человеческого роста. Экологическое беспокойство вызывает неуверенность в будущем, что побуждает поставить вопрос об ответственности перед будущими поколениями и, соответственно, об интересах и правах будущих поколений.

Нетрадиционный подход к рассмотрению прав будущих поколений отстаивал Г. Хардин в своей статье за 1974 г. «Этика спасательной шлюпки: довод против помощи бедным» и более поздних публикациях [346; 345; 344 и др.]. Хардин доказывал, что христианский идеал помощи страждущим идет вразрез с правами будущих поколений. По его мнению, худшее, что можно сделать в отношении испытывающего голод населения бедных стран – это предложить дешевую пищу, поскольку последствия будут хуже, чем в случае атомной бомбардировки. «Посылать еду стране, население которой превышает несущую способность ее земель, означает содействовать дальнейшему разрушению земли и дальнейшему обнищанию ее людей» [345].

В действительности Хардин предложил развитие идеи, обозначенной в 1798 г. Т. Мальтусом в его «Опыте закона о народонаселении»: «Необходимо открыто отказаться от признания за бедными воображаемого права содержаться на общественный счет... Главная и постоянная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества» [131, с. 104, 149]. Только, если Мальтус отрицал необходимость помощи бедным внутри государства, Хардин, используя экологические аргументы, обосновывает вред гуманитарной помощи (как постоянно действующей) другим – бедным – странам.

Используя популярную в 1970-х гг. метафору Земли как космического корабля с ограниченными ресурсами, Хардин писал, что распределение ресурсов на любом корабле происходит под жестким контролем капитана. Пока такого контроля нет, следует руководствоваться этикой спасательной шлюпки, которая запрещает брать на шлюпку большее число пассажиров, чем та может выдержать. Тем, кто испытывает непреодолимое желание помочь пловцам, оставшимся за бортом, Хардин оставляет только одну возможность – поменяться с ними местами. «Без настоящего мирового правительства, которое бы управляло воспроизводством и использованием доступных ресурсов, этическое распределение в космическом корабле невозможно. Для нашего выживания в обозримом будущем требуется, чтобы мы руководствовались в наших действиях этикой спасательной шлюпки, какой бы резкой она ни была. Потомство не будет удовлетворено ничем меньшим» [346, с. 43].

Основную причину нарушения прав будущих поколений Хардин усматривал в росте человеческой популяции, для пропитания которой уничтожается природный мир. «Каждый рожденный человек оказывает влияние на все аспекты окружающей среды: пищу, воздух, воду, леса, берега, дикую природу, пейзаж и свободное пространство. Пища, возможно, может быть значительно увеличена, чтобы удовлетворить растущий спрос. Но как относительно чистых берегов, неиспорченных лесов и свободного места? Если мы удовлетворяем потребность растущей популяции в пище, мы обязательно уменьшаем на душу поставку других ресурсов, требующихся людям» [346, с. 41]. Таким образом, игнорируя ценность природы, люди уничтожают основу для жизни будущих поколений.

Однако решение проблемы Хардин связывал не с изменением ценностей и нравственных норм (считая это нереалистичным), а с жестким экологически грамотным руководством, не раскрывая источников и условий его формирования. В качестве единственной альтернативы такому руководству Хардин предлагал, по сути, ценности индивидуализма и групповой конкуренции, которые, как он ярко продемонстрировал в своей известной статье, и приводят к трагедии общинных выгонов [347].

Но уже в статье 1976 г. «Несущая способность как этическое понятие» Хардин пишет об этическом значении понятия «несущая способность». (Напомним, речь идет о максимальной численности популяции, которая может поддерживаться неопределенно долго – на протяжении жизни многих поколений – за счет ресурсов данной территории.) «Несущая способность» оказывается в трактовке Хардина ценностной категорией, отвечающей потребностям нынешних и будущих поколений. Действия, которые ведут к превышению несущей способности, следует признать неэтичными, и наоборот – нравственным является то, что способствует поддержанию несущей способности. «В переполненном мире не может быть никакой этической потребности в экологическом понятии пропускной способности. Но наш мир – переполненный» [345, с. 135].

На протяжении последних десятилетий проблема прав будущих поколений регулярно поднималась в научных публикациях [424; 261; 280; 293; 360 и др.]. Один из основных психологических аргументов, используемых для того, чтобы оспорить возможность соблюдения прав будущих поколений, это проблема нон-идентичности, рассматриваемая Д. Парфитом (1986) и др. [424; 360]. Суть этого аргумента в том, что нельзя идентифицировать себя с тем, кто не существует, в частности, с еще не рожденными детьми.

В качестве контраргумента Davidson (2008) пишет о том, что существующие моральные интуиции в отношении будущих поколений можно частично объяснить через обращение к человеческой потребности в самотрансцендентности, которая включает потребности в творчестве и продолжении рода [293].

Однако, с учетом темпов экологических изменений, проблема будущих поколений в реальности трансформируется в проблему ныне живущих младших поколений. И если раньше речь шла о том, чтобы сохранить для будущих поколений природный мир в его красоте, многообразии и обилии ресурсов, теперь ставится вопрос о нанесении непоправимого вреда в результате глобального потепления и других антропогенных экологических изменений [там же]. Таким образом, акценты при определении значения природы переносятся со смыслов изобилия на смыслы выживания.

Требование, согласно которому экологически значимое поведение должно регулироваться с учетом интересов будущих поколений, базируется на двух основаниях. Это ценностная ориентация на будущее человечества и осознание ограничений, связанных с пределами природных ресурсов. Признание прав будущих поколений имманентно включает отдаленное *неличное* будущее

как самостоятельную терминальную ценность. Будущее создает смыслообразующий контекст для настоящего, а понимание экологических угроз обнажает пролонгированные экологические смыслы наших сегодняшних действий. Тем самым может быть обеспечена необходимая отрицательная обратная связь в системе регуляции действий, имеющих отсроченный экологический эффект.

Вместе с тем, большинство антропогенных экологических проблем возникли в результате стремления к лучшему будущему, в том числе и для будущих поколений. Как уже отмечалось, во многих случаях отдаленные экологические последствия новых технологий не только не очевидны, но практически непредсказуемы.

Также всегда остается открытым вопрос о ценностных приоритетах будущих поколений, а значит – и о ценности природы. При этом речь может идти об утилитарной и неутилитарной ценности природы. В обоих случаях природа является инструментальной ценностью, поскольку воспринимается как средство реализации ценностей более высокого порядка – терминальных человеческих ценностей. Эти два типа инструментальной ценности связаны с двумя типами потребностей/ценностей в теории А. Маслоу (по Маслоу, значение понятия «ценность» может быть раскрыто через определение потребности [136]). Утилитарная ценность природы определяется возможностями ее использования субъектом в прагматических целях и соотносится с потребностями дефицита. Неутилитарная ценность природы раскрывается в контексте самореализации субъекта и определяется потребностями роста. До тех пор, пока природа выступает для субъекта в качестве средства (удовлетворения потребности, достижения цели, реализации более высокой ценности), ее ценность по определению будет инструментальной. И в этом отношении не имеет значения, идет ли речь о потребности в безопасности, эстетической или потребности в самоактуализации.

6.3.6. Права природного мира

Как уже отмечалось, суть экологической этики – в расширении границ морального сообщества и распространении моральных обязательств на область природного мира. Из этого вытекают положения об экологической ответственности человека и о правах природного мира. Если понятие экологической ответственности вызывает разные толкования и может провоцировать смысловой конфликт, то реакции на идею прав природы лежат в еще более широком диапазоне: от категоричного одобрения до столь же ка-

тегоричных обвинений в абсурдности.

В качестве иллюстрации процитируем отрывок из статьи российских авторов – докт. биол. н., академика РАН В. В. Дёжкина и канд. биол.н. Л. В. Поповой. Авторы следующим образом критикуют позицию руководителя Киевского эколого-культурного центра В. Е. Борейко: «Нельзя не сказать о том, что В. Е. Борейко и его сторонники не только отрицают природопользование вообще. Они взяли на вооружение мощный западный пропагандистский “гуманистический” арсенал (и помогли через множество публикаций донести его до нашего читателя), который не только полезно обогащает наше информационное поле, но и – нередко – глубоко искажает традиционные представления о рациональном природопользовании. Это, прежде всего – воспевание философии “освобождения животных”, выступления против охоты, неумеренное восхваление “дикой природы”, привнесение надуманных идей в заповедное дело и некоторые другие. Дело дошло до того, что В. Е. Борейко и его немногочисленные (пока еще) сторонники в интернетовских дискуссиях выступают за... предоставление права голоса животным!

По каждой из перечисленных позиций требуется серьезная и глубокая контраргументация, ибо они разрушительны и опираются на многочисленные постулаты модной западной философии» [55].

Показательно, что в приведенной цитате выступления о правах интерпретируются как выступления за предоставление права голоса, тем самым все возможные права сводятся к признанию права участвовать в политической жизни.

Право голоса неслучайно было ключевым требованием в освободительных движениях (например, движение против рабства в США или суфражистское движение), поскольку его можно рассматривать как своего рода механизм обеспечения остальных прав. Успех в борьбе за право голоса определяется во многом теми возможностями, которые открываются для политиков в связи с привлечением к политической жизни новых электоральных слоев. (В свою очередь, эти возможности определяются уровнем политической активности потенциального электората, тем, насколько важны для него отстаиваемые политические права, а также тем, насколько нынешний электорат готов к расширению своих границ.)

Однако для закрепления прав за определенными категориями субъектов не требуется их непременно участие в политическом процессе (наиболее часто приводимый пример – дети, права которых юридически закреплены). Требования закрепить отдельные права за такими субъектами могут выдвигаться и отстаиваться другими субъектами – реальными избирателями, чьи голоса могут

быть учтены в законодательном процессе. Как отмечалось выше, юридические аспекты проблемы прав животных привлекали внимание специалистов еще в конце XIX – начале XX вв. (см. § 2.2.5).

Отношение к проблеме прав природного мира связано с представлениями о месте и роли человека в природном мире. Видение человека как управляющего в мире природы делает избыточной идею прав управляемого мира. Такое видение опирается на не всегда отрефлексированное допущение, что люди способны справиться с ролью хорошего управляющего, деятельность которого осуществляется на благо самих людей и всей планеты. Согласно этому подходу, если к настоящему времени на планете и складывается критическая ситуация, то причиной тому не отсутствие необходимых способностей, а недостаточное осознание человеком своей роли и связанной с нею ответственности. Такой взгляд отстаивал Пассмор, и в этом его поддерживал Атфилд.

Радикализм Пассмора, восхищавшегося «избавленным от мошкары» миром (по: [159]), проявлялся в отрицании экологической этики, как необходимого регулятора человеческой деятельности, направленной на преобразование природы. Ответственность перед природой, согласно Пассмору, должна означать защиту природы ради человеческого блага.

Спустя почти десятилетие Атфилд добавляет к этому признание долга перед будущими поколениями, подчеркивая, что традиция управления включает идею передачи земель потомкам в состоянии не худшем, чем они были приняты у предшественников [6, с. 247]. Также Атфилд признает вслед за Сингером моральный статус *одушевленных живых* существ и идет дальше, распространяя этот статус на *неодушевленные творения* [там же]. Экологическая этика, по мнению Атфилда, должна закрепить представление об *отличных от человека существах* как самоценных и значимых. Для этого необходимо отказаться от осмысления других существ исключительно в контексте их инструментальной ценности. Это налагает определенные ограничения на людей: «Человечеству нельзя достигать такой численности, чтобы она вела к катастрофе, аналогичное верно и для животного мира: он не может расти бесконечно, уничтожая среду обитания» [6, с. 253].

Традиция управления природой в ее современном виде опирается на технологический оптимизм. Поэтому критика технологического подхода как неспособного обеспечить решение глобальных проблем вызывает у многих приверженцев идеи управления

природой стремление дискредитировать своих оппонентов, профанируя саму научную дискуссию. Так, в работе «Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории» А. П. Назаретян выделяет «романтическую» и «прогрессистскую» традиции мышления «в многообразии глобальных проектов и рекомендаций» [152]. Романтическую традицию автор отождествляет одновременно с биоцентризмом, экологическим фундаментализмом, левыми экологами, не уточняя, о каких персоналиях, теориях и работах идет речь (за исключением одного российского учебника по экологии). Такой «бой с тенью» позволяет автору произвольно оперировать аргументами и компрометировать понятия, вырванные из научного контекста:

«Исходя из призывов “назад к Природе”, “жить по законам Природы”, признать “равенство прав” человека с прочими живыми существами и проч., можно представить себе и меры против накопления генетического груза. По логике вещей, речь должна идти об упразднении медицины и радикальном снижении жизненных и гигиенических стандартов.

Действительно, вошь, вирус гриппа и чумная бацилла – такие же твари божьи, как и человек, а потому биоэтически безусловно спасать жизни людей, обеспечивая к тому же противоестественный рост их числа, ценой уничтожения их естественных врагов. По законам природы человеческие особи должны служить материалом для регулярного естественного отбора, большинство родившихся детей должны не доживать до взрослого возраста, а взрослые, по завершении детородного периода, – вскоре погибать (природе не нужны старики)» [152].

Ученые-биологи В. В. Дёжкин и Л. В. Попова уверены, что технологий рационального биологического природопользования (и, в текущей ситуации, рационального природовосстановления) вполне достаточно для успешного управления природой, которое обеспечит людей необходимыми природными ресурсами. Экологическая этика, отстаиваемая авторами, это этика утилитаризма:

«Генеральный путь экологической этики в биологическом природопользовании заключается в дальнейших поисках и совершенствовании методов не истощительной эксплуатации возобновляемых ресурсов биосферы..., с минимальным ущербом для состояния и воспроизводства природных систем и с максимальным применением щадящих гуманных методов. ... Животные – глубоко чувствующие существа, их жизнь (во всяком случае, большинства из них) заслуживает всяческого уважения, но в *мировой иерархии основополагающих ценностей она должна находиться вслед за жизненными ценностями человека*» [55].

В ответ на критику ресурсно-утилитаристского подхода к при-

роде авторы стремятся показать, что управление со стороны человека необходимо самой природе, поэтому отказ человека от регуляции природных процессов будет неэтичным во всех отношениях:

«Что случилось бы с дикими животными в случае их “освобождения”? – Ответ очевиден. Бесконтрольно размножившись, выйдя из-под управления человеком, они стали бы наносить все возрастающий ущерб хозяйству и окружающей среде, уничтожив все доступные корма, стали бы болеть и гибнуть от голода и болезней. Приятное для глаз “гуманистов” зрелище: огромная страна, переполненная больными и погибшими животными. Своевременная регуляция популяций диких животных, осуществляемая преимущественно в форме культурной охоты, – непреходящий атрибут современного биологического природопользования» [55].

Авторы руководствуются логикой технологического освоения природы (останавливаясь на технологиях природопользования), и эта логика приводит к необходимости все большего преобразования и упорядочивания природного мира.

Двумя десятилетиями раньше о такой необходимости писал Гюнтер Рополь («Техника как противоположность природы», 1983): «люди останутся и должны остаться... повелителями и обладателями природы и ... необходимый экотехнологический поворот имеет в своей перспективе конец природы» [182, с. 203–204].

Природу Рополь понимает как то, что «существует само по себе, вне человеческого воздействия и человеческого сознания» [182, с. 205]. Тем самым автор сознательно вводит оппозицию «человек – природа», которая, на первый взгляд, постулирует первичность природы, но при более внимательном рассмотрении оказывается проповедью независимости человека от природы. Для своего выживания человечество должно всесторонне одомашнить природу: «Природа нашей планеты еще имеет последний шанс: если человек не совершит требуемого ныне экотехнического поворота, то он рано или поздно, согласно экологическим принципам, исчезнет. Тогда и только тогда вновь будет существовать одна лишь природа. Однако если люди с требуемой для этого последовательностью сумеют довести до совершенства свою заботу о земной экосистеме, то это будет означать не более и не менее как конец природы» [182, с. 221].

Таким образом, технологический оптимизм связан с идеей противостояния человеческого мира (мира артефактов) и мира природного, противостояния, положительное завершение которого означает преобразование природы в гигантский артефакт.

Альтернативу такому исходу предлагает этика дикой природы, предложенная Линдой Грэбер в 1976 г.: «Дикая природа – это про-

явление “Совершенно Иного”, отличного от человека, и которое, в связи с этим, необходимо ценить» [41, с. 10]. Следует учитывать, что этика дикой природы стала реакцией на растущее сокращение естественных экосистем и «дикой биоты», и именно в этом контексте следует рассматривать требование не только запретить любые формы хозяйствования на оставшихся участках дикой природы, но и воздержаться от посещения этих мест.

Современная концепция сохранения биоразнообразия, опирающаяся на представление о биоте как ресурсе для развития человечества, оказалась несостоятельной в качестве инструмента, призванного остановить катастрофическое сокращение биологических видов (см. § 5.4.). Данилов-Данильян и соавт. (2005) в своей оценке ситуации пришли к выводам, во многом согласующимся с требованиями этики дикой природы: «...если говорить о приоритетах, пальму первенства на сегодняшний день следовало бы отдать ... усилиям по сохранению естественной биоты суши и открытого океана и возрождению части разрушенных экосистем. А это означает не только мораторий на всякое “освоение” природной среды, но и планомерную работу по восстановлению очагов дикой природы.

Именно это, по идее, и должно стать стратегической задачей номер один современной цивилизации, какой бы ни представлялась она экономически “затратной” и “нерентабельной”. Любая же другая альтернатива... не сулит человечеству ничего, кроме экологической катастрофы, пережить которую у него практически никаких шансов» [47].

Идея дикой природы, как незатронутой человеком, неоднократно обвинялась в искусственном противопоставлении человека и природы, в том, что человек исключается из природы и перестает рассматриваться как часть биосистемы (по: [372]). Тем самым этика дикой природы позиционировалась оппонентами как неэкологичная. Аргумент о взаимосвязи человека и природы в этом контексте начинает использоваться для доказательства природного характера всех человеческих артефактов в противовес различению артефактов и дикой природы, что, в свою очередь, позволяет рассматривать преобразование человеком природного мира как закон развития природы.

Калликотт и Вогель считают, что специалисты по экологической этике должны мужественно смириться с этим и заниматься проблемой более ответственного и мягкого использования природы, отклонив идею непригодности человеческих артефактов для развития природы [там же]. Таким образом, технократическое стремление к «смерти природы» нашло поддержку в рядах самих экофилософов. Понятие «дикая природа» оказалось пробным камнем для выявле-

ния тех ценностных смыслов, с которыми связан для исследователя природный мир. Расхождения в понимании ценности природы и в видении ее будущего отразились в антологии эссе с выразительным названием «Большие новые дебаты о дикой природе» (1998).

Голландские исследователи Turnhout и др. (2004) рассматривают споры о сохранении природы как конфликт взглядов на природу [480]. Как показало проведенное ими исследование, общественное обсуждение реальных практических проблем, в частности, проблемы сохранения дрейфующих песков в Нидерландах, выстраивается вокруг взаимосвязанных вопросов: что защищать в природе и какой природа должна быть. Аргументы, используемые при обсуждении этих вопросов, опираются на ценностные суждения о природе.

Пол Килинг (Paul M. Keeling, 2008), комментируя споры вокруг понятия «дикая природа», пишет о важности того проблемного контекста, в рамках которого употребляется термин:

«Понятия появляются для рабочего использования, в определенных целях, и понятие «природный» («естественный») составлено из случаев как интегрального, так и сравнительного использования, как мир в мире. Это – дуальность грамматики, которая должна быть принята как данность, неонтологическая двойственность, которая должна быть преодолена» [372, с. 516].

Килинг предлагает, следуя Виттгенштейну, думать об абстрактных существительных в терминах их цели, а не фиксированного значения. Понятие «дикая природа» было введено для того, чтобы привлечь внимание к необратимому разрушению природного мира в ходе промышленного развития, и предназначалось для выражения и закрепления в языке внутренней ценности природного мира. Килинг замечает, что пока среди инвайронменталистов идут дебаты о термине «дикая природа», сама дикая природа катастрофически быстро уничтожается другими людьми – неинвайронменталистами: «Нет никакой несовместимости между представлением, что люди являются частью природы, и идеей, что природа ценна из-за ее нечеловеческого происхождения. Рассуждения о слове “природа” ... отвлекают от реальной проблемы, которой является ценность дикой природы» [372, с. 505].

Этические дебаты о дикой природе приобретают практическое значение, когда рассматриваются конкретные вопросы, связанные с восстановлением экосистем и благополучием животных, в частности, вопрос об этических аспектах проблемы *де-приручения* животных (Gamborg и др., 2010 [322]).

Исторически сложившаяся традиция разделять животных при решении этических вопросов на диких и домашних задает двойной

этический стандарт, при котором внутренняя ценность животного подменяется его функциональным значением. В этом аспекте показательны результаты кросс-культурного исследования отношения к животным, проведенного в трех странах – США, Японии и Германии (Stephen Kellert, 1993 [373]). Американцы продемонстрировали самую высокую привязанность к своим *питомцам* и беспокойство о них, и в этой же американской выборке были выявлены самое высокое безразличие в отношении большинства остальных животных и готовность участвовать в охоте на диких животных.

Эти результаты, рассмотренные в контексте вопроса о правах животных, позволяют сделать два предварительных заключения. Во-первых, они указывают на то, что юридическая регуляция отношений человека и его питомцев, закрепляя этические нормы в социуме, способствует признанию внутренней ценности определенных категорий животных как субъектов прав. Во-вторых, отношение к собственным питомцам как *самоценным* существам, проявляющееся в эмоциональной включенности, не исключает утилитарного отношения к другим животным. Если такие заключения и могут показаться тривиальными, то тем в большей степени они подтверждают жизненность вопроса о правах животных.

В рамках устоявшегося научного дискурса идея прав природы реализуется в понятии «квази-права», предлагаемого Х. Ленком (1984). Ленк пишет о необходимости отказаться от требуемой Кантом симметрии приобщенных к морали предметов, когда моральное право придается только тому существу, которое берет на себя также и обязательства [121]. Кантовское требование «моральной симметрии» Ленк называет «остатком антропоцентризма»: «Как разумные существа мы можем и должны одновременно думать о других существах – чувствовать себя ответственными, например, за их существование... Человек есть существо, способное нести ответственность. Только в качестве такового он является зрелой моральной личностью» [121, с. 376–377].

Чтобы закрепить ответственность человека перед природой при одностороннем характере принимаемых им обязательств, Ленк пишет о признании за животными и природными существами морального квази-права. Тем самым снимается смысловой конфликт обоюдности прав и обязательств и обеспечивается психологическая основа для нравственной регуляции экологически значимого поведения. Однако такая непротиворечивость обеспе-

чивается за счет имплицитного представления об особой роли человека-управляющего в природном мире.

Показательно, что долгосрочные прагматические соображения также приводят к требованию этических ограничений в отношении человека к природному миру. Об этом пишет Алоиз Хунинг (1985): «Даже если мы за внечеловеческой природой не признаем таких же прав, что и за человеком, то качество окружающей среды побуждает нас рассматривать его как ценность..., ибо в интересах человека защищать естественную среду от неограниченного использования или даже разрушения людьми, так как лишь таким образом можно вообще обеспечить будущее существование человечества» [230, с. 414].

Понятие «квази-право» не было поддержано в экологической этике, где права природы рассматриваются наряду с правами людей. Вместе с тем, среди представителей разных направлений экологической этики существуют расхождения в понимании прав природного мира. Эти расхождения проходят по нескольким линиям и связаны с ответами на такие вопросы:

1. Кто в природном мире может быть субъектом права? Права каких субъектов следует считать приоритетными?
2. Каковы критерии, позволяющие определить субъекта права? Что может служить основанием для признания чьих-либо прав?

1. Кто в природном мире может быть субъектом права?

В экологической этике выделяются два подхода: права закрепляются за индивидуальной жизнью и права закрепляются за сообществами [159]. А. Швейцер, представители движения освобождения животных П. Сингер, Р. Райдер, Э. Линзи и др. делали акцент на правах отдельных живых существ, в то время как А. Леопольд, Т. Росзак, Б. Калликотт первоочередной считали задачу поддержания целостности и стабильности биосообществ, таких как отдельные экосистемы или планета в целом.

Последовательное развитие идеи прав отдельных живых существ приводит к вопросу о правах вирусов, бактерий, микробов и т. д. И хотя А. Швейцер писал, что, давая больному лекарство, он принимает на себя ответственность за гибель возбудителей болезни, подавляющему большинству современных людей подобные нравственные коллизии покажутся чрезмерным преувеличением.

Противоположный холистический подход базируется на представлении об экосистемах как своего рода единых организмах. Такое понимание прослеживается в работах Леопольда, в теории Геи (в некоторый переводах – Гайя) Дж. Лавлока, в работах Нейсса, Росзака и др.

Джеймс Лавлок выдвинул гипотезу о Земле как единой самоорганизующейся системе в конце 1960-х, а в 1972 году изложил первую обширную версию своей идеи в статье «Гея: взгляд сквозь атмосферу» [79]. Лавлок писал о способности планеты создавать саморегулирующую окружающую среду, которая не только поддерживает жизнь своих компонентов, но и сама является живой: «Рассматривайте теорию Гайи как альтернативу общепринятой мудрости, которая видит в Земле мертвую планету, состоящую из неодушевленных камней, океана и атмосферы и лишь местами населенную крупными формами жизни. Рассматривайте Гайю как реальную систему, в которой вся жизнь в целом и вся окружающая ее среда накрепко связаны воедино и представляют собой саморегулирующуюся сущность» (цит. по: [79]). В другой статье в 1979 г. Лавлок характеризовал свою гипотезу как «модель, согласно которой живое вещество Земли, ее воздух, океаны и поверхность суши образуют сложную систему, воспринимаемую как единый организм и способную поддерживать нашу планету в состоянии, пригодном для жизни» (цит. по: [35]). В рамках такой модели отдельные организмы и биологические виды могут быть уподоблены клеткам и органам в живом теле. Земля при этом выступает как «суперорганизм, регулирующий температуру и химический состав почвы, воды и воздуха в оптимальном для жизни режиме» [47]. Над научным уточнением модели Геи Лавлок работал вместе с микробиологом Линн Маргулис. Их совместная статья, отвергнутая ведущими академическими журналами, была опубликована в 1974 г. в журнале «*Icarus*».

Подтверждением взглядов Лавлока стала теория биотической регуляции окружающей среды, разработанная в середине 1980-х гг. российским биофизиком В. Г. Горшковым и его единомышленниками [47]. Согласно Горшкову, «единственным объяснением устойчивости приемлемых для жизни физико-химических параметров может служить сама земная биота, формирующая необходимую для своего существования окружающую среду и поддерживающая ее в некотором оптимальном для себя интервале. И что жизнь, таким образом, есть не только следствие, но и причина комплекса благоприятных для нее внешних условий... Используя энергию солнечного излучения, биота организует процессы преобразования и стабилизации окружающей среды на основе динамически замкнутых круговоротов веществ. И эти организованные ею потоки обеспечивают, или, во всяком случае, обеспечивали до сих пор, компенсацию всех имевших когда-либо место дестабилизирующих внешних воздействий» [47].

Концепция Геи, во многом в силу своей метафоричности, встретила критический отпор со стороны академических ученых и одновременно стала теоретической опорой для глубокой экологии и экоспихологии. Анализируя резко негативную реакцию научных кругов на гипотезу Лавлока, Ф. Капра отмечает, что «ни одна из теорий и мо-

делей самоорганизации, предложенных к тому времени, не встречала такого сильного сопротивления. Это наводит на размышление о том, не была ли эта в высшей степени иррациональная реакция научного истеблишмента обусловлена влиянием Гайи как мощного архетипического мифа. Действительно, образ Гайи как чувствующего существа был одним из главных неявных аргументов против Гайя-гипотезы после ее публикации. Ученые выражали свое неприятие заявлениями, что гипотеза ненаучна, поскольку она телеологична, т. е. подразумевает идею целенаправленного формирования естественных процессов» [79]. Вместе с тем, именно образ живой Земли привлекался Нейссом и Росзаком для обоснования представления об интересах и правах экологического сообщества.

Согласно теории Геи, индивидуальный интерес отдельных живых существ напрямую связан с интересами сверх-организма, как самой формы и условия их существования. Тем самым открывалась возможность для придания правам общности статуса более значимых прав, чем права отдельного индивида, что вызвало критику и обвинения в экологическом фашизме со стороны «освободителей животных» [159]. С другой стороны, переход к рассмотрению прав надиндивидуальных сущностей позволял говорить о правах флоры, ландшафтов, морей [181; 6]. Более того, в 1986 г. Ролстон вместе с другими исследователями издал сборник статей с многообещающим названием «За пределами космического корабля Земля: Экологическая этика и солнечная система», где поднимались проблемы «земного шовинизма» и «террацентризма» в контексте космической этики (по: [159]).

На то, что противопоставление биосистемы и отдельных живых существ во многом носит искусственный характер, указывает Т. Росзак, подчеркивая синергизм между благосостоянием планеты и личности, в соответствии с которым потребности планеты являются потребностями личности, а права личности – правами планеты [434].

2. Каковы критерии, позволяющие определить субъекта прав?

Самым распространенным аргументом является указание на внутреннюю ценность, присущую субъекту права. Для обоснования внутренней ценности защитники прав животных ссылаются на психологическую близость человека с другими животными, указывая на способность к переживаниям, к самовосприятию, общность происхождения (см. § 2.2.5). Также В. Джонсон и В. Франкена называли боль и страдания индивидуальных чувствующих существ как условие морального признания [159]. О внутренней

ценности других живых существ и их праве радоваться жизни говорил А. Нейсс [155].

В основном, к критерию *чувствительности* прибегают те эко-философы, для которых вопрос о правах имеет не абстрактное, а вполне конкретное содержание, определяемое пренебрежением людей к жизни других животных.

Когда вопрос о правах связывается с местом человечества в системе более высокого уровня, аргументация изменяется и становится более широкой.

В. Хёсле (1994) постулирует внутреннюю целесообразность *органического*, определяющую его превосходство над *искусственным*, которому присуща лишь внешняя целесообразность. «Поскольку же внутренняя целесообразность теснее примыкает к принципу самоопределения, нежели внешняя, то она представляет собой более высокую ценность, так что ее не следует, при прочих равных условиях, приносить в жертву артефактам» [225, с. 57].

Понятие *органического* у Хёсле объединяет отдельные организмы, биологические виды и экосистемы в целом. Тем самым идея прав, содержание которых Хёсле не конкретизирует, в его трактовке применима ко всему живому и его проявлениям. Также и в глубинной экологии А. Нейсса подразумеваются как права планеты и сообществ, так и права отдельных живых существ. В отличие от этого, в экопсихологии в центре внимания находятся естественные права Земли.

В работе Т. Росзак за 1978 г. права планеты обосновываются тем, что «Земля является личностью» (по: [159]). Вслед за Лавлоком и Маргулис, Т. Росзак использует метафору Геи, одушевленной Земли, которую, как мать всего живого, следует почитать и проявлять благодарность. В своих более поздних книгах и выступлениях Росзак развивает это требование, выстраивая аргументацию сразу в нескольких направлениях [434; 313; 314]. Опираясь на научные достижения последних десятилетий в области теории самоорганизующихся систем, Росзак говорит о Вселенной как о процессе саморазвития иерархии систем, частью которого являются жизнь и мышление. Таким образом, мышление и душа могут быть рассмотрены как естественная часть континуума природы (на чем, собственно, и основана экопсихология). Поэтому есть синергетическая связь между благосостоянием планеты и личности. Этот врожденный смысл *экологической взаимности* заложен в экологическом бессознательном и может быть реализован на уровне

осознанно ответственного и уважительного отношения к природному миру. Росзак говорит о глубоко биологической потребности услышать голос Земли, требующий от современного человека изменить образ жизни и экологические привычки. Современный научный язык теории систем перемежается у Росзака с характерными для психотерапии метафорическими построениями.

Представление о жизни на планете как самоорганизующейся системе трансформируется в экопсихологии в субъектификацию Земли с вытекающими отсюда этическими обязательствами. Согласно Росзаку, субъектное отношение, опирающееся на врожденную способность переживания своей биологической общности с планетарной жизнью, находит поддержку в эстетическом переживании и стремлении к безопасности. Признание своей взаимосвязи с Землей возвращает человека к истинным смыслам безопасности, достигаемой на основе взаимности и доверия. В игнорировании этой взаимосвязи, в стремлении обеспечить безопасность за счет доминирования и эксплуатации, следует искать корни современного экологического кризиса. Решение глобальных проблем возможно только при условии признания, что «мы можем получить большую безопасность посредством доверия и взаимности, чем доминированием и эксплуатацией» [313]. В целом, предлагаемое Росзаком обоснование прав природы может быть охарактеризовано как глубинно-психологическое.

Права целостных природных систем отстаивает Х. Ролстон (1974), когда пишет о нравственном долге человека сохранять стабильность природного мира, поскольку «само единство человека с его окружением определяет основу для человеческих ценностей» [181, с. 268]. Ролстон выступает против попыток интерпретировать экологическую этику как замаскированный эгоцентрический интерес человека.

Тем не менее, сам Ролстон подвергается критике за то, что определяет ценность природы как жизнепорождающую среду («родительскую матку»). Как замечает Ф. Иванхоэ (2010), метафора гусыни, несущей золотые яйца, будучи приложенной к экосистеме, всегда оставляет лазейку для антропоцентрических интерпретаций и сведения природы к ее прагматической ценности [361].

Ролстон вводит понятие «экологической совести» и полагает, что опорой для нее может стать психотерапевтический эффект, оказываемый природным миром на человека.

Польза нравственного отношения к природе может быть признана и прагматиком, на что обращал внимание Рене Дюбо: «если даже

исходить только из эгоцентрических побуждений, мы должны сохранять разнообразие и гармонию в природе. ...Дикая природа – это не роскошь, она необходима для защиты гуманизированной природы и для сохранения душевного здоровья» (цит. по: [181, с. 277]).

Также Ролстон останавливается на роли эстетической мотивации в принятии экологической этики. Идею Леопольда о нравственном долге человека сохранять экосистемы в их лучших качествах Ролстон интерпретирует в терминах целостности, красоты и устойчивости [там же]. Отчасти здесь Ролстон следует за А. Уайтхедом, связывавшим эстетическое (поэтическое) видение и внутреннюю ценность воспринимаемого:

«Вспоминая поэтическое изложение нашего конкретного опыта, мы сразу же видим, что элемент ценности (value), обладания ценностным смыслом, бытия в себе и для себя не должен быть утрачен ни при каком рассмотрении события как чего-то, обладающего наиболее конкретной актуальностью. “Ценность” – слово, используемое мной для обозначения внутренней реальности события. Ценность – это то, что насквозь пронизывает поэтическое видение природы. Нам следует лишь перевести в саму структуру осуществления события ту ценность, которую мы с такой готовностью узнаем, рассматривая человеческую жизнь» [207, с. 153].

Уайтхед не выводил рассмотрение природы в этическую плоскость, однако проводимое им сопоставление поэтического видения и механистичного научного расчленения природы не лишено этической окраски. Это наиболее заметно, когда он приводит высказывание Вордсворта: «Чтобы расчленишь, мы убиваем» [там же, с. 141]. Эти слова могут быть поняты иносказательно, как указание на ограничения научного познания, но в них заключен и прямой смысл уничтожения природы. Обращаясь к поэзии Вордсворта, Уайтхед раскрывает внутреннюю ценность не только живых организмов, но и неорганической природы, природы в целом. Эта ценность открывается в эстетическом созерцании, но суть ее в системном единстве и взаимозависимости.

Сама же по себе эстетическая ценность природы, сведенная к удовлетворению эстетического чувства человека, не может быть достаточным аргументом для экологической этики. Так, в статьях Тони Линча (Tony Lynch, 1996, 1998) признается эстетическая ценность природы и опровергается неантропоцентрическая этика [387; 388]. Такой взгляд опирается на представление о природе как эстетическом *объекте*, в отношении которого не требуется отдельная этика, достаточно эстетического чувства. Однако отноше-

ние к природе как эстетическому объекту открывает широкое поле для ее улучшения, совершенствования, а также для превращения природы в товар эстетического назначения [315].

Неочевидные последствия эстетизации природы проявляются в том, что фотографии и фильмы, создаваемые в природоохранных целях, в действительности способствуют формированию искаженного – приукрашенного – образа, который препятствует осмыслению происходящего разрушения дикой природы [там же]. В качестве примера Кэтрин Фергюсон (Kathryn Ferguson) останавливается на том, как представлен в кино- и фотопродукции Большой барьерный риф: «то, что мы видим... слишком часто не риф вообще, но оформленный и продающийся товар» [315, с. 226]. Фотографы, операторы стремятся привлечь и удержать внимание зрителя за счет ярких, красочных кадров, выискивая наиболее эффектные ракурсы и отбирая самые привлекательные «модели» среди обитателей коралловых рифов. Реальное состояние рифа – обесцвеченные кораллы, мертвая рыба, разрушающаяся гармония – остаются за кадром. В результате у зрителя формируются нереалистичные ожидания, которые становятся причиной непонимания усилий по охране рифов.

Другой аспект подобной «эстетизации» – тиражирование шаблонных образов, обуславливающих стереотипизацию восприятия природы [315]. Изображения «усовершенствованной» природы не просто становятся ее заменителями, компенсируя дефицит подлинных контактов. Вынужденный конкурировать с «идеальным», а в действительности выхолощенным образом природы как товара, реальный природный мир далеко не всегда выдерживает такую конкуренцию. Для описания такого использования экологических образов был предложен специальный термин «экопорнография». Поднимается вопрос о репрезентационной этике, противостоящей стремлению овладеть природой как эстетическим объектом [там же].

Проведенный обзор показывает, что обсуждение прав природного мира выстраивается вокруг ценностных смыслов природы.

Рассмотрение природы и ее компонентов в качестве объектов (ресурсов), предназначенных для реализации человеческих потребностей, исключает субъективное признание прав природного мира. Тем не менее, это не исключает нравственной регуляции экологически значимого поведения, которая в данном случае будет определяться представлениями об *инструментальной ценности природы* для человеческого сообщества и признанием *экологических прав* других людей. Результаты такой регуляции, как показывает исторический ход событий, могут быть катастрофическими для экосистем и, соответственно, для зависящих от них сообществ людей.

Включение в систему регуляции экологически релевантного поведения представления о правах будущих поколений может актуализировать собственно экологические смыслы жизнедеятельности, но при условии признания экосистем в качестве безусловной ценности и основы самого существования для будущих поколений. В этом случае соблюдение прав будущих поколений регулируется *этикой несущей способности* [345].

Признание внутренней ценности природы сопряжено с отношением к природному миру (и/или его составляющим) как субъекту, интересы и права которого следует учитывать в своей деятельности. Как показывает анализ литературы, субъектификация природы может получать различные обоснования, но все их объединяет переживание общности с природным миром.

6.4. Резюме: смысловые конфликты в понимании путей решения глобальных экологических проблем

Как показал анализ международных документов (глава 5), глобальные экологические угрозы (вначале обозначавшиеся как проблемы окружающей среды, а позже как проблема глобальных экологических изменений) рассматриваются в двух ракурсах:

- как непосредственная угроза жизни людей (вследствие антропогенных экологических катастроф и стихийных бедствий);
- как угроза нехватки жизненных ресурсов (ресурсов окружающей среды).

Растущее потребление ресурсов ведет к разрушению природного окружения и росту неустойчивости в глобальной экосистеме, а также к сокращению источников возобновимых ресурсов, которое не может быть компенсировано за счет невозобновимых запасов. Поэтому проблема распределения ресурсов является ключевой для совладания с глобальными экологическими проблемами. Именно вокруг этой проблемы выстраивается обсуждение глобальных экологических угроз и путей обеспечения экологической безопасности.

Идея материального прогресса, подкрепленная убеждением в технологической мощи человечества, базируется на гуманистическом представлении о возможности неограниченного материального процветания всех людей. В этом контексте конкурентное стремление к повышению своего благополучия также наполняется позитивными социальными смыслами, закрепленными в либертатной концепции прав человека. Однако в экологической реаль-

ности конкурентное наращивание потребления ресурсов ведет к опасному снижению несущей способности планеты и ставит под угрозу будущее людей, что обуславливает негативные экологические и социальные смыслы прогресса, технологического развития и конкуренции, связанных с ростом материального потребления.

Такие негативные смыслы закрепляются в этике несущей способности, ценностными приоритетами которой выступают стабильная несущая способность (Хардин) или экологический баланс (Колуэлл). (Как вариацию этики несущей способности можно рассматривать этику рационального природопользования.) Поскольку сохранение несущей способности в условиях ограниченных ресурсов невозможно при продолжающемся росте материального потребления в социуме, субъективные установки на материальный прогресс и рост потребления вступают в конфликт с требованиями этики несущей способности. Помимо этого, при выраженном социальном неравенстве этика несущей способности **диктует выбор** между экономической свободой и социальными гарантиями. В случае приоритета экономической свободы этика несущей способности трансформируется в этику спасательной шлюпки, оставляя за бортом наиболее бедные слои населения.

Для реализации социальных гарантий в условиях дефицита ресурсов требуется жесткое регулирование уровня материального потребления. В обществе, ориентирующемся на либеральные принципы, такое регулирование возможно только при условии субъективной готовности к добровольному самоограничению, что принято оценивать в терминах альтруистического поведения. Вместе с тем, при сохраняющейся ориентации на материальный прогресс даже остановка роста материального потребления может восприниматься как снижение качества жизни. И если раньше можно было заботиться о благополучии других, будучи полностью уверенным в росте собственного благополучия, то теперь ситуация меняется: необходимо заботиться о росте благополучия других, отказываясь от улучшения собственной жизни. Требование такого альтруистического выбора может актуализировать негативные смыслы самопожертвования. Поэтому многие исследователи выражают сомнения в том, что альтруистическая мотивация может быть достаточной для перехода к экосохраняющему образу жизни.

Со времени первых предупреждений о глобальных экологических угрозах, в качестве мотива к изменению способа жизни

устойчиво звучит забота о будущих поколениях. Позднее это положение оформляется в концепцию прав будущих поколений. Тем самым права на использование «природной ресурсной базы» [74] закрепляются за всем человеческим сообществом, и рамки этого сообщества расширяются, включая в себя будущие поколения. Предполагается, что такое обращение к биологически обусловленной заботе о потомстве сможет побудить людей объединить усилия, чтобы сохранить существующую природную среду, как ресурсную основу для всего человечества.

Однако смыслы заботы о будущих поколениях могут реализоваться в экоразрушительном конкурентном стремлении максимизировать личное материальное потребление, чтобы обеспечить собственных потомков и увеличить их шансы на выживание. В этом ракурсе требование альтруистического поведения может быть осмыслено как требование пожертвовать не только своими интересами, но и своим потомством. Если же говорить о «разумном эгоизме» (опирающемся на рациональное признание необходимости объединения усилий и ресурсов ради общего будущего), то для того, чтобы он привел к экосохранению, требуется высокий уровень доверия к другим людям и социуму в целом. Но в такой трактовке само понятие эгоизма инвертируется и утрачивает свой смысл.

Таким образом, ни альтруизм, ни забота о будущем поколении, ни разумный эгоизм не могут устранить противоречие между требованиями этики несущей способности и приверженностью идее прогресса в его материальном измерении.

Вместе с тем, этика несущей способности согласуется с идеей духовного прогресса, позволяющей реализовать стремление к изменениям и развитию в течение неопределенно долгого времени (на протяжении жизни многих поколений). В духовном измерении прогресса акцентируются смыслы доверия и сотрудничества, личностного роста и самореализации. Тем самым снимаются конфликтные смыслы альтруизма как вынужденного самопожертвования, изменяются и представления о качестве жизни.

Тем не менее, уместен вопрос о том, в какой степени этика несущей способности соответствует вектору духовного прогресса. Совместим ли духовный прогресс с восприятием природного окружения как ресурсной базы для человеческого сообщества, с конкурентным отношением к природному сообществу? Этика несущей способности обосновывает необходимость рационально-

взвешенного подхода к использованию ресурсов, позволяющего поддерживать экологический баланс. В своем предельном выражении такой подход базируется на вере в научные технологии, открывающие бесконечные возможности по управлению человеческим социумом и природой. Но для реализации этого подхода требуется такая степень ответственности, которая значительно превышает возможности рационального познания.

Этика несущей способности стала ответом на глобальные экологические угрозы, обусловленные человеческой активностью, нацеленной на материальный прогресс. Но это ответ на последствия, а не на сами причины глобальных экологических угроз, которые лежат вне рамок системы человеческого сообщества и коренятся в системе взаимодействий «человек – природное окружение».

А. П. Назаретян, выделяя «векторы человеческой эволюции», называет рост технологической мощи и совершенствование культурно-психологических механизмов сдерживания агрессии. Автор формулирует «закон техно-гуманитарного баланса», который «в системно-кибернетических терминах... выражает зависимость между потенциалом внешнего управления, потенциалом внутреннего управления (самоконтроля) и устойчивостью» [152]. «Совершенствование механизмов сдерживания агрессии – абсолютно необходимое условие для усложнения организации, последовательного роста технологической мощи, численности и плотности населения» [152]. Такая система «сдержек и противовесов» необходима для поддержания устойчивости неравновесной (саморазвивающейся) системы, которой является глобальное человеческое сообщество.

При таком рассмотрении глобальное человеческое сообщество выступает как замкнутая система, имеющая выход на неограниченный энергетический ресурс. Подтверждением тому, что речь идет о регуляции процессов внутри сообщества и об угрозах, возникающих внутри этого сообщества, может служить еще одна формулировка закона техно-гуманитарного баланса: «Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества» [там же].

Проведенный нами исторический обзор служит подтверждением закону техно-гуманитарного баланса. Развитие средств культурной регуляции, выразившееся в концепции прав человека, требовании социальных гарантий, политической кооперации

и т. п., позволяло человеческому социуму поддерживать относительную устойчивость, компенсируя социальные угрозы, связанные со стремительным технологическим ростом. Вместе с тем, это же позволяло глобальной системе человечества и далее функционировать в экоразрушительном режиме, что вело к снижению устойчивости системы более высокого уровня «человек – природное окружение».

Для того чтобы удержать в устойчивом состоянии неравновесную систему «человек – природное окружение», необходимо развитие таких средств культурной регуляции, которые позволят контролировать и сдерживать технологическую агрессию глобального человеческого сообщества в отношении природного окружения.

В качестве одного из таких средств культурной регуляции выступает экологическая этика, включающая в моральное сообщество нечеловеческих субъектов. В экологической этике понятие возобновимых ресурсов наполняется новыми смыслами. Если в традиционной этике ресурс имеет экономическое и социально-правовое значение, а в этике несущей способности к этому добавляется значение экологическое, то в экологической этике основное значение ресурса раскрывается в нравственной плоскости. Ресурс глобальной экосистемы рассматривается как необходимый для жизнедеятельности не только людей, но и всех других участников экосистемного взаимодействия. При таком подходе приоритетным становится сохранение глобальной экосистемы, что в текущей ситуации возможно только при условии ограничения материального потребления и приведения его в соответствие с несущей способностью (основанной на возобновимых источниках вещества и энергии). Предполагается, что психологической основой для такого подхода может стать врожденная способность человека к переживанию общности с другими живыми существами, реализация которой является необходимым условием для психологического здоровья личности.

Образ жизни, отвечающий требованиям экологической этики, означает согласование материального потребления с требованиями полноценно функционирующего организма, психологическое благополучие, развитие системного мышления и постижение сложности жизненных процессов, самоактуализацию в широком – экологическом – контексте. Акцент во взаимоотношениях людей с природным окружением и в отношениях между людьми де-

ляется на сотрудничестве (тем самым должен корректироваться существующий в настоящее время перекос в этих отношениях в сторону конкуренции).

Вместе с тем, в экологической этике также заложены смысловые конфликты, и в первую очередь это конфликт, обусловленный необходимостью сочетать в отношении к другим живым существам смыслы субъектности (другие живые существа как субъекты) и смыслы источника жизненного ресурса (одна жизнь существует за счет другой).

В целом, обсуждение путей преодоления глобального экологического кризиса выстраивается вокруг проблемы жизненных ресурсов в двух ее аспектах. Это вопрос об ограниченности – бесконечности ресурса, ответ на который зависит от понимания прогресса, технологий, качества жизни. И второй вопрос – о субъектах, имеющих право на жизненный ресурс, или иначе – о том, чьи интересы и каким образом следует учитывать при принятии экологически значимых решений. Подход к решению обоих вопросов определяется представлениями о месте человека в системе «человек – природное окружение» и связан с ценностными ориентациями.

Глава 7. Антропоцентризм как психологический феномен

Термин «антропоцентризм» используется в научном дискурсе в разных значениях. В контексте противостояния теоцентризму, антропоцентризм рассматривается как характеристика гуманистического мировоззрения, уходящего своими корнями в античные философские системы (Протагор, Сократ) и утвердившегося в философии Возрождения [27]. Одновременно антропоцентризм оценивается как имманентное свойство монотеистического мировоззрения, противопоставляемого пантеистическому образу мира. В ракурсе социально-психологической проблемы «человек – общество» антропоцентризм, как мировоззренческая ориентация на объяснение социального природой человека, составляет оппозицию социоцентризму, рассматривающему человека через призму социума [189]. В данной главе проводится теоретический анализ антропоцентризма как психологического феномена, раскрываемого в контексте глобальных экологических изменений [107].

7.1. Функциональное значение антропоцентризма: экологический контекст

Первые значительные попытки научной рефлексии антропоцентрического способа восприятия и оценки действительности, как ключевого фактора развития экологического кризиса, были предприняты в 1960-х годах. Наиболее известной работой того времени, выполненной в этом направлении, стала статья историка Л. Уайта, в которой рассматривалась связь антропоцентрического мировоззрения с иудео-христианской традицией, с христианской системой ценностей (см. гл. 4.2). Утверждалось, что «христианство, особенно в своей западной форме, – наиболее антропоцентрическая из всех мировых религий» [206, с. 196]. Размышляя о перспективах человеческого развития, автор заключал: «мы и дальше будем идти по пути углубления экологического кризиса, пока не отвергнем христианскую догму, согласно которой у природы нет никакого другого предназначения, кроме как служить человеку» [там же, с. 202].

За последующие 40 с лишним лет антропоцентризм был предметом анализа для самых разных специалистов: историков науки, философов, социологов, психологов и др. Смысловое пространство такого анализа определялось экспоненциально нарастающими проявлениями социально-экологического кризиса. С учетом этого экологического контекста, антропоцентризм, в его *функциональном аспекте*, обуславливает такое отражение действительности, которое поддерживает **экологически разрушительные способы жизнедеятельности человека**. Поскольку сами эти способы жизнедеятельности возникают в рамках конкретной среды обитания и завязаны на конкретные экологические условия, то разрушение этой среды и нарушение условий делает *нежизнеспособными* сами способы жизнедеятельности. Возникает необходимость расширения среды обитания или замены ставшего неэффективным способа жизнедеятельности другим, еще более экологически разрушительным. Когда ареной жизнедеятельности человека становится экосистема Земли в целом, проблема экологической жизнеспособности способов жизнедеятельности в конечном итоге перерастет в проблему жизнеспособности самого человечества. Для решения этой проблемы требуется либо выход за пределы земной экосистемы, либо замена способов жизнедеятельности на экологически жизнеспособные.

Продвижение экологически нежизнеспособных способов

жизнедеятельности можно назвать **парадоксом антропоцентризма**. Уточним, что эффект экологической нежизнеспособности, в виде снижения экологической устойчивости и разрушения поддерживающих человека экосистем, проявлялся, как правило, спустя многие поколения, и стал предметом научного осмысления только в XIX ст. Вместе с тем, экологически разрушительные способы жизнедеятельности обеспечивали постоянный приток ресурсов, формируя представление о независимости и относительной защищенности человеческого социума от природного окружения. Закрепляясь в форме антропоцентризма, такие представления служили основой для дальнейшего покорения природы, как условия экологической безопасности. Таким образом, на субъективном уровне, антропоцентризм удовлетворял потребность в экологической безопасности для поколений, внедряющих новые экологически нежизнеспособные способы жизнедеятельности, а объективно – подрывал основы экологической безопасности будущих поколений. Однако к настоящему времени эти две противоположенные функции антропоцентризма синхронизировались и вылились в глобальный социально-экологический кризис. (В предисловии Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна к отчету ЮНЕП ГЕО-4 прямо говорится о цене, которую придется платить не только будущим, но и ныне живущим поколениям, если мировое сообщество не отреагирует адекватным образом на экологические угрозы [327, с. XVI–XVII].)

В экологическом дискурсе стало уже общим местом положение о том, что преодоление экологического кризиса, вызванного человеческой деятельностью, невозможно без изменений в мировоззрении людей, в их отношении к окружающему миру. Значительное число исследователей связывают такие изменения с отказом от антропоцентризма в пользу других, «проэкологических» форм регуляции жизнедеятельности. Используя критерий экологической жизнеспособности, можно сказать, что речь идет о таком типе отражения действительности, который будет **поддерживать экологически жизнеспособные** способы жизнедеятельности.

В качестве альтернатив антропоцентризму называются новая экологическая парадигма [83; 307; 311], экоцентризм [64; 244], биоцентризм [64; 307; 439], природоцентризм [244].

Само разнообразие этих терминов, за каждым из которых стоит стремление исследователей предложить реальный выход из сооруженного людьми экологического тупика, внушает надежду, что такой выход существует и может быть использован. Вместе с тем, возника-

ет определенная терминологическая путаница, когда один и тот же термин используется для обозначения различных смысловых областей или, наоборот, разные термины получают одно содержательное наполнение. Проблема усугубляется еще и тем, что нередко авторы уходят от экспликации содержания используемого конструкта, оставляя возможность для самой широкой его интерпретации. Сам термин «антропоцентризм» используется в психологической литературе чаще всего в качестве содержательной характеристики: антропоцентрическое сознание, антропоцентрическое мировоззрение, антропоцентрическое мышление и т. п. Это как давать определение злости через описание злого человека: суть может быть раскрыта, но ее будут маскировать другие, в том числе оценочные, суждения.

Ранее, в [105] мы рассматривали антропоцентризм как особую установку на восприятие природы. В соответствии с результатами нашего эмпирического исследования такая установка проявлялась в следующем: • при восприятии экологической проблематики доминировали социальные, а не собственно экологические смыслы; • интересы других живых существ игнорировались; • актуальными смыслами экологически значимых действий были потребительские смыслы природы [105, с. 8]. Как систему мировоззренческих убеждений предлагает рассматривать антропоцентризм Е. В. Рудомино-Дусятська [186]. В данной работе разрабатывается понятие антропоцентризма как системного диспозиционного образования. Для анализа антропоцентризма как диспозиционного образования *особого* типа мы обратимся к теоретическому и эмпирическому материалу, представленному в психологии и смежных дисциплинах.

7.2. Антропоцентризм и иерархическая картина мира

Как показывает анализ словарной литературы, термин «антропоцентризм» чаще всего связывается с учением, воззрением, мировоззрением, позицией, точкой зрения, согласно которой «человек является центром и высшей целью мироздания». В украинской и российской экологической психологии суть антропоцентризма раскрывается через отличительные особенности антропоцентрического типа экологического сознания, описание которых в развернутой форме было предложено в работах С. Д. Дерябо и В. А. Ясвина (в частности [64; 255]).

Среди этих особенностей наиболее часто отмечаются:

- иерархическая картина мира, в которой человек занимает доминирующее положение в природе;

- утверждение человека как высшей ценности;
- природа рассматривается исключительно как окружающая среда, ценность которой определяется возможностями ее использования человеком;
- этическим критерием действия является его полезность для человека [163; 244; 196].

Для антропоцентризма характерно представление о том, что человек может изменять мир наилучшим для себя способом [92]. Такое представление базируется на двух пресуппозициях: человек может – поскольку имеет право – поступать так, как лучше для него; человек может – поскольку знает и умеет – изменять мир к лучшему. В этих двух базовых посылках проявляется двойственная природа антропоцентризма: как **нравственной позиции**, связанной с системой ценностных ориентаций, и как **когнитивной позиции**. Предельно коротко суть антропоцентризма можно выразить в трех словах: «человек знает лучше».

Предложенная формулировка антропоцентризма является антитезой к одному из «законов экологии», сформулированных Б. Коммонером: «Природа знает лучше» [92, с. 29]. Согласно автору, поскольку процессы в экологических системах цикличны и нелинейно взаимосвязаны, а восприятие и мышление человека избирательны и детерминированы линейными целями, то человек не может предсказать все последствия своих действий, а значит – «природа знает лучше».

До сих пор содержание антропоцентризма рассматривалось нами в рамках дихотомии «человек – природа», возможно, исчерпывающей для описания картины мира атеиста, но явно недостаточной для раскрытия религиозного мировоззрения. В последнем случае необходимо уточнить место Бога в образе мира и влияние его на отношение человека к природе.

С включением Бога в антропоцентрическую картину мира формулировка «человек знает лучше» претерпевает изменения. Она может звучать: «С помощью Божьей человек знает лучше». Это означает – Бог знает лучше, чем человек, но суть не меняется – человек знает лучше, чем весь остальной тварный мир. Уточним, речь идет не о *любом* религиозном мировоззрении, а о мировоззрении антропоцентрическом. Тогда иерархическая картина мира может быть представлена в виде пирамиды: Бог (Творец) – человек – природа (тварный мир) (рис. 7.1а). Человек – тоже творение Божье, но по воле Божьей поставлен *над* остальными тварями. В атеистической антропоцентрической модели мира человек возвышается над природой (человек – природа) (рис. 7.1в) и даже может

уподобляться высшей творящей силе (Человек=Творец – природа) (рис. 7.1б). Вполне справедливым будет спросить, насколько уместно говорить об атеистическом мировоззрении в последнем случае (7.1б). Если модель 1а представляет Бога как источник трансцендентного знания, доступного (в некоторой мере и при некоторых условиях) только человеку, то в модели 1б сам человек трансцендентен природе и выступает Творцом-преобразователем. Устойчивость картины мира 1а и 1б обеспечивается общим психологическим механизмом – верой в высшую силу.

Образ мира 1в лишен трансцендентного источника и может показаться психологически неустойчивым, поскольку доминирующее положение человека лишено верховной поддержки. Какие психологические механизмы поддерживают представление об иерархическом устройстве мира в этом случае? Назовем здесь два: принятие на веру культурной антропоцентрической традиции (механизм социализации) и эгоизм (в частности, видовой эгоизм). Оба механизма связаны с системой ценностных ориентаций, играющих важную роль в регуляции поведения. Благодаря традиции и эгоизму доминирующее место в иерархии индивидуальных ценностей закрепляется за интересами человека.

Рис. 7.1. Модели антропоцентрической картины мира

Заметим, что ни религиозность, ни атеизм сами по себе не определяют антропоцентрический взгляд на природу. На рис. 7.2а представлена модель такой картины мира, где человек и природа на равных внимают Богу. Если же в трактовке религиозности не привязываться жестко к персонифицированной высшей силе, и в качестве критерия религиозности рассматривать веру в возможность трансцендентного познания, становится очевидным, что религиозное, по сути, отношение к природе как трансцендентной силе по определению означает иную – не антропоцентрическую – картину миру (2б).

В наши задачи не входит анализ различных религиозных и философских систем, отметим только, что модель 2а может быть

сопоставлена религиозным взглядам Франциска Ассизского. Для Франциска и «малые птицы» и апеннинский волк и прочие твари – такие же создания, как и люди, и так же готовы воздать хвалу Творцу. Поэтому человек и другие живые существа находятся рядом в основании пирамиды. Зато в картине мира язычника природа, населенная духами и сама несущая духовное начало, может занимать доминирующее положение (2в). Также природа может восприниматься как проявление Бога (единого трансцендентного начала), постижение которого возможно только через приобщение к Природе и признание ее высшей ценности. Иллюстрацией к такому образу мира (2б) могут служить взгляды американских трансценденталистов XIX в. или же современная этика дикой природы. (Обратим внимание на диаметрально противоположные образы мира 1б и 2б, метафорой для которых может служить анекдот о различном отношении к человеку двух домашних питомцев – собаки и кошки. «Человек меня кормит и поит, наверное, он – Бог» – думает собака; «человек меня кормит и поит, наверное, я – Бог» – думает кошка. Заменяем слово «человек» на «природа», и получим иллюстрацию к двум картинам мира – 2б и 1б.)

Рис. 7.2. Иерархическая картина мира: религиозное не антропоцентрическое мировоззрение

Образ мира, в котором природа занимает главенствующее положение относительно человека, иногда называют природоцентрическим [244]. Насколько психологически устойчивым и непротиворечивым может быть такой образ мира? Ведь для поддержания своей жизни человек вынужден использовать другую жизнь, и тем самым ставить свои потребности, свои интересы выше потребностей тех, кто является неотъемлемой частью природы – высшей ценности. Подобный ценностный конфликт переживается как конфликт жизненных смыслов, и требуются специальные психологические техники для утилизации и компенсации негативных переживаний. Примером таких техник могут служить разнообразные очистительные и умиловительные ритуалы у охотничьих народов (например, [201]). Вера в искупительную силу ритуаль-

ных действий удерживает ценностную иерархию от распада или инверсии.

7.3. Антропоцентризм и система ценностей

Любая иерархическая картина мира изначально базируется на противопоставлении: низшего – высшему, материального – духовному, более ценного – менее ценному. Такая иерархия закрепляется в системе культурных ценностей – на уровне сообщества, и в системе ценностных ориентаций – на уровне индивида. Во всех рассмотренных нами иерархических моделях необходимым условием сохранения стабильности образа мира является вера/убежденность. Вера опирается на ценностную иерархию и, вместе с тем, питает ее жизненными смыслами, образуя в результате замкнутый ценностно-смысловой контур. При этом антропоцентрическое видение открывает простор для такой реализации человеческих потребностей, которая, казалось бы, не порождает внутреннего конфликта, не оставляет чувства вины и не требует дополнительных искупительных действий. Однако все это возможно при одном условии, которое до сих пор игнорировалось в наших построениях. Это условие – эмоциональное отчуждение от других живых существ.

Исходными в культургенезе были неантропоцентрические системы, на что указывают исследования традиционных бесписьменных культур охотников и собирателей (в частности, [119; 143]). В. И. Панов пишет о синкретическом (архаическом) виде экологического сознания, «когда в своем сознании и самосознании человек еще не выделял себя из окружающей среды (природы) и тем более не противостоял ей как объекту преобразования в соответствии с собственными целями выживания» [163, с. 100]. В таких сообществах важную, а зачастую и решающую роль в регуляции жизнедеятельности выполняют врожденные механизмы эмоциональной подстройки к другим живым существам (включая, конечно, людей), что подчеркивается многими исследователями, нередко в романтическом ключе. Так, Э. Канетти развивает идею «превращения» [78], а Г. и Г. А. Франкфорты пишут о мире, предстающем для *примитивного* человека как «ты», которое «не может быть созерцаемо с умственной отрешенностью, оно переживаемо как жизнь, встретившаяся с другой жизнью, оно втягивает все существо человека в двусторонние взаимоотношения» [218, с. 36]. Вся система культурных средств в таких сообществах

– особенно, мифы и ритуалы, обеспечивающие обряд инициации (отметим содержательный анализ в [176]) – направлена на поддержание и развитие психологических механизмов, обеспечивающих переживание природной общности с окружением.

Показательно, что, как правило, нарушения природного баланса расцениваются в традиционных сообществах охотников и собирателей как следствие нарушения социальной гармонии в самом сообществе, соответственно, восстановление нарушенной координации отношений внутри социума служит способом урегулирования отношений с внешним миром (из многочисленных работ на эту тему отметим [7]).

Действием эволюционных механизмов психологической подстройки определяется внутривидовой (и межвидовой) альтруизм, о котором писал П. Кропоткин [94; 95]. Исходная общность всех живых существ как компонентов единой живой саморегулирующейся системы постулируется в концепции Геи. Также понятие экологического бессознательного, используемое Т. Росзаком, включает представление о биологически обусловленной способности «слышать голос Земли», общий для всех живых существ. Идея экологического бессознательного получила свое развитие в психоанализе, в частности, в концепции Joseph Mishan разрушение окружающей среды связывается с отрицанием первичной связанности личности с природным миром [400]. В рамках поведенческой психологии Франсуаза Уемелсфелдер выдвигает теорию, согласно которой, наблюдая за животным и делая выводы о его состоянии, мы не просто проецируем на него свои чувства, но и узнаем о его истинных ощущениях [21, с. 47–54].

Помимо того, что эти механизмы описаны психологами, психотерапевтами, этологами, культурологами, философами, о них знает по своему опыту каждый психически здоровый человек. Эмпатия, сопереживание, в том числе и другим живым существам, изначально присущи человеку. Для «погашения» этой способности, для нейтрализации естественного эмоционального отклика и чувства общности с другими животными, требуются специальные психотехнические системы, опирающиеся на особые формы жизнедеятельности. Речь идет о психотехническом компоненте воспитательных, образовательных, религиозных, этических, идеологических, научных и т. п. систем и о таких способах жизнедеятельности, которые порождают и закрепляют противостояние человека природе. Оппозиция «человек – природа» институализируется в социальных структурах, культуре, социальных нормах и ценностях. Благодаря всем этим условиям поддерживается в сов-

ременной промышленной цивилизации внешняя изоляция и внутренняя отчужденность человека от мира природы. На ментальной шкале «свое – чужое» природа смещается к полюсу «чужого», иного. Это не исключает культивирования в качестве «своих» отдельных «образцов» и «экземпляров» из природного мира, а иногда и целых «природных сообществ». Более того, эти природные эрзацы необходимы для латания «эмоциональных дыр» и поддержания биологической идентичности. Для придания устойчивости видению, отрицающему целый пласт эмоционального опыта, требуется эмоциональная инвалидизация и/либо создание таких условий, при которых минимизируется необходимость лично в непосредственном контакте реализовать свои права на других животных как на ресурс (пищевой, меховой, кожевенный и т. п.).

Антропоцентрическая иерархия ценностей сообщества порождается экспансивным освоением и расширением его ресурсной базы, и условием сохранения такой иерархии является постоянный **приток ресурсов**, как подтверждение эксклюзивного положения человеческого вида в экосистеме. Поэтому ценность накопления и закрепления за собой ресурса занимает высокое место в иерархии ценностей сообщества. Как заметил еще Эпикур: «Богатство, требуемое природой, ограничено и легко достижимо; а богатство, требуемое праздными мнениями, простирается до бесконечности» [57, с. 408].

На уровне ценностных ориентаций личности антропоцентризм проявляется в том, что ценность других живых существ и природы в целом определяется тем, насколько они значимы для человека как **ресурс**. Ресурс не обязательно должен быть материальным, он может быть также эстетическим, рекреационным, психотерапевтическим, познавательным и т. п., но его ценность – это ценность *средства, полезного человеку* для удовлетворения определенных потребностей, достижения определенных целей, решения определенного круга задач. Регуляция поведения в отношении таких ценностных объектов (ценностей-средств) осуществляется на уровне терминальных ценностей (они же – ценности-цели). Как отмечал Т. Парсонс, «стандарты ценностной ориентации ... формируют направление выбора при дилеммах, встречающихся в действии» [165, с. 512]. Если возникает проблема выбора между несколькими ценностными объектами для реализации определенной цели, то окончательное решение определяется интегральной значимостью тех терминальных ценностей, сферой влияния кото-

рых определяется текущая ценность каждого объекта. Таким же образом будет разрешаться конфликт между несколькими целевыми устремлениями, требующими различных действий в отношении одного и того же ценностного объекта. Так, например, стремление спилить тополь, чтобы избавиться от пуха, может входить в конфликт со стремлениями получать защиту от жаркого летнего солнца, любоваться видом зеленой кроны в окне, сохранить нормальные отношения с соседями, посадившими этот тополь и т. д.

Регуляция подобных конфликтов в масштабах сообщества также происходит через обращение к терминальным ценностям. Яркий тому пример – разыгравшийся в 1960-х годах в США конфликт вокруг сооружения сети гидроэлектростанций в Большом Каньоне [158]. Для бизнесменов и сенаторов, продвигавших данный проект, ценность Большого Каньона была ценностью экономической, в то время как защитники природы, чьи интересы представлял Сьерра Клуб, отстаивали его эстетическую и рекреационную ценность для американской нации. Защитники целостности Большого Каньона позиционировали его как национальный символ, как значимый элемент национальной идентичности. Соответственно оппоненты были вынуждены перевести обсуждение экономической ценности *территории* в контекст американских ценностей прогресса и независимости. Поскольку обе стороны апеллировали к высшему уровню иерархии национальных ценностей, сопротивление затоплению Большого Каньона не было достаточным, чтобы проект был закрыт. Окончательный перелом в общественном мнении произошел, когда власти предъявили Сьерра Клубу обвинение в попытке повлиять на политические решения и применили к нему финансовые санкции. Благодаря СМИ, такие шаги получили широкую огласку и, отмечает Р. Нэш [там же], были расценены общественностью как наступление на высшую ценность – право американцев отстаивать свои права. Новым ценностным смыслом, закрепившимся за действиями по защите Большого Каньона, поборники прогресса не смогли выдвинуть соразмерную ценностную альтернативу и были вынуждены отступить.

Однако спустя десять лет во время энергетического кризиса в США проект вновь был выдвинут, подкрепленный на этот раз ссылками на ценность энергетической безопасности и независимости США как суверенного государства. Таким образом, экономическая ценность Большого каньона как ресурса электроэнергии дополнялась его значением в контексте ценностей национальной

безопасности и независимости. Однако поскольку независимость как ценность имеет не только экономический, но еще и психологический аспект – независимость как национальная гордость, как готовность выстоять в сложных условиях, – Большой Каньон вновь удалось отстоять. Но, продлись энергетический кризис дольше и имей он еще более значимые последствия, ресурсно-экономическая ценность *природного объекта* могла бы перевесить духовно-эстетическую ценность *дикой природы*, и исход был бы другим.

7.4. Антропоцентризм и социоцентризм

Описанные выше ценностные метаморфозы возможны в отношении тех ценностных объектов, которым отказано во *внутренней ценности*. Они не представлены в иерархии ценностей как безусловная ценность. Таким образом, специфика антропоцентрической ценностной иерархии не в том, что интересы человека стоят выше интересов природы и/или других живых существ, а в том, что интересы последних находятся вне ценностного пространства. Следует заметить, что сознательное игнорирование этих интересов не обязательно означает *антропоцентризм*. Обратимся к утверждению Эпикура: «По отношению к тем животным, которые не могут заключать договоры, чтобы не причинять и не терпеть вреда, нет ни справедливости, ни несправедливости, – точно так же, как и по отношению к тем народам, которые не могут или не хотят заключать договоры, чтобы не причинять и не терпеть вреда» [57, с. 410]. Здесь животные рассматриваются наравне с людьми, и представленность интересов тех и других в системе ценностей определяется в соответствии с четким критерием договорных обязательств. Такая позиция, в соответствии с которой субъект дифференцирует окружающих по некому признаку на обладающих внутренней ценностью «своих» и лишенных таковой «чужих», может быть охарактеризована как **социоцентризм**. Дифференцирующим признаком может быть этническая принадлежность, принадлежность к семейной группе, статус, уровень образования, профессия и т. д. Во всех этих случаях подразумевается идентификация со своей группой и регуляция своих действий в соответствии с общегрупповыми ценностями и интересами. По сути, принадлежность к группе и есть критерий внутренней ценности.

Если же в качестве критерия внутренней ценности выступает принадлежность к человеческому роду (или некий человеческий атрибут, изначально вводимый с целью жесткого разграничения

человека и других живых существ), итоговая иерархия ценностей оказывается антропоцентрической. Такой критерий может быть как отрефлексированным (и эксплицитно выведенным в теоретической форме, будь то понятие души, мышления, сознания и пр.), так и неосознанным, но проявляющим себя через устойчивые способы разрешения ценностных конфликтов. Суть этих способов можно кратко определить как **видовой эгоизм**, поскольку всегда принимается решение, наиболее полезное для человека *с его* – человеческой – точки зрения.

Антропоцентризм, как и любой другой вид *центризма*, проявляет себя в тех ситуациях, где возможен конфликт интересов *своего* и *чужого*. В той мере, в которой *чужое* объективируется (низводится до уровня окружения и ресурса, а не воспринимается в качестве возможного партнера или конкурента), обесцениваются и его интересы. Сам вопрос о подобных интересах оказывается неуместным, ведь какие могут быть интересы у объекта? Интересы признаются только за людьми, которые реализуют таковые в форме целенаправленных действий. Целевое действие вычленяет из среды объект интересов, и дальнейшие преобразования осуществляются именно с этим объектом. Таким образом, в результате **объективации** природного окружения интересы другого субъекта заменяются параметрами состояния объекта, координация – контролем, замкнутые системно-динамические процессы – однонаправленным воздействием.

Объектное отношение к природному миру фиксируется в форме экодиспозиций дистанцирования и отчуждения от природного начала, описанных В. А. Скребцом. Среди таких экодиспозиций, проявляющихся на поведенческом уровне, автор называет диспетчеризацию, утилизацию, вредительство, укротизацию, вандализацию [194, с. 346–348].

Нравственные последствия объективации природы проявляются в моральном исключении, которое «рационализирует и оправдывает вред, наносимый внешнему миру, рассматривая последний как потребляемый, подчиненный, используемый или нерелевантный. Исключающий, *антиэкологичный* подход, иллюстрируемый движением “мудрого использования”, утверждает превосходство людей и оценивает экономическую и рекреационную человеческую активность выше благосостояния *нечеловеческого* природного окружения» [418, с. 478]. По мнению Сюзен Оптов и Линн Вайсс, моральное исключение обеспечивается за счет действия

защитных психологических механизмов, прежде всего – отрицания. «Отрицание – форма избирательного невнимания к вызывающим угрозу аспектам ситуации, чтобы защитить человека от беспокойства, вины, или других угроз со стороны Эго. ... Хотя это может содействовать здоровому функционированию, отрицание может также блокировать внимание к потенциальным угрозам для благосостояния» [418, с. 479]. Опотов и Вайсс останавливаются на роли отрицания как механизма, обеспечивающего поддержание деструктивных для сообщества социальных соглашений: «Отрицание возникает, когда каждый преднамеренно маневрирует, чтобы избежать (1) принятия новых убеждений, (2) боли, связанной с сопротивлением общепринятым убеждениям, и (3) боли, причиняемой убеждением, что все окружающие заблуждаются» [там же].

Связь механизмов психологической защиты с отношением к природному окружению подтверждается в работе Р. Ю. Харитоновой [233]. Автором был проведен сравнительный анализ специфики психологической защиты в двух группах студентов (г. Кировоград), различающихся по своему отношению к природе. По результатам методики «Натурафил» (С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин) 79 респондентов из 223 были отнесены исследователем к группе с активным, ответственным, ценностным отношением к природе, 144 респондента – к группе экологически пассивных личностей, у которых не выражено ценностное отношение к природе. Если у экологически активных студентов преобладали такие механизмы психологической защиты, как проекция и рационализация, то у экологически пассивных – вытеснение и отрицание. В целом эти результаты согласуются с теоретическими выкладками Опотов и Вайсс о роли отрицания в поддержании объектного отношения к природному окружению.

Механизм отрицания приводит к моральному исключению оппонента в ситуациях экологического конфликта, связанных с принятием экологически значимых решений. В таблице 7.1. приводится краткий перечень возможных «симптомов» (по сути – процессов) морального исключения, рассмотренный в [418]. Все симптомы Опотов и Вайсс объединяют в три группы: отрицание серьезности результата, отрицание других заинтересованных сторон, отрицание собственной причастности к происходящему. Авторы анализируют такие симптомы в контексте социальных конфликтов, где в качестве заинтересованных сторон могут выступать индивидуальные и групповые субъекты, чьи интересы и ценности расходятся.

Мы хотим обратить внимание на три аспекта морального исключения, не рассматриваемых в [418]:

⇒ Те же процессы отрицания могут быть рассмотрены как

экодеструктивные способы решения внутриличностных конфликтов экологического содержания.

Таблица 7.1
Симптомы морального исключения в экологическом конфликте, рассмотренные S. Opatov & L. Weiss [418, 481]

Отрицание серьезности результата	
Двойные стандарты	Использование разных нормативов для определения степени вреда (например, загрязнения) для различных социальных групп
Соккрытие эффектов вредных результатов	Пренебрежение, игнорирование, искажение или минимизация вредных результатов используемых технологий
Временное сдерживание вреда	Утверждение, что наносимый ущерб маловероятен и нетипичен (не является обычным и/или хроническим)
Снижение моральных стандартов	Утверждение, что вредное поведение является надлежащим, при этом отрицается, что возникают проблемы для других
Использование эвфемизмов	Маскировка вредных последствий с помощью смягчающей терминологии, чтобы отрицать ухудшение в состоянии окружающей среды
Отрицание других заинтересованных сторон	
Предубежденная оценка групп	Создание незавидных межгрупповых сравнений, поддерживающих собственную идеологическую позицию или превосходство над другими; акцентирование негативных признаков других и подчеркивание собственных положительных сторон, чтобы дискредитировать, исключить и упростить интересы "посторонних", их знания или "долю" в конфликте по сравнению с собственными интересами
Снисходительность и ослабление	Выражение презрения и клевета на другие заинтересованные стороны
Дегуманизация	Отрицание прав других заинтересованных сторон на ресурсы, так же как отрицание их человечности и достоинства
Страх заражения	Восприятие возможных контактов или союзов с другими заинтересованными сторонами как угрожающих собственной позиции; отрицание выгод, которые может предложить межгрупповое разнообразие
Нормализация и прославление насилия	Прославление и нормализация насилия; рассмотрение насилия как эффективной, законной или даже возвышенной формы человеческого поведения, отрицание потенциального вреда насилия (для других людей, окружающей среды, отношений)
Отрицание самопричастности	
Обвинение жертвы	Смещение вины на тех, кому причиняется вред
Деиндивидуализация	Вера, что чей-либо вклад в экологическую проблему не может быть установлен
Размывание ответственности	Отрицание личной ответственности за экологический вред, рассмотрение этого вреда как результата коллективных, а не индивидуальных решений и действий
Делегирование ответственности	Идентификация других, например, вышестоящих, как лиц, которые принимают решения, приводящие к экологическому вреду
Сравнения для самооправдания	Присвоение себе роли экологически "чистого" и безупречного по сравнению с "грязными", безответственными или предосудительными другими

⇒ Все описанные процессы предполагают объективацию (де-субъективацию) – оппонента либо *самого себя*. В первом случае происходит дискредитация оппонента как равноправного субъекта и выведение его из сферы моральной регуляции. Во втором – субъект-деятель выступает как объект внешнего воздействия и тем самым освобождается от моральной ответственности.

⇒ Когда конфликт разворачивается между двумя социальными группами (или их представителями), он эксплицируется как конфликт двух взаимоотрицающих социоцентрических позиций. Но в том случае, когда одна из сторон апеллирует к внутренней ценности природного окружения, дезавуируются антропоцентрические приоритеты стороны-оппонента. Тем самым создаются условия для рефлексии и обсуждения этих приоритетов, а также для соотнесения с ними принимаемых решений (что проявилось в нашем исследовании, моделирующем процесс принятия экологически значимых решений, см. § 11.5).

Признавая, что объективация, как внутренний психологический процесс, встроена в систему познавательных и практических отношений человека с миром, мы хотим подчеркнуть ее значение для экологически разрушительных форм практики.

Экологически разрушительный эффект действий, направляемых сознательной целью, был проанализирован в уже рассматриваемой нами работе Г. Бейтсона [10]. Напомним, что Бейтсон делает упор на селективности внимания, ограниченного сознательной целью. Такая избирательность ведет к игнорированию большинства сигналов, поступающих извне в «совокупный разум» и несущих сообщение о значимых для человека изменениях в состоянии сложной саморегулирующейся экосистемы, частью которой он является. «Целенаправленное сознание извлекает из совокупного разума такие последовательности, которые не имеют петлевой структуры, характерной для всей системной структуры» [10, с. 401]. На уровне самосознания это проявляется в «гордыни», в представлении, «что индивидуальное человеческое существо имеет власть над системой, частью которой оно является» [10, с. 403]. Бейтсон полагает, что путь к решению проблемы лежит через интеграцию работы сознания и области переживаний, находящейся за пределами сознательного целеполагания. Подчеркнем, что именно в этой неосознаваемой области остаются эмоциональные отклики антропоцентриста на незапланированные или неучтенные последствия человеческих действий для других участников экосистемного вза-

имодействия, будь то животные или растения либо же косная природа (а часто – и другие люди). Эмоциональные реакции человека на вред, причиняемый им своим соучастникам по экосистеме, блокируются через все тот же механизм объективации.

Рассматривая роль субъект-объектной установки в межличностном взаимодействии, Н. И. Сарджвеладзе отмечает, что объективация часто ведет к субъективности и предвзятости. «Целевая направленность “для себя” является стержневым моментом субъект-объектных эмоциональных отношений к другому, а импульс овладения и мотивация “иметь” выступают в качестве источников возникновения тех или иных эмоциональных состояний» [188].

Человеческая «гордыня», оцениваемая Бейтсоном как ключевое звено в «раскручивании» антропогенных экологических кризисов, побуждает вспомнить о «системе гордости» как ключевом понятии для объяснения невроза в поздних работах Карен Хорни (1945, 1950) [228]. Система гордости (идеализированное Я) рассматривается К. Хорни в ее оппозиции реальному Я: «идеализированный образ невротика не только является основой для ложной веры в собственную ценность и значимость, ...он узурпирует стремление невротика к развитию, к реализации своего потенциала. И это значит, что человек теряет заинтересованность в работе над своими трудностями и их разрешением, в реализации своих задатков, поскольку все его силы направлены на актуализацию собственного идеализированного образа. Это влечет за собой не только compulsивное стремление к мировому господству через успех, могущество и триумф, но и образование деспотичной внутренней системы, при помощи которой он старается превратить себя в богоподобное создание; это влечет за собой появление невротических претензий и гордыни» [228, с. 177]. Побуждаемый системой гордости, невротик считает себя вправе предъявлять окружающим неадекватные претензии и требовать их исполнения [там же, с. 179].

Можно провести параллель между антропоцентрическим комплексом человеческой исключительности и системой гордости, между разрушительной эксплуатацией природного окружения и деструктивным невротическим поведением. При всей своей условности, такое сопоставление привлекает внимание к разрушительному влиянию видовой (человеческой) гордыни на психологическое здоровье человека, на его духовность (проблема, к которой обращались еще пионеры движения защиты природы, и которая в наши дни является центральной в экопсихологии). Выше мы подчеркивали роль процессов объективации природного мира,

но обратной их стороной является автообъективация (самообъективация субъекта), служащая защитой от непомерного груза экологической ответственности. Объективация самого человека связана с технологическим ростом, одновременно являясь условием такого роста и его продуктом.

Чтобы встать на путь здорового развития и взаимодействия с окружением, невротичу «необходимо преодолеть те свои потребности, влечения, установки, которые препятствуют его развитию; только когда он начнет отказываться от созданных им иллюзий о самом себе и от своих иллюзорных целей, у него появится шанс отыскать свои истинные потенциальные способности и развить их» [228, с. 186–187]. А чтобы сделать возможным устойчивое (жизнеспособное) развитие, современному человеку предстоит преодолеть антропоцентрическую ригидность, отказаться от иллюзий о себе и от иллюзорных целей, отыскать свои подлинные устремления и обрести жизненность.

Таким образом, если антропоцентризм – это **диспозиция**, проявляющая себя в закреплении за человеком исключительной ценности в противовес другим участникам экосистемного взаимодействия («система видовой гордости»), то объективация природы и автообъективация (ведущие к моральному исключению) есть механизм реализации этой диспозиции в регуляции практической деятельности.

7.5. Проэкологические альтернативы антропоцентризму

Как уже упоминалось выше, в качестве альтернативы антропоцентризму называют другие разновидности *центризмов*: эко-, био-, природоцентризм. Для того чтобы разобраться в сути этих видов центризма и оценить их «проэкологический потенциал», вернемся к вопросу о месте и роли ценностных ориентаций в системе регуляции активности субъекта.

В «диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности» В. Я. Ядова предлагается иерархическая модель диспозиций, представляющих собой «фиксированные в ее [личности] социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определенным образом» [187, с. 3]. Ценностные ориентации В. Я. Ядов относит к высшим уровням диспозиционной иерархии, отмечая их зависимость от ценностей социальной общности, с которой *идентифицирует* себя личность [250]. В метатеории логи-

ческих уровней индивидуального опыта Р. Дилтса, задающей модель нейролингвистического программирования (НЛП), ценности также находятся на одном из верхних уровней организации опыта [56]. При этом на еще более высоком уровне, определяющем ценностную иерархию, Р. Дилтс размещает *идентичность*. Это означает, что изменения в идентичности личности прямо ведут к изменениям в ценностной сфере, но не наоборот. (Идентификация, как механизм «порождения смысла» в результате трансформации структуры личностных ценностей, упоминается в работе Д. А. Леонтьева [122].)

Таким образом, изменения в системе ценностей субъекта могут быть результатом трансформации его идентичности, включая социальную идентичность. Однако специфика человеческой жизнедеятельности такова, что субъект одновременно является членом различных социальных общностей и групп и, соответственно, его социальная идентичность дифференцирована, поэтому следует говорить о множественной идентичности личности, определяемой системой ее социальных идентификаций.

Экскурс в этологию приматов показывает, что среди антропоидов у шимпанзе отмечается особый тип социальной организации, который Дж. Гудолл назвала сообществом со слиянием-разделением [43]. Животные в стаде объединяются во временные группы, при этом отдельная особь может в зависимости от ситуации переходить из одной группы в другую, сохраняя за собой потенциальное членство в разных объединениях. Психологические механизмы, обеспечивающие подобную социальную гибкость, можно рассматривать как преадаптацию (предпосылку) системы социальных идентификаций. В таком случае было бы закономерным ожидать у шимпанзе проявлений поведения, напоминающих о социоцентризме.

Действительно, у шимпанзе «сильно развито чувство принадлежности к группе; они четко различают животных, “принадлежащих” и “не принадлежащих” к их собственному сообществу. ...животные, не относящиеся к группе, не только могут подвергнуться жестокой атаке, но и характер этой атаки может качественно отличаться от характера атаки при внутригрупповой агрессии. К жертвам нападения относятся скорее как к добыче, на которую шимпанзе охотятся; особей из других социальных групп уже не рассматривают как шимпанзе» [43, с. 544]. Подчеркнем, что в зависимости от *социально-экологического контекста* одни и те же особи могут быть восприняты как «принадлежащие» и «не принадлежащие» сообществу. Одни и те же шимпанзе выступают с позиций разных групповых объединений – общего стада, включающего отдельные группировки, с общими для всех ресурсами, либо

отдельного сообщества, защищающего свой ресурс от другой группы. Гудолл описывает разделение наблюдаемого ею сообщества шимпанзе на две стабильные территориальные группы (Касакелы и Кахамы), после которого группировки самцов из сообщества Касакелы в течение трех лет истребили самцов и пожилую самку из сообщества Кахамы. Автор подытоживает: «Чувство принадлежности к группе у шимпанзе – явление гораздо более сложное, чем простая ксенофобия. Животные группы Кахамы до разделения сообщества состояли в тесных дружеских отношениях со своими будущими агрессорами. За свое обособление они как бы расплачивались “правом” считаться членами своего прежнего сообщества – вместо этого их бывшие товарищи по группе начали относиться к ним как к чужакам» [там же]. Такое противопоставление сопровождалось **экспансией**, проявляемой в агрессивном расширении групповой территории и «активной вербовке новых половых партнерш из соседних социальных групп» [43, с. 541].

Разнообразие социальных идентификаций личности должно определенным образом отражаться на структуре ее ценностных ориентаций. Даже при организации социальных идентификаций в относительно устойчивую личностную иерархию, в зависимости от изменяющейся ситуации на первый план будет выходить та, что наиболее актуальна в настоящее время. Следствием этого должна быть не иерархическая, а более сложная – многомерная гетерархическая структура ценностей личности. Указания на это мы находим у разных авторов. В частности, в статье С. С. Бубновой: «Чрезвычайно важным свойством системы личностных ценностей является ее многомерность, заключающаяся в том, что критерий их иерархии – личностная значимость – включает в себя различные содержательные аспекты, обусловленные влиянием разных типов и форм социальных отношений» [19, с. 39].

В статье Б. Ходжеса (В. Н. Hodges) отмечается:

«Ценности обязательно ... гетерархичны (Hodges & Varon, 1992). Гетерархия – коалиция единиц, которые “совместно функционируют в создании действия” (Turvey, 1977), где действия или решения, принятые на более высоких уровнях, не определяют таковые на более низких уровнях (например, Broadbent, 1985), но где исполнительные и зависимые роли гибки и обратимы... В одной задаче или фазе развития, одна или более ценностей могут взять на себя инициативу в организации деятельности, но в других задачах или фазах они будут следовать за другими. Ценности являются динамическими. Гетерархическая организация ценностей создает напряженные отношения» [354, с. 160].

В последней цитате отражен взгляд на ценности с позиций экологической психологии, развивающей идеи Дж. Гибсона, где цен-

ности выступают как «организующие принципы, происходящие из поддержания целостности экосистемы» [268, с. 181]. (Напомним, что в том же контексте экологической психологии под «экосистемой» понимается система «организм – среда», что не совпадает с понятием экосистемы в биоэкологии или геоэкологии.)

Антропоцентрические ценности берут на себя инициативу в ситуациях, субъективно воспринимаемых как противостояние человеку (человеческому социуму) чуждого, не соответствующего человеческим стандартам окружения. Ситуации такого рода способствуют усилению видовой идентичности и защите видовых интересов. (Термин «видовой» используется в данном контексте с позиции стороннего наблюдателя, а не субъекта идентификации, поскольку антропоцентрическая позиция слабо совместима с взглядом на человека как на один из видов животного царства.) Однако возможны иные ситуации, в которых субъект переживает общность с другими животными и считает их членами группы, с которой он себя идентифицирует. Очевидный пример, когда домашний питомец воспринимается как член семьи, и в структуре семейных ценностей явно отражаются, а иногда и доминируют, его интересы. Как пишет об этом С. Д. Дерябо, «на основе идентификации как объединения личностью себя с другими и включения в свой внутренний мир общих образцов, ценностей, норм и т. д. происходит образование нового субъекта – группы: человек + природный объект, – становление “мы”» [53, с. 56].

Взгляд на ценностную систему как гетерархическую позволяет понять, почему осуществляемая вышеописанным образом *субъектификация* не влечет автоматически отказ от антропоцентризма: в полифонии социальных идентификаций голос единства с другим животным может вторить голосам видовых интересов. Так же и привязанность белого хозяина к черной кормилице не ведет к отказу от расизма. Исключения укрепляют правило. Антропоцентризм, как и социоцентризм, разрушается не тогда, когда отдельные «чужие» включаются в «свою» общность, хотя этот процесс расширения границ может способствовать их ослаблению. Решающие изменения связаны с переживанием своего единства и разделением своих интересов с большей «своей» общностью. Переживание единства с окружающим миром закономерно ведет к ценностным трансформациям, поскольку, по словам Х. Ролстона, «само единство человека с его окружением определяет основу для человеческих ценностей» [181, с. 268]. Для обозначения такого пережива-

ния сопричастности природе В. А. Скробец вводит специальный термин «**комплицитность**» [194]. О переживании возможности соединения с природой (при восприятии сходства между собой и другими живыми существами, природным естеством в целом) как основе для экологических ценностей, пишут D. Dutcher с соавт. [312]. Переживание своей сопричастности другим животным, экосистеме и т. п., приводящее к сдвигам в системе ценностных ориентаций, позволяет говорить о биологической, экологической и других видах идентичности.

В. И. Панов использует понятие **природоцентрического** (или **синергетического**) типа экологического сознания, «психологической основой которого является непосредственное переживание единства с миром природы. Только в этом случае человек будет ощущать и вести себя как *экологический субъект развития* природы, в том числе самого себя (своих способностей) и окружающей его среды» [163, с. 165].

Необходимое условие формирования природоцентрического типа сознания – «проживание человеком *особых психических состояний* единения (единости, общности) с природным объектом. Содержанием подобных состояний должно быть приобретение индивидом личного опыта психических ощущений и переживаний *единства* с окружающим миром природы и людей, а также самооценности объектов живой природы, других людей и самого себя как различных проявлений общеприродного процесса развития жизни на планете. ... Однако эти ощущения могут стать структурными компонентами сознания индивида только в том случае, если они пройдут поэтапную трансформацию из объекта познавательного отношения индивида (на начальном этапе) в *субъективное средство собственного развития* посредством выстраивания познавательных и коммуникативных отношений с окружающим миром природы, людей и с самим собой. ... В результате происходит экологическое расширение сознания» – развитие способности испытывать такие психические состояния, «содержанием которых становится *осознанное переживание* своей принадлежности к миру природы и осознание уникальности объектов, создаваемых природой» [там же, с. 165–166].

В качестве системообразующего фактора, объединяющего человека и природу в систему «человек – природа» как единого субъекта совместного развития, согласно В. И. Панову, выступает коммуникативное взаимодействие индивида с миром природы, которое определяет *природную ситуацию развития* индивида. Такое взаимодействие может проходить в форме восприятия и постижения себя и других как природных *объектов (явлений)*, обладаю-

щих *энергоинформационными* свойствами (полем).

Под руководством В. И. Панова была проведена серия тренингов-семинаров, направленных на *экологическое расширение самосознания* участников («как системы познавательных, эмоциональных и личностных отношений к миру природы» [163, с. 168]) через непосредственно-чувственное познание своего поля, поля другого человека как природного объекта, поля растения или животного. Всего в исследовании приняли участие 486 человек. Сравнительный анализ данных, полученных на основе контент-анализа самоотчетов участников, показал, что у 98% участников появилось постоянное и осознанное положительное отношение к природе; у 83% – осознание своей тождественности с природным миром, понимание того, что человек является частью природы; у 79% – осознание общих закономерностей, связывающих все живое в природе; 75% участников ощутили улучшение соматического и психического состояния. Корреляционный анализ выявил значимые связи между возникновением чувства тождественности человека с природой и улучшением эмоционального состояния (0,736), чувствительностью к собственному эмоциональному состоянию (0,812) и чувствительностью к состоянию окружающих, способствующей взаимопониманию (0,436).

Значение сопереживания для идентификации с другими животными подтвердилось в исследованиях американского психолога Уэсли Шульца (Wesley P. Schultz) [439; 441]. Шульц отталкивался от теории Пола Стерна и его коллег о трех типах ценностей, объясняющих экологическое беспокойство личности: эгоистических, альтруистических, биосферных [466; 468]. В его экспериментах испытуемым демонстрировались наборы слайдов, в том числе слайды с изображением животных, страдающих от загрязнения природной среды. Испытуемые были разбиты на две группы. Одной группе давали установку на объективно-нейтральное восприятие изображения, другой – установку на эмпатию, на восприятие ситуации «глазами изображенного персонажа». Сравнение замеров, проведенных до и после просмотра, выявило значимый рост биосферной озабоченности в группе с установкой на эмпатию к другим животным [439]. Взгляд на разрушение природы глазами диких животных вел к тому, что экологическая угроза начинала переживаться как угроза не столько для себя или человечества, сколько для всего животного и растительного мира.

Будет ли идентификация с новой общностью новой разновид-

ностью центризма? Ответ зависит от того, какому уровню регуляции адресовать обозначение «-центризм». Если рассматривать уровень идентичности, то говорить о центризме будет правомерным в тех случаях, когда идентификация базируется на переживании не только единства, но и отчуждения: объединение со своими против чужих. В этом смысле биоцентризм предполагает оппозицию живого – неживого, экоцентризм должен задавать противостояние экосистемы нарушителю ее интересов как единого целого, природоцентризм – противостояние природного сообщества нарушителям его интересов. Как результат, в любом таком «-центризме» оказывается «слишком много человеческого». Установка на противопоставление хорошо прослеживается в *патоцентризме* (Дж. Мейер), согласно которому человек должен защищать все разумные существа на Земле (по: [162]).

Имплицитное отрицание, заложенное в словоформе «-центризм», становится препятствием к принятию какой-либо из его разновидностей как альтернативы антропоцентризму и, более того, может побуждать к некритичной защите антропоцентризма вместо рефлексивного анализа собственной позиции.

Так, М. Букчин отвергает биоцентризм, утверждая, что «отрицать все ...экстраординарные человеческие свойства, которые сами себя проявляют в повседневной жизни, топить их в категориях, подобных “биоцентрической демократии”, которая делает равными улитку и человека в смысле их “внутренней ценности” (что бы эти слова ни значили) – просто легкомысленно. ...Извращение не в том, что люди вмешиваются в природу и улучшают ее, но в том, что они вмешиваются и разрушают природу, поскольку социальное развитие человека было извращено. Неразумно реагировать на извращенное человеческое развитие, требуя от людей “минимизировать” их вмешательство в природу или даже прекратить его, как это делают многие экологисты сегодня» [22]. Экологическая несостоятельность антропоцентрической позиции самого М. Букчина прослеживается в категоричном противопоставлении «улучшают природу» – «разрушают природу». Как писал Г. Хардин (прямо назвавший свою позицию «homocentric»): «Мы ограничены основной теоремой экологии: ‘Мы никогда не можем сделать просто что-то одно’» («We can never do merely one thing») [345, с. 123]. Мы не можем изменить что-то одно в природном окружении, не оказывая при этом влияния на все остальное (и, конечно, на самих себя, как во внешнем, так и во внутреннем – психическом – плане). Кроме того, в формулировке «улучшают природу» М. Букчин забывает уточнить – «для человека», т. е. «люди вмешиваются в природу, чтобы создать для себя более благоприятные условия» (отдельного внимания

заслуживают слова о вмешательстве в природу, но здесь их уместность определяется полемическим контекстом). Если вводится подобное уточнение, открывается рефлексивное поле для уточнения смыслов «улучшения природы» и для проверки результатов нашей преобразовательной активности на предмет их соответствия этим смыслам.

Вместе с тем, при всей своей провокативности, термин «-центризм» может быть продуктивным при обращении к уровню ценностных ориентаций для того, чтобы подчеркнуть ценностные приоритеты при решении экологических дилемм. Собственно, этот уровень и подразумевался изначально, если вспомнить, что все три термина – эко-, био- и природоцентризм – были введены для обозначения этических систем. Биоцентризм – для обозначения этики благоговения перед жизнью А. Швейцера [236], экоцентризм – для этики земли О. Леопольда [123], а природоцентризм [244] – для этики дикой природы.

Радикальный природоцентризм существенно отличается от парадигмы, обозначенной В. И. Пановым как природоцентрический тип экологического сознания. В понимании Панова, через переживание единства с природным окружением человек может прийти к осмыслению себя как субъекта развития природы и, если экстраполировать эту идею, брать на себя ответственность за выбор направления и способов дальнейшего природного саморазвития. С позиции же радикального природоцентризма, лучшее, что может сделать современный человек, – это минимизировать свое влияние на природное окружение и не мешать его естественному развитию.

Также на ценностном уровне раскрывается содержание противопоставления антропоцентризма – экоцентризма в образовательной сфере [456].

Собственно, речь идет о реализации идеи сферной организации систем при анализе системы ценностей субъекта. По мнению Ю. М. Швалба, для анализа экологопсихологических систем «наиболее близкой и продуктивной является системомыследеятельностная методология», разрабатываемая в 1970–80-х гг. Г. П. Щедровицким, О. И. Генисаретским и др. [244, с. 10]. «Если мы принимаем идею сферной организации систем, то должны принять и положение, что в такой сфере нет и не может быть единственно правильной точки центрации. Каждая значимая точка при определенном ракурсе становится центром системы, а все иные компоненты ее периферией. Такие системы принципиально децентрированы или, точнее, полицентрированы и гетерархичны» [там же]. Вместе с тем, в каждом отдельном случае правомерен вопрос, в

какой мере принята *значимая точка* и соответствующие ей жизнедеятельностные смыслы и задачи адекватны (или неадекватны) наличной жизненной ситуации.

Если рассматривать антропоцентризм как диспозиционное образование высшего уровня, связанное с системой взглядов и убеждений относительно роли человека в экосистеме, то содержательная альтернатива ему выражена в новой экологической парадигме (далее – НЭП) [83; 282; 307; 311]. Согласно НЭП, *homo sapiens* – один из многих взаимозависимых биологических видов в биотических сообществах; мир, в котором мы живем, имеет жесткие физические и биологические пределы; человек не способен предусмотреть все нежелательные последствия своих целенаправленных действий; изобретательность человека не может вывести его за пределы законов природы («природа знает лучше») [83]. В соответствии с НЭП Данлап и Ван Лир разработали опросник для изучения экологических представлений [311; 307]. (Шкала НЭП и соответствующие исследования рассматриваются в гл. 10.) Одну из субшкал опросника NER, отражающую отношение к другим животным, авторы называют шкалой биоцентризма или антиантропоцентризма [307]. Однако некоторые исследователи рассматривают NER в целом как инструмент для измерения эгоцентризма [502].

В постсоветской экологической психологии новая экологическая парадигма отразилась в представлениях об эгоцентрическом экологическом сознании (или эгоцентрическом мировоззрении), признаки которого описаны С. Д. Дерябо и В. А. Ясвиним следующим образом [255, с. 172–173]:

- 1) Высшую ценность представляет гармоничное развитие человека и природы;
- 2) Отказ от иерархической картины мира;
- 3) Целью взаимодействия с природой является максимальное удовлетворение потребностей как человека, так и всего природного сообщества;
- 4) Характер взаимодействия определяется «экологическим императивом» (приоритет экологического равновесия);
- 5) Природа и все природное воспринимается как полноправный субъект по взаимодействию с человеком;
- 6) Этические нормы и правила распространяются на взаимодействие как между людьми, так и на взаимодействие с миром природы;
- 7) Развитие природы и человека мыслится как процесс коэволюции, *взаимовыгодного* единства;
- 8) Деятельность по охране природы продиктована необходимостью сохранить природу ради нее самой.

В целом экоцентрический тип экологического сознания описывается как *«система представлений о мире, для которой характерна ориентированность на экологическую целесообразность, отсутствие противопоставленности человека и природы, субъективное восприятие природы, баланс прагматического и непрагматического взаимодействия с ней»* [255, с. 173].

Можно заметить, что в параметрах НЭП отражены ментальные установки инвайронментального движения, развитие которого было обусловлено глобальными экологическими угрозами; в то же время описание экоцентрического типа экологического сознания дается в контексте проблематики современной экологической этики. Но если в рамках эколого-этического дискурса заостряются расхождения между различными подходами и, соответственно, дискутируются вопросы об этических приоритетах, то в приведенном выше перечне признаков экоцентрического сознания установки «продвинутого антропоцентризма» рассматриваются как рядоположенные установкам радикального природоцентризма. Вместе с тем, Дерябо и Ясвин не ограничиваются приведенным выше перечнем признаков и, определяя основную цель экологического образования, в качестве ключевой, системообразующей характеристики выделяют субъектно-этическое отношение к природе [53; 255]. «Субъектно-этическое отношение – это стержень экологического сознания личности» [255, с. 346].

Идея надвидовой идентичности, как альтернативы нравственному (ценностному) антропоцентризму, воплощена в понятии экологического гражданина (*environmental citizen*). Как подчеркивает Барт ван Стинберген, понятие «экологический гражданин» часто связывается с процессами глобализации и в силу этого может восприниматься как близкое понятиям «глобальный гражданин» и «гражданин мира», что искажает исходные смыслы экологического гражданства [198]. В своем теоретическом анализе Б. Стинберген выделяет три типа глобального гражданина: глобального капиталиста (бизнесмена, менеджера), глобального реформатора и экологического менеджера.

Глобальный бизнес-менеджер «утратил какую бы то ни было связь с местом проживания. Он буквально утратил контакт с землей, поскольку много времени проводит на высоте тысяч футов над поверхностью нашей планеты» [там же, с. 50]. Это «денационализированная глобальная элита, у которой отсутствует какое-либо глобальное гражданское чувство ответственности» [там же]. *Глобальный реформатор* ориентируется на идею мирового правительства (или на усиление полномочий ООН), как путь к решению глобальных проблем. К числу последних он относит экологические проблемы, но не считает их

самыми актуальными. *Глобальный экологический менеджер* признает жизненную значимость экологической проблематики, оставаясь при этом технологическим и организационным оптимистом и отрицая необходимость радикальных перемен в индустриальной цивилизации. Устойчивое развитие для него является целью, реализация которой обеспечивается за счет технических, политических и организационных инструментов. Для всех трех типажей характерна антропоцентрическая позиция, только в последнем случае можно говорить о пресловутом «просвещенном антропоцентризме».

Б. Стинберген полагает, что позиция экологического менеджера воплощена в докладе «Наше общее будущее», мы же добавим – и в докладах ЮНЕП «ГЕО-3» и «ГЕО-4». В четырех сценариях возможного развития человечества, проанализированных в «ГЕО-3» (2002) [326] (см. гл. 5.3, табл. 5.1) и несколько скорректированных спустя 5 лет в «ГЕО-4» (2007) [327], отражены ценностные позиции всех трех типов глобального гражданства. Сценарий «приоритет – безопасность» (в «ГЕО-4» уточняется: приоритет личных интересов) – наиболее удручающий по своему прогнозу – соответствует ценностным установкам глобального капиталиста. «Приоритет – рынок» отражает позицию «продвинутого» глобального бизнес-менеджера, а «приоритет – стратегия» – позицию глобального реформатора. Сценарий «приоритет – устойчивость» опирается на ценностные установки экологического менеджера. Что касается ориентаций экологического гражданина, они лишь отчасти подразумеваются, но не прописываются в сценарии «устойчивость».

Характеризуя экологического гражданина, Б. Стинберген называет его «гражданином земли», который «возвращается к своим корням; к земле как Гее, к своему ареалу» [198, с. 52] (обратим внимание на использование субъектифицированного образа Земли-Геи, введенного в экологический дискурс Дж. Лавлоком). Стинберген подчеркивает, что в отличие от профашистской идеологии «Blut und Boden», здесь нет противостояния «мы – они» (как «высшие – низшие»), зато есть признание равенства прав для всех живых существ.

Б. Стинберген выражает определенные сомнения относительно рассмотрения других живых существ как экологических граждан, учитывая интерпретацию «гражданства как должности, с предоставлением прав и обязанностей» [там же]. Более плодотворным он считает одностороннее «расширение гражданства в плане обязательств. Это также подразумевает новые отношения с природой на основе участия. Такое понимание участия только тогда может стать жизнеспособным выбором, если будет сопровождаться все большим пониманием земли как нашего нерестилища. Развитие современного гло-

бального гражданства, однако, похоже, разворачивается в противоположном направлении, не связанном с какими-нибудь определенными и реальными отношениями с землей» [там же, с. 52–53]. Обратим внимание, что позиция Б. Стинбергена в таком изложении уязвима для той же критики, которой подвергается позиция антропоцентризма – предлагаемые им отношения описаны не как симметричные, ведь человек при таком подходе наделяется большей ответственностью, чем другие участники экосистемного взаимодействия. (Точнее говоря, только человек рассматривается как субъект ответственности, другие же существа оцениваются как безответственные a priori.)

Как видим, антропоцентризму как объяснительному конструкту могут быть противопоставлены разные понятия, в зависимости от того, на каких сущностных его аспектах делается акцент. Если рассматривать антропоцентризм как ценностную иерархию, то в качестве оппозиции можно рассматривать биоцентризм, эоцентризм, природоцентризм. Альтернатива антропоцентризму как мировоззренческой парадигме может быть описана как новая экологическая парадигма или же эоцентрическое мировоззрение. Антропоцентризму, как объектно-прагматическому отношению к природе, противопоставит субъектно-этический тип отношения. Если же оценивать антропоцентризм как идентичность экологического господства (видового превосходства), оппозицию ему может составить идентичность «экологического гражданина».

В целом следует отметить определенную терминологическую путаницу, обусловленную рядом причин: сложностью самого предмета исследования, необходимостью преодоления (утилизации) лингвистического антропоцентризма, междисциплинарным характером исследований.

7.6. Субъектификация и координация

Как было показано выше, процессы объективации природного окружения прямо связаны с антропоцентризмом. (Косвенное указание на это находим у С. Д. Дерябо: «...шкала “субъект – объект” может выступать как оппозиция “человеческое – нечеловеческое”. При всей внешней простоте и “непритязательности” ... она обладает мощнейшим установочным эффектом: человека окружают тысячи видов растений и животных, но в восприятии людей дистанция между любыми из них не идет ни в какое сравнение с дистанцией, отделяющей их всех от одного-единственного вида — *Homo sapiens*» [53, с. 47].) Можно ли в таком случае полагать, что обратный процесс – субъектификация природы – будет спо-

собствовать разрушению антропоцентризма?

Глубокий анализ процессов субъективизации природного окружения выполнен С. Д. Дерябо, в частности, в [53]. (Заметим, что автор попадает в ловушку лингвистического антропоцентризма, когда пишет о субъективизации «природных объектов», например, собак, рыбок и других «объектов». Может возникнуть вопрос – отражает такой термин видение самого исследователя, его гносеологическую установку, или же автор хочет подчеркнуть антропоцентрический характер обыденных экологических представлений?) Рассматривая этапы субъективизации, Дерябо пишет об идентификации как механизме субъективизации. Идентификация может происходить в разных формах: как проекция, как «постановка субъектом себя на место другого, которая позволяет моделировать смысловое поле партнера по общению» [53, с. 55] и как становление «мы», объединяющего человека и животного.

Добавим к перечисленным формам рассмотренную нами выше **идентификацию с группой более высокого уровня общности**. Мы считаем, что только в этом последнем случае можно с уверенностью говорить о преодолении антропоцентризма (как познавательной и нравственной диспозиции). Во всех остальных случаях субъективизация может сочетаться с антропоцентризмом.

Идея субъективизации природы часто вызывает возражения в силу кажущейся односторонности процесса: человек как субъект сам наделяет субъектностью то, что не может ответить ему взаимностью, так как не есть субъект по определению. Действительно, с позиции антропоцентризма субъектом может быть исключительно человек, и только изменение этой позиции позволяет осознать, что все участники экологического взаимодействия по определению координируют свои действия друг с другом.

В. И. Панов проводит методологический анализ категории «субъект», показывая, что субъект-объектное отношение к природе диктуется логикой гносеологического подхода и может быть преодолено в рамках онтологического подхода, при котором природа понимается как «все сущее, весь мир в многообразии его форм». Тогда «человек и природа суть субъекты – носители всеобщих, универсальных закономерностей саморазвития природы, в том числе и человека – как общеприродного ... явления» [163, с. 85]. На природно-естественных смыслах такого онтологического единства акцентируют внимание Опотов и Вайсс, когда пишут, что «рассмотрение окружающей среды как “внеположенной” или

“другой”, а не единой с нами [буквально: “внутри нас самих” – прим. И. К.] непосредственно указывает на исключение и отрицание. Естественный мир является внутренним. Это – воздух, который мы вдыхаем, вода, которую мы пьем, и элементы, из которых наши тела состоят и непрерывно обновляются. Наблюдение окружающей среды как отделенной от нас создает ложное различие, окрашивающее наше чувство взаимозависимостей между нами и окружающей среды» [418, с. 488].

Обратим внимание, что за понятием «природный субъект» могут стоять как минимум два ряда потенциальных субъектов: отдельные участники экосистемного взаимодействия и целостные сообщества как макросубъекты. (Эта проблема уже затрагивалась нами ранее в контексте экологической этики.) Во втором случае возможен конфликт между осознанием собственной субъектности и переживанием своей обусловленности (подчиненности) активностью субъекта более высокого уровня (в случае социальных макросубъектов принято говорить о конфликте личных и общественных интересов). В индустриальном обществе в качестве основного способа разрешения этого конфликта закрепилось утверждение человеческой субъектности путем разрушения экологического макросубъекта. К более конструктивным способам разрешения такого конфликта можно отнести персонификацию природных систем, которая находит отражение не только в мифологии и религиозных системах, но и в современных научных текстах. Показательно, что постижение субъектности природных систем (то, что в религиозной традиции именуется откровением) может происходить не только через переживание синкретического единства в жизнедеятельности (например, лес как дом и отец для пигмеев-мбути) или обращение к высшему покровителю, но и путем научного исследования сложных динамических систем (самоорганизующихся, диссипативных/неравновесных).

Наиболее очевидным подтверждением является теория Геи химика Дж. Лавлока, также можно сослаться на математика А. Уайтхеда (предвестника современной теории систем), но, наверное, самым ярким аргументом могут служить тексты одного из основоположников теории катастроф математика Р. Тома: «В философском, метафизическом плане теория катастроф не может принести ответа на великие проблемы, волнующие человека. Но она поощряет диалектическое гераклитовское видение Вселенной, видение мира как непрерывной борьбы между «логосами», между архетипами. Теория катастроф приводит нас к глубоко политеистическому взгляду: во всем следует различать

руку Богов. И здесь, быть может, теория катастроф найдет неизбежные пределы своей практической применимости. ...Как герой Илиады не мог противостоять воле бога, скажем Посейдона, не опираясь на мощь другого божества, скажем Афины, так и мы не сможем ограничить действие архетипа, не противопоставляя ему архетипа-антагониста в борьбе с неопределенным исходом. Те самые причины, которые нам позволяют располагать нашими возможностями действовать в одних случаях, осуждают нас на бессилие в других. ...Познание не обязательно будет обещанием успеха или выживания: оно может вести также к уверенности в нашем поражении, в нашем конце» (цит. по: [4, с. 88]).

К феномену скрытой субъектификации на уровне макросистемы приводит попытка последовательной экономической оценки вклада экосистем в благосостояние людей.

В отчете ЮНЕП «Глобальная экологическая перспектива: окружающая среда для развития» за 2007 г. (GEO-4) «подчеркивается не только стоимость экосистем Земли, оцениваемая в триллионы долларов, и *предлагаемые ими* товары и услуги, но и выделяется та центральная роль, которую играет среда в развитии и человеческом благосостоянии [курсив – И. К.]» [327, с. XVIII]. О предлагаемых и поставляемых услугах и товарах в отчете упоминается неоднократно (по нашим подсчетам – 12 раз), и во всех этих случаях в качестве предлагающей, поставляющей и снабжающей стороны выступают природные системы (экосистемы, лес/леса, земля, окружающая среда). Тем самым за экосистемами закрепляется субъектная функция при сохранении сознательной установки на восприятие их как безусловных объектов. В отчете поясняется, что такое экосистемные услуги: «Преимущества, получаемые людьми от экосистем. В их число входят службы обеспечения, такие как предоставление продовольствия и воды, службы регулирования, такие как наводнения и борьба с болезнями, культурные услуги, такие как духовные, рекреационные и культурные блага, и поддерживающие услуги, такие как круговорот питательных веществ, позволяющий сохранить условия для жизни на Земле. Иногда экосистемные услуги называют экосистемными товарами и функциями» [327, с. 525]. В предложенном определении четко выдерживается позиция антропоцентризма, вместе с тем, природным системам отводится роль обслуживающего макро-субъекта (метасубъекта), ценность услуг которого должна быть учтена в экономическом планировании. Хотя, как отмечается в отчете, оценка этих услуг связана с рядом трудностей, она «может быть важным инструментом, с помощью которого могут рассматриваться сложные отношения и [обеспечиваться] обратная связь, касающиеся окружающей среды, экономического роста и человеческого благополучия» [327, с. 30]. Именно необходимость установления *обратной связи* в отношениях «человек – природное окружение» приводит к латентной субъектификации экосистем в экономическом анализе.

Подчеркнем значение субъективизации природного окружения (в любом варианте) для регуляции поведения, а именно: при переходе от объектных к субъектным отношениям произвольный контроль своих действий с объектом заменяется координацией взаимодействий с другим субъектом. Координация, как механизм регуляции поведения субъекта в экологическом окружении, является одним из центральных предметов изучения в экологической психологии, развивающей идеи Гибсона. Важный компонент, обеспечивающий координацию, – это ценности, разделяемые всеми акторами экологического поля. Если использовать терминологию Курта Левина, можно говорить о выстраивании общего *жизненного пространства* [120]. Тогда то, что Р. Барон (R. Baron), Б. Ходжес и другие представители экологической психологии понимают под ценностями, будет проявлять себя в валентностях компонентов жизненного пространства. Само такое жизненное пространство можно определить как феноменологическое экологическое пространство. Из общих для экологического пространства ценностей важнейшей представляется *жизнь* (что и стало центральным предметом анализа для А. Швейцера, о взглядах которого речь шла в гл. 3). В числе других ценностей такого пространства можно назвать экологический баланс, несущую способность.

В отличие от произвольного контроля в осуществление **координации** включаются все уровни психического отражения. Происходит то, что Г. Бейтсон называл работой совокупного разума – эмоциональная регуляция дополняет и корректирует рациональное регулирование и наоборот. (Именно такое взаимодополнение аффективных и когнитивных составляющих делает возможным эмпатийное понимание [248].) Г. Бейтсон полагал, что в работе совокупного разума важную роль играет опыт измененных состояний сознания, в частности, возникающих при интенсивных психологических контактах с природным окружением.

В исследовании В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко и Ю. А. Вяльбы (2006) было установлено, что индуцированное изменение в системе пространственно-временных координат личности, используемое в гипнотерапии алкоголизма (пациенты «купаются» в волнах эфира, наблюдают с высоты Землю, «созерцают» ночное небо с мириадами звезд [167, с. 18]), ведет к переживаниям сопричастности Бытию и массированным положительным эмоциям. Наблюдается сдвиг в представлениях о разных аспектах человеческой жизнедеятельности, охарактеризованный авторами как «пробуждение вкуса к трансцендентальному» [там же, с. 25]. Испытанные переживания «меня-

ют кривизну (метрику) и размерность семантических пространств сознания, выстраивая бесконечное множество релятивистских ментальных миров человеческого бытия. Системы ассоциативных связей, функциональные ментальные карты, все системы памяти оказываются производными от эмоциональной и духовной жизни индивида, обеспечивая информационный ресурс субъекта, значительно превышающий непосредственный жизненный опыт» [там же, с. 26].

В современной западной экологической психологии координация рассматривается как процесс согласования двух конкурирующих тенденций: к объединению и к независимости. В пределах одной системы интеграция и сегрегация, кооперация и конкуренция дополняют друг друга, обеспечивая устойчивость системы в метастабильном режиме [374] (в терминах теории самоорганизации, координация поддерживает устойчивость неравновесных систем [174]).

Так пишет об этом Дж. Келсо (J. Kelso), рассматривая координацию как основу умственной деятельности: «две “силы”, что двигают координационную динамику, на фундаментальном уровне связаны с обменом значащей информацией в живых существах. Одна сила – сила сцепления между элементами; это позволяет информации быть распределенной между всеми участвующими элементами и служит ключом к интегральному, коллективному действию. Другая – способность индивидуальных элементов выразить их автономию и таким образом минимизировать влияние других. Самоорганизация в метастабильном режиме – взаимодействие обеих» [374, с. 202].

Координация, поддерживающая метастабильность, обеспечивает необходимый для неравновесной системы (как единого целого) уровень надежности и гибкости за счет выполнения одними и теми же компонентами разнообразных функций. «И “эффект магнита” и “тенденция утверждения” необходимы для полного описания координации во всех ее формах. ...Метастабильность, уменьшая сильное иерархическое сцепление между частями сложной системы, разрешая им сохранить их индивидуальность, приводит к более свободной, более безопасной, более гибкой форме функционирования... Слишком большая автономия составляющих частей не оставляет никаких шансов для их совместной координации и коммуникации. С другой стороны, слишком большая взаимозависимость – и система застревает; глобальная гибкость потеряна» [там же, с. 194]. Поведение самих компонентов системы в режиме метастабильности не является строго упорядоченным или беспорядочным, его можно рассматривать как

воплощенную дополнительную подчинения и свободы, зависимости и независимости.

Р. Барон раскрывает связь понятия «координация» с центральным понятием социальной психологии «кооперация» («сотрудничество»), отмечая, что «координация по своей сути – социальное явление, и кооперация по своей сути – воплощенная совместная активность» [268, с. 179]. Кооперацию Барон рассматривает как самоорганизованное появление совместных действий, предназначенных для получения взаимовыгодных результатов. Барон стремится показать, что проблема степеней свободы (избыток независимых переменных) при координации решается путем установления надлежащих отношений, что проявляется в таких феноменах, как командная работа, роль, доверие. Отношения кооперации диктуются динамикой поля, а не определяются произвольным решением индивидов. (В терминах гештальт-теории можно говорить о возникновении социальной «хорошей формы» [268, с. 184] в общем экологическом поле.) Для описания процессов на уровне действий отдельных индивидов Р. Барон использует термин координация, а для характеристики системы в целом, как явления самоорганизации, говорит о кооперации (сотрудничестве). Координация как процесс приводит к сотрудничеству как результату, влияющему, в свою очередь, на процессы координации, иначе говоря, устанавливаются «отношения цикличной причинной связи между локальной и глобальной динамикой – между координацией и сотрудничеством. Таким образом, локальная динамика приводит к появлению глобальной динамики, которая, в свою очередь, изменяет локальную динамику так, чтобы индивидуальное действие было заменено взаимодействием» [268, с. 186].

Психологическую основу человеческого сотрудничества, считает Р. Барон, составляет доверие, которое «делает координацию возможной. Кроме того, доверие дает координации и сотрудничеству моральное измерение, то есть, смысл, что определенные способы действия являются правильными, а другие – неправильными. Например, ясно, что нарушение чьего-то доверия является неправильным. Таким образом, мы полагаемся на других людей, чтобы действовать ответственно» [268, с. 189]. Возникнув, доверие выполняет функции аттрактора, даже после того, как необходимость в сопряженных действиях отпала.

В работах Дж. Келсо, Р. Барона, Б. Ходжеса, М. Тервея (M. Turvey) и других последователей Дж. Гибсона, процессы ко-

ординации и сотрудничества изучаются в контексте средней активности отдельного индивида (преимущественно, человеческого) или групп индивидов – представителей одного биологического вида. Однако сделанные ими теоретические обобщения могут быть рассмотрены в рамках более широкого, популяционно-экологического, контекста, в ракурсе экосистемного баланса как метастабильного режима функционирования самоорганизующейся экосистемы. В этом случае человеческая популяция выступает как один из компонентов экосистемы, включенный в процессы координации межвидовых взаимодействий и в силу этого влияющий на способность макросистемы к самоподдержанию. Рассмотренное выше положение о значении кооперации как условия метастабильности системы, обеспечивающей сопряженную реализацию «интересов» (интенций) и системы в целом, и ее составляющих, распространяется и на экосистемы. И наоборот, «конкуренция почти всегда ставит все участвующие в ней организмы в невыгодное положение. ...организму выгодно по возможности избегать конкуренции. ...стремление избежать конкуренции – основной догмат современной экологии» [216, с. 239]. Конечно, речь не идет об отсутствии конкуренции в экосистемах. Не ставя своей задачей анализ обширной литературы по этой проблеме, обратимся к работе известного специалиста в области биологической антропологии Р. Фоули [216].

Наиболее острая конкуренция наблюдается между особями одного вида, но, по замечанию Р. Фоули, на этом уровне конкуренция «смягчается тесным генетическим родством и высокой ценой, которую платят все особи за конкурентное вмешательство» [216, с. 241]. В отношении межвидовой конкуренции представления современных авторов значительно отличаются от тех, что отражены в теории естественного отбора Ч. Дарвина. Ряд современных авторов считают, что «сколь-либо значительная межвидовая конкуренция в биологических системах может возникать довольно редко» [там же]. По мнению Р. Фоули, «выраженность межвидовых конкурентных взаимодействий варьирует в зависимости от быстроты изменений среды обитания и от того, насколько «перекрываются» потребности видов» [216, с. 242]. Но в целом острота конкуренции смягчается видовыми различиями потребностей организмов и низкой частотой их взаимодействий. Таким образом, конкуренция проявляется как тенденция к автономии, тесно сопряженная с противоположной тенденцией к интеграции. Ведь «биотическое сообщество – экологическая единица, обладающая

независимой энергетикой, а тем самым – это ассоциация симпатрических [в данном случае – проживающих на одной территории] видов, играющих комплементарные роли в питании и энергетике» [38, с. 192].

Очевидно, что установка на конкуренцию имманентна антропоцентризму. Можно предположить, что в социогенезе преадаптацией для антропоцентризма была установка на конкуренцию с другими сообществами людей, а со временем – с другими видами животных за ресурсы. По мере усложнения орудийного опосредования отношений с экологическим окружением, конкуренция на основе регуляторного механизма координации сперва дополнялась, а затем постепенно вытеснялась целенаправленным преобразованием среды на основе целевой регуляции. Соответственно, субъектификация природного окружения заменялась его объективацией.

Как было отмечено ранее, объективация природного мира сопровождается автообъективацией. Можно предположить, что обратный процесс субъектификации окружения будет усиливать осознание собственной субъектной позиции. В этой связи остановимся на исследовании особенностей субъектификации окружения, проведенном С. Д. Дерябо (1995) с 60 студентами Даугавпилского университета [50]. С помощью методики диагностики степени субъектности восприятия природных объектов изучалось отношение студентов к себе, человеку, животному, растению, неодушевленному предмету. Исследование состояло из нескольких серий, в одной из которых испытуемым предлагалось вспомнить любимое животное, подумать о том, что оно собой представляет, кем оно является для испытуемого, написать имя этого животного «так, чтобы ему понравилось». После этого испытуемых просили оценить исходные пять позиций, «советуясь со своим любимым животным». Такая процедура «была направлена на то, чтобы максимально актуализировать субъектность этого животного» [там же, с. 63].

Сравнение результатов, полученных в контрольной серии и в серии с установкой на согласование своей позиции с позицией природного субъекта (любимого животного), показало значимое повышение уровня субъектификации животного (как собирательного образа «вообще») и растения («вообще»), а также статистически значимую тенденцию к снижению субъектности восприятия «человека вообще». По оценке позиции «я сам» было отмечено статистически незначимое повышение степени субъектности. Расхождение между оценками «я сам» и «человек вообще» в этой

серии было близким к статистически значимому (в других сериях оно практически отсутствовало). Т. е. взгляд на себя с позиции природного субъекта укреплял личную субъектную позицию в сравнении с ослаблением субъектности «человека вообще».

Анализ корреляционных связей показал, что в контрольных сериях восприятие себя как субъекта значимо связано только с оценкой субъектности человека вообще, и оба эти показателя не коррелируют с тремя другими (растение, животное, неодушевленный предмет – все тесно связаны между собой). Зато в экспериментальной оценка субъектности самого себя и человека вообще связывается с уровнем субъектификации растений (а также появляется еще одна значимая связь – «человек как субъект – животное как субъект»). Иначе говоря, представления о собственной субъектности начинают связываться не только с представлениями о субъектности людей вообще, но также с представлениями о субъектных функциях растений и животных (чем выше оцениваются эти функции, тем сильнее осознание себя как субъекта).

В целом результаты данного исследования С. Д. Дерябо согласуются с нашим предположением о том, что субъектификация природного окружения способствует укреплению собственной субъектной позиции. Если учесть, что субъектная позиция предполагает личную ответственность, становится понятной роль субъектификации природы в формировании экологической ответственности. Однако хочется предостеречь, что когда речь идет о выведении отдельных «природных объектов» из природного окружения и включении их в круг человеческих субъектов, экологические смыслы такой ответственности легко могут сводиться на нет. Зато психологические (и психофизиологические) дивиденды в виде эмоционального подкрепления себя и своего образа жизни могут быть весьма существенны. (Не останавливаясь здесь на вопросе о значении других животных и растений для психологического благополучия человека, сошлемся на обзоры в работах В. А. Ясвина [255, с. 297–319] и Л. В. Смоловой [196, с. 124–142].)

В повседневной жизни современного человека природа фигурирует в опредметченном виде – это не только объект, но и результат человеческой деятельности. Даже участки дикой природы получают свой статус «относительной нетронутости» благодаря действиям людей, которые сперва осуществили масштабное разрушение природных систем, а затем позаботились о сохранении немногих уцелевших естественных биотопов. Отношение к при-

родному окружению как предмету заботы встраивается в антропоцентрическую модель мира, и субъективизация отдельных объектов не препятствует объективации природы, когда на кону стоят узко понимаемые человеческие интересы. Поэтому иерархическая модель мира с жестко соответствующей ей системой ценностных ориентиров, о которой шла речь выше, это всего лишь предельная абстракция. В реальности антропоцентрическое мировоззрение является гораздо более сложным образованием со значительным количеством избыточных компонентов, обеспечивающих в конечном итоге ту степень гибкости, что необходима для поддержки иллюзии адаптивности антропоцентрической стратегии, когда налицо все признаки ее экологической несостоятельности.

7.7. Антропоцентризм и эгоцентризм

Такая особенность антропоцентризма, как привязанность к единственной точке отсчета, не позволяющая экстраполировать развитие экологической ситуации, напоминает о другом психологическом феномене – эгоцентризме. «Психологическая рефлексия данной проблемы [антропоцентризма] побуждает вспомнить о процессе социального созревания ребенка, в котором стадия “пра-мы” – восприятия мира сменяется эгоцентризмом, который, в свою очередь, также уступает место новому этапу, характеризующему развитием способности к пониманию других при сохранении и развитии собственной идентичности. В этом смысле можно сказать, что современный человек еще далек даже от подросткового возраста» [105, с. 26].

Остановимся на хорошо известных благодаря работам Ж. Пиаже таких проявлениях эгоцентризма, как центрированность восприятия и мышления и эгоцентрическая речь. «Маленький ребенок является бессознательным центром собственного мира. В разных видах его деятельности может проявляться только лишь его собственная точка зрения – его схема, его восприятия и т. д., потому что он не осознает того факта, что другие люди видят вещи по-иному, то есть не осознает существования точек зрения, среди которых его личная является лишь одной из ряда возможных» [214, с. 359–360]. Эта собственная точка зрения включает внутренние побуждения и мотивы ребенка, поэтому причинное строение действительности наделяется теми же мотивами и побудительными силами.

Познавательный аспект антропоцентризма также проявляется в том, что человеческий субъект не осознает возможности

точек зрения не людей (не приматов, не млекопитающих, не позвоночных и т. д.). Пожалуй, на этот аспект обращает внимание Ю. М. Швалб, когда пишет об антропологическом эгоцентризме [244, с. 8–9]. Но здесь можно разграничивать – не может осознать и не хочет осознавать. В последнем случае мы возвращаемся к проблеме ценностной регуляции жизнедеятельности, и тогда вполне уместно говорить об антропологическом эгоизме или ценностном (нравственном) антропоцентризме. Но сейчас мы хотим остановиться на познавательном антропоцентризме (вслед за Пиаже мы признаем, что такое сочетание терминов – «выбор плохой!» [170, с. 189], но оно емко описывает предмет анализа). Чтобы понять, каким образом может быть преодолен познавательный антропоцентризм, обратимся к проблеме познавательного эгоцентризма.

Пиаже определял познавательный эгоцентризм как «недостаток децентрации, неумение изменять умственную перспективу как в социальном отношении, так и в других» [170, с. 193]. Способность децентрации развивается благодаря социальному взаимодействию, в ходе которого сталкиваются разные точки зрения, и происходит сопоставление и интеграция позиции одного субъекта с позициями других. Условием децентрации является внутренняя готовность оценить ситуацию с позиции другого, посмотреть на нее со стороны. В формировании такой готовности значимую роль выполняет процесс идентификации с другими. Это может быть как реальный другой, так и воображаемый – более или менее конкретный – другой. Подтверждением тому – исследования, выполненные в русле культурно-исторического подхода к развитию психики.

Принятие ребенком роли другого ведет к формированию условно-динамической позиции – рассмотрению ситуации одновременно с двух точек зрения (по: [213]). При этом идентификация себя с воображаемым другим является условием успешного вхождения в роль [213]. Е. В. Филиппова отмечает, что чем конкретнее ребенок представляет себе этого другого, чем больше о нем знает, тем легче ему идентифицировать себя с ним, принять его роль и посредством этой ролевой позиции прийти к новому видению поставленной задачи. Еще один путь формирования позиционного действия (как действия децентрации) лежит через принятие роли внимательного наблюдателя. Так, в исследовании И. Я. Никитиной было показано, что в ходе театрализованной деятельности эффект познавательной децентрации достигается при условии

выработки у ребенка-актера внутренней позиции режиссера, соотносящего действия актера со зрительскими реакциями [157].

Как пример формирования когнитивной децентрации у взрослых людей можно оценить разработанную Дж. Келли терапию очерком фиксированной роли [87]. Клиент «примеряет на себя» чужой способ интерпретации происходящего, в результате чего происходит «смещение осей конструктивной системы клиента» [там же, с. 408].

Преодоление познавательного эгоцентризма является условием реализации субъект-субъектных отношений, что отмечается грузинским психологом Н. И Сарджеваладзе: «Способность видеть мир глазами другого – ведущая способность при субъект-субъектном общении с другим. Такая децентрация от собственного “Я” ведет к открытию, с одной стороны, мира внутренних переживаний другого и, с другой стороны, мира возможных состояний вообще. ...подобная децентрация имеет своим следствием значительное расширение диапазона видения мира возможного. ...существует функциональная связь между улучшением состояния личности и расширением ею диапазона приемлемости разных возможных вариантов поведения» [188].

Рассмотренные подходы к развитию способности децентрации могут быть применены также для преодоления познавательного антропоцентризма. Однако следует учитывать, что для того, чтобы стать на позицию другого живого существа, необходимо иметь знания о нем, о его образе жизни, экологическом окружении, социальном окружении и т. п. Если в сообществах охотников и собирателей такие знания приобретались при непосредственном взаимодействии с другими живыми существами, в их естественном экологическом окружении, то в промышленном обществе эти знания черпаются из разных источников, значительная часть которых заражена вирусами антропоцентризма и/или антропоморфизма. Достоверные же источники информации не всегда доступны (в том числе могут быть слишком сложны для восприятия неподготовленного реципиента) и пользуются меньшим спросом.

Особое значение для децентрации имеет наблюдение за животными в природном окружении, что отмечалось многими исследователями-натуралистами (Дж. Гудолл, К. Лоренц, А. Леопольд, Ф. Моуэт и др.). Также многие исследователи акцентируют роль опыта проживания в условиях дикой природы. В частности финские исследователи I. Palmberg и J. Kuru (2000) отмечают, что под-

ростки, получая такой опыт в организованных с этой целью лесных лагерях и походах, проходят последовательно через стадии эгоцентризма – опекуинства – эгоцентризма (на последней стадии проявляется готовность к экологической децентрации) [423]. Исследование Ann Ojala (2009), проведенное в Эстонии, показало, что переживание положительных эмоциональных событий в условиях нетронутого природного окружения способствует «расширению» экологического мировоззрения [414].

Однако вмещающая способность дикой природы в настоящее время настолько низка по сравнению с размерами человеческой популяции, что использование ее «потенциала децентрации» требует предельной осторожности. При этом часто упускаются из вида возможности наблюдения и взаимодействия с другими (неприрученными) животными в искусственных ландшафтах, возможности переосмысления городской среды как экологического пространства. В этом отношении хорошие перспективы открывает опыт рассмотренного выше тренинга по «экологическому расширению сознания» В. И. Панова и соавт. Отдельно отметим тренинг «Единство» (Е. В. Грезе), направленный на формирование идентификации с традиционно отвергаемыми животными, «которые выступают в качестве негативных психологических стимулов: тарантул, фаланга, таракан, а также более приятные – богомол, цикада, кузнечик и др.» [39, с. 10]. Е. В. Грезе подчеркивает, что «трансформация негативного отношения в позитивное требует личностных психологических усилий, которые приводят к переоценке своего места в природе» [там же].

Следует подчеркнуть, что к настоящему времени отечественными и зарубежными специалистами разработан широкий диапазон психологических и психолого-педагогических инструментов для формирования эколого-ориентированного мировоззрения – от отдельных методов проэкологического психологического воздействия (техник, приемов, упражнений, заданий, игр) до эколого-психологических технологий (тренинговых комплексов, систем игрового моделирования, экологообразовательных программ). Емкий обзор исследований, выполненных в этом направлении на постсоветском пространстве, представлен в работе Л. В. Смоловой [196, с. 330–342]. Со своей стороны подчеркнем вклад в разработку и внедрение активных методов экологического обучения Д. Н. Кавтарадзе [75] и его коллег, и влияние исследований С. Д. Дерябо и В. А. Ясвина [50; 255 и др.] на продвижение экологических тре-

нингов. Методы формирования субъект-субъектного отношения к природному окружению рассматривались в работах украинских психологов А. Н. Левочкиной [126], В. А. Скребца [194], И. В. Кряж [98; 103; 102], О. С. Мамешиной [132], Е. В. Грезе [39], И. И. Шлимаковой [239] и др. В зарубежных исследованиях доминируют работы, ориентированные на выработку и закрепление экосохраняющего поведения. Преимущественно в этом контексте рассматриваются образовательные технологии [456; 401; 495; 485; 336; 284; 263; 363; 271 и др.] и технологии социального маркетинга [394; 395; 270; 401]. В ракурсе проблемы сокращения биоразнообразия изучаются проблемы отношения к другим животным и методы формирования биоцентрической (биосферной) озабоченности [439; 407; 409; 490; 472].

Один из наиболее важных аспектов преодоления познавательного антропоцентризма состоит в том, чтобы речь шла не об опекуновстве над другими живыми существами (на основе проекции собственных влечений), а об отношении к представителям других биологических видов как к равноценным субъектам экологического сообщества. И здесь проблема преодоления познавательного антропоцентризма наглядно перекликается с проблемой преодоления нравственного антропоцентризма. Впрочем, по словам Ж. Пиаже: «Логика – это нравственность мышления, так же как нравственность – это логика действия» (цит. по: [214, с. 388]).

7.8. Резюме: антропоцентризм как системная диспозиция

Антропоцентризм в данной главе рассматривался как системное диспозиционное образование. Следует различать два типа проявлений антропоцентризма: нравственный – ценностный – антропоцентризм и познавательный антропоцентризм. Ценностный антропоцентризм функционирует как смысловая диспозиция, представляющая собой систему видовой гордости («комплекс видового превосходства»). Познавательный антропоцентризм определяется жесткой фиксацией когнитивной позиции человека как экологического субъекта, его неспособностью к децентрации в процессе когнитивной оценки экологической ситуации.

Как системное диспозиционное образование антропоцентризм проявляет себя в регуляции экологически значимого поведения человека. Эта регуляция осуществляется в интересах одного вида *Homo sapiens*, за которым закрепляется исключительная ценность

в противовес другим участникам экосистемного взаимодействия. Реализация антропоцентрической диспозиции в регуляции практической деятельности связана с объективацией природы и автообъективацией. Осуществляемый при этом целевой контроль за отдельными выделенными экологическими параметрами ведет к нарушению координации экологически значимого поведения, как баланса конкуренции и сотрудничества с другими участниками экосистемного взаимодействия.

Поддержание антропоцентрических представлений в социуме осуществляется за счет: • роста потребления ресурсов, • увеличения числа опосредующих звеньев между источником ресурса и потребляющим его человеком, • включения других живых существ и природы в целом в систему культурных ценностей в качестве ресурса для удовлетворения широкого спектра человеческих потребностей.

Можно говорить о двусторонней (взаимоподкрепляющей) связи антропоцентризма с экоразрушительной экспансивной деятельностью. С одной стороны, антропоцентризм представляет собой такую позицию, которая позволяет поддерживать и реализовывать отношение к природному миру как к ресурсу, принадлежащему людям, с другой – воплощение ресурсного подхода в практической жизнедеятельности подкрепляет антропоцентрическое мировоззрение. Соответственно, смена способа жизнедеятельности с экоразрушительного на экосохраняющий возможна при условии иной – неантропоцентрической картины мира. И наоборот – для формирования такой картины мира, которая может обеспечить координацию человеческих действий с экосистемными процессами, необходим отказ от способов жизнедеятельности, требующих наращивания ресурсопотребления.

Альтернативу нравственному антропоцентризму, как установке на экологическую конкуренцию и экспансию, составляет установка на экологическую кооперацию как координацию человеческих интересов с интересами других субъектов экосистемного взаимодействия. Альтернатива познавательному антропоцентризму связана с формированием «условно-динамической экологической позиции» как способности к децентрации при восприятии экологической ситуации и решении экологических дилемм. В обоих случаях речь идет о признании других участников экосистемного взаимодействия как самоценных экологических субъектов, поэтому формирование субъект-субъектного отношения к другим

живым существам (на основе эмоциональной сопричастности и рационального осмысления себя как члена экологического сообщества) становится условием для формирования нового «проэкологичного» образа мира.

Глава 8. Проблема ценностей в экологическом контексте

Категория «ценность» занимает особое место в обсуждении путей и способов перехода к устойчивым отношениям человеческого социума с окружающей средой. Ценностные приоритеты определяют стратегические цели и выбор тактических средств для совладания с проблемами, обусловленными глобальными экологическими изменениями. Как подчеркивается в отчетах GEO-3 и GEO-4, прогнозы для многих экологических изменений на следующую половину века значительно варьируют «вследствие различий в стратегических подходах и вариантах социального выбора» [327, с. XXI].

Хотя изменение ценностей рассматривается подавляющим большинством авторов как неперемное и решающее условие *перехода к устойчивому развитию*, «эти выражения надежды и неудовлетворенности в отношении ценностей редко связаны с исследованиями ценностей, и при этом не уточняется, какие силы влияют на человеческое поведение и как изменения ценностей отражаются в поведении» [299, с. 336]. Вместе с тем, в инвайронментальной психологии накоплен значительный эмпирический материал о связи ценностей с экологической озабоченностью и экологически релевантным поведением и предложены обобщающие концептуальные схемы (обзор соответствующих работ проводится в главах 10 и 11). Основой для этих исследований стали теоретические модели ценностей, и в первую очередь – теория базовых человеческих ценностей Ш. Шварца.

В данной главе мы обратимся к общетеоретическим положениям, раскрывающим закономерности репрезентации природного окружения в системе ценностей сообщества и ценностных ориентаций личности, и соотнесем их с соответствующими эмпирическими исследованиями. Учитывая значительное число отечественных обзоров по проблеме ценностей, выполненных в разные годы (в частности, [187; 81; 122; 252; 65]), мы сосредоточимся на экологических аспектах ценностной проблематики. Отдельно будут рассмотрены результаты двух наших исследований, выполненных

в контексте теории Ш. Шварца и обращенных к таким проблемам: экологические установки личности в зависимости от ее ценностных приоритетов; связь ценностей с экологической составляющей качества жизни.

8.1. Место природы в системе индивидуальных и культурных ценностей

Категория ценности в психологии

Ш. Шварц и В. Билски (S. H. Schwartz, W. Bilsky, 1987), обобщая представленные в литературе определения ценностей, выделили пять их особенностей: 1) ценности – это убеждения или мнения; 2) относятся к желаемым конечным состояниям или способам поведения; 3) не привязаны к специфическим объектам или ситуациям (трансцендентны им); 4) определяют выбор и оценку поступков и событий; 5) упорядочены по важности в систему ценностных приоритетов [448].

Билски и Шварц (1994) отмечают, что все эти формальные характеристики ценностей не раскрывают «критическую особенность содержания, которое отличает одну ценность (например, мудрость) от другой (например, от успеха). Эта отличительная особенность – мотивационное содержание ценности. Ценности – когнитивные репрезентации важных человеческих целей или мотивов, относительно которых люди должны общаться, чтобы координировать свое поведение. Содержание, которое отличает одну ценность от другой – это тип мотивации или цель, которую она репрезентирует» [274, с. 164]. Такая трактовка ценностей созвучна работам В. Франкла, К. Клакхона, А. Маслоу, а также близка к пониманию личностных ценностей как мотивационно-смысловых образований, разрабатываемому в контексте деятельностно-смысловой парадигмы [136, 217; 17; 19; 20; 122; 252]. Однако Ш. Шварц в своей теории не ограничивается положениями о мотивационном содержании и системной организации ценностных ориентаций, но предлагает концептуальную верифицируемую модель динамической связи *универсальных* мотивационных типов ценностей [448; 274; 445; 444; 435; 450; 295; 446; 292 и др.]. (Теория Ш. Шварца будет рассмотрена ниже, в рамках проблемы базовых ценностей.)

Включаясь в процессы мотивации и смыслообразования, ценности выполняют регулятивную функцию. «Ценности функционируют как организующее и регулирующее устройство – на индивидуальном или на социальном уровне» [429, с. 212]. В пси-

хологических исследованиях акцент делается на индивидуальных (личностных) ценностях и ценностных ориентациях, при этом подчеркивается их генетическая связь с культурными (социальными) ценностями. «Индивидуальные ценностные приоритеты – продукт совместной культуры и уникального личного опыта. ...культурные измерения ценностей отражают важные вопросы или проблемы, которые общества должны решать, чтобы регулировать человеческую деятельность» [444, с. 25–26]. Ш. Шварц (1999) метафорически определяет культурные ценности как «словарь социально одобренных целей, используемых, чтобы мотивировать действия и выражать и оправдывать выбранные решения» [там же].

М. Раудсепп (2001), анализируя ценности в контексте инвайронментализма, подчеркивает, что «ценности обеспечивают культурный каркас для выработки смысла в индивидуальных жизнях» [429, с. 213], с их помощью люди и группы «регулируют и организуют свои связанные с окружающей средой представления и действия, “переводят” дискурс об устойчивости в их каждодневные жизни» [там же, с. 212].

Для описания ценностей личности в литературе используются разные термины: индивидуальные ценности, личностные ценности, ценностные ориентации. В зарубежной психологии авторы преимущественно оперируют терминами «индивидуальные ценности» и «ценностные ориентации», не проводя между ними различий. В отечественной психологии в ряде исследований за ценностными ориентациями закрепляется значение готовности к определенному способу действия (В. А. Ядов [187]) либо направленности личности на те или иные социально принятые ценности (Л. И. Анцыферова, В. П. Тугаринов, по: [252]), т. е. подчеркивается побуждающая /регуляторная функция ценностей. Термин «личностные ценности» часто используется, чтобы подчеркнуть связь ценностных и смысловых образований личности, при этом личностные ценности характеризуются осознанностью, отрефлексированностью смыслового содержания [17; 20]. (По оценке М. С. Яницкого, «ценностные ориентации личности» и «личностные ценности» различаются «лишь отнесением ценностей скорее к мотивационной либо смысловой сферам» [252, с. 23].)

Понятие индивидуальных ценностей как мотивационно-смыслового диспозиционно-регуляторного образования содержательно пересекается не только с понятиями мотива, смысла, потребности, но также с рядом социально-психологических понятий, что нередко приводит к терминологической путанице.

Т. Дитц и соавт. (Т. Dietz, А. Fitzgerald, R. Shwom, 2005), опираясь на обзорные статьи Hitlin, Piliavin, 2004 (по проблеме ценностей) и

Fransson, Garling, 1999 (по проблеме экологической озабоченности), проводят в ракурсе экологической проблематики сравнение ценностей с другими психологическими категориями [299, с. 346]. В отличие от **установок**, выражающих в форме отношения положительную или отрицательную оценку *конкретного* объекта/явления, ценности имеют надситуативный характер. В этом плане, признание значимости нетронутой природы как таковой указывает на ценность, в то время как выступление против нефтедобычи на заповедной территории следует рассматривать как эффект установки. **Черты**, проявляющиеся в индивидуальном поведении, в отличие от ценностей, не обязательно желательны и не являются продуктом рефлексии. (Соотношение ценностей и черт личности рассматривается в исследовании В. Билски и Ш. Шварца [274], на котором мы остановимся ниже.) **Нормы** являются утверждениями о должном способе действия, т. ч. субъект может ценить эффективность использования ресурса и руководствоваться нормой: «каждый должен участвовать в переработке сырья». **Потребности** отсылают к биологически обусловленным требованиям индивида, так что мы можем ценить экосистемы, но иметь потребность в их различных *услугах*, типа пищи или воды. (Развернутый сравнительный анализ ценностей и потребностей в структуре побуждений можно найти в работе Д. А. Леонтьева [122, с. 226–230].) **Предпочтения** связаны со сравнительной оценкой возможных *решений* и определяются их соответствием ценности. Субъект может ценить девственную природу и отдавать предпочтение такому способу жизнедеятельности, который позволит сохранить природное окружение. **Убеждения** есть продукт понимания мира, это факты, данные в восприятии субъекта. Два человека могут иметь разные убеждения о влиянии климатических изменений на вымирание биологических видов и могут наделять разной ценностью редкие виды. **Мировоззрение** рассматривается Т. Дитцем и соавт. как генерализованные убеждения: «Мы можем придерживаться убеждений, что изменение климата ведет к разрушению среды обитания и, тем самым, к вымиранию видов животных в арктических областях, и разделять мировоззрение, что человеческие действия часто наносят существенный вред окружающей среде» [299, с. 346]. **Роли** определяются авторами как паттерны действия и принятия решений, варьирующие в зависимости от социальных ситуаций. Роль родителя, объясняющего младшему поколению в семье необходимость защиты окружающей среды, может сменяться в рабочей ситуации ролью профессионала, отдающего приоритет текущим экономическим задачам перед долгосрочными экологическими проблемами. Приведенный пример восходит к положению Т. Парсонса о том, что «каждая отдельная роль может оказаться связанной с различными ценностными системами ожиданий» [165, с. 117].

Проблема отношений человека с природным окружением в исследованиях ценностей

Каким образом представлена природа в системе ценностей? Ответ на этот вопрос обусловлен, прежде всего, социально-культурным контекстом конкретного исследования, целевыми установками исследователя, инструментами исследования. В зависимости от этих факторов ответ может варьировать в широком диапазоне – от рассмотрения природы как неотъемлемой составляющей системы ценностей в сообществе до дискредитации природы как реальной ценности личности.

Отношение к природе рассматривалось как одна из основных характеристик системы культурных ценностей при проведении кросс-культурных исследований. К. Клакхон (1951) выделял ценности «человек и природа» в отдельную группу, определяющую фундаментальный взгляд человека на природу и характеризующуюся параметрами: определенность – неопределенность в мире, единая – множественная природа, злая – добрая природа. Также для Ф. Клакхона и Ф. Стродтбека (1961) одним из оснований для сравнительного анализа ценностей в сообществах стало отношение к природе, проявляющееся в ориентации на подчинение природе, либо на гармонию с природой, либо на подчинение природы себе (по: [65]).

Однако, как показывают современные отечественные исследования индивидуальных ценностей, базирующиеся на качественных методах сбора данных, ценностные аспекты природного окружения в лучшем случае находятся на периферии обыденного сознания, не будучи ни актуальными, ни отрефлексируемыми.

В качестве примера приведем исследование М. С. Яницкого (2000). Для выявления ценностных ориентаций россиян было проведено 45 фокус-групп, посредством которых изучались ценностные предпочтения 360 человек в возрасте от 18 до 75 лет. В итоговом перечне выявленных ценностных ориентаций и в общем описании полученных результатов, отношение к природному окружению не фигурирует вообще (как и экологические аспекты жизни в целом) [252].

В исследовании С. И. Дьякова (2004), выполненном в Донецкой области, изучались ценностные ориентации студентов-выпускников педагогического университета (40 человек) и учителей средних школ со стажем педагогической работы выше 10 лет (57 человек) [63]. Респондентам давалось начало предложения: «Смысл жизни...», для завершения которого им следовало написать три свои основные жизненные цели, после чего им предлагалось проранжировать эти цели по значимости и ответить, от чего зависит их осуществление. Последующий

контент-анализ письменных ответов респондентов был направлен на выявление «ценностей – целей» и «ценностей – средств». Из общей выборки 97 человек только один учитель написал о «гармонии чувств во взаимоотношениях с природой, землей, небом» (один ответ из 274), в ответах остальных респондентов указания на природу отсутствовали.

В другом исследовании, выполненном в Украине в 2000-2004 гг. под руководством Л. Г. Сокурянской, для изучения ценностей студентов наряду с методом группового фокусированного интервью применялся биографический метод (всего было проведено 14 фокус-групп и проанализировано около 400 биографий) [197]. Высказывания студентов, в которых упоминалось природное окружение, были квалифицированы как проявления духовных ценностей (в ряду «любовь и дружба, доброта и милосердие, порядочность и честность, бескорыстие и помощь ближнему, общение с природой, литература и искусство» [197, с. 157]). Автор отмечает, что «именно эти ценности многие наши респонденты называли самыми главными в жизни и в своих биографиях, и в ходе фокус-групповых интервью» [там же]. Такая характеристика не позволяет судить об «удельном весе» природного окружения в ценностной сфере респондентов, однако в работе имеется важное для нас указание на нетипичность для респондентов ценностного отношения к экологическим аспектам жизни: «А вот весьма оригинальное (“экологическое”) представление о счастье: “Буду счастлив, если люди не будут загрязнять окружающую среду”» [там же, с. 158].

Низкая субъективная оценка значимости отношений с природным окружением подтверждается результатами, полученными с помощью стандартизированных методик исследования ценностей.

Отметим, что во многих бланковых методиках для изучения ценностей отношение к природе отражено предельно опосредованным образом либо не представлено вовсе (например, «Изучение ценностей» Г. Олпорта, Ф. Вернона и Г. Линдзи; «Список личностных предпочтений» А. Эдвардса; «Способы жизни» С. Морриса; опросник персональных ценностей McClelland и др.). В методике прямого измерения ценностей путем их ранжирования, разработанной М. Рокичем (1973), только одна – терминальная – ценность содержала указание на природу – это «Красота природы и искусства». Формулировка «Красота природы и искусства» устойчиво использовалась и в отечественных модификациях метода ранжирования списков ценностей, предложенного М. Рокичем (например, [187]).

Близкая формулировка терминальной ценности «Мир красоты (красота природы и искусства)» была использована Ш. Шварцем в разработанном им «Обзоре ценностей» (1992); сюда же вошли еще две ценности, отражающие отношение к природному окружению: «Единство с природой (слияние с природой)» (терминальная ценность) и «Защищающий окружающую среду (сохраняющий при-

роду)» (инструментальная ценность) [449]. Всего Обзор ценностей включал от 56 до 58 ценностей [449; 450]. В 2001 г. Ш. Шварц предложил еще один инструмент для исследования ценностей «Профиль личности» (или «Портретный опросник ценностей») из 40 пунктов, в котором отношение субъекта к природе нашло отражение в двух поведенческих характеристиках: «Он искренне верит, что люди должны заботиться о природе. Заботиться об окружающей среде важно для него» и «Для него важно приспосабливаться к природе, быть частью ее. Он верит, что люди не должны изменять природу». Первое из этих двух описаний вошло также в *краткий вариант Портретного опросника* (21 пункт), который был включен в анкету Европейского социального исследования [292].

В отличие от опросника М. Рокича, при работе с методиками Ш. Шварца респонденты не ранжируют ценности, а оценивают важность каждой из них по заданной шкале (9-ти бальная – от –1 до 7 – для Обзора ценностей, 5-ти бальная – от 1 до 5 – для Портретного опросника).

Как показало исследование, проведенное в 1970-х гг. под руководством В. А. Ядова, «красота природы и искусства» устойчиво занимала срединное положение в иерархии терминальных ценностей ленинградских инженеров, что согласовывалось с данными, полученными в других регионах на разных выборах, включая студентов [187]. Зато спустя четверть века, в конце 1990-х – начале 2000-х гг., студенты разных регионов России и Украины отводили ценности «красота природы и искусства» одно из последних мест в ряду других терминальных ценностей [234; 252; 30; 212 и др.]. Можно предположить, что смещение ценности природы и искусства из середины ценностной иерархии к ценностям низшего статуса обусловлено политическими и социально-экономическими трансформациями после распада СССР.

При использовании методик Ш. Шварца также выявляется низкая субъективная значимость отношений с природным окружением. Так, средний балл для заботы об окружающей среде по 20-ти европейским странам составил 2,2 из 5 баллов, что соответствовало 18-му рангу из 21 [292, с. 427–428]. Наше исследование, в котором применялся перечень терминальных ценностей из Обзора ценностей, показало, что в среднем ценность «мир прекрасного» оказалась по значимости на 15–16-й позиции (средние значения лежат в диапазоне 4,2–4,7), а «единство с природой» – на 24–27-й позиции (3,4–4,1) из 30 ценностей (обработка данных проводилась отдельно для трех возрастных групп, всего 637 респондентов, см. § 8.2).

По результатам нашего исследования природа как эстетическая

ценность попадает в середину ценностной иерархии, что расходится с результатами, полученными другими авторами при использовании методики М. Рокича. На наш взгляд, при проведении ранжирования «красота природы и искусства» по субъективной значимости не выдерживает сравнения с другими ценностями, в то время как процедура субъективного шкалирования оставляет респондентам возможность для компромиссных решений и позволяет без ущерба для реальных индивидуально-личностных ценностей отдавать должное социально продвигаемым ценностям. Также сама общая формулировка «Мир прекрасного» соответствует более широкому спектру эстетических ценностей, чем «красота природы и искусства».

Экологические ценности

Хотя термин *экологические ценности* (*environmental values*) встречается в работах многих зарубежных и отечественных психологов, обращающихся к экологическим проблемам (в частности, [265; 413; 440; 475; 401; 299; 429; 26; 71; 194; 242 и др.], ни у одного из авторов мы не нашли даже рабочего определения экологических ценностей. Анализ содержания этих работ показывает, что под *экологическими ценностями* могут пониматься:

1. Ценности, рассматриваемые в качестве предикторов про-экологических установок и экосберегающего поведения.

Такая трактовка доминирует в зарубежной инвайронментальной психологии и реализуется преимущественно в двух направлениях исследований [299]. В рамках первого изучается связь инвайронментализма с четырьмя группами ценностей: эгоистическими, альтруистическими, ценностями консерватизма и открытости изменениям; в рамках другого направления внимание акцентируется на постматериалистических ценностях (см. §§ 10.1, 10.2, 11.2).

2. Ценностные смыслы экологического беспокойства – эгоистические, альтруистические и биосферные; раскрывают направленность переживаний, вызываемых экологическими проблемами [468; 439] (см. § 10.1).

3. Экологические ориентации – ценностные смыслы природы, определяющие ее значимость для человека.

Т. В. Ивановой (1999) предложена методика ранжирования восьми экологических ориентаций, объединяемых автором в две группы: антропоцентрическую (природа как часть национального богатства, источник ресурсов для экономического развития, среда обитания человека, образец для технических разработок) и биоцентрическую (природа как источник познания, условие нравственного развития, вдохновитель искусства, условие гармоничного развития человека) [71, с. 85]. Также методика С. Томпсон и М. Бартон (1994) направлена

на анализ двух типов экологических установок, отражающих различные ценностные позиции: антропоцентризм (ценность природы определяется ее полезностью для людей) и эгоцентризм (природа имеет внутреннюю ценность) [478].

4. Обеспокоенность экологическими проблемами (признание значимости экологических параметров жизни).

Подобное понимание экологических ценностей особенно четко прослеживается при описании результатов опросов общественного мнения, проводимых в русле социологической традиции [26; 242; 200]. Выраженность экологических ценностей, понимаемых как ориентация на экологические аспекты жизни, определяется через их соотнесение с ориентацией на экономические, социальные и др. проблемы. В методике В. А. Скребца «Экоценностные диспозиции» экологические ценности раскрываются через сопоставление с социальными, моральными и Я-ценностями [194, с. 165–171].

5. При использовании опросников ценностей характеристики экологических получают пункты экологического содержания, соответствующие терминальным или инструментальным ценностям, такие как рассмотренные выше «единство с природой», «защита окружающей среды» и др.

В целом, термин *экологические ценности* используется, с одной стороны, для обозначения смысла экологически релевантных ситуаций, событий, действий, с другой – чтобы подчеркнуть ориентацию субъекта на экологическое значение происходящего. В обоих случаях понятие экологических ценностей вводится в контекст смысловой регуляции экологически релевантного поведения.

Отношение к природе в системе базовых ценностей

Один из наиболее разработанных к настоящему времени подходов к анализу базовых ценностей предложен Ш. Шварцем. Само понятие базовых ценностей используется в работах Ш. Шварца и его последователей в двух значениях: ● универсальные ценности, объединенные общей мотивационной целью; ● ценностные измерения/шкалы более высокого уровня, организующие систему ценностей.

Согласно Ш. Шварцу и В. Билски, в основе всего ценностного разнообразия лежат три типа универсальных человеческих потребностей: биологические потребности, потребности социального взаимодействия и потребности, связанные с выживанием и благосостоянием социальных групп [448; 274].

Такая интерпретация перекликается со словами В. Франкла: «ценности можно определить как универсалии смысла, кристаллизующиеся в типичных ситуациях, с которыми сталкивается общество или

даже все человечество» [217, с. 288].

Шварц выделяет 10 мотивационных типов ценностей, содержание каждого из которых определяется *центральной целью*: доминирование; достижение; гедонизм; стимуляция; самостоятельность; универсализм; доброта; традиции; конформность; безопасность [там же].

В теории Ш. Шварца описывается система динамических отношений между ценностными типами, которая может быть представлена в виде схемы совместимости и конфликтности базовых ценностей. Для визуализации своей теории Шварц предлагает квази-круговую модель, в которой отдельные сектора соответствуют базовым ценностям (рис. 8.1). Ценности, расположенные в смежных секторах, связывают отношения дополнительности (в силу их мотивационной близости), те же ценности, что расположены в противоположных секторах, находятся в конкурентных отношениях (из-за антагонизма соответствующих им побуждений).

Рис. 8.1. Теоретическая модель Ш. Шварца: отношения между 10 универсальными ценностями в системе двух измерений (приводится по: [292, с. 425])

Отношения базовых ценностей раскрываются в системе двух основных измерений: «самовозвышение – самотрансцендентность» (ценности власти и достижения, опирающиеся на «личный интерес», противопоставлены ценностям универсализма и доброты, поддерживающим заботу об интересах других субъектов) и «открытость изменениям – консерватизм» (ценности самостоятельности и стимуляции, подчеркивающие независимость действий, создают оппозицию ценностям безопасности, конформности и

традиции, подчеркивающим самоограничение, порядок и сопротивление изменениям).

10 различных мотивационных типов были выделены на основе теоретического анализа, после чего получили эмпирическое подтверждение. В 1990-х гг. теория Ш. Шварца была проверена посредством «Обзора ценностей» в масштабном кросс-культурном исследовании, охватившем более 200 выборок из 60 стран. Для каждой выборки на основе интеркорреляций исходных ценностей проводилось многомерное шкалирование – метод анализа, позволяющий представить исследуемые объекты (в данном случае – ценности) в виде точек на плоскости, так что расстояние между точками соответствует степени сходства обозначаемых ими ценностей. Для подавляющего большинства выборок по результатам анализа отчетливо выделялись 10 постулируемых типов ценностей [435, с. 179], и во всех случаях прослеживались два ценностных измерения.

Шварц и соавт. уточняют, что круговая организация ценностей представляет континуум взаимосвязанных, а не дискретных побуждений. Устойчивыми являются мотивационные отношения ценностей, а не их конкретное местоположение в схеме (следует учитывать, что многомерное шкалирование не дает строгой оценки статистической значимости результатов анализа). Поскольку остается неопределенность относительно оптимального числа базовых ценностей, пункты опросника, обозначающие ценности смежных мотивационных типов, могут «смешиваться» при графическом представлении. Выделение именно 10 базовых ценностей (а не меньшего или большего их числа) было обусловлено как исходными теоретическими положениями о возможных мотивационных целях (и предварительным анализом данных, полученных с помощью «Обзора ценностей» М. Рокича [272]), так и соображениями научного удобства [292, с. 424]. Поэтому «каждый мог бы обоснованно разделить пространство пунктов опросника ценностей на более широкие или более точно настроенные отдельные ценностные образования в зависимости от того, насколько точно он желает проводить различие среди мотивов» [там же].

Количество базовых ценностей, прослеживаемых по результатам исследований, зависит во многом от исследовательских инструментов. Если применяемые методики не перекрывают все мотивационные области, рассматриваемые в теории Шварца, соответственно трансформируется само пространство исследуемых ценностей, что было показано в работе W. Bilsky, M. Koch (2002) (использовались «Тест способности понимания» Kilmann; «Способы жизни» Морриса; опросник персональных ценностей McClelland) [272]. Но даже при таком ограниченном наборе ценностей результаты в целом свидетельствуют в пользу универсальной ценностной структуры, задан-

ной двумя измерениями: самотрансцендентность – самовозвышение и открытость изменениям – консерватизм. Универсальность двумерной структуры ценностей была подтверждена также в исследовании W. Bilsky, K. Jehn (2002) при использовании «Профиля организационной культуры» O'Reilly [273].

Ш. Шварцем были разработаны два базовых исследовательских инструмента – «Обзор ценностей» и «Портретный опросник», которые обращаются к разным уровням ценностных представлений: уровню нормативных идеалов и уровню индивидуальных приоритетов. Первый уровень соответствует убеждениям субъекта о должном (о должных предпочтениях, должном поведении), второй в большей степени соответствует конкретным поступкам и реальным выборам субъекта [81, с. 34]. Поэтому показатели субъективной значимости ценностей, полученные посредством этих двух методов, могут существенно различаться, однако общность структурной организации ценностей прослеживается при использовании обоих методов.

Э. Давидов, П. Шмидт и Ш. Шварц (E. Davidov, P. Schmidt, S. Schwartz, 2008) для статистической проверки модели Ш. Шварца применили конфирматорный факторный анализ к данным Европейского социального исследования, полученным в 20 странах (около 40 тыс. респондентов) [292]. Используемый в исследовании краткий вариант Портретного опросника ценностей включал 21 пункт, соответствующий 10 мотивационным типам ценностей. Анализ факторной структуры, проведенный отдельно по 20 странам, показал, что ряд постулируемых в теории типов ценностей тесно связаны друг с другом, задавая объединенные факторы, т. ч. итоговое число факторов – мотивационных типов ценностей варьировало в разных странах от 5 до 8. «Склейки» были образованы смежными типами: традиции/конформность, власть/достижение, универсализм/доброта; реже – гедонизм/стимуляция, стимуляция/самостоятельность. (Только в венгерской выборке в один фактор объединились ценности универсализма и безопасности [там же, с. 432]. Мы обращаем внимание на этот факт, т. к. подобный феномен был зафиксирован и в нашем исследовании, см. § 8.2.) Конфирматорный анализ, проведенный по данным всех респондентов из 20 стран, подтвердил модель с 7 факторами – базовыми ценностями, из которых 3 фактора были заданы ценностями, относящимися к смежным мотивационным типам.

В целом можно сказать, что если проблема оптимального числа базовых ценностей и их конкретного мотивационного содержания может получать разные решения в зависимости от предмета исследования, поставленных задач и используемых методов, то положения о двух основных измерениях *индивидуальных* ценностей и их квази-круговой структуре, определяемой мотивационным

содержанием ценностей, получили многократное эмпирическое подтверждение.

Ценностное отношение к природному окружению, согласно теории Шварца, интегрировано в тип ценностей *универсализма*, центральная цель которого – понимание, терпимость и защита благополучия всех людей и природы. Все три ценности из «Обзора ценностей», включающие указание на природу, относятся к ценностям универсализма [448], также как терминальные ценности «Равенство», «Мир на земле», «Мудрость», «Социальная справедливость» и инструментальная ценность «Широта взглядов».

Базовая ценность «универсализм» принадлежит к полюсу самотрансцендентности, а на противоположном полюсе самовозвышения расположены базовые ценности власти и достижения. Таким образом, теория Шварца хорошо согласуется с представлением об альтруистической основе ценностного отношения к природе и несовместимости такого отношения с эгоистической ориентацией на личный интерес. Вместе с тем, один из подходов к пониманию экологических ценностей, представленный в работах П. Стерна с соавт., предлагает различать альтруистическое и биосферное экологическое беспокойство как обусловленное гуманистическими ценностями и ценностью природного окружения как такового (внутренней ценностью природы) [461; 465].

П. Стерн и соавт. на основе Обзора ценностей Ш. Шварца разработали короткую методику из 15 пунктов для измерения 5 типов ценностей: биосферных, альтруистических (объединяются в одно общее измерение самотрансцендентности), самовозвышения (эгоистических), традиции, открытости изменениям (по: [299]). В число биосферных ценностей вошли: «Защита окружающей среды, сохранение природы»; «Единство с природой, соответствие природе», «Уважение земли, гармония с другими биологическими видами». Однако, как отмечают Т. Дитц с соавт., уровень внутренней согласованности этих коротких шкал (по 3 пп.) не был достаточно высоким, а гипотеза об относительной независимости альтруистических и биосферных ценностей не получила последовательного подтверждения [там же, с. 351]. И хотя результаты ряда исследований служат аргументом в пользу отдельного рассмотрения биосферных и альтруистических ценностей [439; 441; 452; 415], некоторые авторы считают предположение о различиях между этими видами ценностей избыточным [343].

Природа в системе базовых ценностей культуры. Используя одни и те же инструменты для изучения индивидуальных и культурных ценностей, Шварц (1999) подчеркивал различия в системной организации этих двух уровней ценностей [444]. Он выделил семь ба-

зовых культурных ценностей, соответствующих трем основным проблемам, с которыми сталкивается любое сообщество. Это проблема отношений человека и группы, проблема ответственного социального поведения, проблема отношения людей к *природному* и социальному миру. Разные способы решения каждой из проблем выражены в ценностной дихотомии, что дает *три основные ценностные измерения*: консерватизм – автономия (интеллектуальная и аффективная), иерархия – эгалитаризм, гармония – мастерство. Мастерство означает акцент на активной защите своих прав (связываемых с амбициями, успехом, смелостью, компетентностью), на изменении и эксплуатации окружающего мира. Гармония означает принятие мира таким, как он есть, это культурный акцент на гармоничном включении человека в окружающую среду, но также, полагает Шварц, следует иметь в виду и социальные смыслы гармонии как отношений, свободных от самоутверждения. Как видим, на уровне культурных ценностей проявляется различие между эгалитаризмом и гармонией, а если перейти на язык экологической этики – между признанием прав других людей и признанием прав природы, между альтруистическими и биосферными ценностями.

Анализ связи базовых ценностей культуры с экономической политикой в 20 экономически развитых странах показал, что уровень конкуренции на рынке (самый высокий показатель – у США, за ними следуют Великобритания и Канада) отрицательно связан с ценностями гармонии и интеллектуальной автономии, а положительно – с ценностями мастерства и иерархии (Schwartz, 2007 [446]). По результатам аналогичного анализа, проведенного для индивидуальных базовых ценностей, высокий уровень конкуренции в стране сопровождается более низкой значимостью для граждан ценностей универсализма и самостоятельности, а также более высокой значимостью ценностей власти, достижения, конформности. Т. е. жесткая экономическая конкуренция и определяемый ею образ жизни в целом укрепляют ориентацию на самовозвышение и ослабляют ценностные смыслы природы.

В целом исследования ценностей показывают, что субъективная значимость природного окружения, определяемая разными аспектами взаимодействия с природой, прямо связана со значимостью благополучия всего сообщества. Ценностное отношение к природе, объединяясь с альтруистическими ценностями и ценностями эгалитаризма, выражает смыслы самотрансцендентности (самопреодоления через интеграцию с окружающим миром). Противоположные им смыслы самовозвышения выражены в ценностных ориентациях на власть и личный успех в сообществе, которые обеспечивают субъекту контроль над ресурсами.

8.2. Экологические ориентации в системе индивидуальных терминальных ценностей: эмпирическое исследование

Экологическая безопасность как ценность. Согласно теории Ш. Шварца, индивидуальные ценности, отражающие отношение к природному окружению, являются проявлением ценностей универсализма как базовой ориентации на защиту благополучия *всех* людей и природы. Вместе с тем, на уровне культуры ценность природы и ценность справедливого распределения ресурса образуют две относительно автономные ценностно-смысловые области, что отражает такой путь экономического развития, при котором благополучие граждан обеспечивается за счет роста экопотребления, приводящего к экологической деградации, или, по сути – за счет снижения благополучия природного окружения. В долгосрочной перспективе такая практика неизбежно угрожает благополучию сообщества в целом, поскольку именно земные экосистемы являются для людей единственным источником необходимых жизненных ресурсов. Происходящие антропогенные экологические изменения уже свидетельствуют об экологическом неблагополучии планеты в целом, ставя под вопрос не только качество жизни, но саму экологическую безопасность людей. Субъективный ответ на эти изменения, выражаемый в форме экологического беспокойства, свидетельствует об осмыслении значимости экологической безопасности, что позволяет рассматривать ее в качестве самостоятельной индивидуальной ценности.

Однако экологическая безопасность как индивидуальная ценность практически не представлена в исследованиях ценностной сферы и лишь имплицитно включается в анализ экологически релевантного поведения.

Экологическое беспокойство и ценности. Частично ценностные аспекты экологической безопасности освещаются при анализе связи индивидуальных ценностей с разными видами беспокойства и субъективным благополучием (К. Boehnke и др., 1998; S. Schwartz и др., 2000). Проводя различия между микро- и макробеспокойствами (как переживаниями, вызываемыми микро- и макроугрозами), исследователи отмечают, что экологические угрозы микроуровня (например, загрязнение места проживания) осмысляются респондентами либо как угрозы здоровью и собственной безопасности, либо как проявления экологических угроз макроуровня (угрозы экосфере и/или человеческому сообществу) [450, с. 311]. При этом экологические угрозы, связанные со средой непосредственного проживания, преимущест-

венно оцениваются как микроугрозы собственной безопасности, но не как угрозы природному миру [там же, с. 327].

Также Шварц и соавт. останавливаются на взаимосвязи ценности природы и экологического беспокойства: высокая субъективная значимость природы усиливает экологическое беспокойство, которое, реализуясь в действиях (например, объединение усилий с другими «экологистами» или публичное выражение своей обеспокоенности), укрепляет экологическую идентичность и повышает социальное и эмоциональное обязательство по защите природы, что, в свою очередь, усиливает значимость природы как ценности. Такая петля обратной связи имеет место в том случае, если экологическая безопасность наделяется смыслами самотрансцендентности, дополняя и дополняясь ценностным отношением к природе.

Ценностные смыслы экологического беспокойства. Экологическая безопасность как индивидуальная ценность имплицитно вводится в обсуждение ценностных оснований экологического беспокойства в работах П. Стерна и соавт. [465; 466; 468]. Экологическое беспокойство рассматривается как субъективная реакция на угрозы, которые экологические изменения могут представлять: • для самого субъекта и его ближайшего окружения, • для других людей и человечества в целом, • для природного мира. Такой подход позволяет говорить о трех ценностных смыслах экологической безопасности: эгоистических, альтруистических, биосферных, определяемых пониманием экологических угроз. Сама ценность экологической безопасности обусловлена антропогенными экологическими угрозами как *ценностными барьерами* [233]. Согласно Билски и Шварцу [274], такого типа ценности соответствуют дефицитным потребностям в классификации А. Маслоу [136]. Их специфика в том, что, побуждаемые ими действия по ликвидации дефицита (устранению барьера) в случае успеха ведут к снижению их значимости, их *обесцениванию* и переключению на другой вид активности. Это означает, что даже временное устранение экологических угроз может стать сигналом для отказа от *экологически осмотрительного* поведения при эгоистической и альтруистической ориентации, но не в тех случаях, когда речь идет о биосферном осмыслении ценности экологической безопасности. Ориентация на биосферное благополучие, позволяя реализовать эгоистические и альтруистические смыслы ценности экологической безопасности, одновременно поддерживает субъективную значимость экологически ответственного поведения.

Таким образом, имеющиеся исследования указывают на ценность экологической безопасности как важный компонент смысловой регуляции экологически релевантной деятельности, требующий более глубокого изучения. Остаются открытыми вопросы об отно-

сительной значимости этой ценности, о ее связях с ценностными смыслами природы, о месте экологической безопасности в системе ценностных измерений. Эти вопросы и определили направление нашего эмпирического исследования терминальных ценностей.

Смысловая организация терминальных ценностей

Объектом нашего эмпирического исследования стали терминальные ценности (ценности – цели жизнедеятельности). В отличие от инструментальных ценностей, определяющих ориентацию на определенный образ действий, терминальные ценности являются более стабильными на индивидуальном и групповом уровнях [433; 187]. В ряду терминальных ценностей как желаемых состояний мы рассматриваем ценность экологической безопасности, так же как и ценностные смыслы природы.

Мы говорим о терминальных ценностных смыслах природы, подразумевая те конечные цели/желаемые состояния, которые достигаются человеком за счет контактов с природным окружением. Сама природа выступает при этом в качестве условия или средства, и в этом качестве может быть отнесена к инструментальным ценностям (если использовать определение инструментальных ценностей как ценностей-средств в широком значении, а не в более узком значении предпочтительного способа поведения). О природе как о терминальной ценности можно говорить при ориентации субъекта на внутреннюю ценность природы, что предполагает ее субъект-субъектное восприятие.

Методы исследования. Был использован список терминальных ценностей (30 пунктов) из Обзора ценностей Ш. Шварца, к которому был добавлен пункт «Экологическая безопасность (стабильность среды, уверенность в качестве воздуха, воды, жилья)». Степень важности каждой ценности оценивалась по шкале от –1 до 7. (В дальнейшем используемая нами модификация методики Ш. Шварца будет обозначаться как Опросник ценностей.)

Предложенная формулировка экологической безопасности дает возможность интерпретировать эту ценность в контексте как глобальных, так и локальных экологических проблем (т. е. основой для нее могут служить как микро-, так и макробеспокойства). Вместе с тем, такая формулировка выводит на первый план экологические угрозы для человеческих субъектов: для самого респондента и его близкого окружения (так называемые *эгоистические* смыслы) и/или для других людей (*альтруистические* смыслы).

При обработке данных были использованы эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент с применением вращения Varimax), многомерное шкалирование и конфирматорный фактор-

ный анализ. Анализ данных проводился в системе Statistica 7.

Выборка. В исследовании приняли участие 637 человек – 413 женщин и 214 мужчин. Из них: 418 человек от 17 до 24 лет (средний возраст 20,4 года), 84 – от 25 до 38 лет (средний возраст 31 год) и 135 человек в возрасте от 39 до 62 лет (средний возраст 46 лет). Подавляющее большинство в младшей группе составили студенты разных факультетов Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина (за исключением 24 студентов других харьковских вузов и 25 работающих человек со средним специальным или высшим образованием). В старшие возрастные группы вошли преимущественно работающие люди, с высшим, неоконченным высшим или средним специальным образованием. Сбор данных осуществлялся с апреля 2007 г. по июнь 2010 г.: 106 респондентов заполняли опросник в период относительно устойчивого экономического развития в стране (до сентября 2008 г.), 382 – в период резкого экономического спада и роста безработицы (декабрь 2008 – март 2009) и 149 – в период экономической стагнации (февраль – июнь 2010 г.).

Субъективная значимость ценности экологической безопасности

Средний показатель значимости экологической безопасности по выборке в целом составил 4,7 балла (по шкале от –1 до 7), что соответствует 10-му рангу. (На первой позиции находилась «защита семьи» со средним значением 5,7; на последней позиции – «власть», среднее значение 1,9.) Наиболее значимой экологическая безопасность оказалась в старшей возрастной группе: 5,2 балла (4-й ранг). В младшей и средней возрастной группах экологическая безопасность замыкала десятку наиболее значимых ценностей, получив 4,5 и 4,9 соответственно. Во всех возрастных группах, как и по выборке в целом, ценность экологической безопасности оценивалась значительно выше (по критерию Вилкоксона), чем ценность мира прекрасно (красоты природы и искусства) и значительно уступающая последней ценность единства с природой ($p < .01$ и $p < .001$).

Был проведен многофакторный дисперсионный анализ показателей, полученных в трех возрастных подгруппах, при котором учитывались половая принадлежность респондентов и макроэкономическая (макросоциальная) ситуация на момент исследования. Результаты анализа показали, что в старшей возрастной группе нет значимых различий в оценках экологической безопасности, даваемых женщинами и мужчинами, как в докризисный период, так и на разных этапах экономического кризиса. В целом значимость экологической безопасности увеличивается с возрастом, т. ч. в старшей группе давали оценки более высокие, чем в средней и младшей группах ($p < .05$ и $p < .001$), а оценки в средней группе были значимо выше, чем в младшей ($p < .001$). Эти

различия наиболее выражены в докризисный период и сглаживаются с наступлением экономического кризиса и последующими социально-экономическими трансформациями, при этом ухудшение экономической ситуации сопровождается ростом субъективной значимости экологической безопасности. Наиболее четко такая тенденция прослеживается в младшей группе (средние значения ценности экологической безопасности в различных макроэкономических условиях: 4; 4,5; 5; различия значимы при $p < .001$). Также по мере изменения макроэкономических условий сглаживаются различия в оценках, даваемых мужчинами и женщинами в двух младших группах, т. ч. на поздних этапах экономического кризиса значимость экологической безопасности оценивается одинаково в подгруппах юношей и девушек.

В целом анализ показывает, что обострение макроэкономической ситуации обуславливает рост значимости экологической безопасности для молодых женщин и мужчин, сглаживая половозрастные различия при оценке этой ценности. Можно дать несколько объяснений такому явлению. Одно из них заключается в том, что ухудшение экономических условий, создавая угрозы жизнеобеспечению, актуализирует потребность в безопасности, а это ведет к усилению соответствующей базовой ценности и ценности экологической безопасности («стабильность среды») как ее проявления. Но в таком случае рост значимости экологической безопасности должен был отмечаться и в старшей возрастной группе. Второе объяснение связано с возможным осмыслением экологической безопасности как показателя качества жизни («уверенность в качестве воздуха, воды, жилья»), и можно предположить, что в связи с ухудшением экономической ситуации эти смыслы актуализируются в наибольшей степени в младшей группе. И, наконец, возможно, что выявленный эффект лишь косвенно связан с экономической ситуацией, и определяется общим ростом экологического беспокойства ввиду углубления глобального экологического кризиса, и наиболее чувствительной к этим изменениям (и/или к модному «экологическому тренду») является молодежь как наиболее динамичная часть населения.

Факторная структура терминальных ценностей

Для выявления базовых смысловых измерений, описывающих основные различия в субъективной значимости терминальных ценностей, был применен факторный анализ. Эксплораторному факторному анализу подверглись данные, полученные по выборке в целом, а также данные, сгруппированные отдельно по возрастному критерию (3 группы), по полу (2 группы) и по макро-

экономическому критерию (3 группы). Разные группировки данных применялись с целью выявления робастной – наиболее устойчивой – структуры терминальных ценностей.

При определении числа значимых факторов мы учитывали три критерия: собственный вес фактора (от 1.), процент объясняемой фактором дисперсии (не менее 5%) и графический критерий «каменистой осыпи». Размерность факторного пространства, определяемая по значениям 31 ценности методом главных компонент, для разных группировок данных варьировала от трех до пяти. Метод максимального правдоподобия, позволяющий получить факторное решение, оптимальное для обобщения на генеральную совокупность [13; 211], давал, как правило, три фактора, основу которых во всех группах составляли одни и те же кластеры ценностей. Эти факторы были охарактеризованы нами как «безопасность/стабильность», «насыщенность внутренней жизни», «социальное доминирование» [106]. Метод главных компонент давал более вариативные факторные решения, с различными смысловыми компоновками ценностей. При этом в ряде случаев фактор «насыщенности внутренней жизни» распадался на два отдельных фактора: самотрансцендентности и открытости новизне.

Сравнительный анализ факторов, полученных для разных групп, позволил выделить группу ценностей, смысловое содержание которых значительно варьировало от группы к группе (при обработке разных наборов данных эти ценности получали высокие нагрузки по разным факторам): любовь, дружба, смысл жизни, самоуважение, единение, социальное признание, чувство принадлежности. Все эти ценности были из числа тех, которые, в силу семантической кросс-культурной изменчивости не были отнесены Ш. Шварцем к определенному мотивационному типу [444]. Еще две ценности с широким кросс-культурным смысловым диапазоном – гармония и духовная жизнь – в нашем исследовании стабильно входили в фактор насыщенности внутренней жизни/самотрансцендентности (заметим, что в исследовании [24] обе эти ценности при факторизации устойчиво сочетались с ценностями природы, см. об этом [106]). Примечательно, что факторизация всех данных методом главных компонент дала пять факторов: безопасность/стабильность, социальное доминирование, новизна, самотрансцендентность (включившая внутреннюю гармонию и духовную жизнь) и еще один фактор, в котором объединились все перечисленные выше «семантически неустойчивые» ценности вместе с безопасностью семьи. Поэтому следующим шагом стал факторный анализ матриц данных, в которые вошли показатели 22-х (характеризующихся, по Шварцу, кросс-культурной эквивалентностью смыслового содержания) и 24-х (с добавлением ценностей гармонии и духовной жизни) терминальных ценностей.

Оптимальным для описания пространства значений 22-х и 24-х

ценностей выявилось 4-х факторное решение, объясняющее от 42 до 52% общей дисперсии.

Фактор социального доминирования объединил ценности мотивационного типа власти (власть, благосостояние, авторитетность) и ценность удовольствия (удовлетворение желаний). *Фактор открытости изменениям* образован ценностями интересной жизни, разнообразной изменчивой жизни, свободы. *Фактор самотрансцендентности* задан ценностями мудрости, единства с природой, прекрасного, творчества и – при анализе 24-х ценностей – ценностями внутренней гармонии и духовной жизни. (При уменьшении размерности факторного пространства факторы самотрансцендентности и открытости изменениям объединялись в один фактор.) *Фактор безопасности/стабильности* задан ценностями четырех мотивационных типов: мир, социальная справедливость, равенство (ценности универсализма); социальный порядок, национальная безопасность, взаимопомощность, защита семьи (ценности безопасности); вежливость, самодисциплина (ценности конформности); традиции. Сюда же вошла и ценность экологической безопасности. По смысловому содержанию этот последний фактор может быть описан как *фактор социальной гармонии*.

Выявленные в нашем исследовании ценностно-смысловые оси (факторы) в целом соответствуют теории Ш. Шварца о двух базовых ценностных измерениях: самовозвышение – самотрансцендентность и открытость изменениям – консерватизм. Вместе с тем, обращает на себя внимание отклонение от круговой модели мотивационных типов ценностей. Речь идет о ценностях универсализма, которые, в нашем случае, образовали две отдельные смысловые области. Ценностные смыслы природы и мудрость, объединившись с ценностью творчества, транслируют смыслы трансцендентного (в духе трансценденталистов Р. Эмерсона и Г. Торо), в то время как ценности мира, социальной справедливости и равенства примкнули к полюсу сохранения (консерватизма), дополняя его смыслами эгалитаризма. Такое разделение свидетельствует в пользу гипотезы П. Стерна и др. о биосферных и альтруистических ценностях как двух самостоятельных ценностных ориентирах.

Чтобы проверить, насколько хорошо соответствует нашим данным модель, согласно которой ценности универсализма тяготеют к двум различным смысловым центрам, мы провели подтверждающий факторный анализ. При этом модель с двумя латентными переменными – самотрансцендентности и социальной гармонии

(модель ССг), соответствующую результатам эксплораторного анализа, мы сравнили с моделью, включившей в качестве латентных переменных универсализм и консерватизм (модель УК), в соответствии с круговой моделью Ш. Шварца (консерватизм объединил ценности безопасности, традиции, конформности).

Конфирматорный факторный анализ является разновидностью статистического метода моделирования с помощью линейных структурных уравнений и позволяет оценить степень пригодности факторной модели для описания внутренней структуры изучаемых переменных, а также сравнить несколько альтернативных моделей [460; 40; 147]. Анализ осуществлялся посредством модуля SEPATH программного пакета Statistica 7. Оценка латентных факторов проводилась методом наименьших квадратов с последующим применением метода максимального правдоподобия. Для оценки адекватности моделей использовались следующие показатели: критерий согласия χ^2 ; отношение χ^2 к числу степеней свободы df (указывает на хорошую согласованность модели при значениях меньших, чем 2); индекс Стейгера – Линда RMSEA, индекс стандартизированных остатков RMSSR (на хорошее качество подгонки модели указывают значения, не превышающие 0.05); гамма-индекс (Population Gamma Index), индекс нецентральности Мак-Доналдса MDIN, индекс Джорескога GFI, сравнительный индекс Бентлера CFA (все показатели лежат в пределах от 0 до 1, на хорошее качество модели указывают индексы, превышающие .95).

Были проверены два варианта каждой из моделей – не предусматривающие корреляцию двух факторов и корреляции резидуальных переменных (вариант 1) и включающие такие корреляции (вариант 2). Ни одна из моделей не получила подтверждение по статистике χ^2 (во всех случаях $p < .001$). Обе модели ССг1 и УК1 не подтвердились ни по одному из показателей, но при этом все индексы указывали на лучшее соответствие модели ССг1 эмпирическим данным в сравнении с моделью УТ1 (табл.8.1). Введение в модели корреляционных связей значительно улучшило показатели пригодности обеих моделей, т. ч. три из индексов позволяют говорить о пригодности модели ССг2 (и по остальным индексам, кроме χ^2/df , эта модель близка к критическим значениям). Модель УК и в этом случае уступала модели ССг, что свидетельствует в пользу гипотезы о расхождении биосферных и альтруистических смыслов универсализма, а также о смыкании последних со смысловым измерением консерватизма. Вместе с тем, факторные нагрузки ценностей *мир, равенство, социальная справедливость* были значимыми для обеих моделей, что подтверждает их общность с ценностными смыслами природы.

Таблица 8.1

Индексы пригодности факторных моделей по данным основной и контрольной выборок

Выборка	Модель	χ^2/df	RMSEA	RMSSR	Population Gamma Index	GFI	CFA
Основная 637 человек	CCr1	6 (459/77)	.087	.12	.89	.91	.80
	УК1	8,9 (682/77)	.11	.17	.86	.88	.68
	CCr2	3,7 (212/57)	.067	.04	.97	.953	.92
	УК2	4,7 (235/50)	.076	.05	.96	.945	.90
Контрольная 167 студентов	CCr2	3,2 (183/57)	.10	.08	.90	.86	.84
	УК2	4,4 (222/50)	.15	.13	.86	.83	.78

Наиболее оптимальной для описания отношений, существующих между ценностными смыслами природы и эгалитаризма (относимого П. Стерном и соавт. к альтруистическим ценностям [299]), является модель двух коррелированных факторов. По результатам конфирматорного факторного анализа именно эта модель получила подтверждение по большинству индексов (RMSEA .05; RMSSR .036; PGI .99; GFI .99; CFA .97), в отличие от не подтвердившихся однофакторной модели и модели двух некоррелированных факторов. При этом самые низкие показатели пригодности были у последней модели, не учитывая смысловую близость двух ценностных кластеров.

Две модели – ССг2 и УК2 – были проверены нами также на данных контрольной группы, в которую вошли 167 студентов г. Славянска¹ (табл. 8.1). По результатам конфирматорного факторного анализа модель ССг2 получила более высокие показатели пригодности, чем модель УК2, хотя в обоих случаях эти показатели не достигали критических значений. При этом нагрузки ценностей *равенство* и *социальная справедливость* по фактору универсализма (модель УК2) не достигали критического значения 0,3 (и были со знаком «-»), т. е. эти ценности в данном случае наделяются смыслами, не совпадающими с ценностными смыслами трансцендентализма. Вместе с тем, по фактору *социальной гармонии* в модели ССг2 эти ценности, так же как и ценность мира получили значимые нагрузки, подтверждающие их смысловую близость к ценностям сохранения.

Отклонение наших результатов от модели мотивационных типов ценностей Ш. Шварца неудивительно, поскольку в исследовании мы использовали список только терминальных ценностей. Тем самым два мотивационных типа ценностей – доброта и достижения – были исключены из анализа. Кроме того, терминальные ценности, в отличие от инструментальных, *воплощенных в определенный*

¹ Сбор данных был осуществлен П. А. Севастьяновым в рамках диссертационного исследования, выполняемого под руководством автора.

образ действий ценностей, могут включаться в более широкий диапазон мотивационно-смысловых контекстов, что обуславливает их более высокую семантическую гибкость. С другой стороны, как мы упоминали выше, в исследованиях Ш. Шварца также отмечалась, как культурно специфичное явление, смысловая склейка измерений универсализма и безопасности [292]. И в целом, культурно обусловленные отклонения от «идеальной» структуры, при которых коннотативное значение отдельных ценностей изменяется на противоположное теоретически постулируемому, наблюдались не однажды в кросс-культурных исследованиях [272, с. 12].

Определяется ли и в нашем случае объединение ценностей эгалитаризма и консерватизма культурной спецификой, или же это есть отражение общих закономерностей в осмыслении терминальных ценностей, – ответ на этот вопрос не может быть дан в рамках нашего исследования. Но в любом случае полученные нами результаты свидетельствуют в пользу теории о биосферных и альтруистических ценностях как двух различных, хотя и близких, основаниях для экологического беспокойства.

Поскольку экологическое беспокойство указывает на субъективную значимость экологической безопасности, возникает вопрос о мотивационном содержании ценности экологической безопасности, или, иначе говоря, вопрос о месте экологической безопасности в системе мотивационных типов ценностей. Эксплораторный факторный анализ выявил связь экологической безопасности с ориентацией на *социальную гармонию*, объединяющую ценности альтруизма, безопасности, традиции и конформности. Чтобы определить, какой из мотивационных целей ценность экологической безопасности отвечает в наибольшей мере, была проанализирована модель из 4-х факторов: социального альтруизма (равенство, мир, социальная справедливость), самотрансцендентности как биосферной ориентации (единство с природой, мудрость, мир прекрасного, творчество), безопасности (социальный порядок, национальная безопасность, взаимоуслужливость, защита семьи), конформности (вежливость и самодисциплина в связке с традицией). Конфирматорный анализ проводился для четырех вариантов этой модели, в которых ценность экологической безопасности нагружалась на один из четырех факторов. Факторная нагрузка экологической безопасности была самой высокой (.64, $p < .001$) в составе фактора социального альтруизма, и этот же вариант модели получил более высокие показатели пригодности, чем другие варианты. Это означает, что в основе отношения наших респондентов к экологической безопасности как ценности находится не стремление к безопасности как таковое, а забота о человеческом благополучии, о равных экологических правах

для людей. Что касается прав *нечеловеческих субъектов* и благополучия природы, связь этих смыслов с ценностью экологической безопасности является менее очевидной для наших респондентов.

Экологические ориентации в семантическом пространстве терминальных ценностей

Для визуализации смысловых взаимосвязей в системе терминальных ценностей мы использовали статистические методы многомерного шкалирования. Результатом анализа стало графическое размещение терминальных ценностей в виде точек в системе двух измерений (рис. 8.2). Расстояние между точками соответствует (с определенной погрешностью) семантической близости соответствующих им ценностей.

Как видно на рисунке 8.2, изучаемые терминальные ценности образуют четыре кластера, совпадающие с описанными выше факторами. Ценности самотрансцендентности противопоставлены ценностям самовозвышения, а ценности социальной гармонии – открытости изменениям.

Рис. 8.2. Двухмерное представление семантического сходства и различий между терминальными ценностями (по результатам многомерного шкалирования)

Анализ размещения терминальных ценностей в двумерном пространстве, так же как и факторный анализ, раскрывает экологическое значение двух ценностных кластеров: субъективная ценность социальной гармонии обуславливает значимость экологически безопасной среды, а ориентация на самопреодоление подразумевает признание внутренней ценности природы, проявляющееся в субъ-

ективной значимости единства с природой. Экологическое значение двух других ценностных кластеров остается нераскрытым. Вместе с тем, теоретический анализ дает основания полагать, что субъективная значимость самовозвышения связана с осмыслением природы как объекта социальной конкуренции, а ориентация на новый опыт сопряжена с актуализацией значения природы как исследовательской и стимулирующей среды. Для проверки этих предположений требовалось расширить круг изучаемых индивидуальных ценностей и провести многомерное шкалирование одновременно для терминальных ценностей и *экологических ориентаций*. Экологические ориентации определяются в данном исследовании как разные виды инструментальной ценности природы, определяемые ее соответствием тем или иным человеческим потребностям.

Для исследования экологических ориентаций были использованы восемь утверждений о значении природы для человека из методики Т. В. Ивановой [71, с. 85]. 166 респондентам, из числа заполнивших Обзор ценностей, предлагалось оценить по 7-бальной шкале (от -3 до 3), насколько актуальным является для них каждое из восьми утверждений, объясняющих значимость природного окружения. К матрице интеркорреляций терминальных ценностей и экологических ориентаций были применены процедуры многомерного шкалирования, итог которого представлен на рис. 8.3.

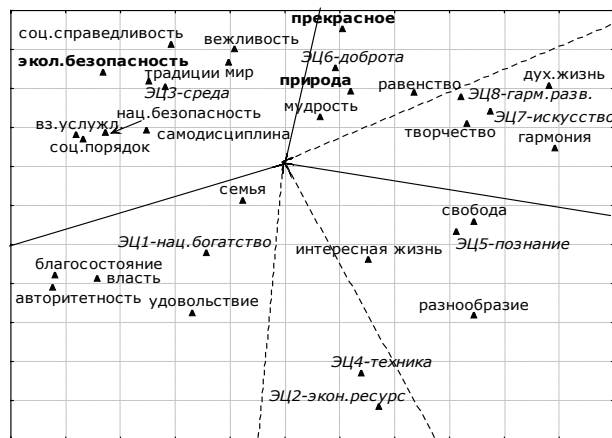

Рис. 8.3. Ценностные смыслы природы (ЭЦ – экологические ценности) в семантическом пространстве терминальных ценностей (по результатам многомерного шкалирования)

Отметим смысловое согласование разных видов инструментальной ценности природы с терминальными ценностями. Субъективная значимость природы как части национального богатства

сближается с ориентацией на самовозвышение, а оценка природы в качестве источника познания связана с ценностным полюсом открытости изменениям. Смыслы природы как среды обитания человека сближаются со значимостью экологически безопасной среды и альтруистической ориентацией на безопасность и стабильность в сообществе. Признание за природой функции духовного наставника («воспитывает в человеке доброту») согласуется с признанием внутренней ценности природы (ориентация на единство с природой) и с ценностями самотрансцендентности. Актуальность природы как фактора *гармоничного развития* и как «*вдохновителя искусства, источника великих творений*» связана с ценностью творчества, и сюда же примыкают ценности внутренней гармонии и духовной жизни. Смысловое содержание такого кластера более всего корреспондировано мотивационному типу самостоятельности, цель которого – независимость в мышлении и способах действия. Отдельную группу, расположенную между ценностными смыслами власти и открытости изменениям, образовали две инструментальные ценности, определяемые значением природы как источника ресурсов для промышленного развития и как образца для создания техники. Согласно Ш. Шварцу, сектор между мотивационными типами власти и стимуляции соответствует ценностям достижения, и мотивационная цель этого типа – социальная компетентность – лучше остальных отвечает технократической оценке природного окружения. Таким образом, экологические ориентации и терминальные ценности задают *общее* семантическое пространство, структурная организация которого определяется мотивационным содержанием ценностных ориентаций.

В таком общем семантическом пространстве четко выделяются группы ценностей биосферной и социально-альтруистической направленности, мотивационное содержание которых различается. Можно полагать, что основу ценностей биосферного типа составляет переживание единства с природным окружением, ощущение своей причастности к экологическому сообществу. Ценности социально-альтруистического типа отвечают потребностям совместного выживания в сообществе, выражающимся в требованиях мира, социальной справедливости и экологической стабильности. Мотивационные цели ценностей обоих типов производны от потребностей *укоренения* (Э. Фромм), реализуемых через идентификацию с природой – экологическим сообществом либо через идентификацию с человеческим сообществом.

Ценности биосферного и социально-альтруистического типа имеют разное экологическое содержание, раскрываемое в экологических ориентациях – преобладающих способах восприятия, интерпретации и действий в отношении средового окружения. Биосферные ценности поддерживают ориентацию на благополучие экологического сообщества, социально-альтруистические ценности – ориентацию на поддержание среды, от которой зависит социальное благополучие. Если в первом случае экологически значимые решения, принимаемые субъектом, определяются его представлениями о благе и вреде для природного мира, то во втором – представлениями о том, какие действия смогут принести *большую пользу для людей*. В обоих случаях экологически значимые решения зависят от экологических знаний и убеждений – о текущей экологической ситуации, об экосистемных процессах, об экологических последствиях человеческой активности, – выражающих мировоззренческую позицию субъекта. В той степени, в которой субъект постигает зависимость благополучия человеческих сообществ и отдельных людей от экосистемных процессов и рассматривает благополучие экосистемы (проявляющееся в ее устойчивости) как обязательное условие человеческого благополучия, социально-альтруистическая ориентация совпадает с ориентацией биосферной.

Экологическое содержание ценностей самовозвышения определяется ориентацией на контроль над ресурсами. Поскольку ценности самовозвышения релевантны конкурентным отношениям, экологические *объекты* обретают привлекательность как символ власти и как средство присвоения новых ресурсов. В последнем случае уже имеющийся экологический ресурс расходуется для экоразрушительного расширения ресурсной базы.

Ценность нового опыта сопряжена с ориентацией на познание природы, которая, в зависимости от мировоззренческой позиции субъекта, проявляется в форме субъектно-познавательного либо объектно-познавательного отношения (С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин). Если первое подразумевает экосберегающие способы познания, укрепляющие субъективную связь с природой, то во втором случае «природный объект может подвергаться деструктивному воздействию, порой жестокому; за ним не признается право на самоценность» [255, с. 60].

Таким образом, притом, что четко прослеживается связь между мотивационными типами ценностей и инструментальной ценностью природы, есть основания считать, что выбор проэкологич-

ческих или экодеструктивных форм поведения определяется не ценностными ориентациями как таковыми, а мировоззренческой позицией, теми жизненными смыслами, которые закрепляются для субъекта за природным окружением. В свою очередь, смыслы природного окружения раскрываются и реализуются в рамках конкретных форм и способов жизнеобеспечения, доступных субъекту.

8.3. Ценностные приоритеты и экологические установки личности

Как ценностные приоритеты связаны с экологическими установками, с готовностью человека определенным образом интерпретировать окружающий мир и действовать в нем? Проблема связи ценностей с экологическими установками и экологически релевантным поведением активно разрабатывается в зарубежной инвайронментальной психологии. Обзор соответствующих работ представлен в следующем разделе нашей монографии (главы 10 и 11), в этом же параграфе мы остановимся на результатах авторского исследования экологических установок личности в зависимости от ее ценностных приоритетов.

Ценностно-ориентационные типы личности. Чтобы выделить группы респондентов с разными ценностными приоритетами, был проведен кластерный анализ факторных оценок, рассчитанных для всей выборки по трем ценностным факторам: самовозвышения, социальной гармонии, самопреодоления (биосферная ориентация). Методом К-средних были выделены четыре группы респондентов с разными ценностными приоритетами (рис. 8.4), условно обозначенные нами как: **индивидуалисты** – высокий показатель по фактору самовозвышения и самые низкие показатели социальной гармонии и самотрансцендентности (19,6% от всей выборки); **благонамеренные** – самый высокий по выборке показатель социальной гармонии и низкие показатели самовозвышения и самотрансцендентности (31,2%); **романтики** – самый высокий показатель самотрансцендентности и низкие показатели самовозвышения и социальной гармонии (19,3%); **максималисты** – высокие показатели по всем трем ценностным измерениям (29,8%).

Для уточнения ценностно-ориентационного профиля каждого кластера был проведен сравнительный анализ (методом Kruskal-Wallis ANOVA) «сырых» показателей терминальных ценностей, а также ранговых показателей, полученных путем ранжирования оценок каждого респондента. Процедура ранжирования была применена для того, чтобы нейтрализовать влияние стилевых особенностей работы со шка-

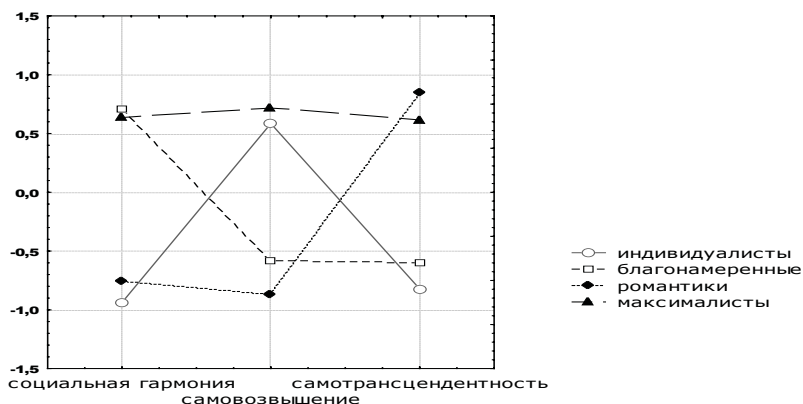

Рис. 8.4. Средние значения факторных оценок (по факторам социальной гармонии, самовозвышения, самотрансцендентности) в четырех кластерах респондентов с разными ценностными приоритетами

лой, проявляющихся в выборе только высоких или низких баллов при ответе. В таблице 8.2 представлены средние показатели значимости и средние ранги ценностей для всех кластеров; среди них отмечены те, которые статистически значимо превышают значения в других группах (выделены жирным шрифтом), и те, которые значимо ниже показателей всех других групп (выделены курсивом с подчеркиванием).

Группу *индивидуалистов* отличают от других групп самые высокие ранговые значения ценностей власти, авторитетности, удовольствия, благосостояния, а также интересной и разнообразной жизни («сырые» показатели этих ценностей были одинаковыми или несколько ниже, по сравнению с максималистами); и самые низкие шкальные и ранговые показатели ценностей мир, социальная справедливость, вежливость, традиции, экологическая безопасность, духовная жизнь, единство с природой, мир прекрасного. Для *благонамеренных* более значимы, чем для остальных (по шкальным и ранговым оценкам), равенство, мир, социальный порядок, защита семьи, экологическая безопасность. Более высокие ранги (на фоне всей выборки) в этой группе получили также социальная справедливость, вежливость, национальная безопасность, взаимная услужливость. Мудрость, интересная и разнообразная жизнь ценится в этой группе ниже, чем в других; а власть и авторитетность – ниже, чем в группах индивидуалистов и максималистов. *Романтиков* отличают самые высокие оценки (шкальные и ранговые) внутренней гармонии, духовной жизни, творчества, единства с природой, мира прекрасного, и самые низкие – всех ценностей блока самовозвышения, а также социального порядка и национальной безопасности.

Максималисты в целом склонны ставить более высокие шкальные

Таблица 8.2

Средние показатели значимости и средние ранги* терминальных ценностей** в четырех кластерах респондентов с разными ценностными приоритетами

Ценности	Индивидуалисты		Благонаме- ренные		Романтики		Максима- листы	
	Σ/n	Ср. ранг	Σ/n	Ср. ранг	Σ/n	Ср. ранг	Σ/n	Ср. ранг
Равенство	<u>3,0</u>	12,3	4,4	15,8	3,4	12,2	3,7	<u>9,8</u>
Мир	<u>3,1</u>	<u>12,8</u>	5,7	23,9	4,4	18,1	5,4	18,3
Социальная справедливость	<u>3,2</u>	<u>12,9</u>	4,5	15,9	3,6	14,2	5,1	16,0
Вежливость	<u>3,3</u>	<u>13,3</u>	4,6	16,4	3,7	14,2	5,0	16,2
Уважение традиций	<u>2,0</u>	<u>7,6</u>	3,6	11,3	3,2	11,8	5,0	15,7
Самодисциплина	<u>2,9</u>	<u>11,7</u>	3,8	<u>11,7</u>	3,8	14,6	4,8	14,0
Социальный порядок	3,4	13,9	4,8	17,9	<u>3,1</u>	<u>10,9</u>	5,1	16,4
Национальная безопасность	3,0	11,8	4,8	17,8	2,7	<u>9,2</u>	5,1	15,8
Взаимная услужливость	2,4	9,2	3,7	11,7	2,7	9,4	4,3	12,5
Экологическая безопасность	<u>3,6</u>	<u>15,1</u>	5,4	21,4	4,8	20,0	5,4	18,9
Защита семьи	5,2	23,7	6,1	26,3	5,1	21,2	6,0	22,9
Власть	3,1	12,1	<u>0,8</u>	<u>2,9</u>	<u>0,6</u>	<u>3,3</u>	3,5	8,9
Удовольствие	4,5	19,9	4,2	13,9	<u>3,0</u>	<u>10,2</u>	4,9	14,6
Благосостояние	5,1	22,8	4,8	17,8	<u>2,9</u>	<u>10,2</u>	5,3	17,1
Авторитетность	4,1	16,5	2,8	14,7	2,6	<u>11,9</u>	4,8	14,3
Внутренняя гармония	<u>4,8</u>	21,2	5,3	21,4	5,5	23,6	5,5	<u>19,2</u>
Духовная жизнь	<u>3,0</u>	<u>11,7</u>	3,9	12,8	4,8	19,9	4,4	13,2
Творчество	<u>3,4</u>	13,5	3,9	<u>12,3</u>	5,1	21,3	4,7	13,8
Единство с природой	<u>1,9</u>	<u>7,2</u>	3,5	10,1	4,6	18,5	4,6	13,3
Мир прекрасного	<u>3,2</u>	<u>13,0</u>	4,4	15,1	4,9	20,3	5,1	16,5
Мудрость	<u>4,1</u>	17,4	<u>4,1</u>	<u>14,1</u>	5,3	22,3	5,6	19,8
Интересная жизнь	4,6	20,7	4,5	<u>15,9</u>	4,5	18,1	5,2	17,0
Разнообразие	4,1	17,7	<u>3,6</u>	<u>10,6</u>	4,2	16,1	4,4	12,5
Социальное признание	4,0	16,9	4,3	<u>7,8</u>	<u>3,2</u>	<u>9,1</u>	4,8	13,7
Смысл жизни	<u>5,1</u>	22,7	5,5	22,5	5,4	23,3	5,6	<u>20,0</u>
Любовь	<u>4,2</u>	21,3	5,4	21,7	5,2	22,2	5,4	<u>19,2</u>

* При ранжировании ранг 1 присваивался наименее значимой ценности.

**В таблицу включены те ценности, по которым выявлены значимые межгрупповые различия.

оценки, чем респонденты других групп. Однако относительная субъективная значимость ценности, получившей в группе максималистов балл более высокий, чем в других группах, часто была не столь высокой. Более высоко, чем во всех других группах максималисты ставят ценность традиции (самые высокие шкальные и ранговые оценки), а также сравнительно высоко ценят вежливость и самодисциплину, социальную справедливость и социальный порядок, а также мудрость. Такое сочетание ценностных приоритетов побуждает предположить, что за максимализмом, проявляющимся при шкалировании ценностей, стоит социальный конформизм, согласие со значимостью всех культурных ценностей. В пользу этого предположения говорит тот факт, что процент максималистов выше в двух старших группах (в средней – 35%, в старшей – 45%), чем среди студентов (24%). Отметим также, что мудрость в этой группе по значимости занимает

второе место после защиты семьи. В группах индивидуалистов и благонамеренных семья также стоит на первом месте, а второе место занимают: у индивидуалистов – ценность благополучия, у благонамеренных – ценность мира. Для романтиков наиболее значимыми являются внутренняя гармония и смысл жизни.

Экологические установки в зависимости от ценностных приоритетов

Для исследования экологических установок были использованы следующие методики: авторский опросник ЭкО-44 (см. § 10.4), методики ЭЗОП и «Альтернатива» С. Д. Дерябо и В. А. Ясвина [255, с. 81–86], «методика диагностики субъективизации природных объектов» С. Д. Дерябо [50], методика «Экоценностные диспозиции» В. А. Скребца [194, с. 164–172]. Такой комплекс методик позволяет рассмотреть экологические диспозиции разного содержания и разных уровней обобщенности: установки на восприятие природы; готовность к субъективизации природного окружения; установки на тип взаимодействия с природой; экоценностные диспозиции как готовность к определенной стратегии в отношении с природой; экологические смысловые диспозиции, определяющие отношение к глобальным экологическим изменениям.

В исследовании экологических установок приняли участие 487 респондентов из основной выборки (637 человек, заполнявших Опросник ценностей). Все респонденты работали с опросником ЭкО-44, из них 416 человек – с методиками ЭЗОП и «Альтернатива», со 195 респондентами была проведена *диагностика субъективизации природных объектов*, 100 респондентов заполнили методику «Экоценностные диспозиции». В таблице 8.2 отражено, как респонденты, работавшие с каждой из методик, распределились по четырем ценностно-ориентационным кластерам.

Для сравнения показателей экологических установок в четырех кластерах был проведен дисперсионный анализ. В таблицу 8.3 вошли те экологические установки, по которым были выявлены значимые различия. Там же обозначены для каждой установки те среднegrupповые показатели, которые статистически значимо превышают средние значения в других группах (выделены жирным шрифтом), и те, которые значимо ниже показателей всех других групп (выделены курсивом с подчеркиванием).

Отношение к глобальным экологическим проблемам (ЭкО-44). Сравнительный анализ показывает, что наибольшее экологическое беспокойство проявляют *романтики*, наименьшее – *индивидуалисты*. *Романтики* в большей степени, чем другие, признают актуальность и личную значимость экологических проблем, от-

Таблица 8.3

Средние показатели экологических установок в четырех кластерах респондентов с разными ценностными приоритетами (см. пояснения в тексте)

Методики: к-во респондентов Экологические установки	Индивидуалисты	Благонамеренные	Романтики	Максималисты
ЭКО-44*: 487 респондентов	114	134	103	136
Отрицание экологических проблем	0,17	<u>-0,14</u>	<u>-0,33</u>	0,24
Личная актуальность экол. проблем	<u>-0,36</u>	0,16	0,27	-0,07
Экологическая интернальность	<u>-0,13</u>	0,05	0,31	<u>-0,18</u>
Экологическое возмездие	-0,06	<u>-0,20</u>	0,40	-0,05
Биоцентризм	<u>-0,30</u>	0,17	0,38	<u>-0,20</u>
«Деньги» (приоритет экономики)	0,34	-0,22	<u>-0,44</u>	0,27
Технологический оптимизм	0,20	0,05	<u>-0,30</u>	0,01
ЭЗОП и Альтернатива: 416	102	106	88	120
Исследование	2,7	2,4	3,1	2,4
Охрана	<u>2,1</u>	2,7	2,8	3,0
Польза	2,5	1,7	<u>1,1</u>	1,8
Практический тип	<u>2,8</u>	3,3	3,2	3,4
Прагматический тип	2,9	2,3	2,2	2,3
Уровень субъектификации: 195	26	50	36	84
Субъектификация животных	12,5	13,2	15,6	13,0
Субъектификация растений	<u>6,5</u>	<u>7,8</u>	11,4	9,8
Экоценностные диспозиции: 100	19	25	29	27
Эко-ценности	<u>38,8</u>	54,8	55,7	59,0
Колаборационизм	<u>63,8</u>	72,0	78,3	75,1
Подчинение природы	23,3	25,3	<u>15,3</u>	23,3
Разрушение природы	39,2	<u>27,0</u>	<u>28,2</u>	33,9

* Средние значения для шкал ЭКО-44 рассчитаны по стандартизированным данным (z-преобразование).

мечают негативные последствия антропогенных экологических изменений для других живых существ и связывают современные глобальные экологические проблемы с деятельностью человека, с гонкой потребления. Они не разделяют технологический оптимизм и наиболее активно отрицают мнение о приоритете экономических проблем над экологическими. *Благонамеренные* – респонденты с ориентацией на социальную гармонию – сближаются с романтиками по уровню экологического беспокойства: признают наличие глобальных экологических угроз, замечают их влияние на свою жизнь, а также проявляют готовность к осмыслению экологических угроз с позиций биоцентризма. Но, в отличие от романтиков, благонамеренные предпочитают не акцентировать

внимание на антропогенном характере экологических изменений, полагая, что технологии и экономический рост позволят решить экологические проблемы. Еще больший технологический оптимизм и меньшее сомнение в *силе денег* демонстрируют *индивидуалисты*. Их слабо беспокоят происходящие экологические изменения, у них менее выражены интернальность и биоцентризм в оценке экологической ситуации, им чужда идея экологической вины и экологического возмездия. Отношение индивидуалистов к проблеме глобальных экологических изменений в основном разделяется в группе *максималистов*, за тем отличием, что последние оценивают экологические проблемы как более актуальные для себя лично и проявляют меньший технологический оптимизм, чем индивидуалисты.

Отношение к природе (ЭЗОП, «Альтернатива», субъективизация природы). Группу *индивидуалистов* отличает от трех других групп более выраженное утилитарное отношение к природе, проявляющееся как в установках восприятия, так и в предпочитаемых способах действия. Такое отношение сочетается с более слабыми, чем в других группах, установками на охрану природы и практический (непотребительский) тип взаимодействия с ней. *Романтиков* от остальных респондентов отличает при восприятии природы более мощная познавательная установка и более слабая утилитарная установка. Также эту группу характеризует более высокий уровень субъективизации животных и, особенно, растений, что указывает на более выраженную готовность воспринимать другие живые существа в качестве *значимых других*, учитывать их интересы при оценке текущей ситуации.

«Экоценностные диспозиции». Один из показателей данной методики – экоценности – дает комплексную характеристику, объединяющую интерес к природе, обеспокоенность экологической ситуацией, признание значимости окружающей среды для человеческого сообщества. Такая заинтересованность в природном окружении намного слабее выражена у *индивидуалистов*, чем у респондентов остальных групп, что сочетается с более высокой готовностью к разрушению природы. Также индивидуалисты в меньшей степени, чем другие, готовы выбирать стратегию сотрудничества, предполагающую ориентацию в своих решениях и поступках на поддержание природного баланса и гармонии. Зато такая ориентация наиболее типична для *романтиков*, менее других склонных к покорению и разрушению природы.

Выводы. Наибольшие различия в экологических установках прослеживаются между двумя ценностно-ориентационными типами: романтиками и индивидуалистами. Приоритет биосферных ценностей раскрывается в познавательно-субъектном отношении к природе и в личностно-включенной ответственной позиции при оценке экологической ситуации. Ценностный приоритет социального доминирования связан с потребительским отношением к природе и игнорированием антропогенных экологических изменений. В обоих случаях различные экологические установки образуют непротиворечивое целое, позволяя говорить о проэкологической направленности романтиков и экopotребительской экспансии индивидуалистов.

В отношении двух других групп следует отметить наличие смысловых рассогласований между отдельными экологическими установками. Экологическое беспокойство у тех, для кого наиболее значимы ценности социальной гармонии, не связывается с экологической ответственностью, а готовность признать на рациональном уровне экологические права *нечеловеческих субъектов* не сопровождается эмоциональным принятием их как субъектов, зато сочетается с установкой на подчинение природы. У *максималистов* значимость экологической безопасности сочетается с установкой на отрицание значимости глобальных экологических изменений, а готовность видеть в природе объект охраны не ослабляет установки на подчинение и покорение природы.

8.4. Ценностные параметры качества жизни: экологическая составляющая

Категория «качество жизни» привлекается для интегральной оценки состояния дел в стране или жизненной ситуации отдельных людей/групп населения. Как *«предел способности и возможности людей жить таким образом, которым бы они дорожили»* [84], качество жизни зависит от объективных и субъективных переменных. Соответственно, разные индексы, используемые для измерения качества жизни, включают как объективные характеристики жизненной ситуации (уровень доходов, уровень потребления, социальное и медицинское обеспечение, распределение времени и т. п.), так и субъективный компонент – удовлетворенность субъекта жизнью в разных ее измерениях [12; 168]. Среди объективных показателей качества жизни устойчиво выделяется экологический параметр, преимущественно ассоциируемый с благоприятным

для человеческого здоровья экологическим окружением.

В психологических исследованиях качество жизни связывается с переживанием благополучия (экономического, социального, личного) и факторами, его обуславливающими (по: [68]). Среди таких факторов следует выделить объективные параметры жизненной ситуации человека и индивидуально-личностные переменные, определяющие восприятие и субъективную оценку человеком своей жизни.

Исследования, проведенные в разных культурных контекстах, показывают высокую зависимость субъективных оценок качества жизни от осмысленности жизни, самореализации, самооценки [68]. Что касается объективных условий жизни, их влияние опосредовано культурным контекстом, включающим систему культурных ценностей. Поэтому одной из важных исследовательских проблем является связь представлений о качестве жизни с системой ценностей. У этой проблемы есть два аспекта. Первый касается взаимосвязи ценностных приоритетов субъекта с его общей оценкой качества своей жизни. Второй аспект связан с рефлексией самого понятия качества жизни, с индивидуальными представлениями о том, в чем проявляется и чем определяется качество жизни.

Связь субъективного благополучия с ценностными ориентациями рассматривалась в работах Ш. Шварца и его коллег [274; 435; 450]. Исследования когнитивного и эмоционального параметров субъективного благополучия в зависимости от доминирующего мотивационного типа ценностей показали неоднозначную картину [274; 435]. Рациональная оценка своего благополучия оказалась несвязанной со спецификой ценностных ориентаций личности. Эмоциональные показатели благополучия положительно коррелировали с ценностями достижения, саморуководства, стимуляции, и отрицательно – с ценностями традиции, безопасности и конформности. Во всех случаях влияние было довольно слабым и затрагивало только эмоциональный, но не познавательный аспект субъективного благополучия [там же]. Выявленная связь ценностных приоритетов с субъективным благополучием объяснялась авторами двояко. С одной стороны, личностный акцент на автономии и компетентности может способствовать эффективности личности и усиливать переживание благополучия. С другой – «люди, которые наслаждаются положительным смыслом благополучия, сосредоточиваются на личном росте, а не на самозащите и ... имеют эмоциональные ресурсы, чтобы преследовать автономные, стимулирующие цели» [435, 192]. В той же работе было показано, что оба параметра субъективного благополучия связаны с тем, насколько конгруэнтны ценностные ориентации личности ценностям рефе-

рентной группы. Т. е. благополучие определяется не ценностными приоритетами как таковыми, а тем, насколько эти приоритеты поддерживаются социальным окружением. Поэтому в западном обществе с его установкой на достижение и открытость изменениям, соответствующие ценности могут быть оценены как «психологически благополучные», но в другой культурной среде удовлетворенность жизнью может быть обусловлена иными ценностными ориентациями.

Если рассматривать субъективное благополучие как параметр качества жизни, то испытываемые личностью беспокойства должны негативно отражаться на этом качестве. В работе [450] предлагается различать объект и содержание беспокойства при анализе его связи с мотивационными типами ценностей. В зависимости от того, принадлежит объект непосредственному окружению субъекта или выходит за его пределы, выделяются микро- и макро- беспокойства. Содержательная специфика беспокойства определяется той сферой жизни, в которой оно локализовано: здоровье, безопасность, окружающая среда, социальные отношения, жизненные смыслы, достижения, экономика. Как показало исследование, ценности в два с лишним раза лучше предсказывают макро-беспокойства, чем микро-беспокойства. Наиболее мощными предсказателями макро-беспокойств оказалось ценностное измерение «самовозвышение – самопреодоление» (самые сильные положительный и отрицательный предсказатели – ценности универсализма и ценности власти). Экологическое беспокойство было положительно связано с ценностями универсализма и отрицательно – с ценностями власти, достижения, гедонизма, стимуляции. При этом отмечается, что если микро-беспокойства действительно ведут к снижению удовлетворенности жизнью (и добавим – прямо сказываются на ее качестве), то влияние макро-беспокойств не так однозначно.

Диапазон применения термина «качество жизни» гораздо шире сферы прикладных и академических исследований. Слово сочетание «качество жизни» вошло в повседневный обиход и наполняется субъективными смыслами, становясь инструментом рефлексии при оценке собственной жизни. Задавая себе вопросы: А каково качество моей жизни? Чем определяется для меня «качество жизни», от чего оно зависит? – человек оказывается перед задачей на определение собственных жизненных приоритетов и жизненных смыслов, через призму которых он воспринимает свою жизненную ситуацию и дает ей оценку. В этом ракурсе развернутая система представлений о качестве жизни, о его содержательных проявлениях будет отражать основные ценностные ориентиры личности, ее ведущие мотивационные цели.

В исследовании W. Poortinga, L. Steg, C. Vlek (2004) субъективная значимость разных параметров качества жизни (quality of life)

рассматривалась как показатель тех или иных мотивационных типов ценностей [426]. На основе 22 индикаторов качества жизни рассчитывались значения для 7 ценностных измерений, после чего изучалось их влияние на бытовое потребление электроэнергии.

Вместе с тем, содержательное наполнение индивидуального образа «качественной жизни» определяется не столько транзитивными устремлениями, зафиксированными в форме личностных ценностей, сколько переживанием *удовлетворенности* или *неудовлетворенности* жизнью в конкретных жизненных условиях и ситуациях. Очевидно, что такие переживания во многом обусловлены социальными влияниями, нормами, оценками, но, вместе с тем, важную роль здесь играет непосредственный эмоциональный отклик на происходящее, зачастую определяющий общую оценку жизненной ситуации. Насколько такая оценка зависит от представлений об экологическом окружении²? Каков «удельный вес» экологических представлений в системе индивидуальных представлений о качестве жизни? Эти вопросы возвращают нас к проблеме субъективной значимости экологического окружения, определившей направление рассмотренного выше авторского исследования терминальных ценностей.

Продолжением нашего исследования стало **изучение экологической составляющей образа качества жизни** в ее взаимосвязи с ценностными ориентациями личности [100; 101]. Обращаясь к образу «качество жизни», мы поставили перед собой задачу не только выявить его экологическую составляющую – представления о значении экологического окружения для определения качества жизни, но и изучить связь экологического компонента с другими субъективно значимыми параметрами качества жизни. Второй задачей стала реконструкция общего смыслового пространства, объединяющего актуальные представления субъекта о содержании качества жизни и индивидуальные терминальные ценности.

Методы исследования и выборка. Представления о качестве жизни выявлялись с помощью письменного опроса. Respondентам предлагалось в свободной форме описать, что означает для них словосочетание «качество жизни», в чем «качество жизни» проявляется для них. Для исследования ценностных ориентаций был применен Опросник ценностей.

Выборку составили 336 человек, из них 271 студент ХНУ им. В. Н. Каразина в возрасте от 17 до 23 лет и 65 человек в возрасте от 29 до 45 лет, всего 231 женщина и 105 мужчин. Исследование прово-

2. Под экологическим окружением в данном случае понимается жизненная среда, рассматриваемая в ее естественном измерении по параметру «культурное – естественное» (Ю. М. Швалб [235]).

дилось в два этапа – в январе–мае 2008 г. и зимой 2008–2009 гг., т. е. в период относительно стабильного экономического развития (134 человека) и в ситуации острого экономического кризиса (202 человека). Все 336 человек давали описание качества жизни, из них 272 человека заполняли Опросник ценностей.

При обработке данных были применены: U-критерий Манна–Уитни, критерий хи-квадрат для таблиц сопряженности, многомерное шкалирование, кластерный анализ, Kruskal-Wallis ANOVA. Статистический анализ проводился в системе Statistica 7.

Критерии качества жизни. По результатам контент-анализа письменных ответов о качестве жизни были выделены 27 категорий, перекрывающих интегральное пространство индивидуальных смыслов «качества жизни» (табл. 8.4).

Таблица 8.4

Представленность (в %) субъективных критериев качества жизни

ранг	Критерии качества жизни	%	N	ранг	Критерии качества жизни	%	N
1	Удовлетворенность (счастье)	39,6	133	15	Работа	13,4	45
2	Материальное благополучие	38,7	130	16	Разнообразие	12,8	43
3,5	Социальное окружение	35,1	118	17	Признание	11,6	39
3,5	Уровень жизни	35,1	118	18	Самопонимание	10,7	36
5	Духовный критерий	30	101	19	Условия для развития	10,1	34
6	Действия самого человека	26,2	88	20	Досуг	9,2	29
7	Здоровье	23,2	78	21	Образование	8,1	27
8	Самореализация	21,1	71	22	Свобода	7,2	24
9	Семья	19,6	66	23	Природа	7	23
10	Удовлетворение потребностей	18,8	63	24	Действия политиков	6,3	21
11	«Чистая экология»	17,3	58	25	Будущее	6,3	21
12	Наличие целей в жизни	16,7	56	26	Быть полезным	5,7	19
13	Социальная защищенность	14,6	49	27	Дети	5,4	18
14	Финансовая независимость	14,9	50				

Чаще всего качество жизни связывается с двумя параметрами: • удовлетворенность жизнью, включающая переживания счастья, внутреннего комфорта, положительных эмоций, удовольствия; • материальное благополучие, выражающееся в имуществе человека. Наряду с материальным благополучием в качестве независимого критерия качества жизни называется уровень жизни. В отличие от материального благополучия, имеющего конкретные формы и проявления (жилье, машина, одежда, еда, возможности и т. п.), содержание уровня жизни раскрывается через сравнение своего образа жизни с образом жизни других (людей, групп, стран).

К критерию «социальное окружение» был отнесен достаточно широкий диапазон ответов – от простого упоминания о «других людях» до восхваления дружбы или описания роли социальной среды.

«Духовный» критерий объединил указания на духовные ценности, духовность, нравственность, осмысленность жизни, жизненную позицию.

В качестве отдельного критерия были выделены «действия самого человека». Собственно, это не столько критерий качества жизни, сколько проявление **интернальной установки** личности по отношению к качеству жизни. Такая установка, что человек сам обеспечивает себе качество жизни, была отмечена более чем у четверти респондентов. Содержательно к этой установке близок критерий «наличие жизненных целей», включающий также указания на устремления, идеалы, авторитеты как условия качественной жизни.

Экологическая составляющая представлений о качестве жизни четко выражена в двух отдельных критериях – «чистая экология» (чистые вода, воздух, еда, городская среда, жилье) и «природа». Хотя последний критерий объединил любые упоминания о природе, природных ландшафтах, растениях и животных, ответы такого типа были зафиксированы всего у 7% респондентов. Экологическое беспокойство выражалось в два с половиной раза чаще. В целом по выборке хотя бы один из этих двух критериев назвали 67 человек (19,94 %). Таким образом, экологические параметры являются актуальными при субъективной оценке качества жизни для каждого пятого респондента. По частоте упоминания это соответствует параметрам: удовлетворение потребностей, семья, самореализация.

Пол, возраст, макроэкономическая ситуация как факторы, определяющие представления о качестве жизни. Для того чтобы выяснить, являются ли половозрастные особенности и макроэкономическая ситуация факторами, влияющими на представления субъекта о содержании качества жизни, был применен U-критерий Манна–Уитни, а также критерий хи-квадрат для таблиц сопряженности.

Наиболее значимые различия были выявлены для таких критериев качества жизни: действия человека, экология, природа, материальное благополучие. Все обнаруженные различия связаны с экономической ситуацией в стране. Резкое ухудшение экономической ситуации в стране ведет к ослаблению интернальной позиции личности и к обострению беспокойства о материальном благополучии как условия качественной жизни. Половозрастные особенности проявились в специфическом влиянии экономической ситуации на значимость субъективных параметров образа жизни. В стабильной экономической ситуации старшие респонденты чаще, чем младшие ($p < .01$) обращаются к природе и «чистой экологии» как условию качественной жизни, однако это различие нивелируется после обострения экономической ситуации.

Образ «качества жизни» как системное образование

С помощью процедур многомерного шкалирования было получено пространственное отображение связей, прослеживаемых между выявленными субъективными критериями качества жизни (рис. 8.5). Одно из смысловых измерений, раскрывающих содержание параметров качества жизни, задано противостоянием внешних и внутренних детерминант, субъективных и объективных показателей жизненной ситуации.

Рис. 8.5. Параметры качества жизни в системе двух измерений (по результатам многомерного шкалирования)

На внутреннюю обусловленность качества жизни указывают: интернальная позиция, согласно которой качество жизни зависит от действий самого человека, наличие жизненных целей, удовлетворенность жизнью (счастье), самопонимание. Внешняя обусловленность качества жизни проявляется, прежде всего, в его зависимости от социальных гарантий: возможность получить образование, уровень жизни в стране, социальная защищенность, порядочность и ответственность политиков. По этой шкале критерий *природа* занимает промежуточное положение, а вот *чистая экология* воспринимается как показатель, в большей степени зависящий от внешних обстоятельств, чем от усилий самого субъекта.

Смысловое содержание второго измерения качества жизни можно описать через оппозицию внутренней и социальной гар-

монии. На значимость внутренней гармонии указывает критерий «духовность», объединивший духовную жизнь, нравственность, осмысленность жизни, а также параметры самопонимания (*согласия с самим собой*) и уверенности в будущем. Этими же смыслами наделяется общение с природой и возможность жить в *экологически чистой* среде. На противоположном смысловом полюсе находятся хорошая работа, социальное признание, семейное окружение, финансовая независимость – показатели социального благополучия. Поскольку к этому же полюсу тяготеют переживание счастья (удовлетворенность жизнью) и самореализация, вполне уместно говорить о смыслах социальной гармонии как противове гармонии внутренней, духовной.

Параметры качества жизни и ценностные ориентации

Практически каждый из критериев субъективной оценки качества жизни, выявленных в нашем исследовании, может быть отнесен к определенному мотивационному типу ценностей. Более того, анализ пространственного размещения критериев качества жизни позволяет выделить группы, предположительно соответствующие семи культурным базовым ценностям (рис.8.6). Однако основные шкалы, раскрывающие смысловые различия между показателями качества жизни, отличны от базовых ценностных измерений (самовозвышение – самотрансцендентность, консерватизм – открытость изменениям). Одна из этих двух шкал отражает мнение субъекта о том, от чего (или кого) зависит его качество жизни, вторая – указывает на акценты, расставляемые при оценке качества жизни, позволяет понять мотивационное содержание понятия качества жизни. Именно такие мотивационные акценты и должны задавать область семантического пересечения субъективных критериев качества жизни и индивидуальных ценностей, раскрывая наиболее существенные смыслы экологических параметров человеческой жизнедеятельности. Поэтому следующим шагом нашего исследования стало многомерное шкалирование показателей представлений о качестве жизни и терминальных ценностей.

По результатам многомерного шкалирования (рис.8.7) выделяются две относительно самостоятельные семантические области: качества жизни и терминальных ценностей. Такое разделение объясняется в первую очередь существенными различиями в исследовательских методах. Тем больший интерес представляет общее для обоих наборов данных смысловое измерение, а также случаи «внедрения» критериев качества жизни в систему ценностей и наоборот.

Рис. 8.6. Мотивационные типы критериев субъективной оценки качества жизни как показателей ценностных ориентаций

В зону ценностных ориентаций попали два показателя качества жизни – жизненные цели и внутренний локус контроля в отношении качества жизни. Оба показателя тесно связаны с ценностями мудрости, красоты природы и искусства, единства с природой, т. е. с биосферной ценностной ориентацией личности. Также эти показатели имеют значимые корреляции с ценностью внутренней гармонии, которая оказалась в окружении других критериев качества жизни: самопонимания, духовности, природы. Включая в себя ценность духовной жизни, этот блок *духовного содержания* жизни задает трансцендентальный полюс смыслового измерения жизненных приоритетов. Противоположный полюс этого измерения задан ценностями самовозвышения и показателями материальной обеспеченности. Такое измерение, организующее в единую смысловую систему личностные ценности и критерии субъективной оценки качества жизни, указывает на оппозицию двух жизненных ориентиров: «контроль над ресурсами – раскрытие внутреннего ресурса».

Значимость природы как критерия качества жизни и как ценности определялась для наших респондентов задачами раскрытия внутреннего (духовного) ресурса. Близкими смыслами нагружался экологический критерий качества жизни, а вот ценность экологической безопасности оказалась не связана с отношением к жизненному ресурсу.

цией «контроль над ресурсами – внутренний ресурс». Значение экологического окружения как актуального критерия субъективной оценки качества жизни раскрывается в контексте ценностей внутренней – духовной – жизни. Приобщение к природе нагружается смыслами духовного ресурса личности, в то время как благоприятная экологическая среда выступает в качестве условия полноценной духовной жизни. Материальное благосостояние как показатель качества жизни наделяется ценностными смыслами социальной безопасности, реализуемой за счет контроля над ресурсами. Выявленные нами закономерности описывают уровень самостоятельно вербализируемых респондентами представлений о качестве жизни и требуют дальнейшей проверки.

8.5. Резюме: ценностные аспекты глобальных экологических изменений

В данной главе ценности рассматривались нами в русле традиционного для социальных наук подхода, при котором термин ценность используется для обращения к предпочтениям, отношениям или потребностям индивидов и/или социальных групп. Вместе с тем, мы хотим обратить внимание на экологический подход к пониманию ценностей, обозначенный в ранних работах Дж. Гибсона и разрабатываемый его последователями [354; 268].

С позиций экологического подхода, «ценности предьявляют требования к перцептивной и поведенческой активности животных, включая людей, вместо того, чтобы быть созданными или выбранными ими. ...ценности свойственны не объектам или людям, но отношениям и требованиям, которые экосистема накладывает на эти отношения» [354, с. 157]. Понятие экосистемы в экологическом подходе, развивающем идеи Гибсона, объединяет действующего субъекта и его средовое окружение и сближается с понятием сеттинга поведения (*места поведения* как эко-поведенческой системы [52, с. 89]) Р. Баркера, подтверждением чему служит следующее положение Р. Барона (2007): «Ценности появляются, чтобы гарантировать целостность и сохранение отдельного сеттинга поведения [behavior setting]» [268, с. 188–189]. Тем самым утверждается внутренняя связь ценностей со способом жизнедеятельности, осуществляемым в конкретном средовом окружении и образующим с ним единую систему. Хотя средовое окружение представляет собой реальные места с определенными физическими (и экологическими) характеристиками, вместе с

тем, для субъекта оно является пространством материального воплощения социально заданных смыслов, и как таковое базируется на определенном наборе ценностей, побуждающих к соответствующим способам действия и реализуемых через них.

В логике экологического подхода, отношения и предпочтения, выявляемые в традиционных для социальных наук исследованиях, есть отражение «реальных и обязательных» ценностных требований [354, с. 157], которые предъявляются субъекту, включающемуся в эко-поведенческую систему. Следуя обозначенной логике, индивидуальные терминальные ценности могут быть рассмотрены как субъективное отражение ценностных оснований самого образа жизни, реализуемых в различных ситуациях посредством конкретных способов жизнеобеспечения. В той мере, в какой глобальные экологические изменения обусловлены экодеструктивными формами человеческой жизнедеятельности, которые, в свою очередь, взаимосвязаны с образом жизни, ориентированным на рост потребления ресурсов, ценности причастны к антропогенной экологической деградации. При этом необоснованным будет относить все «экологические издержки» на счет того или иного типа ценностей, поскольку, взятые вместе, они «функционируют как система критериев, взаимно ограничивая друг друга так, чтобы каждый из них был, в конечном счете, осуществим, только если другие ценности одинаково соблюдены» [354, с. 160]. Таким образом, проблема не в отдельных мотивационных типах ценностей, а в самой системе жизнеобеспечения «общества развитого потребления» – системе, «граничные условия и интенциональная динамика» [354, с. 157] которой отражены в культурных ценностях.

В экологическом дискурсе, как показывает наш обзор, экодеструктивные способы жизнедеятельности связываются с доминированием ценностей власти и индивидуализма в целом, а как условие перехода к экосберегающему образу жизни называется приоритет ценностей эгалитаризма и коллективизма. Однако в нашем исследовании ценности самовозвышения уступали по среднегрупповым показателям ценностям новизны и социальной гармонии, а также биосферной ориентации, и это соответствует результатам, полученным в 20-ти промышленно развитых странах [446]. Вместе с тем, следует иметь в виду, что используемая в этих случаях методика исследует ценности на уровне нормативных идеалов, т. е. выявляет представления об идеальных, желательных ориентирах, а не тех, которыми руководствуются в повседневной реальности.

Метод Портретного опросника, который выявляет представления о предпочтениях, реализуемых на поведенческом уровне, дает иную картину ценностных приоритетов у жителей промышленно развитых стран [292], картину с более высоким уровнем значимости ценностей самовозвышения и открытости изменениям (на более высоких рангах оказываются ценности власти, достижения, гедонизма, стимуляции) и с менее значимыми ценностями самотрансцендентности. Тем самым обозначается разрыв между декларируемыми «идеальными» ориентациями и ценностями, реализуемыми на поведенческом уровне. Но мы хотим обратить внимание на другие особенности ценностной системы, выявленные нами именно на уровне нормативных идеалов и связанные с ориентацией на внутреннюю ценность природного мира.

Результаты нашего исследования свидетельствуют в пользу предположения о различном мотивационном содержании ценностей биосферной и социально-альтруистической направленности. Биосферная ценностная направленность раскрывается через объединение ценностей приобщения к природному миру с духовными ценностями и проявляется в стремлении к внутренней гармонии и природной идентичности, за которым стоит потребность в природной опоре, в укоренении. Ценности социального альтруизма ориентируют на защиту интересов всех членов социума, что в значительной мере обусловлено потребностями в безопасности и стабильности, удовлетворение которых связывается с жизнью в человеческом сообществе.

Альтернативу биосферным ценностям как ориентации на внутреннюю ценность природного окружения составляют ценности-цели, реализуемые за счет экопотребления, критически снижающего экологическую устойчивость. В роли таких «провокаторов экодеструктивности» могут выступать не только ценности самовозвышения, но также ценности социального альтруизма и сохранения и ценности открытости изменениям.

Наше исследование показывает, что осмысление глобальных экологических проблем связано с ценностными приоритетами субъекта. Биосферная ценностная ориентация обеспечивает *непосредственный* эмоциональный отклик на экоразрушительные процессы, спровоцированные человеческой активностью (при условии, что экоразрушительный характер такой активности очевиден для субъекта). Сама возможность нарушения природного баланса, будучи воспринята человеком, для которого приоритетными явля-

ются биосферные ценности, переживается им как угроза субъективному благополучию. При приоритете ценностей самовозвышения смыслами первичного источника жизнеобеспечения наделяются деньги, а ценность природных ресурсов определяется возможностями перевода их в денежный эквивалент. Соответственно, внимание субъекта фокусируется на текущих выгодах экоразрушительных способов действия, а их негативные последствия не только не воспринимаются в качестве угрозы для своей жизни, но ставятся под сомнение как таковые. Когда ориентация на самовозвышение дополняется открытостью изменениям, отрицание экологических угроз подкрепляется технологическим оптимизмом. Вместе с тем, объединяясь с биосферными ценностями, открытость новому опыту может облегчать переход к экосберегающим формам жизнедеятельности. Наконец, ориентация на социальную гармонию обостряет внимание к потенциальным угрозам для сообщества, включая угрозы экологические, однако такая ориентация может сочетаться с установками на неограниченный материальный прогресс и беспрепятственный рост человеческой популяции.

Описывая связи между индивидуальными ценностями и отношением к проблеме глобальных экологических изменений, мы делали акцент на ценностных приоритетах, как факторе, обуславливающем экологические установки субъекта. Вместе с тем, нельзя исключать и обратное влияние, при котором осмысление значимости экологических угроз запускает трансформации в ценностной сфере. В последнем случае факт переосмысления экологической ситуации должен означать изменения в мировоззрении субъекта, и в его отношении к доминирующим в человеческом социуме способам жизнеобеспечения.

Заклучение к разделу III

Философская рефлексия экологически разрушительного образа жизни в промышленно развитом обществе вылилась в обсуждение новых этических принципов и целостных этических систем, включающих экологический критерий оценки действий человека. Прослеживаются три подхода к пониманию экологического содержания нравственного действия. *Этика экологической ответственности* продиктована, в первую очередь, заботой об экологических интересах всех членов человеческого сообщества, *заботой о будущих поколениях*, и требует учитывать права других людей на

экологические ресурсы. *Этика несущей способности* базируется на понимании экологических ограничений и зависимости человеческого благополучия от экологического окружения, на понимании экосистемы как единственного источника жизнеобеспечения человеческой популяции, продуктивность которого сокращается по мере роста потребления людьми экологических ресурсов. Наконец, собственно *экологическая этика*, представленная различными этическими теориями – от этики земли до этики дикой природы, опирается на чувственное переживание взаимосвязи всего сущего, своего единства с другими живыми существами, на переживание своей принадлежности/сопричастности экологическому окружению, что находит выражение в признании *экологических прав всех экологических субъектов*.

Для всех ценностных систем, выстраиваемых в рамках каждого из обозначенных подходов, характерна ориентация на экологическую устойчивость, на экосохранение. Вместе с тем, за каждым из обозначенных подходов стоит своя система ценностей. Этика экологической ответственности базируется на ценностях равенства и социальной справедливости как условиях социально-экологической гармонии и безопасности. Этот этический подход направлен на преодоление эгоизма и эгоцентризма в социально-экологической сфере и может быть охарактеризован как «*экологическая этика человеческой солидарности*». Этика несущей способности в контексте современных научно-технологических реалий диктует необходимость искать компромисс между двумя противоположными ориентациями: на стабильность и сохранение, с одной стороны, на познание и научно-техническое творчество – с другой. Такая «*экологическая этика ученых и экологических менеджеров*» предполагает преодоление познавательного антропоцентризма. Ценностную основу экологической этики задают биосферные ценности; это «*этика экосообщества*», составляющая альтернативу нравственному антропоцентризму.

Каждый из этих трех этических подходов призван обеспечить отрицательную обратную связь в системе «человеческое сообщество – экологическое окружение». Как было рассмотрено выше, экоразрушительные технологии, рост потребления и экологическая экспансия не только взаимно усиливаются, но образуют контур положительной обратной связи с антропогенной деградацией экологического окружения, отвечая на экологические угрозы ростом экоразрушительной активности (см. модель развития ан-

тропогенных экологических изменений, рис. 5.2). Экологически ориентированная этика, как предполагается, должна оказывать стабилизирующее влияние на жизнедеятельность сообщества, усиливая его чувствительность к негативным изменениям экологического окружения и оказывая соответствующее противодействие экологически деструктивным способам жизнеобеспечения (рис. 8.8). Однако способны ли описанные типы этических систем выполнять функцию такого регулятора?

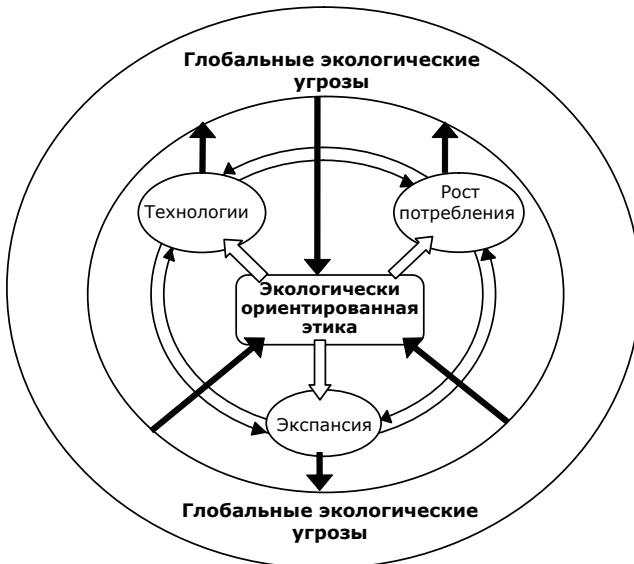

Рис. 8.8. Этическая регуляция экологически деструктивных способов жизнеобеспечения (черными стрелками обозначены положительные обратные связи, белыми – отрицательные обратные связи)

Образ жизни, сопряженный с «раскруткой» экологически деструктивных способов жизнеобеспечения (технологии – рост потребления – экологическая экспансия), поддерживается верой в материальный прогресс и соответствующими установками: на независимость от экологического окружения и контроль над ним («технологии»), на свободу конкуренции («рост потребления»), на человеческое превосходство над другими биологическими видами (экологическая экспансия). Как соотносятся с такими взглядами рассмотренные этические подходы, диктуют ли они субъекту необходимость нравственной ревизии своих убеждений и соответствующих изменений в образе жизни?

Этика экологической ответственности, направленная на справедливое распределение экологических ресурсов, может служить препятствием конкурентным устремлениям, зато нейтральна в отношении остальных убеждений и поддерживает ориентацию на социальное процветание. Альтруистические ценности, поддерживаемые этим подходом, будут побуждать к экосохранению только при условии понимания прямой зависимости человеческого благополучия от состояния экологического окружения и зависимости последнего от человеческой экспансии, т. е. при условии экологически ориентированного мировоззрения и экологической грамотности.

Этика несущей способности ограничивает общий рост потребления экологических ресурсов, спровоцирован ли он давлением конкуренции или же заботой об обездоленных (эгоистическими или же альтруистическими побуждениями); также эта этика не совместима с верой в технологическое решение любых экологических проблем и требует соотносить экологическую экспансию с возможностями экологического окружения к самовосстановлению. Однако этот подход, продиктованный научным мировоззрением, оставляет открытым вопрос о практическом определении несущей способности и о ее связи с технологическим развитием, что дает почву для сомнений в самих этических требованиях.

Экологическая этика, базирующаяся на биосферных ценностях (ориентация на благополучие экосообщества в целом), по определению налагает вето на экоразрушительные экспансию, технологии и рост материального потребления. Этот подход поощряет непосредственную связь человека с экологическим окружением, обостряя тем самым его чувствительность к негативным экологическим изменениям. Экологическая этика требует решительных изменений в мировоззрении и образе жизни отдельных субъектов и кардинальных преобразований в формах и способах жизнеобеспечения социума. Готово ли человеческое сообщество к таким преобразованиям и что они означают в социально-экономическом и политическом отношении – эти первостепенные вопросы выходят за пределы нашего психологического анализа.

В целом прослеживаются три ценностных измерения, в системе которых осуществляется регуляция экологически релевантных аспектов жизнедеятельности. Этим измерениям можно дать следующие рабочие названия: «эгоизм – альтруизм», «преобразование экологического окружения – экосохранение», «антропоцен-

трические – биосферные ценности». Если первое звено в каждой из обозначенных оппозиций выражает установку на конкуренцию – с другими людьми, с силами природы, с другими биологическими видами, то второе – связано с кооперацией (альтруизм) и координацией (экологическая стабильность, биосферная ориентация).

Ориентация на кооперацию в социально-экологической сфере, противодействуя ориентации на конкуренцию, является условием координации разнонаправленных тенденций (сепаративной и интегрирующей) внутри системы человеческого социума. Однако устойчивое взаимодействие человеческого сообщества с экологическим окружением, осуществляемое в рамках системы более высокого уровня, требует **ценностной ориентации на координацию** процессов внутри этой системы.

Согласно теории самоорганизации, именно координация является условием метастабильности системы, «координационная динамика открывает путь к урегулированию противоречий, двойственностей, бинарных оппозиций и т. п. во всех сферах жизни» [374, с. 184]. Философско-экологическая риск-рефлексия связывает такое регулирование с ответственным экологическим управлением на основе научно-экологического знания (этика несущей способности) и с непосредственным переживанием своей общности с экологическим окружением (экологическая этика). Иначе говоря, проэкологические изменения в образе жизни связываются с экологической ответственностью, экологической грамотностью, экологической сензитивностью субъекта, обеспокоенного происходящими экологическими изменениями. Психологические исследования экологической озабоченности и экологически релевантного поведения рассматриваются в следующем разделе монографии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Становление и поддержание современной промышленной цивилизации определялось ускоренным техническим развитием, отождествляемым с прогрессом и оцениваемым как условие нынешнего и залог будущего процветания человечества. Технический прогресс призван был обеспечить *независимость* людей от природного экологического окружения и *стабильный доступ* к экологическим ресурсам (жизненным ресурсам, «поставляемым» экосферой). Решение обеих задач пошло по пути экоразрушительных технологий, приводящих к экологической деградации и истощению экологических ресурсов, что делает жизненно необходимым для социума развитие новых, еще более разрушительных для экологического окружения технологий, позволяющих расширить ресурсную базу. Вместе с тем, расширение ресурсной базы становится основой для роста человеческих возможностей, выражающихся в разработке новых технологий преобразования экологического окружения.

Описанный экологически неустойчивый способ жизнеобеспечения находил свое выражение и опору в системе ценностей промышленно развитого общества, интегрирующей такие ключевые составляющие, как ценности благосостояния, достижения и власти, демократические ценности равенства и социальной справедливости, ценности свободы и развития. Смысловое единство такому ценностному «коктейлю» обеспечивала идея прогресса как все большего роста человеческого благополучия за счет овладения «силами природы». При этом за экодеструктивными технологиями, открывающими доступ к экологическим ресурсам, закрепляется значение самого источника жизненного ресурса, что обуславливает усиление экоразрушительной активности в ответ на ухудшение экологической ситуации. Т. е. экодеструктивная направленность действий субъекта определяется такой смысловой системой, при которой рост материального благосостояния наделяется смыслами развития и благополучия человека, а за экоразрушительными технологиями материального производства закрепляется значение источника жизненных ресурсов. Соответственно, негативные экологические изменения выступают сигналом к интенсификации материального производства.

Что представляет собой иная смысловая система, при которой проявления экологической деградации оцениваются как сигналы о нежизнеспособности экоразрушительной системы жизнеобеспечения и необходимости ее изменения? Чем определяется выработка и поддержание такой смысловой системы? Насколько совместима такая смысловая система со способами жизнеобеспечения, диктуемыми промышленной цивилизацией? На наш взгляд, эти вопросы являются ключевыми для понимания психологической составляющей антропогенных экологических изменений.

Как показывает исторический анализ, чем масштабнее становилась антропогенная деградация естественных экосистем планеты, тем чаще звучали предостережения о губительных для самих людей последствиях разрушения дикой природы. Проявившаяся здесь ориентация на экосохранение была обусловлена осмыслением природного окружения как первоисточника жизненного ресурса и основы человеческого благополучия. Такое понимание природы опиралось на переживание своей принадлежности природному миру и/или на рациональное постижение взаимосвязи человеческого социума с экологическим окружением. В этом случае экологическое беспокойство, вызванное переживанием и/или пониманием экологических разрушений, образует взаимоусиливающие связи с представлениями о зависимости человеческого благополучия от природного окружения.

Проблема значения экологического беспокойства для регуляции экологически релевантного поведения не получила однозначного решения в инвайронментальной психологии. Мы выносим на суд читателя краткое изложение своего видения этой проблемы.

Экологическое беспокойство как беспокойство, вызванное состоянием экологического окружения, сигнализирует об угрозах для благополучия субъекта. Однако ответ на этот сигнал зависит от смысловой системы, определяющей его интерпретацию. Как было отмечено выше, если субъект определяет в качестве основы своего благополучия техносферу, его ответом будет использование технических средств для устранения/нейтрализации неудобств, обусловленных состоянием окружающей среды. Если же основой благополучия для субъекта выступает экологическое окружение, ответ будет зависеть от характера экологически релевантных действий субъекта и специфики экологических угроз. В случае, когда эти угрозы возникают в результате прямого взаимодействия субъекта с экологическим окружением, экологическое беспокойс-

тво побуждает к проэкологической корректировке своих действий. Принятие решений о соответствующих изменениях определяется экологической причастностью субъекта и уровнем развития его экологической антиципации.

Однако в современном промышленно развитом мире взаимодействие человека с экологическим окружением, как правило, осуществляется не напрямую, а опосредованно, через систему жизнеобеспечения социума. В силу этого связь способа действий конкретного индивида с экологическими изменениями, тем более с изменениями глобальными, практически не может быть установлена, а система обработки экологически релевантной информации «экологическая причастность – экологическая антиципация» может оказаться недостаточной для конструктивного анализа своего экологически значимого поведения. В этой ситуации решающим звеном в проэкологической регуляции социально распределенного воздействия на экологическое окружение становится экологическая ответственность человека как ответственность за сохранение экологического окружения, являющегося единственным источником жизненных ресурсов для человеческого сообщества. Именно экологическая ответственность, объединяясь с экологической причастностью, образует смысловую систему экологической озабоченности, релевантную глобальным экологическим угрозам и побуждающую к проэкологическим изменениям образа жизни.

Глобальные экологические изменения обретают все большую актуальность, неся реальные угрозы системе жизнеобеспечения мирового человеческого сообщества в целом и давая все больше оснований для возникновения у людей экологического беспокойства. Будучи результатом человеческой активности, эти изменения служат напоминанием об экологической ответственности людей и разоблачают экологическую несостоятельность системы жизнеобеспечения социума. Но одновременно углубление глобальных экологических проблем ведет к росту зависимости отдельного индивида от социального окружения, система жизнеобеспечения которого является экоразрушительной. Индивид оказывается в конфликтной ситуации: зависимость от системы жизнеобеспечения, выработанной социумом, вынуждает его вести образ жизни, базирующийся на экоразрушении; с другой стороны – такой образ жизни подрывает саму основу человеческого существования, порождая глобальные экологические угрозы.

Есть два пути решения такого конфликта. Один из них ведет к отрицанию значимости глобальных экологических угроз и сосредоточению усилий на решении финансово-экономических проблем путем активизации экодеструктивной деятельности. Его психологическая основа – вера в промышленные технологии как неисчерпаемый источник жизненных ресурсов и ориентация на повышение материального благополучия. Другой путь определяется экологической озабоченностью личности и связан с признанием значимости экологических изменений, своей причастности к ним и стремлением снизить свой экологический след, выбирая экосберегающие способы жизнедеятельности. Его психологическая основа – экологическая причастность и убежденность в том, что благополучие людей зависит от состояния экологического окружения, которое и является **единственным источником** жизненных ресурсов для человеческого сообщества.

Мы хотим подчеркнуть, что осмысление экологического окружения как основы человеческого благополучия и источника *жизненных* ресурсов и есть, на наш взгляд, суть того, что обозначается как внутренняя ценность природы. (Мы прибегаем к понятию «экологическое окружение» и говорим о *человеческом* благополучии, чтобы обозначить экологическую субъектность как отдельного человеческого индивида, так и человеческого социума.) Такое осмысление определяется позицией «жизнецентризма» – в отличие от антропоцентризма с его инструментальной трактовкой ценности среды.

События последних четырех десятилетий показывают, что надежды на проэкологические изменения в сознании и поведении людей, которые стали бы основой для перехода к экологически устойчивым способам жизнедеятельности, не оправдались. Объясняется ли сосредоточенность людей на финансово-экономических проблемах и игнорирование людьми стремительно нарастающих экологических изменений (негативные проявления которых становятся все более очевидными) одной лишь объективной зависимостью от системы жизнеобеспечения сообщества? Или же за этим стоят и иные – более глубокие – психологические причины? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос может быть получен при рассмотрении экологического беспокойства как экзистенциально-переживания.

Экологическое беспокойство, как и другие предельные экзистенциальные беспокойства, есть неотъемлемая составляющая

человеческого бытия. Отрицание угроз и подавление тревоги как способы преодоления экологического беспокойства определяют неадекватные реакции на экологические изменения, направляя субъекта на путь саморазрушения. Жизнеутверждающий путь проходит через принятие экологической действительности, через признание конечности человеческого бытия, через принятие потери и признание необратимости изменений. Это путь от иррациональных апокалипсических страхов к *нормальной тревоге* (Р. Мэй) и *экологической координации* своей жизнедеятельности. Также это путь переоценки жизненных смыслов и ценностей.

Положение о необходимости изменений в системе социальных ценностей стало общим местом при обсуждении путей развития человеческого сообщества в условиях глобальных экологических изменений. Причины антропогенных экологических проблем чаще всего связываются с ценностями власти и соответствующей им ориентацией на конкуренцию, которым противопоставляются ценности универсализма и ориентация на сотрудничество. При этом речь идет о ценностной регуляции отношений внутри человеческого социума, но не об отношениях человека с экологическим окружением. Мы предполагаем, что условием экологически устойчивого взаимодействия человеческого сообщества с экологическим окружением является такая ценностная система регуляции экологически релевантной активности человека, основу которой составляют ценности координации. Т. е. вопрос стоит не о выборе между конкуренцией и кооперацией, развитием или адаптацией и консерватизмом, а о координации своих действий, целей, образа жизни, жизненных планов с изменяющейся экологической реальностью. Возможно, прообразом таких ценностей можно считать те ценности, за которыми закрепилось название биосферных, в частности, ценность гармонии с природой.

К современным глобальным экологическим проблемам привело множество поступков, совершенных множеством людей на протяжении многих поколений. Пришла пора осознать: каким бы ни был малым наш личный вклад в общую ситуацию на планете, мы оставляем на планете свой экологический след. И каждый из нас сам – своими действиями, своим образом жизни – определяет, каким именно становится этот след: более экоразрушительным или более экосохраняющим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Р. Как спасти Землю. (Всемирная стратегия охраны природы) / Роберт Аллен. – М.: Мысль, 1983. – 172 с.
2. Антипова А. В. Вмещающий ландшафт (географический смысл и эколого-ресурсное содержание) / А. В. Антипова // История и современность. – 2006. – № 1. – С. 3–23.
3. Аргайл М. Психология счастья / Майкл Аргайл. – М.: Прогресс, 1990. – 336 с.
4. Арнольд В. И. Теория катастроф / В. И. Арнольд. – 3-е изд., доп. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1990. – 128 с.
5. Аронсон Э. Социальная психология: психологические законы поведения человека в социуме / Элиот Аронсон, Тим Уилсон, Робин Эйкерт. – СПб.: Прайм–ЕВРОЗНАК, 2004. – 560 с.
6. Атфилд Р. Этика экологической ответственности. (Главы из книги) / Атфилд Р. // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 203–257.
7. Байбурин А. К. Ритуал: свое и чужое / А. К. Байбурин // Фольклор и этнография: проблема реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: Наука, 1990. – С. 3–17.
8. Баландин Р.К. Природа и цивилизация / Р.К.Баландин, Л.Г.Бондарев. – М.: Мысль, 1988. – 391 с.
9. Бездорога Н. М. Соціально-психологічна ситуація формування та розвитку екологічного руху в Україні / Бездорога Н. М. // Актуальні проблеми психології. Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України. – К., 2004. – Т. 7, вип. 6. – С. 22–29.
10. Бейтсон Г. Экология разума / Грегори Бейтсон. – М.: Смысл, 2000. – 463 с.
11. Бекетов А. Н. Питание человека в его настоящем и будущем / А. Н. Бекетов. – С-Пб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1879. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/beketov-fruitnotmeat.htm>.
12. Бестужев-Лада И. В. Категория «качество жизни» в современной западной социологии» / И. В. Бестужев-Лада, Г. С. Батыгин, Н. П. Гришаева // Современные концепции уровня, качества и образа жизни. – М.: Ин-т социологических исследований АН СССР, 1978. – С. 142–158.
13. Благуш П. Факторный анализ с обобщениями / Петр Благуш – М.: Финансы и статистика, 1989. – 248 с.
14. Борейко В. Современная идея дикой природы / Владимир Борейко. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2001. – 124 с.
15. Борейко В. Е. Прорыв в экологическую этику / В. Е. Борейко. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2001. – 204 с.
16. Бородин А. И. Стратегии маркетинга в контексте устойчивого развития / А. И. Бородин // Вестник СевКавГТУ. – Серия «Экономика». – 2004. – № 2 (13). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ncstu.ru>.
17. Братусь Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
18. Брудный А. А. Основы экологического мировоззрения как задача образования для устойчивого развития / А. А. Брудный, Д. Н. Кавтарадзе // Вестник образования Министерства образования РФ. – 1993. – № 3. – С. 1–26.
19. Бубнова С. С. Ценностные ориентации как многомерная нелинейная система / С. С. Бубнова // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20 – № 5 – С. 38–44.
20. Будинайте Г. Л. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта / Г. Л. Будинайте, Т. В. Корнилова // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 99–105.
21. Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет / под ред. Джона Брокмана; пер. с англ. Ю. В. Букановой. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 255 с.
22. Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему / Мюррей Букчин. – Нижний Новгород: Третий Путь, 1996. – 190 с.

23. Бурлачук Л. Ф. Адаптация опросника для диагностики пяти факторов личности / Л. Ф. Бурлачук, Д. К. Королев // Вопросы психологии. – 2000. – №1. – С. 126–134
24. Бызова В. М. Жизненные ценности молодёжи Республики Коми на рубеже веков: кросскультурный аспект / В. М. Бызова // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 1. – С. 101–112.
25. Василенко Л. И. Поиски оснований и источников экологической этики / Л. И. Василенко // Вопросы философии. – 1986. – № 2. – С. 145–152.
26. Васютинський В. О. Екологічні цінності в структурі масової свідомості / Васютинський В. О. // Актуальні проблеми психології. Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України. – К.: “Міленіум”, 2005. – Т. 7. – Вип. 5, ч. 1 – С. 74–82.
27. Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. колл.: Фролов И. Т. и др. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. – 609 с.
28. Вебер Э. А. Структура ценностного отношения к природе / Э. А. Вебер // Проблемы природоохранного образования и воспитания. – М.: Наука, 1982. – С. 26–34.
29. Волкер В. Проект НЛП: исходный код / Вольфганг Волкер. – Москва, «Маркетинг», 2002. – 220 с.
30. Воскресенская Н. Г. Связь ценностных ориентаций с популярностью телепередач в женской аудитории. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/9999-0201_West_soc_2002_1\(2\)/3.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/9999-0201_West_soc_2002_1(2)/3.pdf).
31. Всемирная стратегия охраны природы. Сохранение жизненных ресурсов для устойчивого развития (извлечение) (пер. с англ.: World Conservation Strategy. Living Resource Conservation for Sustainable Development). – 1980. – P. I-V. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.baikal-center.ru/books/element.php?ID=1326>.
32. Всемирная хартия природы (принята 28.10.1982 резолюцией 37/7 на 48-м пленарном заседании 37-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/russian/document/convents/charter_for_nature.html.
33. Выготский Л. С. Проблемы общей психологии / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с. – (Собрание сочинений: В 6-ти т. / Под ред. В. В. Давыдова; т. 2).
34. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А. Д. Логвиненко / Джордж Гибсон. – М.: Прогресс, 1988. – 462 с.
35. Гиляров А. М. Вернадский, дарвинизм и гея. Критические заметки на полях «биосферы» / А. М. Гиляров // Журнал общей биологии. – 1994. – Т. 55. – № 2. – С. 238–249.
36. Гирусов Э. В. Экологическое сознание как условие оптимизации взаимодействия общества и природы / Гирусов Э. В. // Философские проблемы глобальной экологии. – М.: Наука, 1983. – С.105–120.
37. Гор А. Неудобная правда. Глобальное потепление: Как остановить планетарную катастрофу / Ал Гор. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2007. – 328 с.
38. Грант В. Эволюция организмов / В. Грант. – М.: Мир, 1980. – 408 с.
39. Грезе О. В. Особливості формування екологічної свідомості у студентів гуманітарного та технічного напрямів підготовки: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук: спец. 19.00.07 – педагогічна та вікова психологія / Олена Володимирівна Грезе. – К., 2010. – 20 с.
40. Григоренко Е. Л. Применение статистического метода моделирования с помощью линейных структурных уравнений в психологии: за и против / Е. Л. Григоренко // Вопросы психологии. – 1994. – № 4. – С. 108–126.
41. Грэбер Л. Дикая природа как священное пространство / Линда Грэбер. – К.: Киевский эколого-культурный центр, 1999. – 56 с.
42. Гудожник Г. С. Научно-техническая революция и экологический кризис / Г. С. Гудожник. – М.: Международные отношения, 1975. – 232 с.

43. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение / Джейн Гудолл. – М.: Мир, 1992. – 670 с.
44. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. – Л.: Издательство ЛГУ, 1989. – 736 с.
45. Гэлбрейт Д. Новое индустриальное общество / Джон Гэлбрейт. – М.: Прогресс, 1969. – 480 с.
46. Дайксель А. От товара к марке / Александр Дайксель // Социологические исследования. – 1992. – № 8. – С. 125–131.
47. Данилов-Данильян В. И. Перед главным вызовом цивилизации: Взгляд из России / Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 224 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://liter-lib.ru/tr/rejfi_e/peredglawnymwyzowomciwilizacii.shtml
48. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. Стокгольм, 5–16 июня 1972 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/conferen/humanenv/declaratenv.html>
49. Денисов В. Н. Нравственные факторы современной экологической ситуации в условиях социализма / В. Н. Денисов, Е. И. Шубенкова // Философские науки. – 1983. – № 3. – С. 35–40.
50. Дерябо С. Д. Антропоморфизация природных объектов / С. Д. Дерябо // Психологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 61–69.
51. Дерябо С. Д. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 6. – С. 4–19.
52. Дерябо С. Д. Принципы и методы экологической психопедагогтики. Современные тенденции в развитии стратегий экологического образования / Дерябо С. Д., Ясвин В. А. // Екологічна психологія. Хрестоматія / За ред. Швалба Ю. М. – К.: Сталкер, 2006. – С. 259–292.
53. Дерябо С. Д. Феномен субъектного восприятия природных объектов / С. Д. Дерябо // Вопросы психологии. – 2002. – № 1. – С. 45–59.
54. Дерябо С. Д. Экологическая педагогика и психология / Дерябо С. Д., Ясвин В. А. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 480 с.
55. Дёжкин В. В. Экологическая этика и биологическое природопользование / В. В. Дёжкин, Л. В. Попова // Электронный журнал BioDat. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.biodat.ru/doc/lib/degkin3.htm>
56. Дилтс Р. Стратегии гениев. Т. 2. / Роберт Дилтс. – М.: Независимая фирма Класс, 1998. – 192 с.
57. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
58. Домнин В. Н. Брендинг: новые технологии в России / Домнин Владимир Николаевич. – СПб., М., Х., Минск: Питер, 2004. – 380 с.
59. Дорст Ж. До того как умрет природа / Жак Дорст. – М.: Прогресс, 1968. – 416 с.
60. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 г. / Ф. М. Достоевский // Полное собрание сочинений. Т. 10., ч. 1. – С-Пб.: Издание А. Ф. Маркса, 1895. – С. 30–37.
61. Дуглас У. О. Трехсотлетняя война. Хроника экологического бедствия / У. О. Дуглас. – М.: Прогресс, 1975. – 239 с.
62. Дуглас-Гамильтон И. Жизнь среди слонов / Ирэн Дуглас-Гамильтон, Ория Дуглас-Гамильтон. – М.: Наука, 1981. – 288 с.
63. Дьяков С. І. Ціннісні орієнтації педагога як семантичні інваріанти спрямованості у контексті суб'єктної активності / Дьяков С. І. // Вісник Харківського університету. Серія: Психологія. – 2004. – № 617. – С. 31–35.
64. Екологічна психологія. Хрестоматія / За ред. Швалба Ю. М. – К.: Сталкер, 2006. – 490 с.
65. Емельяненко Т. В. Методы межкультурных исследований ценностей. / Т. В. Емельяненко // Социология: 4М. – 1997. – № 9. – С. 32–54.

66. Журавлев А. Л. Динамика отношения человека к природе в регионе аварии на Чернобыльской АЭС / Журавлев А. Л. // 1-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы (Москва, 3–5 декабря 1996 г.). – М.: Психологический институт РАО, 1996. – С. 58–59.
67. Займан С. Конец маркетинга, каким мы его знаем / Серхио Займан. – Мн.: ООО “Попурри”, 2003. – 400 с.
68. Зараковский Г. М. I международная конференция «Качество жизни и психология» / Г. М. Зараковский // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 5. – С. 110–115.
69. Зверев И. Д. Экогласность и образование / Зверев И. Д. // Советская педагогика. – 1991. – № 1. – С. 9–12.
70. Зимбардо Ф. Социальное влияние / Филипп Зимбардо, Майкл Ляйппе. – СПб.: Питер, 2000. – 448 с.
71. Иванова Т. В. Экологические ценности в общественном сознании / Т. В. Иванова // Вопросы психологии. – 1999. – № 3. – С. 83–87.
72. Ильина Т. С. Экология и психология. (Некоторые аспекты) / Ильина Т. С. // Методология экологического нормирования. Всесоюзная конференция, ч. 1. – Харьков, 1990. – С. 23–25.
73. Имитационные модели и игры в управлении природными ресурсами. Сборник научных и методических работ. – М.: Университетский гуманитарный лицей, 2004. – 71 с.
74. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию. Принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию (Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа – 4 сентября 2002 года). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/russian/document/declarat/decl_wssd.html.
75. Кавтарадзе Д. Н. Обучение и игра. Введение в активные методы обучения / Д. Н. Кавтарадзе. – М.: Московский психолого-социальный институт; Издательство «Флинта», 1998. – 192 с.
76. Кавтарадзе Д. Н. Человек в мире игры / Д. Н. Кавтарадзе // Мир психологии. – 1998. – № 4. – С. 33–49.
77. Калликотт Б. Азиатская традиция и перспективы экологической этики: пропедевтика / Бэрд Калликотт // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 308–327.
78. Канетти Э. Превращение / Элиас Канетти // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 483–503.
79. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. Пер. с англ. под ред. В. Г. Трилиса / Фритьоф Капра. – К.: «София», 2003. – 336 с.
80. Кара-Мурза С. Г. Наука и кризис цивилизации / С. Г. Кара-Мурза // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 3–15.
81. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.
82. Карпенко Е. И. Социально-экологическая ответственность как фактор разрешения противоречия “общество-природа”. – Автореферат дис. ... канд. философ. наук. – Харьков, 1986. – 17 с.
83. Каттон У. Р. Конец техноутопии. Исследование экологических причин коллапса западной цивилизации / Уильям Р. Каттон, мл. – Киев: ЭкоПраво-Киев, 2006. – 256 с.
84. Качество жизни людей и окружающая среда. GEO-4, информационный бюллетень 2. – Union Nation Environment Programme, 25. 10. 2007. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unep.org/geo/geo4>.
85. Кейсельман В. Р. Альтруизм или так называемое добро / В. Р. Кейсельман (Дорожкин). – Симферополь: Таврия, 2010. – 348 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ethology.ru>.

86. Келли Г. Межличностные отношения. Теория взаимозависимости / Келли Г., Тибо Дж. // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 61–81.
87. Келли Дж. Психотерапия конструктивного альтернативизма: психология личностной модели / Джордж А. Келли // Техники консультирования и психотерапии. Тексты. / Ред. и сост. У. С. Сахакиан. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 399–417.
88. Килимник Е. В. Риски современного мира как побудительный стимул к трансформации образа жизни / Елена Владимировна Килимник // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України. – Т. 7. – Вип. 20. – Ч. 1 – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2009. – С. 229–233.
89. Кинг А. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба / Александр Кинг, Бертран Шнайдер. – М.: Прогресс, 1991. – 344 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.esco-ecosys.narod.ru/2010_8/art108.htm.
90. Кингсфорд А. Научные основания вегетарианства или безбуйного питания / Анна Кингсфорд. – М.: Издание «Посредника» для интеллигентных читателей», 1893.). – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/kingsford-scienc-veg>.
91. Кокорин А. О. Киотский протокол: еще один шаг вперед (итоги второй конференции стран-участников Киотского протокола) / А. О. Кокорин. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.wwf.ru/data/climate/kokorin_cor_top_article_19dec.doc.
92. Коммонер Б. Замыкающийся круг. Природа, человек, технология / Барри Коммонер. – М.: Гидрометеиздат, 1974. – 279 с
93. Котлер Ф. Основы маркетинга / Филипп Котлер. – М.: Бизнес-книга; М.: ИМА-Кросс+, 1995. – 699 с.
94. Кропоткин П. Взаимная помощь как факторъ эволюціи / П. Кропоткинъ. – Харьковъ: Вольное братство, 1919. – 232 с.
95. Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
96. Круть И. В. Очерки истории представлений о взаимоотношении природы и общества / Круть И. В., Забелин И. И. – М.: Наука, 1988. – 416 с.
97. Крюкова Л. И. Виды игрового диалога и воспитание экологического мышления / Крюкова Л. И., Крюков М. М. // Человек в мире интеллектуальных систем. – Новосибирск: НГУ, 1991. – С. 113–147.
98. Кряж И. В. Групповая динамика в ситуации экологического выбора / Кряж И. В. // Вісник Харківського університету. Серія психологія. 1998. № 419. С. 97–101.
99. Кряж И. В. Динамика экологических установок личности в современном мире / Кряж Ирина Владимировна // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України. – Т. 7. – Вип. 20. – Ч. 1 – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2009. – С. 215–221.
100. Кряж І. В. Екологічна складова в суб'єктивному образі «якості життя» / Кряж І. В. // Матеріали ІІ Всеукраїнського психологічного конгресу, присвяченого 110 річчю від дня народження Г.С.Костюка (19–20 квітня 2010 року). – Т. 1. – К.: ДП «Інформаційно-аналітичне агенство», 2010. – С. 343–347.
101. Кряж И. В. Жизненная среда и качество жизни: психолого-экологический анализ / Кряж И. В. // Актуальні проблеми психології. Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України. – К.: “Логос”, 2008. – т. 7, вип. 15. – С. 159–164.
102. Кряж І. В. Ігрове моделювання у формуванні екологічної рефлексії / Кряж І. В. // Наукові записки Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України. – К.: Главник, 2005. – Вип. 26, в 4-х томах. Том 2. – С. 419–423.

103. Кряж И. В. Игровые методы в экологическом образовании / Кряж И. В. // *Сучасні технології навчання у навчальному процесі вищих освітніх закладів: Матеріали міжнародної науково-методичної конференції 10–12 листопада 1999 р.* Ч. II. Ривне: РДТУ, 1999. – С. 164–169.
104. Кряж И. В. Методологические аспекты исследования экологических представлений / Кряж И. В. // *Актуальні проблеми психології. Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України.* – К.: “Міленіум”, 2005, т. 7, вип. 5, ч. 1 – С. 249–259.
105. Кряж И. В. Особенности репрезентации в обыденном сознании отношений “человек – природа”: дис. ... кандидата психол. наук. Спец.: 19.00.01. / Кряж Ирина Владимировна. – Харьков, 1995. – 166 с.
106. Кряж И. В. Отношение к природе в системе базовых ценностей субъекта / Кряж И. В. // *Наукові студії з соціальної та політичної психології: зб. наук. праць / АПН України, Ін-т соціальної та політичної психології; [редкол.: С. Д. Максименко, М. М. Слюсаревський та ін.]* – К.: Міленіум, 2010. – Вип. 24 (27). – С. 156–168.
107. Кряж И. В. Психологический анализ антропоцентризма / Кряж И. В. // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія психологія.* – 2010. – № 913. – Вип. 44. – С. 83–92.
108. Кряж И. В. Психосемантическое исследование обыденных экологических представлений / И. В. Кряж // *Вопросы психологии.* 1998. № 1. С. 65–75.
109. Кряж И. В. Связь экологических установок с ценностно-смысловой структурой личности / Кряж И. В. // *Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка.* – Житомир: «Вид-во ЖДУ ім. І. Франка», 2010. Т. 7, вип. 23. – С. 105–111.
110. Кряж И. В. Структурная модель обыденных представлений о проблеме экологической безопасности / Кряж И. В. // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія: «Психологія».* – 2010. – № 902. – Вип. 43. – С. 126–137.
111. Кряж И. В. Студентські соціально-екологічні проекти як освітній і дослідницький ресурс / І. В. Кряж // *Вісник ХНПУ імені Г. С. Сковороди. Психологія.* – Харків: ХНПУ, 2011. – Вип. 39. – С. 102–113.
112. Кряж И. В. Экологические установки и ценностные ориентации студентов / Кряж И. В. // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія психологія.* – 2009. – № 857 – С. 101–110.
113. Кряж И. В. Экспериментальное формирование экологических установок методом рекламной коммуникации / Кряж И. В. // *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія психологія.* – 2009. – № 842 – С. 172–182.
114. Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае / Э. С. Кульпин. – М.: Наука, 1990. – 245 с.
115. Кууси П. Этот человеческий мир / П. Кууси – М.: Прогресс, 1988. – 368 с.
116. Лавик-Гудолл Дж. Невинные убийцы / Джейн и Гуго ван Лавик-Гудолл. – М.: Мир, 1977. – 176 с.
117. Лактионов А. Н. Экологические основания социализации личности / Лактионов А. Н., Крейдун Н. П. // *Актуальні проблеми психології. Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України.* – К.: “Міленіум”, 2005, т. 7, вип. 5, ч. 1 – С. 320–329.
118. Ласло Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира / Эрвин Ласло // *Путь.* – 1995. – № 1. – С. 3–129. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.evolkov.net/soc.engineering/Age.of.Bifurcation/index.html>.
119. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / Клод Леви-Стросс. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
120. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. / Курт Левин. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.

121. Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники / Ханс Ленк // *Философия техники в ФРГ* / Составл. и предисл. Ц. Г. Арзакяняна и В. Г. Горохова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 372–393.
122. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
123. Леопольд О. Календарь песчаного графства: пер. с англ. / Олдо Леопольд. – М.: Мир, 1983. – 243 с.
124. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / Конрад Лоренц // *Вопросы философии*. – 1992. – № 3. – С. 39–52.
125. Львовичкіна А. М. Віковий підхід до формування екологічної свідомості, екологічної культури та екологічного способу життя / Львовичкіна Антоніна Миколаївна // *Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України*. – Т. 7. – Вип. 20. – Ч. 1 – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2009. – С. 269–272.
126. Львовичкіна А. М. Екологічна психологія: Навч. посіб. / А. М. Львовичкіна. – К.: Міленіум, 2003. – 120 с.
127. Львовичкіна А. М. Принципи позитивності, конструктивності та екологічності як базові принципи екологічної психології / Львовичкіна Антоніна Миколаївна // *Актуальні проблеми психології: Екологічна психологія: Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України*. – Т. 7. – Вип. 24. – Ч. 1 – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2010. – С. 160–166.
128. Ляо Чжай. Искусство лисьих наваждений. Китайские предания о чудесах / Ляо Чжай (Пу Сун-лин). – М.: Эксмо, 2003. – 432 с.
129. Майерс Д. Социальная психология / Перев. с англ. / Дэвид Майерс. – СПб.: ЗАО «Издательство «Питер», 1999. – 688 с.
130. Максименко С. Д. Розуміння особистості як передумова екологізації життєвого простору / Максименко С. Д. // *Актуальні проблеми психології. Екологічна психологія: Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України*. – К., 2003. – Т. 7. – Ч. 1. – С. 7–12.
131. Мальтузъ Т. Опытъ закона о народонаселении. – М.: Издание М. Н. Прокоповича, 1908. – 241 с.
132. Мамешина О. С. Методики експсихологического исследования / Мамешина О. С. – Николаев: Изд-во ЮСИ ВУЗ «КСУ», 2011. – 204 с.
133. Мамешина О.С. Устойчивое развитие Украины в контексте современных климатических изменений / Мамешина О. С. // *Гуманитарные и естественнонаучные факторы решения экологических проблем и устойчивого развития: материалы седьмой международной научно-практической конференции (Новомосковск, 24–25 сентября 2010)*. – Новомосковск: НФ УРАО, 2010. – Ч. 1 – С. 71–79.
134. Марш Г. Человек и природа. О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы / Георг Марш. – С.-П., 1866. – 587 с.
135. Маслоу А. Дальнейшие рубежи развития человека / Абрахам Маслоу // *The Journal of Transpersonal Psychology*. – 1969. – № 1. [Перевод В. Данченко, 1990] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/vsr0290/txt01.htm>.
136. Маслоу А. Психология бытия / Абрахам Маслоу. – М.: “Рефл-бук” – К.: “Ваклер”, 1997. – 304 с.
137. Матвеева Е. В. Проблема изменения климата и мировое сообщество / Е. В. Матвеева. – Политическая экспертиза. – 2010. – № 3. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.politex.info/content/view/733/30/>.
138. Матвиенко О. В. Экологическая информация в сообщениях СМИ (постановка проблемы исследования) / Матвиенко О. В. // *Актуальні проблеми психології. Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України*. – К.: “Міленіум”, 2005, т. 7, вип. 5, ч. 2. – С. 27–32.

139. Мдивани М. О. «Экологические угрозы» в сознании человека: методика, апробация. Валидизация / Мдивани Марина Отаровна, Хисамбеев Шамиль Раисович, Лидская Элеонора Викторовна // Актуальні проблеми психології: Збірник наукових праць Ін-ту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. – Житомир: “Вид-во ЖДУ ім. І. Франка”, 2011. – Том VII. Екологічна психологія. – Випуск 26. – С. 359–372.
140. Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Донелла Медоуз, Йорген Рандерс, Денис Медоуз. – М.: ИКЦ “Академкнига”, 2008. – 342 с.
141. Медоуз Д. Х. Пределы роста / Донелла Х. Медоуз, Денис Л. Медоуз, Йорген Рэндерс, Вильям В. Беренс III. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 207 с.
142. Меннинг О. Поведение животных / Меннинг Обри. – М.: Мир, 1982. – 360 с.
143. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / М. Мид. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
144. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии / Стэнли Милграм. – СПб.: Питер, 2000. – 336 с.
145. Мир 80-х годов: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 496 с.
146. Митина О. В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений / О. В. Митина // Экспериментальная психология. – 2008. – № 1. – С. 131–148.
147. Митина О. В. Структурное моделирование: состояние и перспективы / Митина О. В. // Учетные записки кафедры общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. – М.: Смысл, 2005. – С. 24–37.
148. Моисеев Н. И. Экология, нравственность и политика / Н. И. Моисеев // Вопросы философии. – 1989. – № 5. – С. 3–25.
149. Мосин О. В. Международное право и охрана окружающей среды / О. В. Мосин.). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.oprave.ru/statii/Megdynarondoe-texts06.html>.
150. Моуэт Ф. Не кричи, волки! / Фарли Моуэт. – М.: Мысль, 1992. – 124 с.
151. Моуэт Ф. Трагедия моря / Фарли Моуэт. – М.: Прогресс, 1988. – 352 с.
152. Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование). Пособие для вузов. Издание второе, переработанное и дополненное / А. П. Назаретян. – М.: Мир, 2004. – 368 с.
153. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. – М.: Прогресс, 1989. – 376 с.
154. Неймарк М. С. Психологическое изучение направленности личности подростка: автореф. дис. на соискание науч. степени докт. психол. наук. Спец.: педагогическая и возрастная психология. – М., 1973. – 48 с.
155. Нейсс А. Менталитет будущего (по материалам норвежской газеты «Dagbladet» от 22 января 2007) / Арне Нейсс (Нэсс), Петер Мейляндер // Карельская экологическая газета “Зелёный лист!”. – 2009. – № 1 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://blogs.stuzog.com/ru/?p=770>.
156. Никаноров А. М. Экология: для студентов вузов и специалистов-экологов / А. М. Никаноров, Т. А. Хоружая. – М.: Приор, 1999. – 304 с.
157. Никитина И. Я. Влияние театрализованной деятельности на возникновение позиционного действия и преодоление познавательного эгоцентризма у детей старшего дошкольного возраста: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. психол. наук. Спец.: психология развития, акмеология. / Никитина Инна Яновна. – М., 2006. – 24 с.
158. Нэш Р. Дикая природа и американский разум / Родерик Нэш. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2001. – 204 с.
159. Нэш Р. Права природы. История экологической этики / Родерик Нэш. – Киев: Киевский эколого-культурный центр, 2001. – 180 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://society.polbu.ru/nash_envirethics/.

160. Олдридж Дж. Охотник / Джеймс Олдридж. – М.: Гослитиздат, 1954. – 69 с.
161. Отношение школьников к природе / Под ред. И. Д. Зверева, И. Т. Суравегиной. – М.: Педагогика, 1988. – 129 с.
162. Павлова Т. Н. Биоэтика в высшей школе / Т. Н. Павлова. – К.: Киевский эколого-культурный центр, 1998. – 128 с.
163. Панов В. И. Экологическая психология: Опыт построения методологии / В. И. Панов. – М.: Наука, 2004. – 197 с.
164. Панов В. И. Экологическая психология: Учебные программы специализации / В. И. Панов, А. В. Гагарин, К. Г. Сердакова. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 88 с.
165. Парсонс Т. О социальных системах / Талкотт Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.
166. Пестель Э. За пределами роста / Эдуард Пестель. – М.: Прогресс, 1988. – 272 с.
167. Петренко В. Ф. Психосемантика измененных состояний сознания (по материалам гипнотерапии алкоголизма) / В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко, Ю. А. Вяльба // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27. – № 5. – С. 16–27.
168. Петренко В. Ф. Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян / В. Ф. Петренко, О. В. Митина // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 6. – С. 17–31.
169. Печчеи А. Человеческие качества / Аурелио Печчеи. – М.: Прогресс, 1985. – 311 с.
170. Пиаже Ж. Комментарии к критическим замечаниям Л. С. Выготского на книги “Речь и мышление ребенка” и “Суждение и рассуждение ребенка” / Ж. Пиаже // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. [Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 188–193.
171. Повестка дня на XXI век. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21/index.htm>.
172. Покровительство животным // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Санкт-Петербург, 1890—1907. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Покровительство_животным.
173. Потехин Ф. О трупоедении (Мясное питание с научной и этико-религиозной точки зрения) / Ф. Потехин. – Киев: Издание М. Пудавова, 1909. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/potehin_sarcophagy.htm.
174. Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
175. Природа и самоорганизация общества. Серия “Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России” / под ред. Кульпина Э. С. Вып. XXII. – М.: Московский лицей, 2002. – 256 с.
176. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: ЛГУ. – 364 с.
177. Психологические аспекты глобальных изменений в окружающей среде / Отв. ред. К. Павлик, В. Носуленко. – М.: Начала-Пресс, 1992. – 128 с.
178. Ривс Р. Реальность в рекламе / Р. Ривс. – М.: Финансы и статистика, 1992. – 220 с.
179. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Утверждена Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года // Документ ООН A/CONF.151/26/Rev.1 (Vol. I). – С. 3–7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/declarat/riodecl.htm>.
180. Розин В. М. К различению техники и технологии / В. М. Розин // Открытая библиотека научных сборников (социо-гуманитарный корпус) [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.utoriya.spb.ru.
181. Ролстон Х. Существует ли экологическая этика? / Холмс Ролстон III // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 258–288.

182. Рополь Г. Техника как противоположность природы / Гюнтер рополь // Философия техники в ФРГ / Составл. и предисл. Ц. Г. Арзаканяна и В. Г. Горохова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 203–221.
183. Рудоміно-Дусятська О. В. Екологічна психологія / О. В. Рудоміно-Дусятська. – К.: ІПО КУ ім. Т. Шевченка, 2001. – 71 с.
184. Рудоміно-Дусятська О. В. Проблема внутрішньої регуляції поведінки у довкіллі / О. В. Рудоміно-Дусятська. // Актуальні проблеми психології. Екологічна психологія. Зб. наук. праць Інституту психології ім. Г. С. Костюка. Т. 7, вип. 1. – К., 2003. – С. 373–379.
185. Рудоміно-Дусятська О. В. Проблеми суб'єктної активності людини у довкіллі / О. В. Рудоміно-Дусятська. // Вісник КНУ ім. Тараса Шевченка. Серія: Соціологія. Психологія. Педагогіка. – 2005. – Вип. 22 – С. 79–82.
186. Рудоміно-Дусятська О. В. Ставлення до природи як фактор регуляції поведінки у довкіллі / О. В. Рудоміно-Дусятська. // Актуальні проблеми психології, психології, педагогіки: зб. наук. праць. Вип. 1–К., 2003. – С. 103–107.
187. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / [Бозрикова Л. В., Водзинская В. В., Докторова Л. Д. и др.]; под ред. В. А. Ядова. – Л.: Наука, 1979. – 264 с.
188. Сарджвеладзе Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Н. И. Сарджвеладзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 204 с..
189. Семенов Е. В. Эвристическое значение оппозиции антропо- и социоцентризма / Е. В. Семенов. // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 6. – С. 16–27.
190. Сен-Марк Ф. Социализация природы / Ф. Сен-Марк. – М.: Прогресс, 1977. – 435 с.
191. Сивулка Дж. Мыло, секс и сигареты / Дж. Сивулка. – СПб.: Питер, 2002. – 576 с.
192. Сингер П. Освобождение животных / Питер Сингер. – К.: Киевский эколого-культурный центр. – 136 с
193. Скребець В. О. Екологічна психологія: Навч. посібник / В. О. Скребець. – К.: МАУП, 1998. – 144 с.
194. Скребець В. О. Екологічна психологія у віддалених наслідках екотехногенної катастрофи. Монографія. / Скребець В. О. – К.: Видавничий Дім “Слово”, 2004. – 440 с.
195. Скребець В. О. Екологічна свідомість: історичний розвиток, сучасний стан, психологічна діагностика / Скребець В.О. – Чернігів, 1997. – 66 с.
196. Смолова Л. В. Введение в психологию взаимодействия с окружающей средой / Л. В. Смолова. – СПб.: Речь, 2008. – 384 с.
197. Сокурная Л. Г. Ценностный дискурс современного украинского студенчества (по материалам фокусированных групповых интервью) / Сокурная Людмила Георгиевна. // Вісник Харківського університету. Серія: Соціологічні дослідження сучасного суспільства. Вип. 21 – 2008. – № 795. – С. 153–160.
198. Стінберген Б. До глобального екологічного громадянина / Стінберген ван Барт // Екологічна психологія. Хрестоматія / За ред. Швалба Ю. М. – К.: Сталкер, 2006. – С. 43–53.
199. Столярова Т. Ф. Новые ценностные системы и мировоззрение – условие решения экологических проблем XX в. / Т. Ф. Столярова // Мир психологии. – 1997. – № 1. – С. 6–14.
200. Титаренко Л. Г. Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л. Г. Титаренко. – Мн.: БГУ, 2004. – 205 с.
201. Токарев С. А. Умиращий и воскресающий зверь / С. А. Токарев // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т. 2. – М.: Научное издательство “Большая Российская энциклопедия”, 2000. – С. 548.
202. Токарева М. Ю. Меньшинство как источник социального влияния / М. Ю. Токарева, А. И. Донцов. // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 50–62.

203. Толстой Л. Н. Первая ступень / Лев Николаевич Толстой. // Предисловие – М.: Издание «Посредника» для интеллигентных читателей, 1893. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/williams-ethics.htm#01>.
204. Традиционная и современная технология: (философско-методологический анализ) / Отв. ред. В. М. Розина. – М.: ИФРАН, 1998. – 216 с. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphras/library/technol.html>.
205. Траут Дж. Позиционирование: битва за умы / Джек Траут, Эл Райс. – Спб., М., Х., Минск: Питер, 2007. – 327 с.
206. Уайт Л. Исторические корни нашего экологического кризиса / Линн Уайт-мл. // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 188–202.
207. Уайтхед А. Избранные работы по философии: Пер. с англ. / А. Н. Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – 717 с.
208. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
209. Уильямс Х. Этика пищи, или нравственные основы безубойного питания для человека, со вступительной статьей «Первая ступень» Льва Николаевича Толстого / Хауард Уильямс. – М.: Издание «Посредника» для интеллигентных читателей, 1893. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vita.org.ru/veg/veg-literature/williams-ethics>.
210. Уорд Б. Земля только одна / Б. Уорд, Р. Дюбо. – М.: Прогресс, 1975. – 319 с.
211. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ: Пер. с англ./ Джейн-Он Ким, Чарльз У. Мьюллер, Уильям Р. Клекка и др. // Под ред. И. С. Енюкова. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 215 с.
212. Федоренко Ю. О. Ціннісні орієнтації як чинник формування етнічної ідентичності / Федоренко Ю. О., Фомічова В. М. // Вісник Харківського університету. Серія: Психологія. – 2002. – № 550. – С. 296–298.
213. Филиппова Е. В. Формирование логических операций у шестилетних детей / Е. В. Филиппова. // Вопросы психологии. – 1986. – № 2. – С. 43–50.
214. Флейвелл Д. Х. Генетическая психология Жана Пиаже. С предисловием Жана Пиаже / Джон Х. Флейвелл. – М.: Просвещение, 1967. – 623 с.
215. Фосси Д. Гориллы в тумане / Дайан Фосси. – М.: Прогресс, 1990. – 277 с.
216. Фоули Р. Еще один неповторимый вид. Экологические аспекты эволюции человека: Пер. с англ. / Р. Фоули. – М.: Мир, 1990. – 368 с.
217. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
218. Франкфорт Г. Миф и реальность / Г. Франкфорт, Г. А. Франкфорт // В преддверии философии. Духовные изыскания древнего человека. – М.: Наука, 1984. – С. 24–44.
219. Фромм Э. Иметь или быть? / Эрих Фромм. – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.
220. Фромм Э. Психоанализ и этика. Эгоизм, себялюбие, своекорыстие / Эрих Фромм // Психология личности в трудах зарубежных психологов / Сост. и общая редакция А. А. Реана. – СПб.: Питер, 2000. – С. 81–101.
221. Хайдеггер М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 261–313.
222. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991. – 240 с.
223. Харитонов Р. Ю. Усвідомлення кліматичних змін як чинник становлення екологічної свідомості молоді: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук / Харитонов Роман Юрійович. – Київ, 2010. – 20 с.
224. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: В 2 т. Т. 2 / Хайнц Хекхаузен / [Под ред. Б. В. Величковского] – М.: Педагогика, 1986. – 392 с.
225. Хёсле В. Философия и экология / Виктор Хёсле. – М.: Ками, 1994. – 192 с.
226. Хиттинс Р. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе / Р. Хиттинс // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1990. – С. 26.

227. Хильчевская Р. И. Проблемы экологической экономики в свете концепции устойчивого развития / Р. И. Хильчевская // Экономика и математические методы. – 1996. – № 3. – С. 85–95.
228. Хорни К. Теория невроза Карен Хорни / Карен Хорни // Техники консультирования и психотерапии. Тексты. / Ред. и сост. У. С. Сахакиан. Пер. с англ. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 175–206.
229. Хулей Гр. Маркетинговая стратегия и конкурентное позиционирование / Хулей Гр., Сондерс Дж., Найджел П. – Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс, 2005. – 800 с.
230. Хунинг А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности / Алоиз Хунинг // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – 404 с.
231. Ценностные аспекты науки и проблемы экологии. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
232. Человек и природа: история и современность. Серия “Социально-естественная история. Генезис кризисов природы и общества в России” / под ред. Кульпина Э. С. Вып. XXIV. – Симферополь: Аян, Доля, 2004. – 275 с.
233. Шакуров Р. Х. Барьер как категория и его роль в деятельности / Р. Х. Шакуров // Вопросы психологии. – 2001. – № 1. – С. 4–18.
234. Шариков А. В. О связи ценностных и массово-коммуникационных ориентаций / А. В. Шариков, Э. А. Баранова // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 3. – С. 28–47.
235. Швалб Ю. М. К проблеме определения экпсихологических систем / Швалб Ю. М. // Актуальні проблеми психології. Екологічна психологія: Збірник наукових праць Ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України. – К., 2003. – Т. 7. – Ч. 1. – С. 426–433.
236. Швейцер А. Благоговение перед жизнью / Альберт Швейцер. – Ленинград: Наука, 1989. – 473 с.
237. Швейцер А. Письма из Ламбарене / Альберт Швейцер. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
238. Шепя В. В. На пути к эконтологии / В. В. Шепя. – Ужгород: Карпаты, 1991. – 125 с.
239. Шлімакова І. І. Психологічні умови формування екологічної свідомості школярів: гендерний аспект: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук: спец. 19.00.07 – педагогічна та вікова психологія / Шлімакова Ірина Іванівна. – Київ, 2010. – 20 с.
240. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / Шмелев А. Г. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 158 с.
241. Шмелев А. Г. Подвижность координат субъективного семантического пространства как проявление категориальной установки / Шмелев А. Г. // Вестник Московского университета. – 1979. – №3. – С. 24–35.
242. Шмелева И. А. Психология экологического сознания / И. А. Шмелева. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – 204 с.
243. Шубенкова Е. И. Экологическое воспитание. Опыт этического анализа // Личность и методы ее изучения. Тезисы Всесоюзной научно-практической конференции. Раздел 2. – М., 1987. – С. 48–51.
244. Эколого-психологические факторы современного образа жизни: Монография / Под ред. Ю. М. Швалба. – 2-е изд., перераб. и доп. – Житомир: Изд-во ЖДУ им. И. Франко, 2009. – 458 с.
245. Эмерсон Р. Эссе. Торо Г. Уолден или жизнь в лесу / Ральф Эмерсон. Генри Торо. – М.: Художественная литература, 1986. – 639 с.
246. Энгельс Ф. Диалектика природы / Фридрих Энгельс. – М.: Политиздат, 1987. – 349 с.
247. Эренфелд Д. Природа и люди / Дэвид Эренфелд. – М.: Мир, 1973. – 253 с.
248. Юсупов И. М. Вчувствование. Проникновение. Понимание / Ю. М. Юсупов. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1993. – 202 с.

249. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В. А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии / отв. ред. Е. В. Шорохова – М.: Наука, 1975. – С. 89–105.
250. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе / В. А. Ядов // Социологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 35–52.
251. Яковенко С. И. Психология людини за умов радіоекологічного лиха / Яковенко С. И. – К.: Чернобильінтерінформ, 1996. – 173 с.
252. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 204 с.
253. Яницкий О. Н. Эволюция экологической культуры в России в XX веке / Яницкий О. Н. // Человек и природа: история и современность. Серия «Социально-историческая история. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Кульпина Э. С. Вып. XXIV. – Симферополь: «Аян», «Доля», 2004. – С. 178–185.
254. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса / Э. Янч. – М.: Прогресс, 1974. – 586 с.
255. Ясвин В. А. Психология отношения к природе. / В.А. Ясвин – М.: Смысл, 2000. – 456 с.
256. Aaltola E. Animal ethics and the argument from absurdity / Elisa Aaltola // Environmental Values. – 2010. – Vol. 19. – No 4. – P. 79.
257. Ajzen I. From intentions to actions: A theory of planned behavior / I. Ajzen // Action-Control: From Cognition to Behavior / Eds. J. Kuhl, J. Beckman. – New York: Springer, 1985. – P. 11–39.
258. Albrecht G. Solastalgia: the distress caused by environmental change / Glenn Albrecht, Gina-Maree Sartore, Linda Connor et al. // Australasian Psychiatry. – 2007. – Vol. 15. – No 1. – P. S95–S98
259. Alibeli M. A. Environmental concern: A cross national analysis / Madalla A. Alibeli, Chris Johnson // Journal of International and Cross-Cultural Studies. – 2009. – Vol. 3. – No 1. – P. 2–10.
260. Allen J. B. Environmental locus of control, sympathy, and proenvironmental behavior: A test of Geller's actively caring hypothesis / J. B. Allen, J. L. Ferrand / Environment and Behavior. – 1999. – Vol. 31. – No 3. – P. 338–353.
261. Arrow K. Economic growth, carrying capacity, and the environment / Kenneth Arrow; Bert Bolin; Robert Costanza et al. // Ecological Applications. – 1996. – Vol. 6, No 1. – P. 13.
262. Axelrod L. J. Balancing personal needs with environmental preservation: identifying the values that guide decisions in ecological dilemmas / Lawrence J. Axelrod // Journal of Social Issues. – 1994. – Vol. 50. – No 3. – P. 85–104.
263. Balgopal M. M. Decisions and dilemmas: using writing to learn activities to increase ecological literacy / Meena M. Balgopal, Alison M. Wallace // The Journal of Environmental Education. – 2009. – Vol. 40. – No 3. – P. 13–26.
264. Bamberg S. How does environmental concern influence specific environmentally related behaviors? A new answer to an old question / Sebastian Bamberg // Journal of Environmental Psychology. – 2003. – Vol. 23. – P. 21–32.
265. Banerjee B. How green is my value: exploring the relationship between environmentalism and materialism / Bobby Banerjee, Kim McKeage // Advances in Consumer Research. – 1994. – Vol. 21. – P. 147–152.
266. Barber N. Wine tourism, environmental concerns, and purchase intention / Nelson Barber, D. Christopher Taylor, Cynthia S. Deale // Journal of Travel & Tourism Marketing. – 2010. – Vol. 27. – No 2. – P. 146–165.
267. Baron R. An integration of Gibsonian and Vygotskian perspectives on changing attitudes in group contexts / Reuben M. Baron, Stephen J. Misovich // British Journal of Social Psychology. – 1993. – Vol. 32. – No 2. – P. 53–70.
268. Baron R. M. Situating coordination and cooperation between ecological and social psychology / Reuben M. Baron // Ecological Psychology. – 2007. – V. 19. – No 2. – P. 179–199.

269. Basl J. Restitutive restoration: new motivations for ecological restoration / John Basl // *Environmental Ethics*. – 2010. – Vol. 32. – No 2. – P. 135.
270. Bator R. J. The application of persuasion theory to the development of effective proenvironmental public service announcements / Renee J. Bator, Robert B. Cialdini // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol. 56. – No 3. – P. 527–541.
271. Berkowitz A. R. Towards a definition of ecological literacy / Alan R. Berkowitz // *Cary Institute of Ecosystem Studies*. – 2007. – Retrieved May 8. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ecostudies.org/people_sci_berkowitz_literacy.html.
272. Bilsky W. On the content and structure of values: universals or methodological artifacts? / Wolfgang Bilsky, Mareike Koch // *Social science methodology in the new millennium* / Jorg Blasius et al. eds. – 2002. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://miami.uni-muenster.de/servlets/DerivateServlet/Derivate-1802/Bilsky_Koch.pdf.
273. Bilsky W. Organisationskultur und individuelle Werte: Belege für eine gemeinsame Struktur / Wolfgang Bilsky, Karen A. Jehn // *Die Person im biologischen und sozialen Kontext* / Myrtek M. (Ed.). – Göttingen: Hogrefe, 2002. – P. 211–228.
274. Bilsky W. Values and personality / Wolfgang Bilsky, Shalom S. Schwartz // *European journal of personality*. – 1994. – Vol.8. – P. 163–181.
275. Blaikie N. W. H. The nature and origins of ecological world view: An Australian study / Norman W. H. Blaikie // *Social Science Quarterly*. – 1992. – Vol.73. – No 1. – P. 144–165.
276. Bright A. D. Wildlife-related recreation, meaning, and environmental concern / Alan D. Bright, Rob Porter // *Human Dimensions of Wildlife*. – 2001. – No 6. – P. 259–276.
277. Brook A. T. What is “Conservation psychology?” / Amara T. Brook // *Population and Environmental Psychology Bulletin*. – 2001. – Vol. 27. – No 2. – P. 1–2.
278. Bullard R. D. Environmental justice: Grassroots activism and its impact on public policy decision making / Robert D. Bullard, Glenn C. Jonson // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol. 56. – No 3. – P. 555.
279. Butler C. Morality and climate change: Is leaving your TV on standby a risky behaviour? / Catherine Butler // *Environmental Values*. – 2010. – Vol. 19. – P. 169.
280. Carter A. Can we harm future people? / Alan Carter // *Environmental Values*. – 2001. – Vol. 10. – P. 429.
281. Casey P. J. Environmental concern and behaviour in an Australian sample within an ecocentric – anthropocentric framework / Paul J. Casey, Kylie Scott // *Australian Journal of Psychology*. – 2006. – Vol. 58. – No 2. – P. 57–67.
282. Catton W. R., Dunlap R. E. Environmental sociology: a new paradigm / William R. Catton, Riley E. Dunlap // *American Sociologist*. – 1978. – Vol. 13. – No 1. – P. 41–49.
283. Chan R. Y. K. Antecedents of green purchases: a survey in China / Ricky Y. K. Chan, Loretta B. Y. Lau // *Journal of consumer marketing*. – 2000. – Vol. 17. – No 4. – P. 338–357.
284. Chawla L. Education for strategic environmental behavior / Louise Chawla, Debra Flanders Cushing // *Environmental Education Research*. – 2007. – Vol. 13. – No 2. – P. 437–452.
285. Chenoweth, R. E. The nature and ecology of aesthetic experiences in the landscape / Richard E. Chenoweth, Paul H. Gobster // *Landscape Journal*. – 1990. – Vol. 9. – P. 1–8.
286. Clayton S. Environmental identity: A conceptual and an operational definition / Susan Clayton // *Identity and the Natural Environment* / S. Clayton & S. Opatow (Eds.) – Cambridge, MA: MIT PRESS, 2003. – P. 45–65.
287. Clayton S. Models of justice in environmental debates / Susan Clayton // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol. 56. – No 3. – P. 459.
288. Cleveland M. Shades of green: linking environmental locus of control and pro-environmental behaviors / Mark Cleveland, Maria Kalamas, Michel Laroche // *Journal of Consumer Marketing*. – 2005. – Vol. 22. – No 4. – P. 198–212.

289. Constantini E. Environmental concern and Lake Tahoe: A study of elite perceptions, background and attitudes / Edmond Constantini, Kenneth Hanf // *Environment and Behavior*. – 1972. – Vol. 4. – No 2. – P. 209–242.
290. Cordano M. Understanding cultural differences in the antecedents of pro-environmental behavior: a comparative analysis of business students in the United States and Chile / Mark Cordano, Stephanie Welcomer, Robert Scherer, Lorena Pradenas, Victor Parada // *Journal of Environmental Education*. – 2010. – Vol. 41. – No 4. – P. 224–238.
291. Corral-Verdugo V. On the relationship between antisocial and anti-environmental behaviors: an empirical study / Victor Corral-Verdugo, Martha Frias-Amenta, Daniel Gonzalez-Lomeli // *Population & Environment*. – 2003. – Vol. 24. – No 3. – P. 273–286.
292. Davidov E. Bringing values back in: the adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries / Eldad Davidov, Peter Schmidt, Shalom H. Schwartz // *Public Opinion Quarterly*. – 2008. – Vol. 72. – No 3. – P. 420–445.
293. Davidson M. D. Wrongful harm to future generations: the case of climate change / Davidson Marc D. // *Environmental Values* – 2008. – Vol.14. – No 4. – P. 471–488.
294. deHaven-Smith L. Environmental belief systems: Public opinion on land use regulation in Florida / Lance deHaven-Smith // *Environment and behavior*. – 1988. – Vol.20. – P. 76–99
295. Devos T. Conflicts among human values and trust in institutions / Thierry Devos, Dario Spini, Shalom H. Schwartz // *British Journal of Social Psychology*. – 2002. – Vol. 41. – P. 481–494.
296. De Young R. Expending and evaluating motives for environmentally responsible behavior / Raymond De Young // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol. 56. – No 3 – P. 509–526.
297. De Young R. Restoring mental vitality in an endangered world: reflections on the benefits of walking / Raymond De Young // *Ecopsychology*. – 2010. – Vol. 2 – No 1 – P. 13–20.
298. De Young R. Some psychological aspects of living lightly: Desired lifestyle patterns and conservation behavior / Raymond De Young // *Journal of Environmental Systems*. – 1990. – Vol. 20. – P. 215–227.
299. Dietz T. Environmental values / Thomas Dietz, Amy Fitzgerald, Rachael Shwom // *Annual Reviews Environment and Resources*. – 2005. – Vol. 30. – P. 335–372.
300. Djupe P. Beyond the Lynn White Thesis: Congregational effects on environmental concern / Paul A. Djupe, Patrick Kieran Hunt // *Journal for the Scientific Study of Religion*. – 2009. – Vol. 48. – No 4. – P. 670–686.
301. Doherty T. J. Ecopsychology and environmentally focused psychologies / Thomas Joseph Doherty // *Ecopsychology*. – 2010. – Vol. 2. – No 4. – P. 203–204.
302. Drottz-Sjoberg B.M. Risk perception and worries after the Chernobyl accident / Britt-Marie Drottz-Sjoberg, Lennart Sjoberg // *Journal of Environmental Psychology*. – 1990. – Vol. 10. – No 1. – P. 135–49.
303. Dunlap R. E. Commitment to the dominant social paradigm and concern for environmental quality / Riley E. Dunlap, Kent Van Liere // *Social Science Quarterly*. – 1983. – Vol. 65. – P. 1013–1028.
304. Dunlap R. E. Environmental concern: conceptual and measurement issues / Riley E. Dunlap, Robert E. Jones // *Handbook of environmental sociology* / Ed. by R. E. Dunlap and W. Michelson. – Westport, CT: Greenwood Press, 2002. – P. 482–524.
305. Dunlap R. E. Global concern for the environment: Is affluence a prerequisite? / Riley E. Dunlap, Angela G. Mertig // *Journal of Social Issues*. – 1995. – Vol. 51. – No 4 – P. 121–137.
306. Dunlap R. E. International attitudes towards environment and development / Riley E. Dunlap // *Green Globe Yearbook of International Co -operation on Environment and Development* / Helge Ole Bergesen and Georg Parmann (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 115–126.

307. Dunlap R. E. Measuring endorsement of the new ecological paradigm: a revised NEP scale / Riley E. Dunlap, Kent D. Van Lier, Angela G. Mertig, Robert Emmet Jones // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol. 56. – No 3 – P. 425–442.
308. Dunlap R. Only one in four Americans are anxious about the environment: Most favor moderate approach to environmental protection / Riley E. Dunlap, Lydia Saad // *Gallup Poll Monthly*. – 2001. – Vol. 427. – P. 426–16.
309. Dunlap R. E. Outdoor recreation and environmental concern: an empirical examination / Riley E. Dunlap, Robert Bruce Heffernan Riley E. Dunlap, Robert Bruce Heffernan // *Rural Sociology*. – 1975. – V. 40. – P.18–30.
310. Dunlap R. E. The globalization of environmental concern and the limits of the post-materialist values explanation: Evidence from Four Multinational Surveys // Riley E. Dunlap, Richard York // *Sociological Quarterly*. – 2008. – V. 49. – No 3. – P. 529–563.
311. Dunlap R. E. The new environmental paradigm / Riley E. Dunlap, Kent Van Lier // *Journal of Environmental Education*. – 1978. – Vol. 9. – P. 9–19.
312. Dutcher D. D. Connectivity with nature as a measure of environmental values / Daniel D. Dutcher, James C. Finley, A. E. Luloff, Janet Buttolph Johnson // *Environment & Behavior*. – 2007. – Vol. 39. – No 4. – P. 474–493.
313. Eco-Psychology with Theodore Roszak // *Thinking allowed. Conversations on the leading edge of knowledge and discovery with Dr. Jeffrey Mishlove*. 1998. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.context.org/ICLIB/IC34/Rozsak.htm>.
314. *Ecopscyhology: Restoring the earth, healing the mind* / T. Roszak, M. E. Gomes, A. D. Kanner (Eds). San Francisco: Sierra Club Books, 1995. – 338 p.
315. *Ecosce: image, rhetoric, nature* / Ed. by Sidney I. Dobrin, Sean Morey. – NY: Albany State University of New York Press, 2009. – 327 p.
316. Erlich P. R. Human natures, nature conservation, and environmental ethics / Paul R. Erlich // *BioScience*. – 2002. – Vol. 52. – No 1. – P. 31–43.
317. Erlich P. R. Impact of population growth / Paul R. Erlich, John P. Holdren // *Science*. – 1971. – V. 171. – No 12 – P. 1212–1217.
318. Erlich P. R. *Population bomb* / Paul R. Erlich. – New-York: Ballantine, 1968. – 223 p.
319. Forward S. Driving violations. Investigating forms of irrational rationality. Digital Comprehensive Summaries of Uppsala Dissertations from the Faculty of Social Sciences 44 / Sonja Forward. – Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2008. – 78 p.
320. Fotopoulos T. Values, the dominant social paradigm and neoliberal globalisation / Takis Fotopoulos // *The International Journal of Inclusive Democracy*. – 2008. - Vol. 4. – No 1 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.inclusivedemocracy.org/journal/vol4/vol4_no1_takis_values.htm.
321. Fritsche I. Existential threat and compliance with pro-environmental norms / Immo Fritsche, Eva Jonas, Daniela Niesta Kayser, Nicolas Koranyi // *Journal of Environmental Psychology*. – 2010. – Vol. 30. – No 1. – P. 67–79.
322. Gamborg C. De-domestication: ethics at the intersection of landscape restoration and animal welfare / Christian Gamborg, Bart Gremmen, Stine B. Christiansen and Peter Sandure // *Environmental Values*. – 2010. – Vol. 19. – P. 57–78.
323. Gardner S. M. A Perfect moral storm: climate change, intergenerational ethics and the problem of moral corruption / Stephen M. Gardner // *Environmental Values*. – 2006. – Vol. 15. – P. 397.
324. Gärling T. Moderating effects of social value orientation on determinants of proenvironmental behavior intention / Tommy Gärling, Satoshi Fujii, Anita Gärling, Cecilia Jakobsson // *Journal of Environmental Psychology*. – 1993. – Vol. 23. – No 1. – P. 1–9.
325. Geller E. S. Actively caring for the environment / E. Scott Geller // *Environment & Behavior*. – 1995. – Vol. 27. – P. 184–195.
326. GEO-3: *Global Environment Outlook. Past, present and future perspectives* / UNEP GEO team. – Nairobi, 2002. [На русском языке: Глобальная экологическая перспектива-3] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unep.org/geo/geo3/russian/index.htm>.

327. GEO-4: Global Environment Outlook: environment for development / UNEP GEO team. – Union Nation Environment Programme, 2007. – 540 p. [На русском языке: GEO-4 UNEP. Глобальная экологическая перспектива: окружающая среда для развития] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.unep.org/geo/geo4.asp>.
328. Gerlach L. P. Global thinking, local acting. Movements to save the planet / Luther P. Gerlach // *Evaluation Review*. – 1991. – Vol. 15. – No 1. – P. 120–148.
329. Gifford R. FISH: a commons dilemma simulation / Robert Gifford, John Wells // *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. – 1991. – Vol. 23. – No 3. – P. 437–41.
330. Gifford R. Global warming and public policy / Robert Gifford // *Population and Environmental Psychology Bulletin*. – 2001. – Vol. 27. – No 2. – P. 10.
331. Global environmental change: Understanding the human dimensions / Paul C. Stern, Oran R. Young, Daniel Druckman, Editors. – Washington D.C.: National Academy Press, 1992. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.nap.edu/openbook.php>.
332. Göckeritz S. Descriptive normative beliefs and conservation behavior: The moderating roles of personal involvement and injunctive normative beliefs / Susanne Göckeritz, P. Wesley Schultz, Tania Rendyn, Robert B. Cialdini, Noah J. Goldstein, Vladas Griskevicius // *European Journal of Social Psychology*. – 2010. – Vol. 40. – No 3. – P. 514–523.
333. Gosling E. Connectedness to nature, place attachment and conservation behaviour: Testing connectedness theory among farmers / Elizabeth Gosling, Kathryn J. H. Williams // *Journal of Environmental Psychology*. – 2010. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vvcpmn.files.wordpress.com/2010/02/gosling-williams-2010.pdf>.
334. Gotschi E. The role of knowledge, social norms, and attitudes toward organic products and shopping behavior: survey results from high school students in Vienna / Elisabeth Gotschi, Stefan Vogel, Thomas Lindenthal, Manuela Larcher // *Journal of Environmental Education*. – 2010. – Vol. 41. – No 2. – P. 88–100.
335. Gough S. Whose Gap? Whose Mind? Plural rationalities and disappearing academics / Stephen Gough // *Environmental Education Research*. – 2002. – Vol. 8. – No 3. – P. 273–282.
336. Grace M. M. The science and values young people draw upon to make decisions about biological conservation issues / Marcus M Grace, Mary Ratcliffe // *International Journal of Science Education* – 2002. – Vol. 24. – P. 1157–1169.
337. Grankvist G. The importance of beliefs and purchase criteria in the choice of eco-labeled food products / Gunne Grankvist, Anders Biel // *Journal of Environmental Psychology*. – 2001. – Vol. 21. – No 4. – P. 410.
338. Grant W. E. Quantitative modeling of coupled natural/human systems: simulation of societal constraints on environmental action drawing on Luhmann's social theory / W. E. Grant, Tarla Rai Peterson, Markus J. Peterson // *Ecological Modelling*. – 2002. – Vol. 158. – No 1/2. – P. 143–165.
339. Guagnano G. Regional differences in the sociodemographic determinants of environmental concern / Gregory A. Guagnano, Nancy Markee // *Population and Environment: A Journal of Interdisciplinary Studies*. – 1995. – Vol. 17. – P. 135–149.
340. Gueguen N. The Combined Effect of the Foot-in-the-Door Technique and the “But You Are Free” Technique: An Evaluation on the Selective Sorting of Household Wastes / Nicolas Gueguen, Sebastien Meineri, Angelique Martin, Isabelle Grandjean // *Ecopsychology*. – 2010. – Vol. 2 – No 4. – P. 231–237.
341. *Handbook of Environmental Psychology* / Edited by D. Stokols, I. Altman. 2 volumes. – N. Y: John Wiley and Sons, 1987. – 1654 p.
342. Hansla A. The relationships between awareness of consequences, environmental concern, and value orientations / Andrii Hansla, Amelie Gamble, Asgeir Juliussen, Tommy Gärting // *Journal of Environmental Psychology*. – 2008. – Vol. 28 – No 1. – P. 1–9.

343. Hansla A. Value orientation, awareness of consequences, and environmental concern. Doctoral dissertation in psychology / Andre Hansla. – Sweden, Department of Psychology, University of Gothenburg, 2011. – 43 p.
344. Hardin G. Carrying capacity and quality of life / Garrett Hardin. – *The Social contract*. – 1991. – No 3. – P. 195–196.
345. Hardin G. Carrying capacity as an ethical concept / Garrett Hardin // *Soundings*. – 1976. – Vol. 59 (Spring). – P. 120.
346. Hardin G. Lifeboat ethics: the case against helping the poor / Garrett Hardin // *Psychology Today*. – 1974. – No 8. – P. 38–43.
347. Hardin G. The tragedy of the commons / Garrett Hardin // *Science*. – 1968. – Vol. 162. – P. 1243.
348. Hartmann P. Virtual nature experiences as emotional benefits in green product consumption: the moderating role of environmental attitudes / Patrick Hartmann, Vanessa Apaolaza-Ibáñez // *Environment and Behavior*. – 2008. – Vol. 40. – No 8. – P. 818–842.
349. Heberlein T. A. Environmental attitudes / Thomas A. Heberlein // *Zeitschrift für Umweltpolitik*. – 1981. – No 2. – P. 241–270.
350. Heberlein T. A. The land ethic realized: some social psychological explanations for changing environmental attitudes / Thomas A. Heberlein // *Journal of Social Studies*. – 1972. – Vol. 28. – No 4. – P. 79–87.
351. Heidmets M. A conceptual framework for studying environmental mentality and behavior / Mati Heidmets, Maaris Raudsepp // *Trames Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2001. – Vol. 5 (55/50). – No 3. – P. 198–210.
352. Heleski C. R. Assessing attitudes toward farm animal welfare: A national survey of animal science faculty / Camie R. Heleski, Angela G. Mertig, Adroaldo J. Zanella // *Journal of Animal Science*. – 2004. – Vol. 82. – No 9. – P. 2806–2814.
353. Hines J. M. An analysis and synthesis of research on responsible environmental behavior: A meta-analysis / Jody M. Hines, Harold R. Hungerford, Audrey N. Tomera // *The Journal of Environmental Education*. – 1987. – Vol. 18. – No 2. – P. 1–8.
354. Hodges B. H. Values define fields: The intentional dynamics of driving, carrying, leading, negotiating, and conversing / Bert H. Hodges // *Ecological Psychology*. – 2007. – Vol. 19. – No 2. – P. 153–178.
355. Homburg A. Coping with global environmental problems: Development and first validation of scales / Andreas Homburg, Andreas Stolberg, Ulrich Wagner // *Environment and Behavior*. – 2007. – Vol. 39. – No 6. – P. 754–778.
356. Horwitz W. Environmental dilemmas: The resolutions of student activists / Wendy Horwitz // *Ethics & Behavior*. – 2000. – Vol. 10. – No 3. – P. 281–308.
357. Hovardas T. Environmental representations of local communities' spokespersons in protected areas / Tasos Hovardas, Konstantinos J. Korfiatis, John D. Pantis // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. – 2009. – Vol. 19. – No 6. – P. 459–472.
358. Howard G S. Adapting human lifestyles for the 21st century / George S. Howard // *American Psychologist*. – 2000. – Vol. 55. – No 5. – P. 509–614.
359. Hungerford H.R. Changing learner behavior through environmental education / Harold R. Hungerford, Trudi L. Volk // *Journal of Environmental Education*. – 1990. – Vol. 21. – No 3. – P. 8–22.
360. Huseby R. Person-affecting moral theory, non-identity and future people / Robert Huseby // *Environmental Values*. – 2010. – Vol. 19. – P. 193–210.
361. Ivanhoe P. J. Of Geese and Eggs: in what sense should we value nature as a system? / Philip J. Ivanhoe // *Environmental Ethics*. – 2010. – Vol. 32. – No 1. – P. 67.
362. Jager W. Consumats in a commons dilemma. Testing the behavioural rules of simulated consumers / Wander Jager, Marco A. Janssen, Charles A. J. Vlek. – Groningen: Centre for Environmental and Traffic Psychology COV, 1999. – 55 p. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ppsw.rug.nl/cov/index.htm>.
363. Jensen B. B. Knowledge, action and pro-environmental behaviour / Bjarne Bruun Jensen // *Environmental Education Research*. – 2002. – Vol. 8. – No 3. – P. 325–334.

364. Jinyang Deng. A comparison of environmental values and attitudes between chinese in canada and anglo-canadians / Jinyang Deng, Gordon J. Walker, Guy Swinnerton // *Environment & Behavior*. – 2006. – Vol. 38. – No 1. – P. 22–47.
365. Johnson C. Y. Ethnic variation in environmental belief and behavior: an examination of the new ecological paradigm in a social psychological context / Cassandra Y. Johnson, J. Michael Bowker, H. Ken Cordell // *Environment & Behavior*. – 2004. – Vol. 36. – No 2. – P. 157–186.
366. Kaiser F. G. The proposition of a general version of the theory of planned behavior: predicting ecological behavior / Florian G.Kaiser, Heinz Gutscher / *Journal of Applied Social Psychology*. – 2003. – Vol. 33. – No 3. – P. 586–603.
367. Kals E. Emotional affinity toward nature as a motivational basis to protect nature / Elisabeth Kals, Michael Schumacher, Leo Montada // *Environment and Behavior*. – 1999. – Vol. 31. – No 2. – P. 178–202.
368. Kaplan S. Health, supportive environments, and the reasonable person model / Stephen Kaplan, Rachel Kaplan // *American Journal of Public Health*. – 2003. – Vol. 93. – No 56. – P. 1484–1489.
369. Kaplan S. Human nature and environmentally responsible behavior / Stephen Kaplan // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol. 3. – No 56. – P. 491–508.
370. Kapp K. Ökonomie der Umweltgefährdung und des Umweltschutzes / Karl William Kapp // *Gewerkschaftliche Monatshefte*. – 1972. – No 9. – P. 537–547.
371. Karp D.G. Values and their effect on pro-environmental behavior / David Gutierrez Karp // *Environment and Behavior*. – 1996. – B. 28. – No 1. – S. 111–133.
372. Keeling P. M. Does the idea of wilderness need a defence? / Paul M. Keeling // *Environmental Values*. – 2008. – Vol. 17. – No 4 – P. 505–519.
373. Kellert S. R. Attitudes, knowledge and behavior toward wildlife among the industrial superpowers: United States, Japan, and Germany / Stephen R. Kellert // *Journal of Social Issues*. – 1993. – Vol. 49. – No 1. – P. 53.
374. Kelso J. A. S. An essay on understanding the mind / J. A. Scott Kelso // *Ecological Psychology*. – 2008. – Vol. 20. – P. 180–208.
375. Kilbourne W. E. A multinational examination of the role of the dominant social paradigm in environmental attitudes of university students / William E. Kilbourne, Suzanne C. Beckmann, Alan Lewis, Ynte van Dam // *Environment and Behavior*. – 2001. – Vol. 33. – P. 209–228.
376. Kilbourne W. E. Environmental attitudes and their relation to the dominant social paradigm among university students in New Zealand and Australia / William E. Kilbourne, Michael J. Polonsky // *Australasian Marketing Journal*. – 2005. – Vol. 13. – No 2. – P. 37–48.
377. Kollmuss A. Mind the Gap: why do people act environmentally and what are the barriers to pro-environmental behavior? / Anja Kollmuss, Julian Agyeman // *Environmental Education Research*. – 2002. – Vol. 8. – No 3. – P. 239–260.
378. Krause D. Environmental consciousness: an empirical study / Daniel Krause // *Environment and Behavior*. – 1993. – Vol. 25. – P. 126–142.
379. Kruse L. Globalization and sustainable development as issues of environmental psychology / Lenelis Kruse // *Umwelt Psychologie*. – 2006. – B. 10. – No 1. – S. 136–152.
380. Kurz T. Attitudinal and community influences on participation in new curbside recycling initiatives in Northern Ireland / Tim Kurz, Mark Linden, Noel Sheehy // *Environment & Behavior*. – 2007. – Vol. 39. – No 3. – P. 367–391.
381. Kurz T. The psychology of environmentally sustainable behavior: Fitting together pieces of the puzzle / Tim Kurz // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. – 2002. – Vol. 2. – No 1. – P. 257–278.
382. Kurz T. The ways that people talk about natural resources: Discursive strategies as barriers to environmentally sustainable practices / Tim Kurz, Ngaire Donaghue, Mark Rapley, Lain Walker // *British Journal of Social Psychology*. – 2005. – Vol. 44. – P. 603–620.

383. Leopold A. A plea for wilderness hunting grounds, outdoor life, November 1925 / Aldo Leopold // Aldo Leopold's Southwest. Edited by David E. Brown & Neil B. Carmony. – New Mexico: University of New Mexico Press, 1990. – P. 160–161.
384. Leopold A. A sand county almanac, and sketches here and there, 1948 / Aldo Leopold. – New York: Oxford University Press, 1987. – 256 p.
385. Leopold A. Round River / Aldo Leopold. – New York: Oxford University Press, 1993. – 173 p.
386. Leopold A. The conservation ethic / Aldo Leopold // Journal of Forestry. – 1933 (Oct.). – Vol. 31. – P. 634–643.
387. Lynch T. Deep ecology as an aesthetic movement / Tony Lynch // Environmental Values. – 1996. – Vol. 5. – P. 147–160.
388. Lynch T. Non-Anthropocentrism? A killing objection / Tony Lynch, David Wells // Environmental Values. – 1998. – Vol. 7. – P. 151–163.
389. Maloney M. P. Ecology: Let's hear from the people: An objective scale for the measurement of ecological attitudes and knowledge / Michael P. Maloney, Michael P. Ward // American Psychologist. – 1973. – Vol. 28. – No 3. – P. 583–586.
390. Marquart-Pyatt S. T. Are there similar sources of environmental concern? Comparing industrialized countries / Sandra T. Marquart-Pyatt // Social Science Quarterly. – 2008. – Vol. 89. – No 5. – P. 1312–1325.
391. Martin B. The impact of green product lines on the environment: does what they know affect how they feel? / Bridget Martin, Antonis C. Simintiras // Marketing Intelligence & Planning. – 1995. – Vol. 13. – No 3. – P. 16–23.
392. Masuda N. Spatial prisoner's dilemma optimally played in small-world networks / Naoki Masuda, Kazuyuki Aihara // Physics Letters A. – 2003. – Vol. 313. – No 1/2. – P. 55–63.
393. Mayer S. F. The connectedness to nature scale: A measure of individuals' feeling in community with nature / Stefan F. Mayer, Cindy Frantz M. // Journal of Environmental Psychology. – 2004. – Vol. 24. – P. 503–515.
394. McKenzie-Mohr D. Fostering sustainable behavior through community-based social marketing / Doug McKenzie-Mohr // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55. – No 5. – P.531–537.
395. McKenzie-Mohr D. Promoting sustainable behavior: an introduction to community-based social marketing / Doug McKenzie-Mohr // Journal of social issues. – 2000. – Vol. 56. – No 3. – P. 543–554.
396. Mehmetoglu M. Accurately identifying and comparing sustainable tourists, nature-based tourists, and ecotourists on the basis of their environmental concerns / Mehmet Mehmetoglu // International Journal of Hospitality & Tourism Administration. – 2010. – Vol. 11. – No 2. – P. 171–199.
397. Midden C. J. H. The stability of nuclear attitudes after Chernobyl / Cees J. H. Midden, Bas Verplanken // Journal of Environmental Psychology. – 1990. – Vol. 10. – No 1. – P. 111–119.
- 397a. Milbrath L. W. Environmentalists, Vanguard for a New Society / Lester W. Milbrath, Barbara V. Fisher. – State University of New York Press, Albany, 1984. – 180 p.
398. Milfont T. L. A cross-cultural study of environmental motive concerns and their implications for proenvironmental behavior / Taciano L. Milfont, John Duckitt, Linda D. Cameron // Environment & Behavior. – 2006. – Vol. 38. – No 6. – P. 745–767.
399. Milfont T. L. Testing the moderating role of the components of norm activation on the relationship between values and environmental behavior/ Taciano L. Milfont, Chris G. Sibley, John Duckitt // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2010. – Vol. 41. – No 1. – P. 124–131.
400. Mishan J. Psychoanalysis and environmentalism: First thoughts / Joseph Mishan // Psychoanalytic Psychotherapy. – 1996. – Vol. 10– No 1. – P. 59–70.
401. Monroe M. C. Two avenues for encouraging conservation behaviors / Martha C. Monroe // Human Ecology Review. – 2003. – Vol. 10. – No 2. – P. 113.

402. Mosler H.-J. Integrating commons dilemma findings in a general dynamic model of cooperative behavior in resource crises. / Hans-Joachim Mosler, Wernher M. Brucks // *European Journal of Social Psychology*. – 2003. – Vol. 33. – No 1. – P. 119–133.
403. Mosler H.-J. Personal, social, and situational factors influencing the consumption of drinking water from arsenic-safe deep tubewells in Bangladesh / Hans-Joachim Mosler, Olivia R Blöchliger, Jennifer Inauen // *Journal of Environmental Management*. – 2010. – Vol. 91. – No 6. – P.1316–1323.
404. Mosler H.-J. Self-dissemination of environmentally-responsible behavior: the influence of trust in a commons dilemma game. / Hans-Joachim Mosler // *Journal of Environmental Psychology*. – 1993. – Vol. 13. – P. 111–123.
405. Müller M. Adolescents' emotional affinity toward nature: a cross-societal study / Markus M. Müller, Elisabeth Kals, Ramune Pansa // *Journal of Developmental Processes*. – 2009. – Vol. 4. – No 1. – P. 59–69.
406. Myers G. Some issues to consider in the role of psychology in conservation / Gene Myers // *Population and Environmental Psychology Bulletin*. – 2001. – Vol.27. – No 2. – P. 2–4.
407. Myers O. E. Jr. Animals as links toward developing caring relationships with the natural world / Olin E. Jr. Myers, Carol D. Saunders // *Children and Nature* / Eds. P. H. Kahn, S. R. Kellert. – Cambridge, MA: MIT Press, 2002. – P. 153–178.
408. Myers O. E. Jr. Panel discussion at the First Conference on Conservation Psychology, Brookfield Zoo / Olin E. Jr. Myers. – Chicago, IL, 2002.
409. Myers O. E. What do children think animals need? Aesthetic and psycho-social conceptions / Olin E. Myers, Carol D. Saunders, Erik Garrett // *Environmental Education Research*. – 2003. – Vol. 9. – No 3. – P. 305–325.
410. Naito T. Gratitude For, and regret toward, nature: Relationships to proenvironmental intent of university students from Japan // Takashi Naito, Tomoko Matsuda, Pachongchit Intasuwan, Wiladlak Chuawanlee, Supaporn Thanachanan, Jarun Ounthitawat, Meiko Fukushima // *Social Behavior and Personality*. – 2010. – Vol. 38. – No 7. – P. 993–1008.
411. Nisbet E. K. The nature relatedness scale: linking individuals' connection with nature to environmental concern and behavior / Elizabeth K. Nisbet, John M. Zelenski, Steven A. Murphy // *Environment & Behavior*. – 2009. – Vol. 41. – No 5. – P. 715–740.
412. Nooney J. G. Environmental worldview and behavior: Consequences of dimensionality in a survey of North Carolinians / Jennifer G. Nooney, Eric Woodrum, Thomas J. Hoban, William B. Clifford // *Environment and Behavior*. – 2003. – Vol. 35. – No 6. – P. 763–783.
413. Norton B. G. Environmental values and adaptive management / Bryan G. Norton, Anne C. Steinemann // *Environmental Values*. – 2001. – Vol. 10. – No 4. – P. 473–506.
414. Ojala A. The interaction between emotional connectedness to nature and leisure activities in predicting ecological worldview / Ann Ojala // *Umweltpsychologie*. – 2009. – B. 13. – No 2. – S. 10–22.
415. Ojala M. Adolescents' worries about environmental risks: Subjective well-being, values, and existential dimensions / Maria Ojala // *Journal of Youth Studies*. – 2005. – Vol. 8. – No 3. – P. 331–347.
416. Ojea E. Altruistic, egoistic and biospheric values in willingness to pay (WTP) for wildlife / Elena Ojea, Maria L. Loureiro // *Ecological Economics*. – 2007. – Vol. 63. – No 4. – P. 807–814.
417. Olofsson A. General beliefs and environmental concern: Transatlantic Comparisons / Anna Olofsson, Susanna Öhman // *Environment & Behavior*. – 2006. – Vol. 38. – No 6 – P. 768–790.
418. Opatov S. Denial and the process of moral exclusion in environmental conflict / Susan Opatov, Leah Weiss // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol. 56. – No 3 – P. 475.

419. Oreg S. Predicting proenvironmental behavior cross-nationally: Values, the theory of planned behavior, and value-belief-norm theory / Shaul Oreg, Tally Katz-Gerro // *Environment and Behavior*. – 2006. – Vol. 38. – No 3. – P. 462–483.
420. Oskamp S. A sustainable future for humanity? / Stuart Oskamp // *American Psychologist*. – 2000. – Vol. 55. – No 5. – P. 496–508.
421. Oskamp S. Predicting three dimensions of residential curbside recycling: an observational study / Stuart Oskamp, Burkhardt Rachel L., Schultz P. Wesley, Hurin Sharrily, Zelezny Lynnette // *Journal of Environmental Education*. – 1998. – Vol.29. – No 2. – P. 37–42.
422. Oskamp S. Psychological contributions to achieving an ecologically sustainable future for humanity / Stuart Oskamp // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol. 3. – No 56. – P. 373–389.
423. Palmberg I. Outdoor activities as a basis for environmental responsibility / Irmeli Palmberg, Jari Kuru // *Journal of Environmental Education*. – 2000. – Vol. 31. – No 4. – P. 32–36.
424. Parfit D. Comments / Derek Parfit // *Ethics*. – 1986. – Vol. 96. – No 4. – P. 832–872.
425. Pawlik K. The psychology of global environmental change: some basic data and an agenda for cooperative international research / Kurt Pawlik // *International Journal of Psychology*. – 1991. – Vol. 26. – No 5. – P. 547–563.
426. Poortinga W. Values, environmental concern, and environmental behavior / Wouter Poortinga, Linda Steg; Charles Vlek // *Environment & Behavior*. – 2004. – Vol. 36. – No 1. – P. 70–93.
427. Randall R. Loss and climate change: the cost of parallel narratives / Rosemary Randall // *Ecopsychology*. – 2009. – Vol. 1. – No 3. – P. 118–129.
428. Raudsepp M. Environmental belief systems: empirical structure and a typology / Maaris Raudsepp // *Trames Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2001. – Vol. 55/50. – No 3. – P. 234–254.
429. Raudsepp M. Values and environmentalism / Maaris Raudsepp // *TRAMES*. – 2001. – Vol. 5 (55/50). – No 3. – P. 211–233.
430. Rauwald K. S. Environmental attitudes as predictors of policy support across three countries / Kimberly S. Rauwald, Colleen F. Moore // *Environment and Behavior*. – 2002. – Vol. 34. – No 6. – P. 709–739.
431. Reser J. P. Situating and representing psychology, environmental psychology, and conservation vis-a-vis the natural environmental and other perspectives and disciplines / Joseph P. Reser // *Population and Environmental Psychology Bulletin*. – 2001. – Vol. 27. – No 2. – P. 4–7.
432. Reser J. P. ‘Social science’ in the environmental studies and natural science arena: Misconceptions, misrepresentations and missed opportunities / Joseph P. Reser, Joan M. Bentrupperbäumer // *Social sciences in natural resource management: Theoretical perspectives* / Eds V. Higgins, G. Lawrence and S. Lockie London: Edward Elgar, 2001. – P. 35–49.
433. Rokeach M. The nature of human values / Michel Rokeach. – N-Y.: Free Press, 1973. – 438 p.
434. Roszak T. The voice of the earth: An exploration of ecopsychology / Theodore Roszak. – New York: Simon & Schuster, 1993. – 187 p.
435. Sagiv L. Value priorities and subjective well-being: direct relations and congruity effects / Lilach Sagiv, Shalom H. Schwartz // *European Journal of Social Psychology*. – 2000. – Vol. 30. – P. 177–198.
436. Sauer J. Environment conservation in the domestic domain: the influence of technical design features and person-based factors / Jürgen Sauer, Bruno Rüttinger // *Ergonomics*. – 2004. – Vol. 47. – No 10. – P.1053–1072.
437. Schahn J. Konstruktion und Evaluation der dritten Version des Skalensystems zur Erfassung des Umweltbewusstseins (SEU-3) / Joachim Schahn, Marinella Damian, Uta Schurig, Christina Fuchsle // *Diagnostica*. – 2000. – B. 46. – No 2. – S. 84–92.

438. Schultz P. W. A multi-national perspective on the relationship between Judeo-Christian religious beliefs and attitudes of environmental concern / P. Wesley Schultz, Lynnette C. Zelezny, Nancy J. Dalrymple // *Environment and Behavior*. – 2000. – Vol. 32. – No 4. – P. 560–575.
439. Schultz W. P. Empathizing with nature: the effect of perspective taking on concern for environmental issues / Wesley P. Schultz // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol.3. – No 56. – P. 391–406.
440. Schultz W. P. Reframing environmental messages to be congruent with American values / P. Wesley Schultz, Linnette C. Zelezny // *Human ecology review*. – 2003. – Vol. 10. – No 2. – P. 26–36.
441. Schultz W. P. The structure of environmental concern: concern for self, other people and the biosphere / P. Wesley Schultz // *Journal of Environmental Psychology*. – 2001. – Vol. 21. – N4. – P. 327–339.
442. Schultz W. P. Values and their relationship to environmental concern and conservation behavior / P. Wesley Schultz, Valdiney V. Gouveia, Linda D. Cameron, Geetika Tankha, Peter Schmuck, Marek Franek // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2005. – Vol. 36. – No 4. – P. 457–475.
443. Schultz W. P. Values as predictors of environmental attitudes: Evidence for consistency across cultures / P. Wesley Schultz, Linnette C. Zelezny // *Journal of Environmental Psychology*. – 1999. – Vol. 19. – No 3. – P. 255–265.
444. Schwartz S. H. A theory of cultural values and some implication for work / Shalom H. Schwartz // *Applied Psychology: An International Review*. – 1999. – Vol. 48. – No 1. – P. 23–47.
445. Schwartz S. H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? / Shalom H. Schwartz. – *Journal of Social Issues*. – 1994. – Vol. 50. – P. 19–45.
446. Schwartz S. H. Cultural and individual value correlates of capitalism: A comparative analysis / Shalom H. Schwartz // *Psychological Inquiry: An International Journal for the Advancement of Psychological Theory*. – 2007. – Vol. 18. – No 1. – P. 52–57.
447. Schwartz S. H. Normative influences on altruism / Shalom H. Schwartz // *Advances in experimental social psychology*. Vol.10 / Ed. L. Berkowitz. – San Diego, CA: Academic Press, 1977. – P. 221.
448. Schwartz S. H. Toward a universal psychological structure of human values / Shalom H. Schwartz, Wolfgang Bilsky // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1987. – Vol. 53. – P. 550–562.
449. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries / Shalom H. Schwartz // In M. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (Vol. 25). – New York: Academic Press. – 1992. – P. 1–65.
450. Schwartz S. H. Worries and values / Shalom H. Schwartz, Lilach Sagiv, Klaus Boehnke // *Journal of Personality*. – 2000. – Vol. 68. – No 2. – P. 309–346.
451. Seligman C. The role of values and ethical principles in judgments of environmental dilemmas / Clive Seligman, Geoffrey J. Syme, Rae Gilchrist // *Journal of Social Issues*. – 1994. – Vol. 50. – No 3. – P. 105–120.
452. Sevillano V. Perspective taking, environmental concern, and the moderating role of dispositional empathy / Vercynica Sevillano, Juan I. Aragonñis, Wesley P. Schultz // *Environment & Behavior*. – 2007. – Vol. 39. – No 5. – P. 685–705.
453. Sharp J. The social basis of agro-environmental concern: Physical versus social proximity / Jeff Sharp, Lazarus Adua // *Rural Sociology*. – 2009. – Vol. 74. – No 1. – P. 56–85.
454. Shean G. D. The values of student environmentalists / Glenn D. Shean, Tamara Shei // *Journal of Psychology*. – 1995. – Vol. 129. – No 5. – P. 559–564.
455. Sherkat D. E. Structuring the religion-environment connection: identifying religious influences on environmental concern and activism / Darren E. Sherkat, Christofer G. Ellison // *Journal for the scientific study of religion*. – 2007. – Vol. 46. – No 1 – P. 71–85.

456. Short P. Responsible environmental action: its role and status in environmental education and environmental quality / Philip C. Short // *Journal of Environmental Education*. – 2010. – Vol. 41. – No 1. – P. 7.
457. Singer P. Ethics and climate change: A commentary on MacCracken, Toman and Gardiner / Peter Singer // *Environmental Values*. – 2006. – Vol. 15. – P. 415–422.
458. Spada H. Wissen, Ziele und Verhalten in einem ökologisch-sozialen Dilemma / Hans Spada, Andreas M. Ernst // *Umwelt und Verhalten. Perspektiven und Ergebnisse ökopyschologischer Forschung* / (Hrsg) K. Pawlik, K.H. Stapf. – Hamburg: 1992. – S. 384–405.
459. Steg L. Factors influencing the acceptability of energy policies: A test of VBN theory / Linda Steg, Lieke Dreijerink, Wokje Abrahamse // *Journal of Environmental Psychology*. – 2005. – Vol. 25. – No 4. – P. 415–425.
460. Steiger J. H. Моделирование структурными уравнениями / James H. Steiger // *Statistica*. Глава 11. – StatSoft, 1995. – С.3535-3698. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://trc.dgu.ru/res/mat/статистика2009/.../3_11.PDF.
461. Stern P. C. A value-belief-norm theory of support for social movements: The case of environmentalism / Paul C. Stern, Thomas Dietz, Troy Abel, Gregory A. Guagnano, Linda Kalof // *Human Ecology Review*. – 1999. – Vol. 6. – No 2. – P. 81–97.
462. Stern P. C. Psychological dimensions of global environmental change / Paul C. Stern // *Annual Review Psychology*. – 1992. – V. 43. – P. 269–302.
463. Stern P. C. Psychology and the science of human-environment interactions / Paul C. Stern // *American Psychologist*. – 2000. – Vol.55. – No 5 – P. 523–530.
464. Stern P. C. The new ecological paradigm in social psychological context / Paul C. Stern, Thomas Dietz, Gregory A. Guagnano // *Environment and Behavior*. – 1995. – Vol. 27. – No 6 – P. 723–743.
465. Stern P. C. The value basis of environmental concern / Paul C. Stern, Thomas Dietz // *Journal of social issues*. – 1994. – Vol. 50. – P. 65–84.
466. Stern P. C. Toward a coherent theory of environmentally significant behavior / Paul C. Stern // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol. 56. – No 3. – P. 407–424.
467. Stern P. C. Understanding global change: What psychology can contribute / Paul C. Stern // *IHDP Update* (Newsletter of the International Human Dimensions Programme on Global Environmental Change). – 2004. – No 4. – P. 4–5. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ihdp.unu.edu/file/get/7182>.
468. Stern P. C. Value orientations, gender, and environmental concern / Paul C. Stern, Thomas Dietz, Linda Kalof // *Environment and Behavior*. – 1993. – Vol. 25. – P. 322–348.
469. Stern P. C. Values, beliefs and proenvironmental attitude formation toward emergent attitude objects / Paul C. Stern, Thomas Dietz, Linda Kalof, Gregory A. Guagnano // *Journal of Applied Social Psychology*. – 1995. – Vol. 25. – P. 1611–1636.
470. Sundstrom E. Environmental psychology 1989–1994 / Eric Sundstrom, Paul A. Bell, Paul L. Busby, Cheryl Asmus // *Annual Reviews Psychology*. – 1996. – Vol. 47. – P.485–512.
471. Swami V. Egoistic, altruistic, and biospheric environmental concerns: A path analytic investigation of their determinants / Viren Swami, Tomas Chamorro-Premuzic, Rosemary Snelgar, Adrian Furnham // *Scandinavian Journal of Psychology*. – 2010. – Vol. 51. – No. 2. – P. 139–145.
472. Swanagan J. S. Factors influencing Zoo visitors' conservation attitudes and behavior / Jeffery S. Swanagan // *Journal of environmental education*. – 2000. – Vol. 31. – No. 4. – P. 26–31.
473. Thapa B. Environmentalism: The relation of environmental attitudes and environmentally responsible behaviors among undergraduate students / Brijesh Thapa // *Bulletin of Science Technology Society*. – 1999. – Vol. 19. – No.5. – P. 426–438.
474. Thapa B. Moderator and mediator effects of scuba diving specialization on marine-based environmental knowledge-behavior contingency / Brijesh Thapa, Alan R. Graefe, Louisa A. Meyer // *Journal of environmental education*. – 2005. – Vol. 37. – No. 1. – P. 53–67.

475. Thapa B. The mediation effect of outdoor recreation participation on environmental attitude-behavior correspondence / Brijesh Thapa // *Journal of environmental education*. – 2010. – Vol. 41. – No 3. – P. 133–150.
476. Theodori G. L. The association of outdoor recreation and environmental concern: re-examining of the Dunlap-Heffernan thesis / Gene. L. Theodori, A. E. Luloff, Fern K. Willits // *Rural Sociology*. – 1998. – Vol. 63. – No 1. – P. 94–108.
477. Th'gersen J. A cognitive dissonance interpretation of consistencies and inconsistencies in environmentally responsible behavior / John Th'gersen // *Journal of Environmental Psychology*. – 2004. – Vol. 24. – P. 93–103.
478. Thompson S. Ecocentric and anthropocentric attitudes toward the environment / Suzanne C. Gagnon Thompson, Michelle A. Barton // *Journal of Environmental Psychology*. – 1994. – Vol. 14. – P. 149–157.
479. Trumbo C. W. Intention to conserve water: environmental values, planned behavior, and information effects. A comparison of three communities sharing a watershed / Craig W. Trumbo, Garrett J. O'Keefe // *Society & Natural Resources*. – 2001. – Vol. 14. – No 10. – P. 889–899.
480. Turnhout E. The role of views of nature in dutch nature conservation: the case of the creation of a drift sand area in the Hoge Veluwe national park / Esther Turnhout, Matthijs Hisschemöller, Herman Eijsackers // *Environmental Values*. – 2004. – Vol. 13. – P. 187–198.
481. Tuncer G. Environmental attitudes of young people in Turkey: Effects of school type and gender / Gaye Tuncer, Hamide Ertepinar, Ceren Tekkaya, Semra Sungur // *Environmental Education Research*. – 2005. – Vol. 11. – No 2. – P. 215–233.
482. Turvey M. T. Philosophical issues in self-organization as a framework for ecological psychology / Michael T. Turvey // *Ecological Psychology*. – 2008. – Vol. 20. – No 3. – P. 240–243.
483. Uljas J. Social identity influences on environmental attitudes and behaviors / Juri Uljas // *Trames Journal of Humanities and Social Sciences*. – 2001. – Vol. 5 (55/50). – No 3. – P. 255–268.
484. Umwelt und Verhalten. Perspektiven und Ergebnisse okopsychologischer Forschung/ (Hrsg) K. Pawlik und K.H. Stapf. – Bern: Huber, 1992. – 439 s.
485. Uzzell D. Education for environmental action in the community: New roles and relationships / David Uzzell // *Cambridge Journal of Education*. – 1999. – Vol. 29. – No 3. – P. 397–413.
486. Uzzell D. From local to global: A case of environmental hyperopia / David Uzzell // *IHDP Update (Newsletter of the International Human Dimensions Programme on Global Environmental Change)*. – 2004. – No 4. – P. 6–7.
487. Verplanken B. Beliefs, attitudes, and intentions toward nuclear energy before and after Chernobyl in a longitudinal within-subjects design / Bas Verplanken // *Environment and Behavior*. – 1989. – Vol. 21. – P. 371–392.
488. Vess M. The nature of death and the death of nature: The impact of mortality salience on environmental concern / Matthew Vess, Jamie Arndt // *Journal of Research in Personality*. – 2008. – Vol. 42. – No 5. – P. 1376–1380.
489. Vikan A. Endorsement of the new ecological paradigm: A comparison of two Brazilian samples and one Norwegian sample / Arne Vikan, Cleonice Camino, Angela Biaggio, Hilmar Nordvik // *Environment and Behavior*. – 2007. – Vol. 39. – P. 217–228.
490. Vining J. The connection to other animals and caring for nature / Joanne Vining // *Research in Human Ecology*. – 2003. – Vol. 10. – No 2. – P. 87–99.
491. Wallacher J. Klimawandel, weltweite Armut und Gerechtigkeit Begründung und Gestaltung einer integrierten Klima- und Entwicklungspolitik / Johannes Wallacher, Michael Reder, Martin Kowarsch // *Umweltpsychologie*. – 2009. – B. 13. – N 2. – S. 52–67.
492. Weigel R. Environmental concern: The development of a measure / Russel Weigel, Joan Weigel // *Environment and Behavior*. – 1978. – Vol. 10. – No 1. – P. 3–15.

493. Williamsa S. M. The analysis of ecological attitudes in town and country / Stephen M. Williamsa, Rosaleen McCrorie // *Journal of Environmental Management*. – 1990. – Vol. 31. – N2. – P. 157–162.
494. Winter D. D. N. Some big ideas for some big problems / Deborah Du Nan Winter // *American Psychologist*. – 2000. – Vol. 55. – No 5. – P. 516.
495. Winther A. A. Issue investigation and citizenship action training: An instructional model for environmental education / Austin A. Winther, Trudi L. Volk, Harold R. Hungerford // *Environmental problem solving: Theory, practice, and possibilities in environmental education* / Eds. L. V. Bardwell, M. C. Monroe and M. T. Tudor. – Troy, OH: North American Association for Environmental Education, 1994. – P. 22–37.
496. Wister P. ‘Kill the army worms!’ ‘Let them Live!’: Facing an ecological dilemma in a democratic classroom / Pam Wister, Kathy Beaton // *Education Canada*. – 2000. – Vol. 40. – No 3. – P. 20–24.
497. Wurzinger S. Environmental concern and knowledge of ecotourism among three groups of swedish tourists / Silvia Wurzinger, Maria Johansson // *Journal of Travel Research*. – 2006. – Vol. 45. – No 2. – P. 217–226.
498. Xiao C. Validating a comprehensive model of environmental concern cross-nationally: a U.S.-Canadian comparison / Chenyang Xiao, Riley E. Dunlap // *Social Science Quarterly*. – 2007. – Vol. 88. – No 2. – P. 471–493.
499. Yang L. Scholar-participated governance as an alternative solution to the problem of collective action in social–ecological systems / Lihua Yang, Jianguo Wu // *Ecological Economics*. – 2009. – Vol. 68. – No 8/9. – P. 2412–2425.
500. Zelezny L. Elaborating of gender differences in environmentalism/ Linette C. Zelezny, Poh-Pheng Chua, Christina Aldrich // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol.56. – No 3. – P. 443–457.
501. Zelezny L. Promoting environmentalism / Linette C. Zelezny, P. Wesley Schultz // *Journal of social issues*. – 2000. – Vol. 56. – No 3. – P. 365–371.
502. Zografos C. The environmental values of potential ecotourists: a segmentation study / Christos Zografos, David Allcroft // *Journal of Sustainable Tourism*. – 2007. – Vol. 15. – No 1. – P. 44–66.

В монографії висвітлюються психологічні аспекти антропогенних екологічних змін. Проведений аналіз ціннісних та світоглядних аспектів антропогенної екологічної кризи. Вперше у вітчизняній літературі пропонується широкий огляд психологічних досліджень з проблеми глобальних екологічних змін, проведених зарубіжними психологами за останні 40 років; проведений аналіз робіт в галузі психології екозбереження. Наводяться результати авторських емпіричних досліджень, зосереджених навколо проблеми смислової регуляції екологічно релевантної поведінки. Обговорюються психологічні проблеми соціального просунення екологічно відповідальної поведінки.

Адресується фахівцям в галузі екологічної, соціальної, загальної психології, а також практичним психологам, екологічним менеджерам, екологам, соціологам, філософам, педагогам, студентам та всім, хто замислюється про близьке майбутнє людства.